

2025 № 3

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

3(33)
2025

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2025

3 (33)

**Журнал выходит четыре раза в год
Основан в феврале 2018 года**

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3

Рецензируемый научный академический журнал

Учреждён Учёным советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов
А. К. Аликберов
В. М. Алпатов
С. Э. Бабкин
А. Г. Белова
В. Я. Белокреницкий
С. А. Бурлак
А. В. Воронцов
А. В. Демченко
А. Ю. Другов

Д. В. Дубровская
А. О. Захаров
Т. А. Карасова
Е. Л. Катасонова
А. И. Кобзев
В. А. Кузнецов
Ю. В. Любимов
Н. М. Мамедова
С. Е. Малых
Д. В. Микульский

Д. В. Мосяков
В. Н. Настич
В. В. Наумкин
К. В. Орлова
Н. Г. Романова
А. В. Сарабьев
В. Н. Саутов
Т. Л. Шаумян

На обложке: Храм «Сас-баху («Свекровь и невестка»), форт Гвалиор, Индия. Фото В. П. Кашина

© ФГБУН ИВ РАН, 2025

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несёт ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS
2025
3 (33)

Published quarterly
Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

On the cover: Saas Bahu Temple, Gwalior Fort, India. Photo by V. P. Kashin.

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2025

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание учёной степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Н. И. Ни.</i> Восемь жемчужин Квандона как связующее звено между прошлым и будущим	10
<i>И. Ю. Авдаков.</i> Дорожные станции в экономике и сознании японцев: VII – первая половина XIX в.	22
<i>А. М. Дзахкиева.</i> Влияние «христианского столетия» на культуру Японии	27
<i>Д. Е. Челышев, И. П. Челышева.</i> Маргарет Ноубл: послушница Ниведита или пламенная революционерка? Часть I	33
<i>А. О. Захаров.</i> Должностные знаки высших руководителей Индонезии	48

СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

<i>Я. А. Рязанов.</i> Обзор систем образования и здравоохранения — компонентов человеческого капитала в Бутане	61
<i>М. С. Каменева.</i> Языковой аспект культурной политики в Исламской Республике Иран (1979–2024 гг.)	73
<i>Л. В. Кулик.</i> Система образования и рынок труда в Индии: достижения, вызовы, значение для России	83

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>В. И. Сажин.</i> Иран — Азербайджан: единство и борьба противоположностей	95
<i>М. С. Зубовский.</i> Военно-политическое сотрудничество ХАМАС и Исламской Республики Иран в первой четверти XXI в.	111
<i>Е. В. Кочеткова.</i> История развития двусторонних отношений Брунея и Индии	117
<i>В. П. Кашин.</i> Индия — Китай: пограничное противостояние и перспективы	129

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>К. В. Вертяев.</i> IV Международная научная конференция «Лазаревские чтения»: актуальные вопросы курдологии	140
<i>В. В. Макаренко.</i> Противоречивое влияние на курдское общество концепции и практики национально-освободительной борьбы	143
<i>К. В. Вертяев.</i> Королевство Курдистан (1919, 1922–1924 гг.) как повстанческое государство в период британского мандата	159
<i>Мехмет Эмин Икбаль Дюрре.</i> Сирийские курды и Турция на современном этапе	169

<i>Н. А. Замаева.</i> Влияние курдских движений боевиков на пакистанскую группировку «Армия освобождения Белуджистана»	177
<i>М. С. Озманян.</i> Гибридный суверенитет: курдская автономия в Ираке (2004–2005) в условиях оккупации	182

РЕЦЕНЗИИ

<i>Е. Ю. Ванина.</i> [Рецензия на:] Танеева-Саломатшаева Л. З. Фава‘ид ал-фуад (1308–1322) речения (малфузат) шайха братства Чиштийа Низамуддина Аулийа, составленные его верным муридом, прославленным персоязычным поэтом Индии Амиром Хасаном Дехлеви. Кн. 1 – факсимиле рукописи, обнаруженной в библиотеке им. Мауланы Азада (Алигарх). Кн. 2– полный перевод с персидского языка индийской литогра- фии 1908 г. (с арабскими вкраплениями из Корана и хадисов). Кн. 3. – «карманная» рукопись из собрания Азиатского общества, Колката. М.: ИВ РАН, 2024	194
--	-----

CONTENTS

HISTORY AND CULTURE

<i>N. I. Ni.</i> Eight Pearls of Gangwong as a Link Between Past and Future	10
<i>I. Yu. Avdakov.</i> Road Stations in the Economy and Consciousness of the Japanese: Seventh to Nineteenth Century	22
<i>A. M. Dzakhkieva.</i> “Cristian Century” in Japan: Influence Upon Social and Cultural Changes in the Sixteenth — Seventeenth Century	27
<i>D. E. Chelyshev, I. P. Chelysheva.</i> Margaret Noble: Ramakrishna Order Brahmacharini or Passionate Revolutionary? Part I	33
<i>A. O. Zakharov.</i> Official Insignia of Senior Officials of Indonesia: President, Vice-President, and Ministers	48

SOCIUM AND POLITICS

<i>Ya. A. Ryazanov.</i> Overview of Education and Health Systems — Components of Human Capital in Bhutan	61
<i>M. S. Kameneva.</i> Language Aspect of Cultural Policy oin the Islamic Republic of Iran (1979 – 2024)	73
<i>L. V. Kulik.</i> Education System and Labour Market in India: Achievements, Challenges, and Significance for Russia	83

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>V. I. Sazhin.</i> Iran — Azerbaijan: Unity and Struggle of Opposites	95
<i>M. S. Zubovsky.</i> Military-Political Cooperation of HAMAS with Islamic Republic of Iran, First Quarter of the Twenty-First Century	111
<i>E. V. Kochetkova.</i> History of the Development of Brunei — India Bilateral Relations	117
<i>V. P. Kashin.</i> India — China: Border Opposition and Perspectives	129

ACADEMIC LIFE

<i>K. V. Vertyayev.</i> Fourth International Conference “Lazarev Readings”: Urgent Problems of Kurdology	140
<i>V. V. Makarenko.</i> The Contradictory Influence of the Concept and Practice of the National Liberation Struggle on the Kurdish Society	143
<i>K. V. Vertyayev.</i> Kingdom of Kurdistan (1919, 1922–1924) as an Insurgent State During the British Mandate	159
<i>Mehmet Emin Iqbal Durre.</i> Syria’s Kurds and Turkey Today	169

<i>N. A. Zamarayeva.</i> Influence of the Kurdish Militant Movements on the “Balochistan Liberation Army”, Pakistan	177
<i>M. S. Ozmanian.</i> Hybrid Sovereignty: Kurdish Autonomy in Iraq (2004 – 2005) Under Occupation	182

REVIEWS

<i>E. Yu. Vanina.</i> [Review of:] Taneeva-Salomatshaeva L. Z. Fawa'id al-Fuad (1308–1322), the Discourses (malfuzat) of Shaikh Nizamuddin Awliya, the Spiritual Leader of the Sufi Order of Chishtiyya, Compiled by His Faithful Disciple, the Celebrated Persian Poet of India, Amir Hasan Dehlevi. Book 1 – Facsimile of the manuscript discovered in the Maulana Azad library, Aligarh. Book 2 – Full Translation from the Persian of the Indian Lithography (1908). With the Arab Insertions from the Quran and the Hadith. Book 3 – a “pocket” manuscript from the Asiatic Society Library, Kolkata. Moscow: IVRAN, 2024	194
--	-----

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-010-021

ВОСЕМЬ ЖЕМЧУЖИН КВАНДОНА КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

© 2025

Н. И. Ни¹

Статья повествует о восьми живописных видах провинции Квандон² (Канвондо), которая в наши дни разделена по 38-й параллели между двумя государствами. До 1945 г. это была единая административная территория на Корейском полуострове.

В 1580 г. по указу короля Сонджо губернатором провинции был назначен Чон Чхоль, известный государственный деятель эпохи Чосон. Путешествуя по Канвондо, он описал восемь жемчужин провинции. Ныне два природных объекта из восьми находятся в КНДР. Это скалы Чхонсокджон и озеро Самильпо возле Алмазных гор Кымгансан. В эпоху Чосон их изобразил придворный художник Ким Хондо.

Но главным символом Кореи являются Алмазные горы Кымгансан. Это признают политики двух государств Корейского полуострова. Несмотря на политические разногласия, существуют духовные и культурные скрепы, объединяющие две Кореи.

Ключевые слова: Алмазные горы Кымгансан, восемь живописных видов Квандона, Чон Чхоль

Для цитирования: Ни Н.И. Восемь жемчужин Квандона как связующее звено между прошлым и будущим. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 10–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-010-021

EIGHT PEARLS OF GANGWON AS A LINK BETWEEN PAST AND FUTURE

Natalia I. Ni

The article narrates about eight picturesque views of Gangwon Province which is now divided between two countries along the 38th parallel. Until 1945 it was a one administrative territory on the Korean Peninsula.

In 1580 Jeong Chol a famous statesman of the Joseon era was appointed governor of the province by decree of King Seonjo. Traveling through Gangwon he described eight pearls of the province. At present two of the eight beautiful views are located in the North Korea. These are the Cheongseokjeon Rocks and Samilpo Lake near the Kumgangsan Mountains. Their beauty in the Joseon era was captured by the court artist Kim Hongdo.

¹ Ни Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва;

Natalia I. Ni, PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; natalianee@rambler.ru; n.ni@ivran.ru

ORCID:0009-0007-0096-073X

² Название Канвондо в эпоху Чосон, провинция простиралась к югу восточного побережья Восточного (Японского) моря до границ Кёнсандо.

But the main symbol of Korea is the Kumgangsan Diamond Mountains. This is recognized by politicians of the two countries of the Korean Peninsula. There are spiritual and cultural bonds that unite the two Koreas despite political differences.

Keywords: Kumgangsan Diamond Mountains, eight picturesque sites of Gangwon, Jeong Chol

For citation: Ni N. I. Eight Pearls of Gangwong as a Link Between Past and Future. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 3. Pp. 10–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-010-021

Посвящается 95-летию Юрия Васильевича Ванина

Когда путешествуешь по Канвондо, то невольно привлекают внимание нетронутые человеком уголки природы. В горах — лесные чащи и тропинки, по которым косули и олени, а иногда и медведи карабкаются в горы. Во всем чувствуется спокойствие и умиротворение, так как горы создают ощущение вечности и постоянства, а Восточное море на горизонте сливается с небом, создавая иллюзию безграничного пространства. В Канвондо пролегает демаркационная линия, разделяя по 38-й параллели полуостров на два государства когда-то единой страны. Пространство возле нее — зона напряженного противостояния между двумя Кореями. Но так было не всегда, и будем надеяться, что в будущем, несмотря на идеологические разногласия, два государства одной нации сумеют прийти к консенсусу. Существуют незыблемые духовные скрепы, идущие из глубины веков.

Алмазные горы Кымгансан. Картина в Отделе Кореи и Монголии ИВ РАН

Восемь жемчужин Квандона или живописных вида (*пхальгён*) в XVIII в. изобразил на своих картинах знаменитый придворный художник Ким Хондо (1745–1806). Но главным символом Канвондо, да и всего Корейского полуострова являются Алмазные горы Кымгансан. С этим согласны политики и на юге, и на севере Корейского полуострова. В последующие периоды эти колоритные места не раз изображались на полотнах художников Кореи. В Отделе Кореи и Монголии до сегодняшних дней сохранилось величественное полотно с изображением гор Кымгансан. Со временем

оно немного истерлось, но все так же величаво. Как не раз отмечал Юрий Васильевич Ванин, это был подарок посольства КНДР. В левом углу полотна мы можем увидеть факсимиле художника и дату создания: Ким Ёнджун, 1957 г. Для многих российских корееведов того периода, когда страна только недавно обрела независимость от Японии и пережила братоубийственную войну, Корея была единой страной. О живописной красоте Алмазных гор с трепетом рассказывал нам Юрий Васильевич, который не раз там бывал.

В Государственном музее Востока хранятся восемь живописных видов Квандона работы художника Син Донсока, созданные в 30-е годы XX в. «Поступившие в музейные фонды в виде самостоятельных композиций пейзажи Син Донсока, вполне вероятно, первоначально входили в состав ширмы» [Елисеева, 2019].

В наше время шесть объектов культурного наследия Канвондо (павильон Чхонканджон, храм Наканса, терраса Кёнпходэ, павильон Чуксору, павильон Мангъян, павильон Вольсон) находятся на территории Южной Кореи (Республики Корея). Два объекта (скалы Чхонсокджон, озеро Самильпхо) — на территории Северной Кореи (КНДР).

Рассмотрим эти места вслед за государственным деятелем эпохи Чосон Чон Чхольем (1537–1594), который путешествовал по Квандону и воспел их в поэтической форме в жанре *кёнгичхегэ*³. Это ода «Путешествие в Квандон» (*Квандон пёльгок*). Под бесхитростную монотонную мелодию путник напевал речитативом сочиненную им песню. В 1580 г. он по указу короля был назначен губернатором Канвондо. Из Сеула его паланкин через Хыксу и Вонджу последовал мимо гор Кымгансан к побережью Восточного моря. Он посетил знаковые места Квандона, которые ранее до него в XIV в. описал другой государственный чиновник — Ан Чхук. «Восемь достопримечательностей Алмазных гор, которые, единожды увидев, нельзя не воспеть, были излюбленной темой корейской литературы ... Но ни до Чон Чхолья, ни после него не было создано художественного описания корейских пейзажей столь впечатляющей силы, нигде красота удивительных творений природы не была столь глубоко философски и поэтически осмыслена» [Чон Чхоль, 2009, с. 21].

Получив указ короля, чиновник направляется в Канвондо, въезжая в провинцию мимо гор Чхиааксан.

Поменял коней в Янджу⁴, въехал в местность Хыксу⁵,
Ну а где же речка Сомган⁶, оказалось, здесь Чхиааксан!

(Здесь и далее: перевод с кор. Ни Н.
[Корейская средневековая литература, 2023, с. 153])⁷.

В настоящее время Чхиааксан — один из национальных горных парков Южной Кореи, такой статус был присвоен ему в декабре 1984 г. Общая площадь горного парка составляет около 181,6 км², и к востоку от него расположен самый высокий пик Пиробон с грядой гор, а на западе — город Вонджу. В горах на высоте 1000 м находится множество долин, они простираются между вершинами Намдэбон на юге и Мэхвасан на севере, образуя в гармонии живописную панораму местности. Район легко доступен через скоростные автомагистрали, такие как скоростная дорога Чунган

³ Песни в стиле академических напевов или *кёнгичхегэ* (песни, что поют в столичной провинции Кёнги). Их авторами являлись придворные ученые академии *Халлим*, которые воспевали красоты природы и роскошь ритуалов при королевском дворе (Корейская средневековая литература, 2023, с. 150).

⁴ В настоящее время это город Намджу в провинции Кёнгидо РК.

⁵ Местность на юго-востоке провинции Кёнгидо, ныне это город Йоджу.

⁶ Сомган — река на юго-западе провинции Канвондо (в регионе Квандон), один из притоков Хангана.

⁷ См. художественный перевод А. Жовтиса в книге [Чон Чхоль. Одинокий журавль, 2009].

и Йондон *Expressway*, а также здесь проходит железнодорожная ветка из Сеула в Вонджу. Много людей посещают Национальный парк Чхиаксан из-за его близости к столице. Раньше горы назывались Чогаксан из-за красивых красных кленов осенью, но затем были переименованы в Чхиаксан (Большие горы фазана) согласно легенде «О фазане и страннике», где благодарная птица спасает человека от гибели⁸. Проехав Чхиаксан, Чон Чхоль останавливается на ночлег в Чхорвоне.

Седовласый муж на коне двинулся в путь один.
В Чхорвоне ночь проведя, дальше в горы на север пошел,
(Эти горы) подобны вершине Самгак⁹, что в Ханяне,
где пребывает сам государь!
В Чхорвоне, на руинах дворца королевства Кунье,
орут глупые черные сойки,
О падении государства грустят или, может,
о былом и не ведают вовсе.

Чхорвон — ныне уезд, известен в летописях с эпохи Силла, после периода трех государств был столицей государства Тхэбон (904 г.), основателем которого был Кунье — представитель царствующей династии Силла. Во время путешествия Чон Чхоля от города оставались одни руины. В наши дни по территории уезда проходит демаркационная линия, которая делит Корейский полуостров на два государства: КНДР (Корейская Народная Демократическая Республика) и РК (Республика Корея).

Далее путешествие Чон Чхоля проходит через Алмазные горы Кымгансан. Он описывает знаменитые плато и ущелья, расположенные во внутреннем Кымгане. Ныне эти территории входят в состав КНДР.

Взору открылись, как в едином строю, двенадцать тысяч вершин,
Превосходна гармония гор и в каждой из них — холодные мощь и дух,
Ясны и чисты, чисты и ясны, ясны и чисты двенадцать тысяч волшебных вершин!
О, как бы желал я взять эту ясность и чистоту, чтобы создать выдающегося Человека!
Разные формы горных вершин,
В дни творения Неба и Земли созданы вольно Природой!
Здесь же, глядя на них, — осознал: вероятно, это — жилище Творца!
Кто же тот человек, что взошел на гору Пиробон¹⁰?
Разве Восточные горы и Тайшань¹¹ выше горы Пиробон?!

⁸ Однажды один странник бродил в горах Чхиаксан и наткнулся на фазана, которого обвил змей, стараясь его задушить. Почувствовав жалость к птице, странник убивает змея. Он пронзил ползучего гада стрелой. Позже странник стал искать место для ночлега, и тут ему встретилась женщина, которая была с ним так любезна, что тот решился у нее заночевать. Но среди ночи женщина-оборотень превратилась в змею и обвилась вокруг путника. Змея поклялась отомстить за своего погибшего партнера и сказала, что убьет человека, если колокол в храме Санвонса не зазвонит три раза до рассвета. Тут появляется фазан и летит к храму, птица ударяется головой о колокол три раза и погибает. Так за свою доброту странник был спасен благодарной птицей. Эта легенда была записана на колоколе в храме Санвонса.

⁹ Самгаксан (Гора Самгак) находится за дворцом Кёнбоккун, согласно законам геомантии прикрывает дворец Кёнбоккун с севера.

¹⁰ Пиробон (비로봉) в Канвондо — гора во внешнем Кымгане высотой 1563 м. Путь до горы начинается от храма Санвонса через несколько буддийских молелен.

¹¹ Тайшань — гора святых духов в Китае, окутана мифами и легендами.

Двенадцать тысяч вершин гор Кымгансан наводят Чон Чхоль на размышления, он мечтает взять мощь и дух гор, чтобы создать настоящего человека. Дух человека должен быть стойким, как эти горы. Восхождение или паломничество в горы — одно из обязательных занятий конфуцианского ученого. В наши дни в Корее путешествие в горы (*тынъсан*) — одно из популярных занятий. «Ведь только поднявшись, можно узнать, по какому пути спускаться», — пишет далее Чон Чхоль. Пик Пиробон — самая высокая гора в гряде гор Одэсан (Пять великих гор). Путь к горе лежит от буддийского храма Санвонса через буддийские горные молельни на небольших плато.

По узкой тропе долины Вонтхон¹² добрался до пика Льва¹³,
Перед ним с широкой скалы течет вода, образуя озеро Хварен¹⁴.
Те воды Хварен подобны древнему дракону, которому тысяча лет, как будто расправили крылья
и готовы взметнуться вверх.
Ночью и днем беспрестанно льются ручьями в широкое море.
Где же найти облака, чтобы пролились дожди
И оживили поникшие травы (как голодных людей) в тенистой скале?
На скале — буддийский алтарь и смотрит оттуда лик Амиабхи¹⁵.
Пройдя через ворота Дикого гуся, спустился
И мост из валежника перешел, поднялся на Пульджондэ¹⁶
Творец, создавая тысячи вещей, утёс среди Неба воздвигнул,
Прорисовал каждый узор большого изгиба Серебряных вод,
Как будто распутал нити и повесил сотканный холст,
Как в книге картину нарисовал: двенадцать водных ступеней струящегося водопада,
Но кажется, взор мой не все до конца разглядел!
Если б здесь находился Ли Бо¹⁷, я бы снова с ним спор затеял,
Поскольку неверно, что водопад в Лушань¹⁸ прекраснее,
Чем эти 12 водных потоков!

Озеро Хварён, выгравированный на скале облик будды Амиабхи, скала Пульджондэ — эти прекрасные объекты природы находятся в охранной зоне Кымгасан КНДР. Далее Чон Чхоль добирается до Золотой пещеры, оттуда идет к Чхонсокджон — первую из восьми жемчужин региона Квандон.

¹² Вонтхон (원통골) — в Канвондо есть несколько долин с одноименным названием, здесь, вероятно, одна из долин в горах Кымгансан.

¹³ Пик Льва (사자봉) — гора неподалеку от Хварён (см. Хварён).

¹⁴ Хварён (화룡소) — пруд, который образовали ниспадающие воды, его прозвали купальной мандарина-Драконе в горах Кымгансан.

¹⁵ Будда Амиабха (*Мёгильсан* в кор. буддизме) — по дороге Чон Чхоль увидел на скале выгравированное изображение Амиабхи (Амиты). В настоящее время памятник культуры № 102 в КНДР (уезд Кымган, деревня Нэкымган).

¹⁶ Каскад водопада из 12 ступеней у скалы Пульджондэ. Поэт готов поспорить с самим Ли Бо, какой водопад мощнее. Ср.: водопад у скалы Пульджондэ в Кымгансане составляет по длине 289 м, в то время как водопад в горах Лушань — 155 м.

¹⁷ Ли Бо ((Ли Тайбо) в кор. яз. Ли Тхэбэк 이 태백) — китайский поэт эпохи Тан.

¹⁸ Лушань — величественные горы в провинции Цянси в Китае.

Направляясь к Золотой пещере¹⁹, поднялся к Чхонсокджон,
Что в Тхончхоне²⁰,
Как великолепно, будто это Белый Павильон (на четырех столбах) в небе,
Где покоится дух Нефритового Императора²¹.
Это творение китайского прославленного мастера в Небе?
Или сам бес соизволил
Секирой высечь такие изваяния?
Почему здесь (стоят) эти шестигранные каменные столбы?
О чем они хотят поведать?

<https://blog.naver.com/nulpurundul/223220012669>. Ким Хондо. Чхонсокджон

Чхонсокджон — это четыре скалы, устремленные ввысь, посреди водной стихии. Взору Чон Чхоль открылась настолько превосходная по красоте панорама морского пейзажа, созданного природой на грани волшебства, что он усомнился в реальности увиденного. Расположение скал сходно с опорами для дворцового павильона. Все тот же Ким Хондо воссоздал эти скалы в живописи. В наши дни этот живописный объект природы (№ 214) находится в уезде Тхончхон КНДР. Другой объект природы из восьми жемчужин Квандона — озеро Самильпхо, куда далее направился Чон Чхоль, расположен недалеко от скал Чхонсокджон.

Поскольку оставил Косон, дорогу ищу к Самильпхо²²,
В южной части Самильпхо на скале отчетливо видны красные письма.

¹⁹ Золотая пещера (금난굴) — находится в деревне Кымнан уезда Тхончхон (통천). На стенах пещеры видны причудливые узоры, как на одеждах Будды. У ее входа обитает множество морских птиц. Появилась легенда, что сюда приходит сама бодхисатва Кваным. Когда здесь человек искренне постигает учение Будды, на скале над пещерой появляется и взлетает синяя птица. В настоящее время природный памятник № 215 в КНДР.

²⁰ Чхонсокджон (충석정) в Тхончхоне — здесь возвышаются среди гор четыре скалы, по форме похожие на обтесанные столбы из камня.

²¹ Четыре возвышающиеся скалы напомнили Чон Чхоль столбы Павильона Нефритовой башни.

²² Самильпхо (삼일포 бухта трех дней) — озеро во внутреннем Кымгане, образованное водами ручья Сингечхон, берущими начало в уезде Косон в Канвондо. Ручей течет на север, но его течению препятствуют 36 гор, в окружении которых появилось изумительное по красоте озеро. На озере в небольшом отдалении друг от друга находятся четыре небольших острова. Одна из легенд гласит, что четыре хварана (Ёллан, Суллан, Ансан, Намсок) эпохи Силла пришли на озеро и три дня любовались его красотой, оставив на скалах красные письма. Позже удалились в неизвестном направлении, их имена были причислены к сонму святых. www.m.terms.naver.com/삼일포

Куда же ушли четыре хварана, посетившие эти места?
Они провели здесь три дня и где потом нашли свой приют?
Нашли ли пристанище в долине Сонюдам²³ или возле озера Ённан²⁴?
В Кансоне²⁵ или в деревне Чхонъканджон²⁶, а может, на Мангёндэ²⁷
проводили время, бродя по различным местам?

По легенде, четыре хварана в эпоху Силла посетили озеро (Самильхо), где провели три дня. Отсюда и произошло название места Самильпхо — бухта трех дней. Чон Чхоль попутно упоминает местечко Чхонъканджон — он проезжает мимо него. Это третий объект из восьми жемчужин Квандона. Здесь сооружен павильон Чхонъканджон (Павильон просветления или ясной чистоты) с видом на близлежащие скалы причудливых форм и горы Кымгансан. Ныне это место находится в уезде Косон волости Тхосон Южной Кореи.

Далее Чон Чхоль вдоль побережья держит путь в уезд Янъян к храму Наксанса, по пути следования поднимается в беседку Ыйсандэ, чтобы полюбоваться восходом солнца.

Беседка Ыйсандэ, где встречают восход солнца. По дороге в храм Наксанса. Фото Ни Н.

На востоке от Наксанса, что в Янъяне, по холмистой дороге поднялся на
Ыйсандэ²⁸,
Чтобы увидеть рассвет, встал среди ночи,
Когда солнце поднималось над морем, казалось, что всколыхнулся весь мир,
Так как светило на небо взошло мгновенно, да так, что посчитать можно было каждый волос в его
ярких лучах.

²³ Сонюдам (선유담) — долина с озером в уезде Косон (Канвондо).

²⁴ Ённан (영랑호) — озеро рядом с г. Сокчхо в Канвондо.

²⁵ Кансон (간성) — местность в уезде Косон.

²⁶ Чхонъканджон (청간정 Беседка ясной чистоты) — павильон с восьмиугольной крышей на скале Киа в уезде Косон, сооружен над ручьем, где слились два потока: Чхонъканчхон (청간천) и Мангёнчхон (만경천).

²⁷ Мангёндэ (만경대) — горы в уезде Янъян (Канвондо), входят в комплекс Национального парка гор Сораксан.

²⁸ Ысандэ (의상대) — беседка встречи восхода солнца (일출), расположена на выступе скалы по дороге в храм Наксанса. http://www.naksansa.or.kr/web/home.php?go=naksan07_02 (дата обращения: 09.08.2025).

Храм Наксанса — четвертый объект из восьми жемчужин Квандона. Этот буддийский храм был возведен в период Объединенного Силла в 671 г. Построен учителем Ыйсаном, последователем буддизма *хваом* (*махаяна*). В комплексе храма содержатся культурные реликвии, среди которых семиэтажная каменная пагода; позолоченная статуя сидящей бодхисатвы Кваным; зал невероятных сокровищ и, конечно, самая высокая статуя Кваным (16 м) в комплексе у побережья Восточного моря. Ныне это историческое место нации Республики Кореи № 495 (уезд Янъян).

Затем Чон Чхоль движется к озеру Кёнпхо, пятому объекту из восьми достояний Квандона.

Иной раз (случайно) за пробегающим облаком солнце может задержаться, и тревога охватывает меня!

Куда же делся поэт²⁹ или лишь только слова (брызги слюной) остались после него?

Ушедшего мира великие вести были изложены эмоционально!

В небрежных лучах заката топча кусты азалий у Хёнсана³⁰,

Сел в повозку небожителя и двинулся дальше к Кёнпхо³¹.

Прозрачные воды Кёнпхо восхищали многих выдающихся деятелей Кореи эпохи Чосон. С эпохи Силла до наших дней дошла традиция встречать здесь полнолуние. Для этого был возведен павильон [Пять отражений луны у озера Кёнпхо, 2025, с. 157]. Именно в полнолуние озеро становилось необычайно красивым, отражая на водной глади ночное светило во всем своем великолепии.

У озера Кёнпхо. Фото Ни Н.

²⁹ Чон Чхоль имел в виду китайского поэта Ли Бо.

³⁰ Хёнсан (현산) — горное плато рядом с Сораксан, где растут низкорослые азалии чхольчук (철쭉꽃).

³¹ Кёнпхо (경포) — озеро в окружении живописной природы. Вода в озере настолько чиста, что даже видны песок и камни. В ночное время на озере, как на зеркале, проступает отражение луны. С эпохи Корё здесь появилась традиция встречать полнолуние в первый месяц нового года. В эпоху Чосон в 1508 г. по приказу короля Чхунчхона на берегу озера поставили Павильон Кёнпходэ. Корейцы говорят, что когда встречаешь полнолуние в Кёнпходэ, то можно увидеть одновременно пять отражений луны. Луна на небе — отражение первое, луна на поверхности озера — отражение второе, луна в бокале с вином — отражение третье, луна в глазах любимого человека — отражение четвертое, луна в сердце человека — чувственная, и это — отражение пятое.

На десять ли растянулось безмятежное озеро,
Воды его — как из белого гладкого шелка,
Окружено лесом из больших сосен,
Через спокойные и прозрачные волны пересчитать можно даже песчинки!
Отправляюсь в лодке, поднялся в павильон,
Проплыл под мостом Канмунгё³², а рядом Восточное море!
Спокойно и величаво пространство над озером Кёнпхо,
Плыву — и все же еще далеки границы Восточного моря!

Высадившись на берег, Чон Чхоль от павильона Кёнпходэ держит путь в Каннын.

Как образцовы в Каннине чтимые нравы!
Здесь в почете — почтительность сыновей,
преданность вассала государю, верность жены мужу,
и почетные красные ворота видны в каждой округе³³.
В добротных домах, расположенных в ряд,
до сих пор чтят уставы великолепной эпохи Яо и Шуня!

В эпоху Чосон Каннын был административным и культурным центром Канвондо. Это был город традиционной конфуцианской культуры, здесь свято чтили традиции и следовали нравственным законам Конфуция. На что указывает Чон Чхоль. Через Каннын проходил маршрут из Сеула и южных провинций на север Корейского полуострова. В наши дни Каннын и его окрестности все так же хранят бывшее культурное наследие эпохи Чосон, город остается столицей традиционной культуры провинции Канвондо. Здесь созданы музеи известных людей эпохи Чосон, которые родились и жили в Каннине. Это философ и поэт Ли И (Юльгок), его мать — художница Син Саимдан, писатель-новеллист Ким Сисып, писатель и государственный деятель Хо Гюн и его сестра — поэтесса Хо Нансорон. В городе расположены литературные дома-музеи, посвященные этим великим людям, внесшим большой вклад в культуру Кореи.

После Каннина паланкин Чон Чхоля направляется в Самчхок. Там находится павильон Чуксору, шестой объект из восьми жемчужин Квандона.

В Чинджугване³⁴ или Чуксору льются воды ручья Осипчхон³⁵, увлекая за собой
тень горы Тхэбэк³⁶, текут в Восточное море.
Как хотелось бы мне течение воды направить в реку Ханган,
чтоб омывали они гору Намсан в Сеуле!

Павильон Чуксору (죽서루) — двухъярусное строение расположено на скале у реки Осипчхон. Ему около 800 лет, его название означает «Западный павильон в зарослях бамбука». Здесь собирались корейские дворяне-*янбаны* и состязались в стихосложении. Первое упоминание о Чуксору

³² Канмунгё (강문교) — деревянный мост в восточной части озера Кёнпхо в направлении г. Каннын.

³³ Семьи, где соблюдались конфуцианские добродетели и были заслуги в служении государству, отмечались благодарностями. В их домах перед воротами устанавливали красные деревянные арки.

³⁴ Чинджугван (진주관) — Дворец жемчуга, так Чон Чхоль характеризует павильон Чуксору.

³⁵ Осипчхон (오십천 Пятьдесят ручьев) — река длиной 50 км, самый длинный приток Восточного моря.

³⁶ Тхэбэк — горная гряда, растянувшаяся от Канвондо до юго-западной части Корейского полуострова — провинции Чолладо.

известно из летописи «Тонъан косаджип», где записано, что в 1266 г. учитель Ли Сынхю и учитель Чин Чаху посетили эти места и сложили стихи (<https://m.blog.naver.com/singleway/222363061665>).

Путешествуя вдоль побережья, направляясь на юг, Чон Чхоль добирается до Ульджина, здесь он поднимается на павильон Манъянджон.

Путешествие чиновника имеет пределы, а пейзажи еще не надоели,
Сокровенных глубоких дум много! Заботы путника все никак не уймутся!
А может, достать плот небожителя и отправиться к созвездиям Большой
Медведицы (북두칠성) и Волопаса (견우)?

Может, в поисках небожителя остановиться в красном пространстве?
Конца неба невозможно увидеть, поднялся в павильон Манъянджон³⁷,
что в Ульджине.

(Далекий горизонт) Кроме моря — небо, кроме неба, что же еще?
К тому же кто испугал эти сердитые волны?

Поднимаются воды в беспорядочных брызгах,
Белые волны ревут и брызги летят, окружая весь мир,
Отчего белая пена взмывает в майское высокое небо.
Вдруг стемнело, и ветер гонит волны,
В том месте, где солнца восход, — ясная луна на подходе,
В расщелинах облаков искрятся лунные блики.
Опять собралась жемчужная пелена, и снова разметало лестницу
из каменных островков,

Сижу и смотрю на луну, жду восхода на небе утренней звезды.
Кто же прислал луну, похожую на белый лотос?
Этот прекрасный мир хотел бы показать всем людям.
С полной чаркой молодого вина спрошу у луны:
«Куда же ушли герои, кто же они — те четверо святых?!
У кого ни спросишь при встрече о старой легенде,
Все, как один, утверждают, что те ушли далеко,
В края Восточного моря.

Павильон Манъянджон — конечная точка путешествия Чон Чхоля. Здесь он, наблюдая за волнами, размышляет о смысле жизни. Это седьмой объект из достояний Квандона.

Вздремнул под широкой сосной, на старых ее корневищах.
Сквозь дремоту вдруг слышу, будто кто-то мне шепчет:
«О, разве вас я не знаю? Ты ведь небожитель, ниспосланный с Небес!»
Но он мне в ответ промолвил: «Ты посмел неверно истолковать
доктрину из назиданий *дао*.
Спустившись с небес к человеку, разве ты стал другим?
Не уходи, задержись на время, испей со мной чарку вина!»
Как будто бы наклонился в небе ковш Большой Медведицы
И полилось вино из Восточного моря,

³⁷ Манъянджон (망양정) — павильон в Ульджине в регионе Квандон (ныне провинция Северная Кёнсандо). Чон Чхоль последовал туда из Самчхока.

Испробовав тот нектар, я захмелел от счастья,
И от весеннего ветра задержались плечи, как в танце,
И вот уже словно лечу в бескрайнее синее небо.
«Возьми это вино и раздели со всем миром,
Когда весь народ будет в благе,
Вновь свидимся и выпьем вина!» —
Сказал так небожитель и, оседлав журавля,
Взлетел в грозное небо!

Ким Хондо. Павильон Манъянджон (<https://blog.naver.com/chansol21/50039186710>)

По корейским народным поверьям, в горах обитают души святых и героев прошлых времен, которые спускаются к людям и дают благие советы. Чаркой вина Чон Чхоль завершает путешествие по Квандону. По той же береговой линии в провинции Северная Кёнсан (Кёнсанпукто), уезде Ульджин, местечке Пхёнхэ находится восьмой объект из жемчужин Квандона — павильон Вольсонджон (越松亭) в окружении сосен. Существуют две версии в названии павильона. По первой версии первый иероглиф в названии ошибочно записан и не отражает сути строения — следует называть его Павильоном Лунного света в соснах (月松). По другой версии над соснами пролетал Небожитель, поэтому это павильон Небожителя в окружении сосен. По легенде здесь останавливались те самые четыре хварана (Ёллан, Суллан, Ансан, Намсок), которые ушли в неизвестном направлении, оставив на скалах свои письма³⁸ (https://ko.wikipedia.org/wiki/울진_월송정).

Не познав глубины моря,
Не познаешь его до конца!
И только луна освещает каждую вещь
в этом мире!

³⁸ https://ko.wikipedia.org/wiki/울진_월송정 (дата обращения: 09. 08.2025).

Такими словами Чон Чхоль завершает свою оду «Путешествие в Квандон». Человек не всемогущ, ему неподвластны некоторые знания. Луна и небо хранят многие тайны мироздания.

Когда стоишь у побережья Восточного моря, то не видно его границ. И создается иллюзия, что море и небо сливаются за горизонтом. Но что может сравниться с горами Канвондо? Они — свидетели многих исторических событий. В горах Канвондо у подножия гор Тхэбэсан к человеку приходит осознание, что все события в социуме людей мимолетны, а горы постоянны. Последствия исторических событий мирового масштаба разделили регион и Корею на два противоборствующих лагеря. Но общие культурные ценности объединяют два государства на Корейском полуострове. И на Севере, и на Юге признают незыблемость восьми живописных мест Квандона, а Алмазные горы Кымгансан как часть великих гор Тхэбэсан считают главным символом Кореи.

Литература / References

Искусство и культура Кореи. Путеводитель по постоянной экспозиции. / Авт.-сост.: И. А. Елисева. М.: Государственный музей Востока, 2019. С. 85–88 [*Art and Culture of Korea*. Guidebook to the Permanent Exhibition. Auth.-compiler: I. A. Eliseeva. Moscow: The State Museum of Oriental Art, 2019. P. 85–88 (in Russian)].

Корейская средневековая литература (ханси, хянга, каса, мифы, сказки, минё и проза): учебник-хрестоматия. / Авт.-сост.: Н. И. Ни, Ю. П. Тен; ред. Ли Бёнджо, Л. В. Сафронова. Т. 2. Алматы, 2023 [*Korean Medieval Literature (Hansi, Hyanga, Kasa, Myths, Fairy Tales, Minyo, and Prose): Textbook-Reader*. Authors and compilers: N. I. Ni, Yu. P. Ten; ed. Lee Byung-jo, L. V. Safronova. V. 2. Almaty, 2023 (in Russian, in Korean)].

Ни Н. И. Пять отражений луны у озера Кёнпхо. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 2. С. 156–166 [Five Reflections of the Moon by the Gyeongpo Lake. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2025. No. 2. P. 156–166 (in Russian)] DOI:10.31696/2618–7302–2025–2–156–166.

Н. Ни. *Пхёнчхан. Канвондо. Южная Корея*. / ред. Л. Кузьмичёва, И. Фатиева. М.: Аякс-Пресс, 2018 [N. Ni. Pyeongchang. Gangwon-do. South Korea; ed. L. Kuzmicheva, I. Fatieva. M.: Ayaks-Press, 2018 (in Russian)].

Чон Чхоль. *Одинокий журавль: из корейской поэзии XVI века*. М.: Наталис, 2009 [Jeong Cheol. *Lonely Crane: from Korean Poetry of the 16th Century*. Moscow: Natalis, 2009 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

На кор. яз.

Art of the Sirhak Period [Искусство эпохи Сирхак] 실학 시대 미술. URL: <https://blog.naver.com/nulpurundul/223220012669> (дата обращения: 05.07. 2025).

Naksansa Templ [Храм Наксанса] 낙산사. URL: http://www.naksansa.or.kr/web/home.php?go=naksan07_02 (дата обращения: 06.07. 2025).

Samcheok. Jukseory Pavilion [Самчхок. Павильон Чуксору] 삼척. 죽서루. URL: <https://m.blog.naver.com/singleway/222363061665> (дата обращения: 07.07. 2025).

Tanwon Kim Hongdo. Kungang in pictures [Танвон Ким Хондо. Кымган в рисунках] 당원 김홍도 금강사군첩. URL: <https://blog.naver.com/chansol21/50039186710> (дата обращения: 07.07.2025).

Uljin. Wolsongjeong Pavilion [Ульджин. Павильон Вольсонджон] 월성정. URL: https://ko.wikipedia.org/wiki/울진_월성정 (дата обращения: 03.07. 2025).

ДОРОЖНЫЕ СТАНЦИИ В ЭКОНОМИКЕ И СОЗНАНИИ ЯПОНЦЕВ: VII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

© 2025

И. Ю. Авдаков¹

Дорожные станции занимали особо важное место в национальном хозяйстве Японии в VII — первой половине XIX в. Они прошли в своей эволюции три этапа. Первый связан с укреплением централизованного раннефеодального государства. Почтовые дворы строились в целях передачи правительственных распоряжений, контроля за доставкой налогов из сельской местности в столицу и за передвижением войск. Они осуществляли важные хозяйственные и информационные функции. В XI–XII вв. централизованное феодальное государство начало распадаться, что привело к упадку некогда процветавших почтовых дворов. Второй этап связан с появлением придорожных торговых станций и складов, их развитием и распространением на торговых путях в XIII–XVI вв. Третий этап развития дорожных станций и их расцвет приходится на XVII — первую половину XIX вв. В это время была преодолена феодальная раздробленность. Функции почтовых станций стали разнообразнее и сложнее. Они стали важным звеном в функционировании системы *санкин котай*. Почтовые станции укрупнялись, вокруг них появлялись гостиницы, цветочные магазины, чайные дома, общественные бани и прочее. Многие из почтовых станций преобразовывались в почтовые города. В народном сознании они сохранялись как уход от тяжелой регламентированной феодальным обществом жизни к легкому времяпрепровождению, полному развлечений и наслаждений. Революция Мэйдзи привела к краху почтовых станций. Железнодорожный транспорт и, в частности, вокзалы и станции стали символом модернизации и вестернизации.

Ключевые слова: почтовые станции, почтовые города, система санкин котай, тоя, водные почтовые станции

Для цитирования: Авдаков И. Ю. Дорожные станции в экономике и сознании японцев: VII — первая половина XIX в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 22–26. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-022-026

ROAD STATIONS IN THE ECONOMY AND CONSCIOUSNESS OF THE JAPANESE, SEVENTH TO NINETEENTH CENTURY

Igor Yu. Avdakov

Road stations occupied a particularly important place in the national economy of Japan in the seventh-first half of the nineteenth centuries. They have gone through three stages in evolution. The first is related to the strengthening of a centralized early feudal state. Postal yards were built in order to transfer government orders, control the delivery of taxes from rural areas to the capital and the movement of troops. They performed important economic and informational functions. In the eleventh – twelfth century, the centralized feudal state began to

¹ Авдаков Игорь Юрьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; avdakovigor@yandex.ru
Igor Yu. Avdakov, PhD (Econ.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; avdakovigor@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3403-3479

disintegrate, which led to the decline of the once flourishing post yards. The second stage is connected with the appearance of roadside trading stations and warehouses, their development and distribution on trade routes in the 13th-16th centuries. The third period - the heyday of road stations occurred in the seventeenth — first half of the nineteenth centuries. At this time feudal fragmentation was overcome. The functions of postal stations have become more diverse and complex. They have become an important link in the functioning of the *sankin kotai* system. Postal stations expanded, hotels, flower shops, tea houses, public baths, and more appeared around them. Many of the postal stations were transformed into postal towns. In the popular consciousness, they persisted as a departure from the hard life regulated by feudal society to an easy pastime full of entertainment and enjoyment. The Meiji Revolution led to the collapse of the postal stations. Railway transport, and in particular train stations, have become a symbol of modernization and westernization.

Keywords: postal stations, postal towns, sankin kotai system, toya, water postal stations

For citation: Avdakov I. Yu. Road Stations in the Economy and Consciousness of the Japanese: Seventh to Nineteenth Century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 22–26. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-022-026

Нигде в мире придорожные почтовые станции не играли такой важной роли в национальном хозяйстве страны и восприятии их жителями, как в Японии. В раннем средневековье дорожные станции (почтовые дворы) занимали значительное место в жизни японского общества. Первые упоминания о них имеются в написанном в 645 году «Манифесте Тайка». В нём указывается на необходимость создания сети почтовых дворов для быстрой доставки распоряжений правительства. Придорожные станции непрерывно строились во время формирования раннеяпонского централизованного государства, сыграв большую роль в создании единого информационного, торгового и транспортного пространства [Japan, 1993, p. 1222].

В отличие от почтовых дворов водные почтовые станции не получили такого широкого распространения в Японии того времени.

Известный японовед А. Н. Мещеряков отмечает: «При создании общегосударственной системы сообщения водные коммуникации были почти полностью проигнорированы (это касается как рек, так и моря)... Хотя и существовали расположенные на реках водные почтовые станции, число их было крайне невелико». Далее он же поясняет: «Данная стратегия была, несомненно, стратегией чисто сухопутного земледельческого государства» [Мещеряков, 1999, с. 90]. Централизованное раннефеодальное государство существовало в значительной степени за счет налогов, поступавших из сельской местности в натуральной форме (рис, хлопок, соль, соя и пр.). Доставка налогов в столицу осуществлялась назначенными деревенской общиной крестьянами. Она же обеспечивала провиант для поддержания сил посланных с натуральными продуктами крестьян. В дороге крестьяне, транспортировавшие грузы, использовали выучный транспорт или вовсе несли их на себе. Почтовые станции не предоставляли странствующим крестьянам ночлега, они были вынуждены ночевать в палатках или вообще под открытым небом. Малочисленные мелкие торговцы тоже не имели доступа к почтовым станциям [Мещеряков, 1999, с. 90]. Администрация почтовых станций была обязана обеспечивать лошадьми правительственных гонцов, а в случае отсутствия брать их у общин прилежащих деревень, которые несли гужевую повинность. Также почтовые дворы несли ответственность за состояние местных дорог, поддерживая их в надлежащем состоянии. Для этого администрация придорожных станций предписывала общинам ремонтировать дороги. Таким образом, почтовые станции осуществляли важные хозяйственные и информационные функции, удовлетворяя потребности государства [Traganou Jilly, 1997, p. 18].

В обязанность почтовых станций входило предоставление ночлега и, в случае необходимости, лошадей для правительственных курьеров, доставлявших распоряжения правительства из центра

на места, чиновников по особым поручениям, служилых людей (самураев) и других государственных лиц.

Опора государства на почтовые станции позволяла властям долгое время управлять страной из единого центра и сохранять единое экономическое, информационное и транспортное пространство. Но уже в XII веке централизованное феодальное государство начало распадаться, что привело к упадку некогда процветавших почтовых дворов. Такое их обветшание и запустение продолжалось некоторое время, пока в XIII в. экономически не окрепли оптовые торговцы (*тоя*). Как отмечал академик Н. И. Конрад, «...эти тоя принялись за взятого рода транспортные операции, а также за устройство в оживленных местах постоянных дворов (аналог почтовых станций — И.А.), складов и т. п.» [Конрад, 1931, с. 626].

Резкое увеличение числа и расцвет самих почтовых станций (*сукуба эки*) приходится на конец XVI — начало XVII вв. В это время Ода Нобунаки, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу смогли объединить страну, преодолев феодальную раздробленность, и приступили к налаживанию надёжной правительственной связи с регионами. Для этого в ускоренном темпе начали строиться почтовые станции. В эпоху Эдо (1603–1868 гг.) в систему основных наземных путей входило пять дорог, главной из которых являлась 500-километровая Токайдо, соединившая по побережью Киото — императорскую столицу и Эдо (современное название — Токио) — резиденцию сёгуна. Несколько протяженнее, чем Токайдо, была идущая по горной местности дорога Накасендо, соединившая тихоокеанское побережье с Киото. Вдоль Токайдо и Накасендо было построено соответственно 53 и 67 почтовых станций.

Помимо правительственной связи почтовые станции помогали сохранять централизованное феодальное государство. Они обеспечивали жильём, лошадьми (в случае их смены) и всем необходимым крупных феодалов (*даймё*), их самураев и челядь во время их переезда из своих владений в Эдо в соответствии с системой *санкин котай*. Она обязывала периодически (1–2 раза в год) проживать в столице сёгуната (Эдо), оставляя там на постоянное проживание членов своих семей в качестве заложников. Расходы на многолюдные процессии в столицу, содержание семей и челяди истощали ресурсы даймё, что снижало вероятность их восстания против сёгуна, охлаждало сепаратистские настроения. Система санкин котай предусматривала государственную поддержку почтовых станций [Лещенко, 1999, с. 134].

Около почтовых станций, находившихся обычно на расстоянии 10–19 км друг от друга, строились постоянные дворы, гостиницы, торговые лавки, бани. У промежуточных станций стояли чайные дома. Гостиницы подразделялись на гостиницы высшей категории (*хондзин*) для даймё, первой категории (*ваки-хондзин*) для государственных чиновников и самураев, второй категории (*ядоя*) и ночлежки для носильщиков (*кумосуке*). Почтовые станции вдоль оживленных дорог обрастали многочисленными лавками, предлагавшими проезжающим разнообразные товары, чайными домами, гостиницами. На месте почтовых станций образовывались целые почтовые города (*сукуба мати*) [Japan..., 1993, p. 1222].

Регионы, прилегавшие к дорогам, экономически процветали. Некоторым исключением были, пожалуй, только деревни, которые несли гужевую повинность. Размах коммерческой деятельности вокруг почтовых станций был настолько широкий, что это дало основание врачу голландской фактории Ф. Зибольду, автору этнографического исследования «Япония. Архив для описания Японии 1832–1851», отметить, что «за исключением небольшой части Токайдо, которая идет по горным районам, дорога состоит из непрерывной линии городов, деревень и чайных домов» [Siebold, 1861, p. 32].

Почтовые станции остались в народном сознании достопримечательностями, а путешествие — уходом от тяжелой реальной жизни, полной условностей, строгих обязанностей и регламентаций, к приятным размышлениям, развлечениям и наслаждениям. Многочисленные сувенирные лавки и цветочные магазины, чайные дома, общественные бани, создаваемые для отдыха путников,

составляли особый мир. Он занимал часть жизни разных слоев общества — от даймё до крестьян, мелких купцов и деклассированных самураев и нашел свое отражение в укиё — культуре, основанной на путешествиях, медитации, получении удовольствия. Хорошо известны во всем мире знаменитые картины Хиросиге, который путешествовал в 1832 г. из Эдо в Киото и обратно. Это путешествие было запечатлено не только в серии замечательных картин «Токайдо годюсанцуги» («Пятьдесят три станции дороги Токайдо»), но и в серии из 20 картин с видами Токайдо, выполненной им позднее [Traganou Jilly, 1997, p. 18].

По мере развития ремесел и торговли укреплялись и разрастались торговые дворы и склады. Вокруг них появлялись торговые дома, гостиницы, магазины и пр. Постепенно многие из них превращались в города. В них развивалось предпринимательство. Начали разлагаться феодальные устои.

Кардинальные изменения в судьбу почтовых станций внес курс нового императора Мацухито (Мэйдзи). Он покончил с изжившим себя феодальным режимом сёгуната и задался целью поднять Японию до уровня развития западных стран. Национальная экономика укреплялась на путях модернизации и вестернизации. Триггером хозяйственного развития стали железнодорожный транспорт и текстильная промышленность. В целях укрепления централизованной власти и модернизации экономики государство обеспечило высокие темпы строительства железных дорог, вокзалов и станций. Последние пришли на смену почтовым станциям. К железнодорожным станциям перешли некоторые функции почтовых станций. Например, на зданиях как почтовых, так и железнодорожных станций вывешивались императорские указы и другая информация, поступающая из центра. Но в целом они не только внешне, но и по существу отличались друг от друга. Почтовые станции обеспечивали нужды феодальной Японии, способствуя воспроизводству феодальных отношений. Железнодорожные станции, ставшие одним из символов вестернизации и модернизации, играли важную роль в перевозке людей и транспортировке товаров [Eiichi Aoki, 2000, p. 22].

Появление железных дорог приводило к упадку тех почтовых станций и городов, которые были в отдалении от них. С проведением железных дорог к городам они встраивались в капиталистическую производственную и социально-экономическую структуру и становились важным звеном общественного воспроизводства. Им стали чужды многие традиции и обычаи феодальной Японии, а также устаревшие объекты инфраструктуры, такие как почтовая и транспортная связь феодального типа [Eiichi Aoki, 1994, p. 34]. По всем пяти главным дорогам почтовые города и станции меняли свой феодальный облик на капиталистический. Производство и торговля в почтовых городах, которые не обновлялись, становились убыточными. Особенно это заметно по городам, расположенным около Токайдо, — дороги, связывающей крупные города тихоокеанского побережья. Строительство железной дороги Токайдо велось главным образом вдоль древней дороги Токайдо. Однако были и отклонения от маршрута, вызванные в основном труднопроходимыми для железнодорожного строительства горными породами. Так, железная дорога огибала район вокруг горы Хаконе и знаменитый в эпоху Эдо пропускной пункт и почтовый город Хаконе. Она шла по более удобному маршруту через Ойсо, Кодзу, Готэмба, Нумадзу, оставляя в стороне почтовые станции в Одавара, Хаконе и Мисима. У Ацуга (недалеко от Нагоя) железная дорога следовала по древнему пути Минно к знаменитому почтовому городу Сэкигахара, процветавшему во времена Токугава. Затем дорога поворачивала к югу, достигая южной части озера Бива. Таким образом, целый ряд почтовых станций по дороге Токайдо от Кувана до Исиде оказались вдали от железной дороги, и расположенные вокруг них торговые, жилищные и увеселительные заведения стали убыточны. Лишь позже в эти места были проведены частные железные дороги, оживившие предпринимательство [Eiichi Aoki, 2000, p. 21].

Почтовые города и станции по дороге Косюкайдо пострадали от отсутствия железных дорог не менее, чем по Токайдо. Например, в период Токугава шёлк-сырец, производимый в районе Сува,

отвозился на лошадях по дороге Косюкайдо через почтовый город Кофу в Хатиодзи (160 км) и далее в обработанном виде в порт Йокогаму и Токио. После строительства железной дороги Син'эцу, проходившей северо-восточнее этого древнего пути, бывший почтовый город Кофу и множество почтовых станций пришли в запустение. Власти и предприниматели префектуры боролись за проведение к их городам государственных железных дорог. Предприниматели доказывали важное значение экспорта шёлка-сырца для страны и приобрели значительную часть железнодорожных бонов, выпущенных правительством для финансового обеспечения строительства. Согласившись с предложением деловых кругов начать строительство, железнодорожную линию Тюо продлили до Окая (за станцией Сува) — одного из основных центров по продаже шёлка-сырца в районе Сува. Вскоре после открытия этой линии производство шёлка-сырца в Сува резко увеличилось, а спрос за шёлк в таком крупном районе, как Кансай (включающий Осаку, Киото, Кобэ с их пригородами), был полностью удовлетворен за счет шёлка из этого района. Открытие железнодорожной линии Тюо привело к росту экономической активности во всех районах, прилегающих к железной дороге, и, наоборот, кустарное производство, оставшееся вдали от магистрали (например, в долине Ина), стало падать. Почтовый город Кофу вновь приобрел свое значение. Данный пример — лишь один из многочисленных, показывающих, как появление нового вида транспорта приводило к росту экономической активности прилегающих к железным дорогам районов и хозяйственному упадку отдаленных территорий [Eiichi Aoki, 2000, p. 22].

Железнодорожные станции не являются объектом исследований этой статьи. Поэтому представляется целесообразным отметить лишь следующее. Первые железнодорожные вокзалы строились по западной технологии и в европейском архитектурном стиле. Если вначале они были деревянными, то вскоре их стали возводить из кирпича. Основная атрибутика архитектуры западноевропейских вокзалов перенималась японцами. Одним из важных элементов этой атрибутики были часы. Появление расписания на станциях способствовало укреплению понимания японцами важности перехода страны на единое время. Общее время способствовало четкости работы страны, приучало японцев к ритмичности деловой жизни.

Немаловажно и то, что около крупных железнодорожных вокзалов и терминалов частные железнодорожные компании стали строить в начале XX века гостиницы, отели, магазины и даже театры, парки отдыха и пр. В этом видится определённая преемственность железнодорожных и почтовых станций, сочетание традиции и современности.

Литература / References

Конрад Н. И. *Япония. Исторический очерк. От древнейших времён до революции Мэйдзи*. М., 1931 [Konrad N. I. *Japan. Historical Essay from ancient Times to the Meiji Revolution*. Moscow, 1931 (in Russian)].

Лещенко Н. Ф. *Япония в эпоху Токугава*. М., 1999 [Leshenko N. F. *Japan in the Torugawa era*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Мещеряков А. Н. Объём письменной информации в Японии VIII–X вв. // *Социально-естественная история*. Выпуск XIII. М., 1999 [Mesheryakov A. N. The volume of written information in Japan VIII–X c. *Socio-Natural History*. Collection Issue XIII. Moscow, 1999 (in Russian)].

Eiichi Aoki, Mitsuhide Imashiro, Shinichi Kato, Yasuo Wakuda. *A History of Japanese Railways 1872–1999*. Tokyo, 2000.

Eiichi Aoki. Expansion of Railway Network. *Japan Railway and Transport Review*. Tokyo, June 1992, Number 2.

Siebold F. F. *Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan*. 1832–1851. Leiden, 1854.

Traganou Jilly. The Tokaido-Scenes from Edo to Meiji Eras // *Japan Railway and Transport Review*. Tokyo, 1997. No. 3.

Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo, 1993.

ВЛИЯНИЕ «ХРИСТИАНСКОГО СТОЛЕТИЯ» НА КУЛЬТУРУ ЯПОНИИ*

© 2025

А. М. Дзахкиева¹

Статья посвящена исследованию феномена «христианского столетия» в Японии, охватывающего период с XVI по начало XVII в. В работе рассматриваются изменения в области образования, искусства, социальной структуры, философии, вызванные внедрением христианства. Также акцентируется внимание на реакции японских властей и общества на новое учение, включая последующий запрет христианства и преследование верующих.

Ключевые слова: Япония, миссионеры, христианство, синтоизм, культура, религия, Европа, конфуцианство, политика, искусство, образование, социальная структура, философия, изобразительное искусство

Для цитирования: Дзахкиева А. М. Влияние «христианского столетия» на культуру Японии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 27–32. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-027-032

“CHRISTIAN CENTURY” IN JAPAN: INFLUENCE ON SOCIAL AND CULTURAL CHANGES IN THE SIXTEENTH - SEVENTEENTH CENTURY

Ayshat M. Dzakhkieva

The article is to the study of the phenomenon of the ‘Christian century’ in Japan, covering the period from the sixteenth to the beginning of the seventeenth century. The work examines changes in the field of education, art, social structure, and philosophy caused by the introduction of Christianity. It also focuses on the reaction of the Japanese authorities and society to the new teaching, including the subsequent ban on Christianity and persecution of believers.

Keywords: Japan, missionaries, Christianity, Shintoism, culture, religion, Europe, Confucianism, politics, art, education, social structure, philosophy, fine arts

For citation: Dzakhkieva A. M. “Cristian Century” in Japan: Influence Upon Social and Cultural Changes in the Sixteenth – Seventeenth Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 3. Pp. 27–32. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-027-032

Востоковеды отмечают, что одной из первых попыток активного взаимодействия западной и восточной культур в Японии стало так называемое «христианское столетие». В этот период японцы познакомились с европейцами, перенимая у них разнообразные теоретические и практические знания.

* Автор выражает искреннюю благодарность научному руководителю, старшему преподавателю кафедры «Всеобщая история» Яндиевой Азе Исмейлхановне

¹ Айшат М. Дзахкиева, студентка Ингушского государственного университета, Магас, Россия; ayshadzakhkieva@gmail.com
Ayshat M. Dzakhkieva, student, Ingush State University, Magas, Russia; ayshadzakhkieva@gmail.com

Тема влияния христианского столетия на культуру Японии затрагивалась в научных работах историков и искусствоведов, таких как Джордж Бэйли Сэнсом, который в своей монографии «Япония. Краткая история культуры» описывает, какое впечатление произвели европейцы на местных жителей, как японцы отнеслись к чужой вере и каковы были успехи миссионеров в распространении христианства в стране Восходящего солнца: «Их успехи настолько удивительны, что многие новообращенные, вне всяких сомнений, были искренни до фанатизма и оставались верными новой религии перед лицом смертельной опасности...» [Сэнсом, 1999, с. 438].

В книге известного японского философа и историка Иэнага Сабуро «История японской культуры» подробно раскрывается феномен проникновения элементов европейского изобразительного искусства в художественную японскую культуру. Необходимо упомянуть труды Ульяма Дила «Япония. Средние века и начало Нового времени» и Гонои Т. «Христианская культура», в которых авторы отмечают, что в период христианского столетия европейцы оказали немалое влияние на культуру Японии.

Кроме того, стоит выделить работу британского историка Ч. Р. Боксера «Христианский век в Японии (1549–1650)» (The Christian Century in Japan, 1549–1650), где говорится о межкультурных влияниях, иезуитской миссионерской прессе в Японии, иезуитских школах живописи, гравюры и т. д. Боксер отмечает, что «иезуиты были единственными европейцами, способными положить начало обмену идеями, касающимися религии, философии, литературы и искусства» [Boxer, 1951, p. 189].

Первым миссионером, посетившим Японию в 1549 г. и начавшим там распространение христианства, был Франциск Хавьер [Носов, 2022, с. 177]. Его миссия оказалась успешной: около 2000 человек были обращены в христианство, а в Нагато, Бунго и Хирадо создавались христианские общины [Новакова, 2013, с. 8]. Задачу миссионеров облегчал высокий уровень образованности японцев. В своих письмах, которые отправлялись в Европу для отчетности, Хавьер писал: «Очень многие [японцы] умеют читать и писать, что послужит большим подспорьем в деле распространения слова Божия и ускорит заучивание молитв» [Мещеряков, 1999, с. 219]. Франциск Хавьер столкнулся с проблемой при переводе христианского понятия «Бог» на язык японцев, вследствие чего миссионеры ввели в употребление португальское слово *Deus*, которое оказалось созвучно с «дай усо» (偉大な嘘), что переводится с японского языка как «великая ложь». Это активно использовали буддийские монахи: «Когда они проповедовали, то хулили имя Господа, как хотели, говоря, что Deus и дайусо — это одно и то же. Дайусо по-японски означает „великая ложь“, поэтому якобы нужно опасаться нашего Бога. Произносили также и другие богохульства...» [Мещеряков, 1999, с. 221].

Отношение японцев к новой религии в значительной степени определялось их традиционной веротерпимостью. «Более того, только японцы проявили готовность принять христианство по бескорыстным мотивам, под влиянием аргументов, апеллирующих к разуму или только к вере. Они были не просто восприимчивы к религиозной пропаганде иезуитов, но очень заинтересованы в том, чтобы узнать все, чему их учили европейцы. Они были склонны уважать миссионеров...» [Boxer, 1951, p. 51]. Также важным фактором, способствовавшим обращению японцев в христианство, было их законопослушание. Если даймё принимал христианство, его подданные, как правило, следовали его примеру [Кружель, 2019, с. 123].

В отличие от синтоизма и буддизма, получивших широкое распространение в стране и утвердивших со временем свои позиции в японском обществе, христианство на своем пути встретило гораздо больше преград. Главными противниками распространения христианства являлись *бонзы* (ボンゼス) — представители местного духовенства. Свое отрицательное отношение к ним выражал

в своих письмах один из первых миссионеров в Японии Косме де Торрес: «Бонзы, т. е. здешнее духовенство, не должны есть ничего живого, поскольку не употребляют ничего с кровью. Действительно, на людях они не употребляют ни мясо, ни рыбу, поскольку если король узнает, он накажет их и лишит их сана, но они едят это тайно и совершают также другие грешные поступки как тайно, так и явно» [Волосюк, 2014, с. 512]. Следует подчеркнуть, что в письмах миссионеров активно документировалась проделанная иезуитами работа и описывались их проповеди и успехи в обращении японцев в христианскую веру, а также повествовалось взаимоотношение миссионеров с местным населением.

В Японии миссионеры создавали образовательные учреждения и типографии, способствовали внедрению в японскую культуру, помимо религиозных аспектов, множества новшеств. Начали развиваться новые направления в области изобразительного искусства и музыки. Прибывший в 1583 г. из Италии в Японию Джованни Никколо организовал на Кюсю в школе для мальчиков преподавание европейской живописи. Впоследствии данная школа стала наиболее крупной на территории всей Азии школой миссионерского искусства. Ученики и японские художники в основном создавали копии известных европейских картин по религиозной тематике. Пребывание европейцев на японской земле породило новое направление в японской живописи под названием *намбан* (南蛮) — «искусство южных варваров» (рис. 1) [Климов, 201, с. 82].

Рис. 1. Деталь арт-панели «Намбан» (南蛮), приписываемой Кано Найдзэн
 Источник: <https://ru.m.ruwiki.ru/wiki/%D0%9D%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%B0%D0%BD>

Некоторые произведения *намбан* (南蛮) являются копиями религиозных картин и предметов, привезенных европейцами. В связи с преследованием приверженцев христианского вероучения

подобные произведения сохранились лишь в малых количествах. Вместе с тем большинство произведений жанра *намбан* (南蛮) носило светский характер.

Что касается образовательных учреждений, то на территории Японии европейцами были созданы три типа учебных заведений: *seminario*, *novicadio*, *collegios* [Нелюбин, 2021, с. 67].

Seminario являлись средними школами, их предназначение заключалось в обучении сыновей европейцев и христиан-самураев христианскому богословию. Кроме того, здесь изучали «европейские» науки и особое внимание уделялось латыни, так как она являлась официальным языком Католической церкви. Всего *seminario* в Японии были открыты две: первая — в 1580 г. в Арима, вторая открылась в том же году в Миако [Нелюбин, 2021, с. 67]. В этих школах учащиеся также изучали музыкальное искусство, учились играть на органе. Данный музыкальный инструмент, который вызвал широкий интерес у японцев, впервые в эту страну был доставлен в 1579 г. [Гонои, 2012, с. 116]. Орган использовался как при проведении католической мессы, так и для обучения европейской светской и духовной музыке молодых японцев-христиан, чему миссионеры придавали огромное значение. Так, иезуитский миссионер Ньекки-Сольдо Органтино в 1577 г. писал, что их музыка произвела большое впечатление на японцев и что последние имеют желание научиться играть на европейских инструментах, а если у миссионеров будет побольше органов и других музыкальных инструментов, то вся Япония примет христианство в течение года [Клобукова, 2018, с. 169].

Novicadio — религиозное учебное заведение, в котором будущие иезуиты обучались принципам и правилам Общества Иисуса. В Японии *novicadio* существовал в единственном экземпляре, который был создан в 1580 г.

Третьим типом образовательных учреждений являлись *collegios*. Данные учебные заведения предназначались для воспитания будущих светских и религиозных лидеров, которые были бы способны управлять общинами и церквями, а также заниматься распространением христианства по территории Японии [Нелюбин, 2021, с. 67].

Кроме того, «в жизнь японцев в какое-то мгновение вторглись многочисленные элементы западной культуры — головные уборы, брюки, плащи, кровати, стулья, очки, табак и т. д. Среди них, конечно, были и такие, которые с наступлением периода Эдо оказались забытыми, но в своей подавляющей части они прочно вошли в жизнь японцев и после закрытия страны». В современном японском языке немалое количество заимствованных из португальского языка слов: «рася» (羅紗) — шерсть, «пан» (パン) — хлеб, «биро» (ビロ) — вельвет и другие — все это следы влияния западной культуры [Иэнага Сабуро, 1972, с. 141].

Осознав угрозу, которую миссионеры представляли для независимости Японии, ее религиозных и политических институтов, власти применили жесткие меры для подавления христианства и предотвращения подобных ситуаций в будущем, установив строгие ограничения на въезд и выезд с Японских островов. Япония сознательно изолировалась от внешнего мира [Османов, 2009, с. 44]. Начались также гонения на христиан: репрессии, пытки, казни. Так, например, 5 февраля 1597 г. в Нагасаки было казнено 26 христианских мучеников. Это событие положило начало движению мучеников в Японии, которое продолжалось вплоть до 1638 г., до подавления Симабарского восстания [Акинъшин, 2017, с. 200], которое вспыхнуло 7 декабря 1637 г. на п-ове Симабара в ответ на жестокие меры, предпринятые сёгуном Иэмицу, чтобы уничтожить секты христиан во всех частях страны. В результате восстания было обезглавлено более 37 тыс. протестующих. Исповедовать христианство было окончательно запрещено на территории Японии [Османов, 2009, с. 50].

Рис. 2. Казнь двадцати шести японских мучеников. Источник: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/26_%D1%8F%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85_%D0%BC%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%B8%D0%B7_%D0%9D%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%81%D0%B0%D0%BA%D0%B8

Подводя итог, необходимо отметить, что после «закрытия» Японии культура европейцев была изгнана из страны, за исключением некоторых элементов. Вместе с тем будет неправильным утверждать, что следы западной культуры были полностью ликвидированы, подтверждением чему служат вышеперечисленные факторы.

Литература / References

Акиншин А. О. Начало движения христианского мученичества в Японии: казнь 26 мучеников в Нагасаки. *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: «Политология. Религиоведение». Т. 20. 2017. С. 198–204 [Akinshin A. O. The Beginning of the Christian Martyrdom Movement in Japan: the Execution of 26 Martyrs in Nagasaki. *Bulletin of the Irkutsk State University. Political Science. Religious Studies Series*. Vol. 20. 2017. P. 198–204 (in Russian)].

Волосюк О. В. Япония в письмах испанских иезуитов второй половины XVI в.: Косме де Торрес. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Гуманитарные науки. 2014. № 24 (710). С. 507–516 [Volosyuk O. V. Japan in the letters of Spanish Jesuits of the second half of the 16th century: Cosme de Torres. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. Humanities. 2014. No. 24 (710). P. 507–516 (in Russian)].

Дж. Б. Сэнсом *Япония: краткая история культуры*. Пер. с англ. Е. В. Кириллова, науч. ред. А. Б. Никитина. СПб.: изд-во «Евразия», 1999 [J. B. Sansom. *Japan: A Brief History of Culture*. Trans. by E. V. Kirillova, ed. A. B. Nikitina. St. Petersburg: Eurasia Publishing House, 1999 (in Russian)].

Дил У. *Япония. Средние века и начало Нового времени*. М.: Вече, 2011 [Deal W. *Japan. Middle Ages and Early Modern Times*. M.: Veche, 2011 (in Russian)].

Иэнага Сабуро. *История японской культуры*. Пер. с яп. Б. В. Поспелова; предисловие В. А. Кривцова; комментарии П. Смирнова. М.: Прогресс, 1972 [Ienaga Saburo. *History of Japanese Culture*. Translation from Japanese, translated by B. V. Pospelov; foreword by V. A. Krivtsov; comments by P. Smirnov. M.: Progress, 1972 (in Russian)].

Климов В. Ю. *Христианство в Японии во 2-й половине XVI — начале XVII вв.: миссионеры, христианские даймё, источники (краткий обзор)*. Миссионеры на Дальнем Востоке: Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г.). СПб: Изд-во РХГА, 2014. С. 69–90 [Klimov V. Yu. *Christianity in Japan in the 2nd half of the 16th — early 17th centuries: missionaries, Christian daimyo, sources (brief overview)*. Missionaries in the Far East: Proceedings of the international conference (St. Petersburg, November 19–20, 2014). St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Arts, 2014. P. 69–90 (in Russian)].

Клобукова Н. Ф. *Западная музыкальная культура в Японии периода Мэйдзи (1868–1912): заимствование и адаптация*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии: 24.00.2001. Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). М., 2018 [Klobukova N. F. *Western Musical Culture in Japan during the Meiji Period (1868–1912): Borrowing and Adaptation*: Dissertation for the Degree of Candidate of Cultural Studies: 24.00.2001. Russian State Humanitarian University (RSUH). Moscow, 2018 (in Russian)].

Кружель Ю. Л. Связи Японии с европейским католическим миром (конец XVI в. — начало XVII в.). *Ежегодник «Япония»*. 2019. Т. 48. С. 321–343 [Kruzel Yu. L. Japan's Relations with the European Catholic World (late sixteenth century — early seventeenth century). *Japan Yearbook*. 2019. Vol. 48. P. 321–343 (in Russian)].

Мещеряков А. Н. (сост.). *Книга японских обыкновений*. М.: Наталис, 1999 [A. N. Meshcheryakov (comp). *The Book of Japanese Customs Compiled by*. Moscow: Natalis, 1999 (in Russian)].

Нелюбин П. Г. Западное образование в традиционной Японии: уроки иезуитов. *Известия Восточного института*. 2021. № 3. С. 61–73 [Nelyubin P. G. Western education in traditional Japan: lessons of the Jesuits. *News of the Eastern Institute*. 2021. No. 3. P. 61–73 (in Russian)].

НовакOVA О. В., Симонова-Гудзенко Е. К., Ульянова М. Ю. Роль первых европейских ученых и христианских миссионеров в развитии современных знаний в странах Восточной и Юго-Восточной Азии на примере Индонезии, Японии и Вьетнама (XVI–XVII вв.). *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2013. № 3. С. 5–20 [Novakova O. V., Simonova-Gudzenko E. K., Ulyanova M. Yu. The Role of the First European Scientists and Christian Missionaries in the Development of Modern Knowledge in the Countries of East and Southeast Asia: The Case of Indonesia, Japan and Vietnam (16th-17th Centuries). *Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East*. 2013. No. 3. P. 5–20 (in Russian)].

Носов М. Г. Иезуиты открывают Японию для Европы (1542–1597). *Современная Европа*. 2022. № 2. С. 176–192 [Nosov M. G. Jesuits open Japan for Europe (1542–1597). *Modern Europe*. 2022. No. 2. P. 176–192 (in Russian)].

Османов Е. М. «Христианское столетие» в Японии как переходный этап к новой внешней и внутренней политике государства. *Вестник СПбГУ*. 2009. № 2. С. 43–52 [Osmanov E. M. 'The Christian Century' in Japan as a Transitional Stage to a New Foreign and Domestic Policy of the State. *Bulletin of St. Petersburg State University*. 2009. No. 2. P. 43–52 (in Russian)].

Boxer C. R. *The Christian Century in Japan, 1549–1650*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1951.

Epistolae S. Francisci Xavierii aliaque eius scripta. Ed. G. Schurhammer SJ and J. Wicki SJ, II, Monumenta Historica Societatis Iesu. Rome, 1945.

五野井隆史. *キリシタンの文化*. 東京: 吉川 弘文館, 2012. 309頁. Гони Т. *Христианская культура*. Токио: Есикава Кобункан, 2012 [Gonoi T. *Christian Culture*. Tokyo: Yoshikawa Kobunkan, 2012 (in Japanese)].

МАРГАРЕТ НОУБЛ: ПОСЛУШНИЦА НИВЕДИТА ИЛИ ПЛАМЕННАЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРКА?

Часть I

© 2025

Д. Е. Челышев, И. П. Челышева¹

В статье прослеживаются основные вехи короткого, но очень насыщенного жизненного пути ирландской общественной деятельницы Маргарет Ноубл, широко известной под монашеским именем Сестры Ниведиты. С опорой на оригинальные источники авторы раскрывают процесс формирования ее взглядов в молодости под влиянием идей русского анархизма и ее встреч с его известным теоретиком Петром Кропоткиным. Обосновывается предположение, что это увлечение юности может служить ключом к пониманию ее последующего искреннего восприятия адвайтистских идей индийского религиозного просветителя Свами Вивекананды, который посвятил ее в монахини Ордена Рамакришны. Прослеживается ее дальнейшая работа по распространению идей практической веданты в Англии и Соединенных Штатах, развитию системы образования в Индии под эгидой этой организации, а также трансформация ее взглядов под влиянием объективных жизненных реалий, приведшая к активному участию в национально-освободительном движении на стороне радикально настроенных индийских революционеров.

Ключевые слова: Сестра Ниведита, Вивекананда, адвайта-веданта, Орден Рамакришны, анархизм, Кропоткин, *свадешти*, Ауробиндо Гхош

Для цитирования: Д. Е. Челышев, И. П. Челышева. Маргарет Ноубл: послушница Ниведита или пламенная революционерка? Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 33–47. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-033-047

MARGARET NOBLE: RAMAKRISHNA ORDER BRAHMACHARINI OR PASSIONATE REVOLUTIONARY?

Part I

Dmitry E. Chelyshev, Irina P. Chelysheva

The article dwells upon the landmarks of a very short, however rather eventful, life of an Irish public figure Margaret Noble, widely known as Sister Nivedita. Based on authentic sources, the study traces the process of her outlook formation in the younger days, strongly influenced by Peter Kropotkin's anarchist ideology and their personal interactions. Article suggests that her early theoretic interest might have paved natural way towards embracing advaitist ideas of Swami Vivekananda, Indian religious reformer, who initiated her later into the service to

¹ Челышев Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва
Dmitry E. Chelyshev, PhD (Hist.), independent researcher; de_chelyshev@list.ru
ORCID: 0009-0000-3238-246X

Челышева Ирина Павловна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва
Irina P. Chelysheva, PhD (Hist.), independent researcher; de_chelyshev@list.ru
ORCID: 0000-0002-3803-907X.

Ramakrishna Monistic Order. The article analyzes her subsequent work in England and United States to disseminate ideas of her guru, deals with her educational activity in India under the auspices of Ramakrishna Order and concentrates on later transformation of her views which led her to active participation in the national liberation movement on the side of radical Indian revolutionaries.

Keywords: Sister Nivedita, Swami Vivekananda, advaita-vedanta, Ramakrishna Order, anarchism, Kropotkin, *swadeshi*, Aurobindo Ghose

For citation: Chelyshev D. E., Chelysheva I. P. Margaret Noble: Ramakrishna Order Brahmacharini or Passionate Revolutionary? Part I. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 33–47. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-033-047

«Сестра Ниведита была просто удивительной женщиной, настолько необычной, что при каждой встрече с ней казалось, что имеешь дело с некоей неодолимой природной стихией. Ее потрясающий интеллект, поэтическая манера речи, редкое трудолюбие, напористость, с которой она отстаивала свои взгляды и убеждения, и, что самое главное, поразительная способность проникнуть в глубинную суть всех событий и вещей, — все это вместе взятое превращало ее в уникальную, очень редко встречающуюся личность. Когда же все эти качества сливались с безграничной любовью к Индии, бескорыстной преданностью служения этой стране и готовностью пожертвовать всем чем угодно ради ее блага, ...то мы лицезрели чудесное явление, которое являла собой сестра Ниведита» (цит. по [Atmaprana, 1977, p. 205]).

Это писал отнюдь не поэт, склонный к возвышенному стилю и эмоциональной экзальтации. Так отзывался о сестре Ниведите известный индийский политический деятель, один из основателей старейшей партии Индийский национальный конгресс Г. К. Гокхале² в 1912 г., спустя год после ее кончины. Сестра Ниведита, был уверен он, своей беззаветной преданностью борьбе за свободу Индии «завоевала сердца наших сограждан и оказала значительное влияние на современников, которые считали ее одной из величайших женщин, когда-либо трудившихся во благо нашей страны» [Ibid].

О важнейшем вкладе Маргарет Ноубл в формирование патриотического самосознания бенгальской общественности и освободительное движение в Индии начала XX столетия много писали признанные авторитеты борьбы за независимость — Ауробиндо Гхош³, Ананда Кумарасвами⁴,

² Гокхале, Гопал Кришна (1866–1915) — индийский политический и общественный деятель, социальный реформатор, один из лидеров национально-освободительного движения Индии. Участвовал в учреждении партии Индийский национальный конгресс, занимал в последующем в ней ведущие позиции, в 1905 году был избран ее президентом. Придерживался умеренных позиций в национальном движении и стремился к диалогу с английскими властями. В 1905 г. основал Общество служителей Индии, члены которого должны были принять обет бедности и пожизненно служить своей стране в духе религиозной преданности.

³ Ауробиндо Гхош (1872–1950) — индийский философ, поэт, революционер и организатор национально-освободительного движения Индии, основоположник интегральной йоги. Родился в Калькутте, отец, доктор Кришна Дхан Гхош, был окружным хирургом Рангапура в Бенгалии. Вместе с двумя своими братьями он воспитывался в духе английской культуры. В пять лет начал посещать ирландскую монастырскую школу в Дарджилинге, в 1879 г. был отправлен в Англию, где к двадцати годам завершил образование в Королевском колледже Кембриджа. Вернувшись в Индию в 1893 г., самостоятельно изучал санскрит, философские системы Индии и священные книги индуизма. Занимал различные посты в колониальной администрации. В 1905 г. после вспышки волнения против раздела Бенгалии открыто присоединился к национально-освободительному движению. Дважды отбывал тюремное заключение с последующим оправданием. Во время второго ареста и пребывания в Алипурской тюрьме (1908–1909) испытал духовное озарение, которое положило начало новому этапу его жизни. В 1910 г. оставил активную политическую и общественную деятельность и обосновался во французской колонии в Пондишерри, на юге Индии, где основал собственный ашрам и посвятил остаток жизни йоге и религиозно-философским изысканиям.

⁴ Кумарасвами Ананда (1877–1947) — геолог, историк и теоретик искусства, религиовед, философ, метафизик, эзотерик. Один из первых интерпретаторов древнеиндийского искусства на Западе и ключевой представитель интегрального традиционализма. Был близок к кругу Рабиндраната Тагора и движению *свадешти*. Убежденный

известные писатели и поэты, в числе которых был признанный гений мировой литературы Рабиндранат Тагор. Дискуссии о ее роли в обретении Индией свободы и независимости не прекращаются по сей день. Причина такого интереса понятна, ее весомая роль в мотивации и организации протестного движения неоспорима, хотя некоторые эпизоды ее жизни и деятельности по-прежнему не поддаются однозначной оценке. Как, например, понять и объяснить, почему женщина, принадлежащая к совершенно иной культурной, религиозной и исторической среде, внезапно прониклась столь искренним и неподдельным интересом к нуждам и чаяниям людей, живущих от нее на огромном расстоянии, совершенно по-иному, нежели чем она, мыслящих, чувствующих и воспринимающих окружающую действительность? Что побудило столь свободномыслящую и волевою женщину добровольно принять монашеский обет и подчиниться строгим правилам аскетизма и целибата? Конечно, — могут возразить, — в этом ключевую роль сыграла ее встреча с Вивеканандой и его потрясающая харизма, которая просто повергала в гипнотический транс всех, кому довелось с ним общаться. Но ведь хорошо известно также, что ее преклонение перед учителем отнюдь не было безоговорочным, а взгляды и убеждения не растворились полностью в адвайтистских идеях гуру, как это случалось со многими учениками известного мыслителя. В итоге дух бунтарства и склонность к решительным действиям возобладали: после ухода из жизни Вивекананды в 1902 г. сестра Ниведита публично дистанцировалась от монашеского ордена, дабы не нарушать существующих правил и не дискредитировать его в глазах колониальной администрации и избрала иной путь помощи Индии в борьбе за независимость. Сколь плотно она оказалась вовлеченной в деятельность подпольных революционных организаций в Бенгалии первого десятилетия XX в., принимала она или нет участие в террористических акциях, доставляла или нет в Индию оружие и была ли направляющей и руководящей силой тех или иных подпольных кружков — эти вопросы часто дискутируются в научной среде, но однозначного ответа до сих пор не находят.

Так, индийский историк Гириджашанкар Рой Чоудхри склонен причислять ее к сторонникам радикальных форм и методов национально-освободительной борьбы, граничащих с терроризмом. «Взгляды Ниведиты были не просто революционными, — считает он. — По сути дела, еще до того, как она познакомилась с Вивеканандой, она была опасным анархистом и нигилистом в самых крайних проявлениях. После того, как Вивекананда ушел из жизни, она вернулась к своим прошлым убеждениям. Для нее было не в диковину превращаться в революционера» (цит. по [Ibid, p. 196]). Оснований для таких умозаключений можно найти предостаточно. Хорошо известно, например, что еще до своего приезда в Индию Маргарет Ноубл много общалась с русскими эмигрантами-народниками и часто встречалась с одним из «апостолов» анархизма — Петром Кропоткиным⁵.

Иные исследователи, как, например, индийский историк Сумит Саркар, считают, что роль Ниведиты в национально-освободительном движении сильно преувеличена, а все приписываемые ей заслуги — не более чем просто красивые «романтические истории» [Sarkar, 1973, p. 475]. Личность сестры Ниведиты действительно окутана ореолом романтики, многие страницы ее жизни так и остаются «тайной за семью печатями» и поэтому, вполне естественно, обрастают фантастическими

сторонник сущностного сходства восточных и западных духовных традиций. Популяризатор восточных духовных культур в США. В Индии широко известен как влиятельный специалист в области национального искусства.

⁵ Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) — русский географ и общественно-политический деятель, один из основоположников концепции анархизма и децентрализованного общественного устройства, свободного от государственного управления, основанного на добровольных объединениях самоуправляющихся общин и рабочих предприятий. Родился в аристократической семье землевладельцев. Учился в Пажеском корпусе, служил офицером в Сибири, где участвовал в нескольких геологических экспедициях. В 1874 г. был арестован за политическую деятельность, но через два года бежал. Потом более сорока лет провёл в изгнании в Швейцарии, Франции (где его почти четыре года держали в тюрьме) и Англии. За рубежом читал лекции и публиковал статьи по анархизму и географии. Вернулся в Россию после революции в 1917 г., но был разочарован большевистским государством.

подробностями. Но к такому выводу можно прийти, если лишь поверхностно скользить по канве исторических событий, глубоко не вникая во внутренний мир их акторов.

Вклад Ниведиты в национально-освободительное движение Индии и духовное возрождение страны было бы неправомерно сводить только к ее участию в деятельности подпольных революционных организаций. Ее мировоззрение отличалось комплексным характером, разносторонним и конструктивным подходом к многочисленным проблемам, стоящим перед страной. Она много и плодотворно работала в сфере национального образования, выступала активным поборником возрождения национальной культуры и искусства Индии, активно поддерживала, в том числе финансово, многих известных ученых, художников, театральных деятелей, писателей и поэтов, боролась за создание и укрепление единой индийской нации и преодоление индуско-мусульманской розни, принимала самое активное участие в движении *свадеш*⁶.

Годы становления личности, педагогическое будущее и знакомство с русским анархизмом

Маргарет Ноубл родилась в 1867 г. в ирландской семье. Ее дед по отцу был служителем церкви в Северной Ирландии, и по его стопам пошел отец Маргарет. Ирландия в те годы активно боролась за независимость от британской короны и, как отмечают биографы Ноубл, свободолюбивая и патриотическая атмосфера, которая царил в ее семье, по всей вероятности, оказала большое влияние на формирование ее взглядов и убеждений. Несмотря на это, с религией и протестантско-евангелической церковью, к которой она принадлежала по рождению, отношения складывались не всегда гладко. Уже с подросткового возраста ей претили жесткие регламентации и предписания веры предков. Вместе с тем, не подвергая сомнению основные христианские догматы, она стремилась взглянуть на это вероучение шире, преодолеть навязываемые стереотипы и схоластичность.

Обучаясь в колледже, она всегда предпочитала всем иным занятиям чтение, была очень пылкой и любознательной девушкой, стремилась докопаться до истины и найти ответы на вопросы, на которые церковь предлагала традиционно стандартные ответы. Во время обучения в старших классах в ней проснулось неодолимое желание самой заняться преподаванием.

Ее мечта осуществилась — летом 1884 г., после окончания колледжа, в возрасте 18 лет она получила пост преподавателя в одной из местных школ-интернатов в шотландском Кесвике. Но рамки традиционного процесса обучения казались для нее слишком тесными, ей хотелось научить своих подопечных не только азбучным истинам. Она стремилась воспитать в своих учениках способность реализовать внутренний интеллектуальный и духовный потенциал, раскрыть свои таланты, состояться в качестве самодостаточных личностей и претворить в жизнь свои помыслы и идеалы. И, конечно же, ей хотелось привить им навыки в борьбе с невзгодами и нищетой — такие задачи она ставила перед собой спустя три года, перебравшись в небольшой шахтерский городок Врэкшмен, в приют для сирот. В этот период ей пришлось пережить первое серьезное душевное потрясение — свадьба с молодым человеком, в которого она влюбилась и с кем уже была помолвлена, не состоялась — по сведениям одних биографов, он внезапно заболел и скончался,

⁶ *Свадеш* — одна из форм индийского национально-освободительного движения, целью которого было достижение независимости от Британской империи и ускоренное экономическое развитие страны при опоре на собственные силы и использование всего произведенного самостоятельно. Главный принцип состоял в бойкотировании британских товаров и возрождении домашнего производства. Не случайно эмблемой движения стала прялка. Зародилось в период первого раздела Бенгалии (1905), его активными сторонниками были Ауробиндо Гхош, Бал Гангадхар Тилак и Лала Раджпат Рай.

по другим — сбежал с другой женщиной. Как бы там ни было, но в 1889 г. она вычеркнула все эмоции из своего сердца и перебралась в Честер.

Здесь она воссоединилась со своей семьей — матерью, младшим братом и сестрой, которые жили, учились и работали неподалеку. Здесь же она познакомилась с педагогической системой, предложенной швейцарским педагогом Песталоцци⁷, которая удивительным образом совпала с ее размышлениями о принципиально новой системе образования. В последующем она попыталась воплотить эти новаторские идеи на практике и с помощью супругов Лонгеманн, горячих поклонников новаторских методов обучения, перебралась вместе с матерью из Честера в Лондон и открыла в 1892 г. свою собственную школу в Уимблдоне.

Энергичный и деятельный характер Маргарет Ноубл никогда не позволял ей замыкаться на своем внутреннем мире, своих духовных поисках и устремлениях. Она всегда стремилась найти практическое применение своим взглядам, изменить существующее положение вещей. Знакомство с леди Рипон⁸, инициатором создания популярного в Лондоне клуба, в котором часто выступали многие видные писатели, драматурги и политические деятели, помогло ей приобщиться к среде свободомыслящих и образованных людей того времени. Проникшись прогрессивными для того времени идеями, она оказалась одной из первых, кто в 1892 г. выступил в ирландском парламенте, когда в нем обсуждался закон о предоставлении этой стране независимости.

Маргарет живо интересовалась социально-политической проблематикой, принимала деятельное участие в работе многих обществ и кружков, существовавших в стране. В одном из них — кружке «Свободная Ирландия» она познакомилась с «крестным отцом» русского анархизма Петром Кропоткиным и, судя по всему, глубоко прониклась его идеями.

Точно сказать, когда произошла эта знаковая в ее судьбе встреча, довольно сложно. Один из ее известных биографов Лизель Раймонд⁹, например, считает, что они могли встретиться в 1894 г., когда Петр Кропоткин посещал кружок «Свободная Ирландия». Иные полагают, что их жизненные пути могли пересечься несколько позднее, уже в самом начале XX столетия. Как бы там ни было, но основные идеи Кропоткина о вольном союзе самоуправляющихся общин, о революции, о необходимости совершить ее при наименьшем числе жертв произвели огромное впечатление на Маргарет Ноубл. Идеи русского философа захватили ее воображение. Причем она восприняла анархизм не просто как способ практических действий и поведения, а как первооснову природного и общественного переустройства — иными словами, в том оригинальном системообразующем виде, каким он виделся Петру Кропоткину.

⁷ Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827) – швейцарский педагог-гуманист конца XVIII – начала XIX века, внёсший значительный вклад в развитие педагогической теории и практики. Разработанная им теория элементарного природосообразного воспитания и обучения представляет собой не только исторический интерес, но продолжает сохранять актуальность. Он первым среди европейских педагогов высказал мысль о необходимости параллельного и гармоничного развития всех задатков человеческой личности – интеллектуальных, физических, нравственных.

⁸ Констанс Глэдис Робинсон, маркиза Рипон (1859–1917), известная британская покровительница искусств. Близкая подруга Оскара Уайльда, который посвятил ей свою пьесу «Женщина, не стоящая внимания». Среди других ее знаменитых друзей были Нелли Мельба, чей успех в Лондоне во многом был обусловлен поддержкой леди Рипон, а также Нижинский и Дягилев.

⁹ Лизель Реймонд (1899–1994) — философ и востоковед. В конце 20-х годов прошлого столетия, завершая профессиональную подготовку в Колумбийском университете в Нью-Йорке, познакомилась с известной индийской поэтессой Сароджини Найду, близкой соратницей Ганди, принимавшей активное участие в инициированной им кампании гражданского неповиновения за обретение Индией независимости. Увлечшись индийской культурой совместно с мужем Жаном Гербертом в 30-е годы, перевела на французский язык и опубликовала ряд работ индийских философов и общественных деятелей. В 1947 г., после распада брака, уехала в Индию, где работала в миссии Рамакришны, помогая беженцам-индусам, стекавшимся в Калькутту после раздела страны. В 1953 г. опубликовала в Нью-Йорке книгу о жизни и деятельности сестры Ниведиты под заголовком 'Dedicated' («Преданная»), которая по праву считается одним из лучших биографических очерков о жизни этой выдающейся женщины.

Собственно говоря, и сам Петр Кропоткин, как известно, отмежевывался от своих новоявленных «духовных наследников» в лице многочисленных анархистских группировок, которые стали возникать в России и в других странах в 1890–1900 гг., члены которых считали, что террористические методы, логически вытекающие из теории анархизма, как им представлялось, могут служить единственным средством политического переустройства общества.

В одном из писем своей подруге мисс Маклеод¹⁰, датированном 18 августа 1900 г., она пишет о Кропоткине: «...Он знает больше любого другого человека, что нужно Индии. Речь идет прежде всего о совершенной никчемности правительств...мы должны научиться жить самостоятельно и внедрить эту идею в народные массы, убедив их в том, что никакой политический аппарат не должен диктовать свою волю пусть даже самому бедному крестьянину» (цит. по: [Atmaprana, 1977, p. 127]).

Увлечшись взглядами русского философа и общественного деятеля, Маргарет Ноубл приложила немало усилий для популяризации и распространения его идей в Индии. Благодаря ей его книги — «Записки революционера» (1899), «Взаимная помощь как фактор революции» (1902) стали буквально бестселлерами в кругах бенгальских революционеров. Известно, что она хотела написать предисловие к его книге «Великая французская революция», главы из которой публиковались во французской газете «Фрэнч Уикли», а также издать саму книгу, как только она выйдет в свет (эта книга вышла в свет только в 1914 г., уже после ее смерти). По этому поводу она неоднократно обращалась летом 1909 г. к своим друзьям — семье Рэтклиф с просьбой напомнить Кропоткину о его обещании выслать ей публиковавшиеся фрагменты.

Насколько можно судить по ее статьям и письмам тех лет, морально-этические идеи русского общественного деятеля произвели на нее сильное впечатление. Его гуманистические воззрения, неоднократно подчеркивала она, наиболее подробно сформулированные в работе «Взаимная помощь как фактор эволюции», ей необычайно близки и понятны. Как знать, быть может, именно эти глубоко прочувствованные идеи натуралистической этики о самоценности каждого человека как такового, вера в неистребимость нравственного начала и убежденность в огромных потенциальных возможностях каждого, пусть даже в данный момент самого слабого и униженного человека, послужили своего рода «волшебной тропой», перекинутой через пропасть на пути к искреннему восприятию неоведантистских идей Вивекананды, в некоторых аспектах близких к морально-религиозным воззрениям Петра Кропоткина.

Сложное, порой причудливое переплетение адвайтистской парадигмы о единой духовной основе всего сущего, дарующей ключ к обретению взаимопонимания между представителями различных религий и каст, с анархистскими идеями русского ученого сформировали в сознании Ниведиты во многом оригинальный подход к индийским реалиям, который с интересом был воспринят ее индийскими коллегами и соратниками по национально-освободительной борьбе. Ирландской общественной деятельнице, борющейся за свободу индийской нации, так же, как и основоположнику русского анархизма, природа и общество представлялись единым живым организмом,

¹⁰ Джозефин Маклеод (1858–1949) — одна из ближайших американских соратниц и последовательниц Вивекананды, активная участница движения Рамакришны-Вивекананды на Западе. Познакомилась с Вивеканандой в январе 1895 г. во время его лекции о веданте в Нью-Йорке. Увлечшись его идеями, на протяжении многих лет активно участвовала в их популяризации в США и Англии, используя свои связи и знакомства, деятельно способствовала разрешению различных юридических споров, весомо помогала финансово. Сопровождала Вивекананду в его странствиях по северной Индии, после первой поездки на Запад. Много общалась с супругами Севье, прежде чем они приняли решение возглавить адвайтистский ашрам Вивекананды в Майявати. Уже после ухода Вивекананды из жизни внесла первый взнос на основание издательства «Удбодхан», в котором и по сей день на языке бенгали выходит ежемесячный журнал Миссии Рамакришны «Удбодхан Патрика». Считается, что ее связи и знакомства помогли избежать в 1916 г. суровых рестрикций, которые британские колониальные власти хотели наложить на деятельность Миссии Рамакришны по подозрению в причастности к антиправительственной деятельности. Была близко знакома и состояла в постоянной переписке в Бернардом Шоу и Роменом Ролланом.

подчиняющимся одним и тем же законам развития. Разница была в том, что она, в отличие от русского теоретика, считала основой всех законов осознание единой духовной сущности, пронизывающей все ступени развития существующего мира — как природного, так и социального. Вместе с тем в ее рассуждениях о будущем индийской нации отчетливо прослеживаются его исконные идеи о взаимопомощи как основе всеобщего развития, ведущей к самоорганизации общественных построений и исключающей само понятие власти. «Нам предстоит выйти, — отмечала она, — на новые просторы жизни и построить там новые бастионы самоорганизации и взаимопомощи, с помощью которых нам еще предстоит научиться иметь дело с современным миром и со всеми его силами агрессии... Материал для этого строительства можно найти в нашей истории, нашей литературе, наших традициях, обычаях, с помощью которых мы можем превратиться в сильных и уверенных в себе людей» [Sister Nivedita, 1978, p. 32].

Новая цель жизни — практическая веданта

Траектория этого вектора в жизни Маргарет Ноубл претерпела серьезные метаморфозы уже после ее первой встречи с Вивеканандой в доме леди Изабеллы Маргессон в 1895 г. Сказать, что между ними сразу же возникла симпатия, было бы натяжкой. Маргарет Ноубл всегда отличалась независимостью суждений, была сильной и волевой женщиной, и поэтому на первых порах между будущим учителем и ученицей часто возникали споры, порой довольно резкие перепалки, напряженные дискуссии, которые, впрочем, не отдаляли их друг от друга, а, напротив, взаимообогащали и сближали.

Уже после смерти своего учителя, в 1904 г., Ниведита напишет воспоминания-размышления о его жизни и мировоззрении — «Учитель, каким я его знала» (The Master as I Saw Him), которые до сих пор являются непревзойденным по глубине анализа жизни и творчества этого выдающегося человека произведением. Судя по ее письмам, работа над этой книгой далась ей очень нелегко. В душе она сомневалась, смогла ли осмыслить и прочувствовать помыслы Вивекананды, осознать их правильно: «...Твои мысли завораживали очень многих настроенных друг против друга, мыслящих совершенно по-разному. Кто я такая, чтобы понять, как ты это делал? — мысленно вопрошала она, — как тебе удалось достучаться до самого сердца Индии, быть понятым как ортодоксами, так и ратующими за реформы? ...Почему твой западный мир так полюбил тебя? Каким тебя представляли американцы и как ты выглядел в глазах англичан? Это сможет понять только исполнитель-виртуоз, который в совершенстве овладел всей клавиатурой» (цит. по: [Atmaprana, 1977, p. 273]).

И все же Вивекананда верил, что со временем именно эта женщина сможет продолжить его дело и претворить в жизнь его мечту — создать нового человека (этот процесс он называл «map-making»). Такая задача предполагала системный подход к формированию личности, которая должна вобрать в себя все богатство культурного, исторического и духовного наследия Индии и одновременно воспринять и осмыслить все плоды европейского просвещения и образования. Вивекананда верил, что это поможет индийской нации пробудиться от летаргического сна, пробудит в ней веру в грандиозные способности, сокрытые до сей поры под сенью невежества и суеверий.

Начинать эту работу нужно было с просветительской миссии среди женщин — одной из самых бесправных, извечно угнетаемых социально и экономически прослоек индийского общества. С этим, как ему представлялось после знакомства с Маргарет Ноубл, она смогла бы справиться самым наилучшим образом. Но было одно непременное условие: этот труд, как считал Вивекананда, сможет принести желаемые плоды, качественно отличающиеся от результатов работы английских миссионеров в Индии, если подойти к проблемам Индии изнутри, глубоко проникшись духовной

энергетикой той страны, в которой ей предстояло жить и работать. Результат усилий наставника оказался поразительным: «магический ключ к пониманию людей и этой страны, который он ей передал, благодаря ее жертвенности и самодисциплине в буквальном смысле сотворил чудеса» [Reymond, 1953, Foreword].

Увлечшись вдохновенными планами и мечтами Вивекананды, Маргарет Ноубл в январе 1898 г. впервые отправилась в Индию и уже в марте того же года была посвящена Вивеканандой в сан брахмачарини¹¹, предполагающий обет безбрачия, приняла монашеское имя Ниведиты, что означает в переводе «преданная». «После обряда посвящения свами спросил ее, к какой нации она теперь принадлежит, и к его изумлению, она ответила: «К английской» и стала говорить о своем уважении к английскому флагу, вкладывая в свои слова такие же чувства, какие индийские женщины испытывают в отношении почитаемого личного божества. Свами тогда понял, что любовь его ученицы к Индии была пока лишь поверхностной» [Atmaprana, 1977, p. 46]. На этой почве между ученицей и ее гуру произошла первая серьезная размолвка. Вивекананда, как известно, никогда не навязывал ученикам свою точку зрения и не требовал слепого подчинения, но здесь его чаша терпения переполнилась. «Воистину, — воскликнул он, обращаясь к Ниведите, — патриотизм, подобный Вашему, есть грех. Я хочу единственно того, чтобы вы видели, что большинство поступков людей являются выражением их корыстного интереса, а вы постоянно твердите о том, что некая раса будто бы полностью состоит из одних ангелов. Такое воинственное невежество поистине есть порок!» (цит. по: [Ibid, 1977, p. 47].

Беседы и споры между учителем и ученицей возникали постоянно: вступили в интеллек-

Рис. 1. Маргарет Ноубл
(в монашестве Сестра
Ниведита)

туальное и духовное взаимодействие две сильные личности, и никто не хотел уступить и пожертвовать своими убеждениями и принципами. Порой вновь посвященная не понимала сути высказываний своего гуру, и ей казалось, что она ошиблась в выборе жизненного пути. После первой встречи с Вивеканандой в Лондоне ей представлялось, что она обрела близкого друга и единомышленника, отношения с которым будут выстраиваться радушно и гладко. Но все пошло совсем не так. Вивекананда же весьма снисходительно и даже с определенной долей иронии относился к резким высказываниям своей ученицы. Судя по всему, он прекрасно осознавал ее непокорный нрав и неистовость устремлений и отдавал себе отчет, что как только какая-либо новая идея овладеет ее разумом, разубедить ее будет очень непросто. Как-то в одном из разговоров он сказал в шутку: «Да будет тебе, Марго, опять ты, как и прежде, пытаешься что-то доказать и обосновать, как это уже не раз бывало. Но это со временем пройдет» (цит. по: [Atmaprana, 1977, p. 142]).

Тем не менее с течением времени образ мыслей Ниведиты, ее взгляды и представления постепенно менялись, причем не только в результате споров и дискуссий с Вивеканандой. Большую роль в процессе ее идейной эволюции играло проживание в Калькутте, постоянное общение с индийской свободомыслящей интеллигенцией, ее работа по просвещению индийских женщин, участие в различного рода мероприятиях, проводимых Миссией Рамакришны в трущобных районах.

¹¹ Согласно традиционной системе социальной организации индусского общества, сформировавшейся во времена создания древнейшего памятника индийской письменности — «Ригведы» в период между 1700–1100 гг. до н. э. — каждый полноправный член высшей брахманской касты должен на протяжении жизни пройти четыре этапа. Первый из них — *брахмачария*, когда он становился учеником, постигал священное знание, живя в доме учителя и ведя аскетический образ жизни.

Ее энтузиазм и искреннее стремление во что бы то ни стало преодолеть в сознании бенгальских женщин веками складывавшиеся предрассудки и закостенелые традиции поистине не знали границ. Так, например, в ноябре 1898 г., в первый день широко отмечающегося в Бенгалии индусского религиозного праздника, посвященного богине Кали, состоялось открытие школы для девочек и молодых вдов, которую возглавила сестра Ниведита. Одновременно она выступала с лекциями по европейской культуре для членов религиозно-реформаторского общества «Брахмо Самадж»¹², делилась с ними своими взглядами по вопросам религии и философии индуизма. Неподдельный и живой интерес в среде индийской интеллигенции и студенчества, посещавших ее лекции, вызвала ее интерпретация столь сложного с религиозно-философской точки зрения вопроса, как культ богини Кали.

Рис. 2. Сестра Ниведита в своем рабочем кабинете.
Источник: [Atmaprana, p. 1099]

Она с головой погрузилась в проблемы и невзгоды индийской действительности, настойчиво искала решение стоящих перед обществом насущных проблем. Обстоятельства, однако, сложились иным образом: в июне 1899 г. она посчитала своим долгом отправиться вместе с Вивеканандой и несколькими его последователями в его вторую поездку на Запад. Перед собой она ставила в качестве основной задачу сбора средств на женские образовательные программы в Индии.

Ей мечталось, что вместе с гуру они совершат грандиозные дела во благо Индии. И действительно, поездка оказалась для нее очень насыщенной и разноплановой. Она постоянно разъезжала с лекционными турне по разным штатам и городам, рассказывая о своей просветительской миссии в Индии, нацеленной на распространение образования в среде индийских женщин, встречалась с представителями творческой интеллигенции, стремилась донести до аудитории идеи своего учителя. Согласие с его мыслями и планами было столь глубоким, что ей казалось, что они с ним составляют единое целое, что она думает так же, как он, говорит его устами и совершает то, что хотел бы совершить учитель. Но все эти чудесные грезы в одночасье рухнули: обнаружилось, что даже ближайшие американские последователи

Рис. 3. Сестра Ниведита общается
с духовной супругой Рамакришны —
Шри Сарада Деви.
Источник: [Atmaprana, 1977, p. 258]

¹² Общество религиозно-нравственной направленности, основанное в 1828 г. бенгальским раджей Рам Мохан Роем (1772–1833). Его создание стало одной из первых современных попыток реформации индуизма и положило начало движениям неоиндуизма. С одной стороны, «Брахмо самадж» основывалось на древних традициях индуизма и брахманизма, с другой — пыталось заменить обрядовость методами самосовершенствования личности. Общество провозгласило идею равенства человека перед Богом и тем самым выступило против кастовой системы индусского общества. В 1860-х гг. разделилось на консервативную («Ади-Брахмо-самадж») и передовую («Брахмо-самадж Индии»).

Рис. 4. Мэри Хэйл.
Источник: [Burke, 1985]

Рис. 5. Близкие подруги и единомышленницы Маргарет Ноубл — Жозефина Маклеод (слева) и Эмма Калве.
Источник: [Burke, 1985]

Вивекананды — супруги Хэйл и, главное, их дочь Мэри, — никоим образом не связывают ее работу с реализацией на практике идей мыслителя. Она испытала в буквальном смысле слова шок и отчетливо осознала, что ее искреннее духовное растворение в идеях учителя, ощущение, что она работает с ним душа в душу ради практической реализации его идей, было лишь иллюзией, существовало только в ее воображении.

Об этом она с горечью писала своей ближайшей подруге — Джозефин Маклеод. На что эта сильная и мудрая женщина посоветовала ей дистанцироваться от влияния на ее жизнь идей Вивекананды, сохранить любовь и преданность ему в своем сердце, но выстраивать линию своей судьбы в соответствии с собственными убеждениями и взглядами. «Займись проблемами женского образования, а Свами оставь в покое, пусть он исчезнет из твоей повседневной работы. Для тебя и всех нас он был источником вдохновения. Быть знакомым с ним величайшее из благ, которое может даровать жизнь, но на этом все должно закончиться» (цит. по: [Atmaprana, 1977, p. 104]).

Но, судя по всему, во время пребывания в Новом свете ее волновали не только проблемы раскрепощения бенгальских женщин и их просвещение. Находясь здесь, в 1900 г. она закончила работу над своей книгой «Мать Кали», в основу которой были положены ее лекции и размышления о судьбоносной роли этой индусской богини в жизни Индии. Эта небольшая брошюра произвела эффект разорвавшейся бомбы. Наряду с пламенными сочинениями Вивекананды и книгой Ауробиндо Гхоша «Бхавани Мандир»¹³ ее, что называется, «зачитывали до дыр» в среде радикально настроенной бенгальской молодежи и интеллигенции, цитировали в выступлениях на тайных собраниях и сходках, пересказывали друзьям и соратникам по борьбе.

Для того, чтобы представить себе тот мощнейший пропагандистский заряд, который несла эта книга, достаточно привести короткий отрывок из нее, в котором Ниведита устами богини Кали взывает к своим новым согражданам: «Мой глас возносится над густо заселенной землей, алкая жизни и крови господствующих особ. Я, взывающая к вам, одновременно указую путь... Религия, как бы она ни имевалась, всегда была любовью к смерти. Но сегодня огонь отречения зажжется в Моей стране и зарядит людей страстью, не поддающейся ни контролю, ни помыслам. И тогда Мои сограждане будут стремиться

¹³ «Бхавани Мандир» («Храм богини Бхавани») — политический памфлет, анонимно написанный индийским националистом Ауробиндо Гхошем в 1905 г. в период раздела Бенгалии. В нем содержался призыв к созданию монашеского ордена, который построил бы храм индусской богини-матери Бхавани (или Шакти), олицетворяющей нацию Индии, и посвятил бы себя служению во имя неё. Вдохновением для него послужил роман «Анандаматх» («Обитель блаженства») бенгальского писателя Банким Чандра Чаттерджи, написанный в 1882 г. «Бхавани Мандир» можно считать своего рода политическим манифестом, в котором Гхош осуждает отсутствие политической воли и единства среди индийцев. Он приводит в нем в пример Японию, которая преобразилась, чтобы конкурировать с европейскими державами, и призывает индийцев полностью посвятить себя служению Нации-Богине. Для этого глубоко в горах, как писал он, нужно создать революционное тайное общество «Бхавани Мандир», чтобы обучать патриотически настроенных «аскетов» самоотверженному служению нации, помогая ей достичь свободы.

к самопожертвованию столь же рьяно, сколь другие стремятся к наслаждениям. Тогда труд, страдания и служение будут считаться усадой, а не горестью... Искореняй любые мысли, противные Моей воле. Ничто — ни любовь, ни дружба, ни даже отчий кров не могут отзываться в твоей душе, когда вещаю Я. Выйди из дворца и окупись в океан террора, покинь обитель спокойствия и стань на страже пылающего города. Помни — и то и другое лишь иллюзия. Принимай свою судьбу с улыбкой на устах» [Nivedita, 1902, p. 87–88].

А ведь в те годы она все еще была ученицей, или *брахмачарини* при монастыре и был еще жив ее гуру, а она сама пока не заявляла о своей вовлеченности в активную национально-освободительную борьбу. О том, что Ниведита и не помышляла отречься от заветов своего учителя, красноречиво свидетельствуют ее многочисленные выступления и статьи в газете 'Modern Review' периода самой активной фазы движения *свадешти* — 1905–1907 годов. Их собрал воедино и опубликовал в 1915 г., спустя четыре года после ее смерти, близко знавший ее на протяжении многих лет и разделявший ее взгляды британский журналист С. К. Рэтклиф, работавший в начале XX в. в Индии заместителем главного редактора газеты 'Statesman', а потом вынужденный вернуться на родину из-за обвинений в чересчур «проиндийских симпатиях». Эта книга вышла под заголовком 'Religion and Dharma'.

«Она считала бесспорной, — писал он в предисловии к этой книге, — способность индийского сознания в процессе органического взаимодействия с Западом вобрать в себя все его лучшие достижения и адаптировать их к национальным реалиям. Для Индии это будет означать ренессанс *дхармы*, ре-интерпретацию древних представлений о вере и образе жизни применительно к современности, обретение идеала, побуждающего к жизненной активности, принципиально новому типу поклонения и жертвенности, воплощенной в служении обществу, обретению чувства национальной идентичности и его воплощении в новом общественном обустройстве, акценте на позитивной и активной деятельности и знании, в котором одним заключено управление будущим» [Religion and Dharma, 1915, p. vi]. Разве в этом кратком резюме взглядов Ниведиты не угадывается основной пафос размышлений Вивекананды о грядущем величии Индии и не прочитывается стремление его ученицы воплотить в жизнь мечты своего гуру?

В ирландской бунтарке-*брахмачарини* поразительным образом сочетались два, казалось бы, взаимоисключающих начала — адвайтистское видение действительности, предполагающее осознание единства человека с Абсолютом и присутствия в каждой искры божественности, размеренное и неспешное преобразование общественного порядка путем формирования нового типа личности с неукротимым желанием силовыми методами добиться искоренения исторической несправедливости и воцарения торжества свободы от иноземного господства.

Новая жизненная миссия — активная борьба за обретение национальной независимости

Второе пребывание Вивекананды в Америке с группой учеников и последователей длилось недолго. Уже в июле 1900 г. по пути в Индию все переезжают в Европу. Но и здесь Ниведита не сидит сложа руки: она много общается с индийскими эмигрантами, прогрессивно мыслящими французскими и английскими экономистами и политиками, интересуется расстановкой политических сил в Индии. Пребывание в Англии и Америке разбило в прах наивные иллюзии ее молодости о величии родной нации и конструктивной миссии англосаксов в Индии. Ей не раз пришлось столкнуться с чудовищными инсинуациями христианских миссионеров об индийской действительности, снобистским отношением ко всему, что связано с дорогой ее сердцу страной со стороны своих соотечественников. Постоянным рефреном на ее лекциях звучали колкие замечания — дескать, сначала

добейтесь независимости, а уж потом рассказывайте нам о величии своей религии и философии. Выбор был сделан: полностью разделяя любовь и преданность Индии, которую передал ей ее учитель, так же, как и он, мечтая о возрождении этой страны, она решила избрать для достижения этой цели иной метод — активную политическую борьбу за обретение независимости.

О твердом решении принять непосредственное участие в индийском национально-освободительном движении она впервые говорит в письме к Джозефине Маклеод в 1901 г.: «Я принадлежу своему делу — женщинам и девушкам... Я также более чем когда-либо принадлежу индуизму. Я столь же ярко вижу политическую необходимость!» (цит. по: [Burke, vol. 6, p. 361]). В другом письме, датированном тем же годом, Ниведита стремится пояснить причину изменения своей жизненной позиции, свое превращение из *брахмачарини* в политического деятеля, отмечая, что концепция воспитания человека Свами Вивекананды является прекрасным планом, но его осуществление потребует многих лет работы. Политическая же ситуация в Индии, пришла к выводу Ниведита, много размышляя над этой проблемой, требовала немедленно начать активную борьбу за свободу от иноземного господства [Там же].

С этим непоколебимым намерением в январе 1902 г. она возвращается в Индию. Противник в предстоящей борьбе был очевиден. Но надо было определиться с союзниками и единомышленниками. С самого начала политического пути она не возлагала больших надежд на партию Индийский национальный конгресс, но всегда воспринимала ее как реальность индийской политической жизни и всячески стремилась поддержать единство ее рядов. В 1901 г. она писала в письме Маклеод: «Английский чиновник — это глупец, играющий среди дымящихся развалин и кричащий на всех перекрестках, как он хорошо строит. Индийский христианин — предатель своей земли. В таких и им подобных подкупленных людях, платных шпионах и наемниках Индия не нуждается. Требуется совсем иное — нужны люди, которые спасут ее, или, по крайней мере, укажут путь к спасению. Конечно, Конгресс глуп, а подчас и вреден, но он все же в десять тысяч раз лучше, чем система, предлагаемая Татой... Свами (Вивекананда) единственный из тех, кого я знаю, кто проникает в самую сердцевину проблемы — нужно созидать нацию...» (цит. по: [Basu, 1982, vol. 1, p. 436]).

Истина оказалась, как всегда, где-то посередине: эмоциональный подъем народных масс, вдохновляемых призывами Мохандаса Карамчанда Ганди и его единомышленников, коренящимися глубоко в культурно-историческом прошлом Индии, сравнительно безболезненно обрушили вековое господство Британской империи в Индии. Но прав оказался и Джамшед Тата, о котором столь пренебрежительно отзывалась Ниведита, основатель одной из самых могущественных бизнес-империй в независимой Индии и вовсе не христианин, а парс по рождению и, конечно же, не предатель. Он вошел в историю этой страны как один из самых бескорыстных и щедрых филантропов и меценатов. Его видение будущего независимого развития страны оказалось верным: он считал, что свобода, лишенная силы, способной ее поддержать и, если потребуется, защитить, может оказаться жестокой иллюзией. Сама же эта сила может родиться единственно благодаря масштабной индустриализации всей страны и внедрения в экономическую жизнь современных достижений науки и техники.

Не в характере сестры Ниведиты было откладывать что-то в «долгий ящик». Уже ее первое выступление в Мадрасе после возвращения в Индию было настолько ярким и эмоциональным, что сразу же привлекло внимание британской администрации, усмотревшей в ней человека, потенциально опасного для установленного правопорядка. В нем она высоко отзывалась об индийском ученом Джагадише Чандра Босе¹⁴, снискавшем впоследствии мировую известность, говорила о необходимости развития индийской национальной науки, о талантливых индийских ученом, чья научная деятельность

¹⁴ Джагадиш Чандра Бос (1858–1937) — бенгальский ученый-энциклопедист, физик, биолог, биофизик, ботаник и писатель-фантаст. Один из основоположников исследования радио и микроволновой оптики, внёс существенный вклад в науку о растениях, основал фонды экспериментальной науки на индийском субконтиненте.

наталкивается на непреодолимые препятствия в условиях колониальной зависимости. Пламенная речь Ниведиты привлекла внимание ведущей бенгальской газеты 'Amrita Bazar Patrika', которая в репортаже о ней упомянула о связях оратора с лидерами радикально настроенной бенгальской интеллигенции, что еще больше насторожило британскую администрацию.

Впоследствии в своей фундаментальной работе 'The Web of Indian Life' («Стержень индийской жизни»), которая была написана в период с 1901 по 1903 г., Ниведита, опять-таки ни в коей мере не подвергая сомнению идеи своего учителя, пыталась обосновать свою собственную концепцию созидания нации, непосредственно увязывая ее с борьбой за независимость, в процессе которой, как ей представлялось, только и может произойти необходимое сплочение народных масс. В это время она уже открыто, с присущей ей прямоотой, высказывала свою оценку деятельности колониального правительства в Индии.

Но ведь, вступив на путь активной политической борьбы, Ниведита тем самым нарушала один из главных пунктов правил Ордена Рамакришны, который запрещал монахам принимать участие в какой бы то ни было политической деятельности. Как же было не перейти тонкую грань между духовным просвещением народных масс, распространением системы образования и возникающим желанием освободиться от навязываемых ограничений и правил чужой страны? Возникает и много иных вопросов: насколько соответствовал сам этот запрет взглядам Вивекананды? Каково было его отношение к решению Ниведиты связать свою жизнь с борьбой за независимость?

Судя по всему, как учитель, так и его ученица страстно и настойчиво пытались разрешить извечный конфликт между своими убеждениями и реальной действительностью. Несмотря на явное увлечение практической ведантой, проповедуемой Вивеканандой, и духом монашеского подвижничества, она так и не смогла преодолеть присущую ее натуре категоричность и склонность к решительным действиям в борьбе с тем, что ей казалось вредным и неправильным. Любопытно, что и сам ее учитель, всем сердцем мечтавший об освобождении своих соотечественников от иноземного ига, отчетливо сознавал, что монашеский Орден Рамакришны, в создание которого он вложил всю душу и жизненную энергию, не сможет в ближайшей обозримой перспективе разрешить все проблемы, стоящие перед страной. С одной стороны, — в чем он был искренне убежден, — для того, чтобы изменить жизнь к лучшему, нужно было переформатировать внутренний мир каждого человека. Вместе с тем он отчетливо понимал, что этот процесс неизбежно грозил растянуться на многие и многие десятилетия даже при самом благоприятном раскладе. Между тем общественная и политическая ситуация в стране не оставляла времени для таких медленных и постепенных действий. «Мне не нравится идея «банат банат бан джай» — «медленно и постепенно все образуется», как говорил Шри Рамакришна. Воспряньте и действуйте прямо сейчас, — вот что мне по душе. Никаких «медленно и постепенно», все нужно получить сегодня! прямо сию же минуту! — так, как действуют разбойники» (цит. по: [Burke, 1986, vol. 6, p. 246]).

Возникал, таким образом, практически неразрешимый конфликт: личное стремление Вивекананды как подлинного патриота страны добиться ее скорейшего освобождения вступало в противоречие с его убеждением, что люди, призванные нести в мир духовность, в том числе члены основанного

Рис. 6. Известный индийский ученый Дж. Бос во время выступления в Лондонском королевском институте. Лондон, 1897 г. Источник: [Basu, 1982]

им монашеского ордена, не должны принимать участие в политической борьбе. Можно, конечно, считать, что прямой запрет на участие монахов в политической деятельности, зафиксированный Вивеканандой в одном из правил Матха (обители ордена), объяснялся сугубо прагматическими целями — таким образом он пытался снять вполне обоснованные подозрения колониальной администрации в заговоре, а также стремился упростить процесс юридической регистрации религиозной организации. Это, что называется, лежит на поверхности. Однако деятельная натура основателя Ордена, его взрывной, импульсивный характер и стремление во что бы то ни стало как можно скорее всегда и во всем добиваться поставленных целей, явственно сквозившее в его пламенных речах, дают основания предположить, что он вполне мог быть склонен к поддержке более радикальных методов борьбы. Хотя доказательств его прямого участия в национально-освободительном движении обнаружить до сих пор не удается, сколь бы этого ни хотелось отдельным правонационалистическим индусским организациям, некоторые индийские историки полагают, что он поддерживал контакты с революционно настроенной частью бенгальской интеллигенции и студенчеством. В общем-то даже этого было вполне достаточно: моральный и духовный авторитет Вивекананды был в стране в те годы настолько высок, что для патриотически настроенных сограждан даже простое общение с ним могло служить мощным и вдохновляющим стимулом к активным действиям, к которым всегда призывал их кумир.

Однако трагизм ситуации заключался в том, что очень многие воспринимали его пламенные речи в защиту традиционных ценностей индуизма, древней и богатейшей культуры и истории Индии очень упрощенно, не осознавая глубинную сущность его адвайтистских идей, к чему он так стремился. Судя по всему, он отдавал себе в этом отчет и понимал, что общество в целом как в Индии, так и на Западе оказалось не готовым к восприятию его прорывных, ломающих все привычные стереотипы идей. Усталость лидера от борьбы и внутренняя опустошенность сквозит в письме к Ниведите от 25 августа 1900 г.: «Я больше никого не представляю и не несу ни перед кем ответственности, — писал он с горечью. — Я отдал этому делу (основанию монашеского ордена) всю энергию, все жизненные силы, а взамен получил только грубость, клевету и неприятности» [Complete works, 1989, vol. 6, p. 434]. Уже после смерти Вивекананды, в 1903 г., в одном из своих писем Ниведита подчеркивала, что ее учитель в последние годы жизни «испытывал горькое разочарование» [Там же, с. 372].

Во время одной из встреч с Вивеканандой, которая состоялась буквально за несколько дней до его смерти, между ними состоялся весьма примечательный разговор. Речь шла об организации приюта для вдов и сирот. Свами заметил, что эта идея не подходит для Индии и может принести больше вреда, чем пользы. Ниведита на это замечание отреагировала мгновенно, подчеркнув, что она считает первоочередной совершенно иную проблему, подразумевая обретение независимости. «Ну, ну, Марго, — ответил Вивекананда, — возможно, ты и права, только я чувствую, что дни мои сочтены. Я не могу сейчас думать о всех этих мирских проблемах» (цит. по: [Atmaprana, 1977, p. 142]).

Ее гуру ушел из жизни вскоре после этого разговора, 4 июля 1902 г. Это стало тяжелейшим ударом для Ниведиты. Но времени для скорби и печали у нее не было: слова, которые однажды произнес Вивекананда, навечно отпечатались в ее памяти. «Вполне возможно, — сказал он, как-то общаясь с ней, — что в какой-то момент я сочту нужным покинуть свое тело, сбросить его как поношенный костюм. Но я не перестану работать. Я буду продолжать вдохновлять людей повсюду, пока они не осознают, что едины с верховным Творцом» (цит. по: [Там же, с. 141]).

Поэтому она взяла себя в руки и уже 19 июля отправилась в лекционное турне по Индии, считая своим долгом продолжить ту работу, о которой говорил ее учитель. Тематика ее лекций была разнообразной: это были воспоминания о Свами Вивекананде, размышления о судьбах Индии, в которых явно прослеживался ее подход к рассматриваемым проблемам уже не столько

с морально-нравственных, сколько с сугубо общественно-политических позиций. Уже один перечень анонсируемых тем ее выступлений говорит о многом: «Единство Азии», «Индийский разум и современная наука», «Национализм». Ее выступления пользовались большим успехом, выдержки из них публиковались в крупнейших газетах страны. Параллельно с этой работой Ниведита стремилась наладить контакт с представителями радикально мыслящей бенгальской интеллигенции. Известно, что к тому времени она была уже хорошо знакома со многими революционерами.

Политическая ситуация в стране требовала четко расставить приоритеты и определиться с выбором. Поэтому 22 июня 1902 г. в газете 'Indian Mirror' появилась короткая заметка, в которой сообщалось, что сестра Ниведита в соответствии с достигнутым соглашением между нею и руководством монастыря в Белуре просит общественность рассматривать ее деятельность отныне как не связанную с функционированием ордена Рамакришны [Basu, 1997, p. 225].

Однако этот демарш, скорее всего, был рассчитан на чиновников английской администрации, дабы не давать им лишнего повода преследовать монашеский орден из-за его причастности к политической деятельности. В действительности же ни она сама, ни его руководство не стремились к разрыву отношений. «Это было лишь формальное дистанцирование, которое не предполагало разрыва тесных личных контактов», — отмечает один из самых авторитетных исследователей деятельности этой организации Свами Гамбхирананда [Gambhirananda, 1983, p. 163].

Литература/References

Ганди Мохандас Карамчанд. *Моя жизнь*. М.: Издательство восточной литературы, 1959 [Gandhi Mohandas Karamchand. *My life*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1959 (in Russian)].

Кропоткин Петр. *Хлеб и воля*. Лондон: Издание Группы русских коммунистов-анархистов, 1902 [Kropotkin Peter. *Bread and Freedom*. London: Published by a Group of Russian Communist Anarchists, 1902 (in Russian)].

Райков А. В. *Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу*. М.: Наука, 1979 [Raikov A. V. *National Revolutionary Organizations of India in Struggle for Freedom*. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].

Atmaprana Pravrajika. *Sister Nivedita of Ramakrishna-Vivekananda*. Calcutta: Sister Nivedita Girls' School, 1977.

Basu Sankari Prasad. *Letters of Sister Nivedita*. Vol. 1. Calcutta: Navbharat Publishers, 1982.

Basu Sankari Prasad. *Nivedita Lokmata*. Vol. 2. Calcutta: Ananada Publishers, 1995.

Basu Sankari Prasad. *Swami Vivekananda in Contemporary Indian News 1893–1902: with Sri Ramakrishna and mission*. Calcutta: Ramakrishna Mission Institute of Culture, 1997.

Burke Marie Louise. *Swami Vivekananda in the West. New Discoveries*. Vol. 3, 6. Calcutta: Advaita Ashrama, Mayavati, 1985.

Kali The Mother by Sister Nivedita of the Order of Ramakrishna. Calcutta: Wan Sonnenschein and Co., 1900.

Religion and Dharma by Sister Nivedita (Margaret Noble). New York, Bombay, Calcutta and Madras: Longmans Green and Co, 1915.

Reymond Lizelle. *The Dedicated. A Biography of Nivedita*. New York: The John and Company, 1953.

Sarkar Sumit *The Swadeshi Movement in Bengal (1903–1908)*. New Delhi: People's Publishing House, 1973.

Sister Nivedita, Civic and National Ideals, Published by Brahmachari Gonendra Nath. Calcutta: Udbodhan Office, Baghbazar, 1978.

Swami Gambhirananda. *History of Ramakrishna Math and Ramakrishna Mission*. Calcutta: Advaita Ashrama, 1983.

The Complete Works of Swami Vivekananda. Calcutta: Advaita Ashrama, Mayavati, 1989.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЗНАКИ ВЫСШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ИНДОНЕЗИИ

© 2025

А. О. Захаров¹

Должностные знаки (Tanda Jabatan) Индонезии практически неизвестны за ее пределами и не становились объектом изучения. В статье на основании официальных документов Государственного секретариата Индонезии и других ведомств страны и открытых источников, в первую очередь официальных фотографий, размещенных в Интернете, рассматриваются должностные знаки президента, вице-президента, министров и должностных лиц министерского уровня Индонезии. Эти знаки служат показателями принадлежности к высшему эшелону индонезийского руководства. Их функционирование в гражданской администрации отражает иерархичность индонезийского государства и общества. Встречающееся обозначение знака президента и вице-президента «Красно-белая особая медаль» (*Lencana khusus Merah Putih*) — неофициальное: в документах он именуется «должностным знаком президента и вице-президента» (*Tanda Jabatan Presiden, Wakil Presiden*). Знакам высших должностных лиц Индонезии свойственна лаконичность, отличающая их от должностных знаков индонезийских военачальников. Можно предполагать, что наблюдаемое усиление Национальной армии Индонезии (*Tentara Nasional Indonesia*) приведет к дальнейшей разработке системы должностных знаков для гражданской администрации по образцу армейских знаков отличия.

Ключевые слова: Индонезия, должностные знаки, президент, вице-президент, министры, чиновники, армия, иерархия, государство

Для цитирования: Захаров А. О. Должностные знаки высших должностных лиц Индонезии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 48–60. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-048-060

OFFICIAL INSIGNIA OF SENIOR OFFICIALS OF INDONESIA: PRESIDENT, VICE-PRESIDENT, AND MINISTERS

Anton O. Zakharov

The official insignia of Indonesia are still almost unknown outside Indonesia. The article examines the official insignia of the President, Vice-President, Ministers and Ministerial officials of Indonesia. The main sources are official documents from the State Secretariat of Indonesia and other government agencies, and open sources, primarily official photographs posted on the Internet. These badges serve as indicators of membership in the highest echelons of Indonesian leadership. Their functioning in the civil administration reflects the hierarchical nature of the Indonesian state and society. The designation of the insignia of the President and Vice President, “Red and White Special Medal” (*Lencana khusus Merah Putih*), is unofficial. It is called “Official insignia of the President and Vice President” (*Tanda Jabatan Presiden, Wakil Presiden*) in the governmental documents.

¹ Захаров Антон Олегович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Zakharov_anton@mail.ru

Anton A. Zakharov, DSc (Hist.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow;
Zakharov_anton@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3654-9551

The official insignias of Indonesia's top officials are laconic in their form that distinguishes it from the insignia of Indonesian military leaders. The strengthening of the Indonesian National Armed Forces (*Tentara Nasional Indonesia*) will probably lead to further development of the system of official insignia for the civil administration based on the model of the army insignia.

Keywords: Indonesia, official insignia, president, vice president, ministers, officials, army, hierarchy, state

For citation: Zakharov A. O. Official Insignia of Senior Officials of Indonesia: President, Vice-President, and Ministers. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 48–60. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-048-060

Введение

Должностные знаки — хорошо известная в фалеристике категория знаков различия. Должностными знаками Российской империи, России, Белых армий и правительств занимались Г. К. Мельник и И. В. Можейко, С. Б. Патрикеев и А. Д. Бойнович, А. И. Рудиченко соответственно [Мельник, Можейко, 1993; Патрикеев, Бойнович, 1995–2005; Рудиченко, 2008]. Но должностные знаки других стран мира известны меньше. Индонезийские должностные знаки, в отличие от орденов, медалей, квалификационных знаков и знаков об окончании военно-учебных заведений Индонезии [Захаров, 2022; 2023; 2024а–б; 2025], судя по всему, не становились предметом отдельного исследования. В данной статье на основании официальных документов и сведений открытых источников (СМИ и онлайн-энциклопедий) рассматриваются должностные знаки высшего руководства Индонезии — президента, вице-президента, министров и должностных лиц министерского уровня.

Должностной знак президента и вице-президента

Должностные знаки президента и вице-президента, отличные от фрачных миниатюрных копий высшего ордена страны — Звезды Республики Индонезии, появились, по-видимому, только при Джоко Видодо, в Постановлении государственного секретаря Республики Индонезия № 1 от 27 января 2016 года о должностных знаках президента, вице-президента, министров и должностных лиц министерского уровня². До этого высшие руководители Индонезии носили фрачный знак Звезды Республики Индонезии, на колодке которого располагался должностной знак высших чиновников-министров — щит государственного герба в обрамлении венка из колосьев риса и хлопка с лентой внизу и подписью NAYAKA (санскр. «министр, сановник»). Примеры этого можно найти на портретах Сухарто, Бахаруддина Юсуфа Хабиби, Мегавати Сукарнопутри и Сусило Бамбанга Юдойоно (илл. 1–4). Президенты носили фрачный знак первой степени ордена (Adipurna), вице-президенты — второй (Adipradana), что хорошо видно на портретах Хабиби и Три Сутрисно: в центре колодки фрачного знака лишь одна красная полоска (илл. 5–6), в то время как у первой степени их две. Хабиби был вице-президентом очень недолго, с 11 марта до 21 мая 1998 г., и тем интереснее сравнить два его официальных портрета (илл. 2, 5). Четвертый президент Индонезии Абдулрахман Вахид (Гус Дур) на официальном портрете изображен только со знаком высших чиновников, без Звезды Республики Индонезии (илл. 7). Но Видодо и Прабово Субианто представлены с новым должностным знаком (илл. 8–9).

² Peraturan Menteri Sekretaris Negara Republik Indonesia Nomor 1 Tahun 2016 Tanda Jabatan Presiden, Wakil Presiden, Menteri, Dan Pejabat Setingkat Menteri. *JDIH Database Peraturan. Peraturan.bpk.go.id*. <https://peraturan.bpk.go.id/Details/238838/permensesneg-no-1-tahun-2016#:~:text=Peraturan%20Menteri%20Sekretaris%20Negara%20Nomor,atau%20ingin%20mengembalikan%20tanda%20jabatan> (дата обращения: 08.06.2025).

Илл. 1. Президент Сухарто в 1993 г. Источник: File: President Suharto, 1993.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:President_Subarto,_1993.jpg (дата обращения: 08.06.2025)

Илл. 2. Президент Хабиби. Источник: File: B. J. Habibie, President of Indonesia portrait.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:B._J._Habibie,_President_of_Indonesia_portrait.jpg (дата обращения: 08.06.2025)

Илл. 3. Президент Мегавати Сукарнопутри в 2001 г. Источник: File:President Megawati Sukarnoputri – Indonesia.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:President_Megawati_Sukarnoputri_-_Indonesia.jpg (дата обращения: 08.06.2025)

Илл. 4. Президент Юдойоно в 2009 г. Источник: File:Susilo Bambang Yudhoyono, official presidential portrait (2009).jpg. Wikipedia. [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Susilo_Bambang_Yudhoyono,_official_presidential_portrait_\(2009\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Susilo_Bambang_Yudhoyono,_official_presidential_portrait_(2009).jpg) (дата обращения: 08.06.2025)

Илл. 5. Вице-президент Хабиби в 1998 г. Источник: File:B.J. Habibie 1998.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:BJ_Habibie_1998.jpg (дата обращения: 08.06.2025)

Илл. 6. Вице-президент Три Сутрисно. Источник: File:Try Sutrisno Official Portrait.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Try_Sutrisno_Official_Portrait.jpg (дата обращения: 08.06.2025)

Илл. 7. Президент Абдуррахман Вахид (Гус Дур), ≈1999 г. Источник: File:President Abdurrahman Wahid – Indonesia.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:President_Abdurrahman_Wahid_-_Indonesia.jpg (дата обращения: 08.06.2025)

Илл. 8. Президент Джоко Видодо в 2019 г. Источник: File:Joko Widodo, 2019, official portrait.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Joko_Widodo_2019_official_portrait.jpg (дата обращения: 08.06.2025).

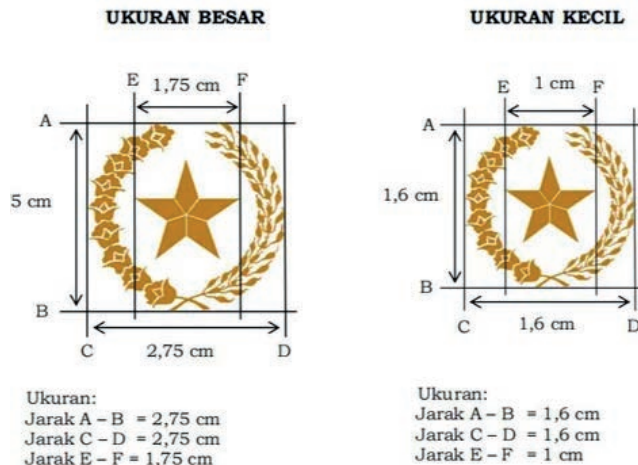
Илл. 9. Президент Прабово Субианто со всеми президентскими регалиями – 14 орденами и должностным знаком президента – 20 октября 2024 г. Источник: File:President Prabowo Subianto in 2024 with decorations. jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:President_Prabowo_Subianto_in_2024_with_decorations.jpg (дата обращения: 08.06.2025)

**BENTUK, WARNA, DAN UKURAN
PITA TANDA JABATAN PRESIDEN /WAKIL PRESIDEN**

Илл. 10. Должностной знак президента и вице-президента Индонезии на колодке/ленте. Источник: Sempat Viral di Medsos, Ini Perbedaan Pin yang Dipakai Presiden Jokowi dan Prabowo. Merdeka.com. 28.02.2024. <https://www.merdeka.com/peristiwa/sempat-viral-di-medsos-ini-perbedaan-pin-yang-dipakai-presiden-jokowi-dan-prabowo-94649-mvk.html?page=2> (дата обращения: 16.08.2025)

**BENTUK, WARNA, DAN UKURAN
TANDA JABATAN PRESIDEN/WAKIL PRESIDEN**

Илл. 11. Должностной знак президента и вице-президента Индонезии: прорисовка и размеры. Источник: *Sempat Viral di Medsos, Ini Perbedaan Pin yang Dipakai Presiden Jokowi dan Prabowo*. Merdeka.com. 28.02.2024. <https://www.merdeka.com/peristiwa/sempat-viral-di-medsos-ini-perbedaan-pin-yang-dipakai-presiden-jokowi-dan-prabowo-94649-mvk.html?page=2> (дата обращения: 16.08.2025).

Согласно ст. 2 Постановления должностной знак президента и вице-президента изготовлен из прочного желтого металла золотого цвета и представляет собой круг с вписанной в него звездой, образованный венком из хлопка и риса (илл. 10–11). Согласно ст. 3.1 звезда символизирует высшее положение президента и вице-президента в государстве (вероятно, ее пятиконечная форма традиционно для Индонезии отсылает к государственной идеологии «панчасила/пять принципов»), а хлопок и рис выступают символами процветания нации и подчеркивают роль двух высших руководителей в его обеспечении. Золотой цвет, по ст. 3.2, указывает на величие и совершенство и на превосходную службу народу-нации главы государства и его заместителя. Должностные знаки президента и вице-президента имеют торжественную и фрачную разновидности (букв. «большую и малую формы», *ukuran besar dan ukuran kecil*, ст. 4.1). По ст. 5.1 фрачный знак носится на колодке, на которой изображен герб государства. По ст. 6 на оборотной стороне знака нанесен код безопасности (*kode pengamanan*).

Конкретная форма и размеры должностного знака президента и вице-президента определяются Приложениями 1 и 2 к Постановлению. Их содержание частично известно благодаря публикации на сайте Merdeka.com от 28 февраля 2024 г. Фрачная колодка имеет цвета государственного флага — красная слева, белая справа. Высота вертикальной колодки фрачного знака равна 4,5 см, ширина — 2 см (по 1 см для каждого цвета), нижняя, треугольником, часть занимает 1 см от 4,5 см; на верхней части колодки государственный герб — Гаруда с геральдическим щитом на груди. Торжественный знак имеет высоту 5 см, ширину — 5 см (на фото, по-видимому, неточность — 2,75 см не дают круглой формы); размах лучей звезды — 1,75 см (скорее — 2,75 см); фрачный знак имеет одинаковые высоту и ширину — 1,6 см, а размах лучей звезды составляет 1 см.³

³ Sempat Viral di Medsos, Ini Perbedaan Pin yang Dipakai Presiden Jokowi dan Prabowo. Merdeka.com. 28.02.2024. <https://www.merdeka.com/peristiwa/sempat-viral-di-medsos-ini-perbedaan-pin-yang-dipakai-presiden-jokowi-dan-prabowo-94649-mvk.html?page=2> (дата обращения: 08.06.2025).

Должностной знак президента и вице-президента (Tanda Jabatan Presiden/Wakil Presiden) иногда называют «Особой красно-белой медалью» (Lencana khusus Merah Putih)⁴ — по цветам государственного флага, но это неофициальное название.

Должностной знак министров и должностных лиц министерского уровня

Должностной знак министров и приравненных к ним должностных лиц в настоящее время регламентируется тем же Постановлением государственного секретаря № 1 от 27 января 2016 г., хотя появился он, по-видимому, гораздо раньше. Упомянутый случай его использования президентом Вахидом, скорее всего, один из многих: некий знак виден на пиджаках всех министров на групповом фото Третьего кабинета развития Сухарто, сделанного, вероятно, в 1978 или 1983 г.⁵ Фото Кабинета реформ и развития Хабиби показывает наличие знаков у членов правительства⁶. Постановление от 2016 г. не указывает предшествующий учреждающий документ, поэтому трудно установить, когда именно Сухарто или его государственные секретари (хотя, разумеется, с его согласия) создали должностной знак министра или высшего сановника. На фотографиях многих министров первой четверти XXI в. он хорошо виден (см., например, *илл. 12–13*).

Илл. 12. Министр обороны в 2004–2009 гг. и 1999–2000 гг. Ювоно Сударсоно. Фото 21.10.2004. Источник: File: Menteri Pertahanan Juwono Sudarsono.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Menteri_Pertahanan_Juwono_Sudarsono.jpg (дата обращения: 09.06.2025)

⁴ Lencana Khusus Merah Putih, Milik Presiden dan Wapres RI. Suarapaparisa.com. 12.07.2022. <https://suarapaparisa.com/lencana-khusus-merah-putih-milik-presiden-dan-wapres-ri/> (дата обращения: 08.06.2025); Tak Cuma Prabowo, Sederet Menteri Ini Pernah Pakai Pita Merah Putih bak Presiden. Kumparan.com. 06.03.2024. <https://kumparan.com/kumparannews/tak-cuma-prabowo-sederet-menteri-ini-pernah-pakai-pita-merah-putih-bak-presiden-22IPSTMKGYO> (дата обращения: 16.08.2025). В этой статье приводятся изображения знаков с указанием размеров.

⁵ Soeharto-dan-Kabinet-1983–1.jpg. AntaraNews.com. <https://img.antaranews.com/cache/730x487/2019/10/19/Soeharto-dan-Kabinet-1983-1.jpg>; File: Kabinet Pembangunan III.jpeg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kabinet_Pembangunan_III.jpeg (дата обращения: 08.06.2025).

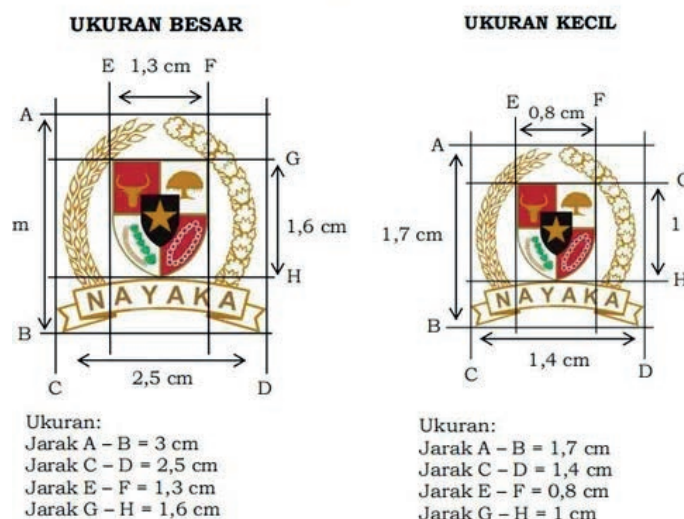
⁶ File: Kabinet Reformasi Pembangunan BJ Habibie.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kabinet_Reformasi_Pembangunan_BJ_Habibie.jpg (дата обращения: 08.06.2025).

Илл. 13. Министр иностранных дел в 2001–2009 гг. Хассан Вираюда 23 сентября 2009 г. на приеме в Нью-Йорке. Источник: File: Hassan Wirajuda.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Hassan_Wirajuda.jpg (дата обращения: 09.06.2025)

Форма должностного знака министров — венок из колосьев риса и хлопка с лентой внизу, на которой нанесена надпись NAYAKA — санскр., яв., индон. арх. «министр» (илл. 14). В центре знака между колосьями — четырехчастный геральдический щит с малым щитком в сердце, символизирующий государственную идеологию «панчасила» («пять принципов») и украшающий государственный герб Индонезии — птицу Гаруду. В малом щитке на черном фоне помещена золотая пятиконечная звезда — одновременно символ «панчасила», ее первого принципа — веры в единого бога и светской идеологии социализма, которую во время разработки герба, в 1950 г., и позднее использовал первый президент страны Сукарно.

**BENTUK, WARNA, DAN UKURAN
TANDA JABATAN MENTERI/PEJABAT SETINGKAT MENTERI**

Илл. 14. Должностной знак министров и должностных лиц Индонезии: прорисовка и размеры. Источник: Sempat Viral di Medsos, Ini Perbedaan Pin yang Dipakai Presiden Jokowi dan Prabowo. Merdeka.com. 28.02.2024. <https://www.merdeka.com/peristiwa/sempat-viral-di-medsos-ini-perbedaan-pin-yang-dipakai-presiden-jokowi-dan-prabowo-94649-mvk.html?page=2> (дата обращения: 16.08.2025)

В первой четверти щита находится голова яванского дикого быка — бантенга (*Bos javanicus*), который служил символом политической партии Сукарно — Национальной партии Индонезии (Partai Nasional Indonesia, 1927–1931, 1946–1973, объединилась с другими в Демократическую партию Индонезии). Бык символизирует четвертый принцип «панчасила» — демократию. Во второй четверти щита помещается дерево баньян — символ национального единства, второго принципа «панчасила». В третьей четверти щита размещены золотые побеги риса и зеленые головки хлопка — символы общественного благосостояния, процветания и социальной справедливости, пятого принципа «панчасила». В четвертой четверти щита золотая цепь — принцип гуманизма и интернационализма, третьего принципа «панчасила», который трактуется и как равноправное положение страны в мире, и как взаимосвязь мужского и женского начал и поколений. Малый щиток имеет черный фон, первая и четвертая четверти — красный, вторая и третья — белый. Красный и белый цвета, как уже указывалось, представлены на государственном флаге Индонезии.

Должностной знак министров имеет два размера — большой и малый (парадный и фразный). Большой знак в высоту насчитывает 3 см, а в ширину — 2,5 см. Геральдический щит на нем высотой 1,6 см и шириной 1,3 см. Малый знак имеет высоту 1,7 см и ширину 1,4 см, а геральдический щит на нем — лишь 1 см в высоту и 0,8 см в ширину.

Все министры и должностные лица министерского уровня носят один и тот же знак, что указывает на их принадлежность к правительству в целом без уточнения конкретной должности. Можно считать это признаком гражданской администрации, хотя скорее это отражение кастовости и статуса.

Лаконичность должностных знаков президента, вице-президента и министров заметно контрастирует с роскошными и громоздкими должностными знаками индонезийских военных, у которых размеры сопоставимы с высшими орденами, если судить по официальным портретам (см. илл. 15). Документы о должностных знаках высшего руководства Национальной армии Индонезии пока найти не удалось, но, например, размер должностного знака военных судей составляет 4,5 см в высоту и 4,5 см в длину, а сам знак представляет собой круг с нанесенными на него пятиконечной звездой сверху и лентой снизу, в который вписаны скрещенные чакры — стрелы с диском на конце, Гаруда с распростертыми крыльями на фоне круга — то ли солнца, то ли луны и якоря согласно Постановлению главкома ТНИ № 658/VIII/2013 от 27 августа 2013 г.⁷

Заключение

Рассмотренные должностные знаки президента, вице-президента и министров Индонезии отражают весьма характерную для страны иерархичность общества и государства. Внешняя символика призвана подчеркнуть положение человека в системе. Поскольку в гражданской службе отсутствуют присущие прежде всего силовым структурам погоны и прочие знаки различия, то их заменяют особые должностные знаки.

В современной Индонезии заметно возрастание роли Национальной армии Индонезии и ее Сухопутных войск [Другов, 2022; 2024], что отразилось в восстановлении должности заместителя главкома и назначении на нее генерала Тандьо Буди Ревита (Tandyo Budi Revita), ранее служившего заместителем начальника штаба Сухопутных войск⁸. Таким образом, из пяти высших должностных лиц — главкома, его заместителя и начальников штабов трех родов войск — трое представляют

⁷ Tanda-jabatan-fung-hakim.pdf. Dilmiltama.go.id. <https://www.dilmiltama.go.id/home/laporan/tanda-jabatan-fung-hakim.pdf> (дата обращения: 16.08.2025).

⁸ Nicholas Ryan Aditya, Danu Damarjati. Usai 25 Tahun Kosong, Jabatan Wakil Panglima TNI Diisi Lagi. *Kompas.com*. 11.08.2025. <https://nasional.kompas.com/read/2025/08/11/06291331/usai-25-tahun-kosong-jabatan-wakil-panglima-tni-diisi-lagi> (дата обращения: 16.08.2025).

Илл. 15. Начальник штаба Сухопутных войск генерал Марули Симанджунтак (род. 1970, в должности с 29.11.2023). Должностной знак находится на правом нагрудном кармане кителя. По размеру он визуально вдвое больше звезды ордена «За верность долгу» (Bintang Dharma), размещенной под левым карманом. Источник: File: Kasad Jenderal TNI Maruli Simanjuntak.jpg. Wikipedia. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kasad_Jenderal_TNI_Maruli_Simanjuntak.jpg (дата обращения: 19.08.2025)

именно Сухопутные войска (сам главком Агус Субиянто, его заместитель Тандьо и начальник штаба данного рода войск Марули Симанджунтак). Еще более значимо увеличение числа военных округов (Komando Daerah Militer/Kodam) на шесть: XIX/Туанку Тамбусай — на островах Риау, XX/Туанку Имам Бонджол — провинции Западная Суматра и Джамби; XXI/Радин Интен — провинции Лампунг и Бенгкулу; XXII/Тамбун Бунгай — провинции Центральный и Южный Калимантан; XXIII/Палака Вира — провинции Центральный и Западный Сулавеси; XXIV/Мандала Трикора — Южное Папуа с центром в Мерауке⁹. По сведениям прессы, начальник штаба Сухопутных войск Марули Симанджунтак ранее предложил план создания 22 новых военных округов «для лучшего баланса сил в каждой провинции»¹⁰, но на это требуются значительные ресурсы: в Индонезии сейчас 38 провинций, включая особые регионы и особый столичный округ.

Наряду с новыми военными округами, относящимися к Сухопутным войскам, президент Прабово учредил 14 военно-морских (Kodamral) и три военно-воздушных (Kodau) региональных

⁹ Hendrik Yaputra. Prabowo Inaugurates Six New Military Command Areas. Tempo.co. 10.08.2025. <https://en.tempo.co/read/2037936/prabowo-inaugurates-six-new-military-command-areas> (дата обращения: 16.08.2025).

¹⁰ Uways Alqadrie. 10 Agustus 2025 TNI Resmikan Enam Kodam Baru, Ini Daftar Wilayahnya. Kaltimpost.javapos.com. 09.08.2025. <https://kaltimpost.jawapos.com/utama/2386410707/10-agustus-2025-tni-resmikan-enam-kodam-baru-ini-daftar-wilayahnya> (дата обращения: 16.08.2025).

командований, одно командование воздушных операций, шесть групп сил специального назначения армии (Korassus), 20 бригад территориального развития, 100 батальонов территориального развития, пять пехотных батальонов для корпуса морской пехоты ВМС и пять батальонов коммандос для корпуса быстрых сил ВВС (Koragasat), а также другие боевые единицы в составе Национальной армии Индонезии¹¹.

В этих условиях можно ожидать как дальнейшего восстановления «двойной функции», военной и общественно-политической, Национальной армии Индонезии, так и приобретение гражданскими ведомствами страны признаков военно-иерархических структур — например, к должностным знакам могут добавиться мундиры вместо костюмов или появятся должностные знаки отдельных гражданских министерств и ведомств.

Литература / Reference

Другов А. Ю. Индонезийская армия: современная политическая роль. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. Т. 1. № 1 (54). С. 89–108. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-089-108 [Drugov A. Yu. Indonesian Army: Present Political Role. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2022. Vol. 1, № 1 (54). Pp. 89–108. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-089-108 (in Russian)].

Другов А. Ю. Индонезийская армия — современная политическая роль. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2024а, Т. 3. № 3 (64). С. 79–97. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-3-3-64-079-097 [Drugov A. Yu. Indonesian Army: Present Political Role. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2024. Vol. 3, № 3 (64). Pp. 79–97. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-3-3-64-079-097].

Захаров А. О. *Наградная система Индонезии*. Ордена и медали. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2022 [Zakharov, Anton O. *The Award System of Indonesia: Orders and Medals*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2022 (in Russian)].

Захаров А. О. Медали Индонезии: из истории функционирования наградной системы. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2023. Том 1. № 1 (58). С. 227–243. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-1-1-58-227-243 [Zakharov A. O. New Indonesian Civil Medals and Their Functioning. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2023. Vol. 1. No. 1 (58). Pp. 227–243. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-1-1-58-227-243 (in Russian)].

Захаров А. О. Нагрудные знаки Военно-морских сил Индонезии: предварительный каталог. *Вопросы истории*. 2024. № 8. С. 10–23 [Zakharov A. O. Badges of the Indonesian Navy: A Preliminary Outline. *Voprosy istorii*. 2024. No. 8. Pp. 10–23 (in Russian)].

Захаров А. О. Нагрудные знаки Военно-воздушных сил Индонезии: предварительный каталог. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2024. Т. 4. № 4 (65). С. 246–258. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-4-4-65-246-258 [Zakharov A. O. Badges of the Indonesian Air Force: A Preliminary Outline. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*. 2024. Vol. 4. № 4 (65). Pp. 246–258. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-4-4-65-246-258 (in Russian)].

Мельник Г. К., Можейко И. В. *Должностные знаки Российской империи*. М.: Хронос, 1993 [Melnik G. K., Mozheiko I. V. *Official Badges of the Russian Empire*. Moscow: Khronos, 1993 (in Russian)].

Патрикеев С. Б., Бойнович А. Д. *Нагрудные знаки России*: в 3 тт. Т. 1–2. М.; СПб: Фарн, 1995. Т. 3. М.: Селеста, 2005 [Patrikeev S. B., Boinovich A. D. *Badges of Russia*: in 3 vols. Vols. 1–2. Moscow; Saint Petersburg: Farn, 1995. Vol. 3. Moscow: Selest, 2005 (in Russian)].

Рудиченко А. И. *Награды и знаки Белых армий и правительств 1917–1922*. М.: Collector's Book, Любимая книга, 2008 [Rudichenko A. I. *Awards and Decorations of the White Armies and Governments, 1917–1922*. Moscow: Collectors Book, 2008 (in Russian)].

¹¹ Radhiyya Indra. Massive Indonesian military restructuring prompts militarisation, budget concerns. *The Jakarta Post*. 11.08.2025. Цит. по: <https://asianews.network/massive-indonesian-military-restructuring-prompts-militarisation-budget-concerns/> (дата обращения: 19.08.2025).

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-061-072

ОБЗОР СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ — КОМПОНЕНТОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В БУТАНЕ

© 2025

Я. А. Рязанов¹

В статье рассматривается развитие систем образования и здравоохранения Бутана как ключевых компонентов человеческого капитала и выявляется парадокс их быстрого количественного роста при сохраняющемся качественном разрыве. Автор показывает, что Бутан смог добиться более широкого охвата населения образовательными и медицинскими услугами. Однако нехватка квалифицированных учителей и медицинских работников, эмиграция кадров и удаленность горных дзонгхагов ограничивают повышение качества услуг. На рынке труда накоплен структурный дисбаланс: молодые люди с университетскими дипломами сталкиваются с безработицей в 21 раз чаще, чем их сверстники, идущие в частный сектор. Одновременно урбанизация и изменение образа жизни приводят к тому, что растет количество случаев неинфекционных и психических заболеваний. Другими словами, Бутан смог провести экстенсивное развитие в образовании и здравоохранении, но сейчас сталкивается с отсутствием базы для интенсификации развития.

Кроме того, не стоит забывать, что главная политика в Бутане — валовое национальное счастье. Согласно его принципам правительство Бутана стремится обеспечить именно духовное развитие для своего населения. Индекс ВНС состоит из 33 компонентов, которые включают в себя не только объективные показатели разных сфер жизни, но и, например, субъективное физическое и психическое самочувствие, а также вводит культурные критерии (например, участие в культурных мероприятиях), т.е. в отличие от человеческого капитала политика ВНС расширяет понятие человеческого капитала и рассматривает человека шире, чем субъекта, полезного для экономики.

Ключевые слова: Бутан, человеческий капитал, образование, здравоохранение, устойчивое развитие

Для цитирования: Рязанов Я. А. Обзор систем образования и здравоохранения — компонентов человеческого капитала в Бутане. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 61–72. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-061-072

OVERVIEW OF EDUCATION AND HEALTH SYSTEMS — COMPONENTS OF HUMAN CAPITAL IN BHUTAN

Yan A. Ryazanov

The article examines the development of Bhutan's education and healthcare systems as key components of human capital and identifies the paradox of their rapid quantitative growth despite a persistent qualitative gap. The author shows that Bhutan has managed to achieve wider coverage of the population with educational and

¹ Рязанов Ян Андреевич, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва, Россия; y.ryazanov@ivran.ru
Yan A. Ryazanov, Laboratory research assistant, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; y.ryazanov@ivran.ru
ORCID: 0009-0002-0801-870X

medical services. However, the shortage of qualified teachers and medical workers, emigration of personnel, and the remoteness of mountain dzongkhags limit improvements in service quality. There is a structural imbalance in the labour market: young people with university degrees are 21 times more likely to be unemployed than their peers who enter the private sector. At the same time, urbanisation and lifestyle changes are leading to an increase in the number of cases of non-communicable and mental illnesses. In other words, Bhutan has been able to achieve extensive development in education and healthcare, but now faces a lack of a foundation for intensifying development.

Furthermore, it should not be forgotten that Bhutan's main policy is gross national happiness. According to its principles, the Bhutanese government strives to ensure the spiritual development of its population. The GNH index consists of 33 components, which include not only objective indicators of various spheres of life, but also, for example, subjective physical and mental well-being, as well as introducing cultural criteria (e.g., participation in cultural events), i.e., unlike human capital, GNH policy broadens the concept of human capital and views the individual more broadly than as a subject useful to the economy.

Keywords: Bhutan, human capital, education, healthcare, sustainable development

For citation: Ryazanov Y. A. Overview of Education and Health Systems — Components of Human Capital in Bhutan. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 61–72. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-061-072

Система образования в Бутане и основные особенности отдельных ее подразделений

Согласно нынешней политике, образование преследует две основные цели: распространение принципов ВНС и культурного и духовного наследия и формирование компетентных, умелых, творческих и предприимчивых людей. Так, образовательные учреждения должны как обеспечивать обратную связь для отслеживания качества образования, совместно использовать онлайн-ресурсы и спортивные сооружения, стремиться к цифровизации образования в преподавании и администрировании, поощрять чтение для личностного роста и способствовать участию людей в жизни общества с применением критического мышления, так и продвигать ценности национальной идентичности и патриотизма, популяризировать защиту окружающей среды и дзонг-кэ (официального языка Бутана), поднимать флаг Бутана, а обучающиеся должны носить национальную одежду во время занятий, петь гимн и желательно регулярно молиться. Школы должны быть экологичными и построенными в бутанском архитектурном стиле, при этом в них активно внедряется предмет ИКТ.

Основной предмет в образовательной программе — дзонг-кэ (национальный язык Бутана), при этом английский должен быть средством обучения, а бутанский язык жестов — распространяться, чтобы обеспечить доступность образования для глухих и слабослышащих. Есть цели укрепления технологии, математики и ИКТ в образовательной программе для соответствия запросам индустриального и постиндустриального общества. Но учебная программа должна учитывать многие факторы, включая пол, социально-экономическое и географическое положение [National Education Policy (Draft), 2022, p. 2–3, 6, 8–9, 11–12].

Начальное образование. В сфере начального образования, как и в здравоохранении, существует проблема нехватки специалистов. Более того, многие из них не квалифицированы. Из-за этого в школах введена многоуровневая система, в соответствии с которой учитель преподаёт предмет сразу нескольким группам разных возрастных категорий [Kivunja, Kuyini, 2015, p. 116, 118]. Кроме того, изначально отсутствовали и учебники, из-за чего преподавали по индийским. Однако они во многом не соответствовали политике Бутана, поэтому скоро были заменены на отечественные, качество которых, впрочем, было низким. Сами школы зачастую построены плохо и находятся

далеко от многих учеников, при этом на их ремонт и строительство выделяется не так много средств (в 2020 г. 86,7% расходов на обучение шли на зарплату учителям, причем в предыдущие годы эта доля росла [Choden, 2022, p. 5]). Наконец, существует противоречие между обучением более полезным и прикладным навыкам и большим акцентом на культурной составляющей, которую довольно сложно внедрить на этом уровне развития системы образования [Mancall, 2017, p. 123–125].

По статистике 2019 г. 79,9% детей заканчивают 10 классов (86,8% девочек и 73,3% мальчиков), что примерно соответствует среднему показателю по миру (в 2011–2016 гг. — 76% мальчиков и 77% девочек [The State of the World's Children 2017, Children in a Digital World, 2018, p. 173]), хотя и выявляет гендерное неравенство. С 2012 г. число учащихся женского пола превышает число учащихся мужского пола благодаря повышению осведомленности о важности женского образования и введению многостороннего образования (проведение одних занятий для учеников разного возраста и с разными способностями [Christopher, Christopher, 1992, p. 2]).

В 2019 г. в Бутане уже работало 38 частных образовательных учреждений и 491 государственное. Они разделяются на несколько видов для увеличения охвата. Например, существуют программы ухода за детьми в раннем возрасте и их развития (обучение детей 3–5 лет в специальных центрах), расширенные классы (обучение в удаленной от школы местности, класс с преподавателем располагается в храмах, больницах или обычных домах).

Обязанности по предоставлению услуг лежат на дзонгхагах, однако отчасти они покрываются внешней помощью (основные помощники — Индия, Япония и ЕС), причем не только финансовой: поставляются питание, канцелярия и учебные материалы. При этом существует и практика самостоятельной закупки обучающимися всего необходимого [Gyeltshen, Zangmo, 2021, p. 484–494].

Высшее образование. В Бутане три вида высших образовательных учреждений: университеты, колледжи и специализированные институты. Стоит заметить, что в отличие от школ женщин в вузах меньше, но разница невелика — 48,5% (6156) женщин и 51,5% (6533) мужчин. В целом в 2019 г. доля охвата высшим образованием людей возраста 19–21 года составила 27,5%. Это значительный прогресс по сравнению с 2009 г., когда в вузах обучался 5051 студент, причем гендерный разрыв был сильнее — 1775 женщин к 3926 мужчинам [Gyeltshen, Dorji, 2020, p. 806–815]. Есть проблемы с осуществлением исследований: у преподавателей слишком большая педагогическая нагрузка, многие из них не обладают необходимой подготовкой и научной степенью для проведения исследований, а сами исследования зачастую не подкрепляются административной поддержкой [Schofield, 2016, p. 12].

В 2022 г. примерно четверть бутанских студентов (4399) обучалась за рубежом, в основном в Индии и Австралии [Annual Education Statistics, 2022, p. 30–31]. Это во многом связано с недостаточным качеством отечественного высшего образования. Например, большинство преподавателей просто пересказывают учебники, акцентируя внимание на необходимости запомнить информацию, а не понять ее. Кроме того, несмотря на сложности с трудоустройством, правительство стремится увеличить количество людей с высшим образованием, однако из-за неспособности студентов оплачивать образование (в Бутане лишь 13,5% студентов оплачивают свое обучение сами, притом что за рубежом для них этот же показатель составляет 60,5% [State of Tertiary Education of Bhutan, 2021, p. 9]) это лишь увеличивает и без того большие расходы правительства в данной сфере. Также система высшего образования страдает от бюрократии, вузам требуется доказывать эффективность своих образовательных программ, что зачастую, напротив, снижает мотивацию преподавателей и саму эффективность из-за чрезмерной скорости изменений. Наконец, полученные в вузах знания часто не соответствуют тем практическим умениям, которые требуют работодатели [Schofield, 2016, p. 10–11, 13–15].

Пандемия коронавируса как раз продемонстрировала нехватку навыков у бутанцев. После ограничения на въезд иностранцев в строительном секторе появился дефицит рабочей силы из-за недостатка обученных бутанских рабочих и нежелания молодежи работать в этом секторе. 40% работодателей заявили, что бутанцы не способны заменить квалифицированных зарубежных рабочих [Choden et al., 2022, p. 12–13].

Отдельного внимания заслуживает и безработица среди молодежи. Отчасти проблема берет свое начало еще в 1991 г., когда была принята политика сокращения штатов гражданской службы, что сократило и найм выпускников вузов. Так, у молодых людей, которые хотят устроиться на гражданскую службу, риск оказаться безработным в 21 раз выше, чем у тех, кто готов пойти в частный сектор [Determinants of Youth Unemployment in Bhutan, 2020, p. 18]. А цель достижения 100%-го уровня грамотности хотя и действительно увеличивает уровень образованности, одновременно с этим иногда делает образование менее качественным и менее подверженным дальнейшим изменениям, а преподаваемые знания — все менее соответствующими потребностям рынка труда [Singye, 2021, p. 1–2]. Если в сельской местности этот показатель не превышает 10% (обычно 4–5%), то в городах — около 25%. Также в 2017 г. 48,6% занятых не имели образования [Labour Force Survey Report, 2010, p. 3, 16; Labour Force Survey Report, 2017, p. 10, 23, 26]. После получения высшего образования еще меньшая часть молодого населения находит работу [Yangchen, 2017, p. 21], так как их образование оказывается невостребованным в государственном секторе, занятом более опытными работниками [Rapten, 2014, p. 22].

Неформальное образование. Также в Бутане существует неформальное образование. Оно лежит вне системы образования и направлено в основном на получение практических навыков. По состоянию на 2016 год оно было разделено на базовый курс обучения грамоте (1–1,5 года, 2–3 часа в день, 5 дней в неделю) и курс повышения квалификации (1 год, 2–3 часа в день, 5 дней в неделю). Первый обучает дзонг-кэ и счету, постепенно переходя к более общим вещам, например, гигиена, планирование семьи, профилактика ЗППП, демократия и т. д., по окончании курса обучающиеся соответствуют выпускникам четвертого класса. Второй курс углубляет знания о здравоохранении, детях, окружающей среде и социально-культурных вопросах, его окончание эквивалентно выпуску из шестого класса. Также люди получают там практические умения, которые могут приносить доход, — огородничество, пошив одежды, столярное дело и т. д. Эти курсы посещают люди разных возрастов, которые не получили образования по тем или иным причинам [Powdyel, 2016, p. 172–174].

Монастырское образование. Есть и традиционное монастырское образование, которое с момента введения светского образования часто ему противопоставлялось, хотя благодаря такой конкуренции монастырское образование перестает быть излишне консервативным и меняется. Основой обучения во многом остаются ритуалы, но эти знания теперь подкрепляются интеллектуальной и академической подготовкой.

В курсах теперь присутствуют английский язык и навыки работы с компьютером, однако, в отличие от индийского монастырского обучения, нет математики и естественных наук, т. е. происходящие изменения все же крайне ограничены. Однако прогресс есть — обучение теперь направлено не только на запоминание, но и на способность к критическому и оригинальному анализу [Gyeltshen, Lopez, 2021, p. 4, 19–20, 25–27].

Хотя такое развитие заметно не везде. Так, монахини получают не самое качественное образование, часто до сих пор заучивая ритуалы, при этом не зная основных принципов буддизма или не умея их интерпретировать. Это связано с довольно продолжительной дискриминацией. Хорошее монашеское обучение женщины могли получить только в Непале и Индии. В Бутане же одна

из основных проблем — низкий престиж, преподаватели предпочитают обучать в мужских монастырях, а не в женских. Также у них нет определенной учебной программы. Наконец, женские монастыри с трудом вписываются в существующую систему монашеского образования, что тоже препятствует развитию [Sonam, Juli, 2016, p. 35–37].

Техническое образование и подготовка (technical and vocational education and training — TVET). Как уже упоминалось, в Бутане существует разрыв между навыками, получаемыми в учебных заведениях, и навыками, запрашиваемыми на рынке труда. Существуют программы технического образования и подготовки, чтобы этот разрыв устранить. Для этого введены национальные стандарты компетентности, которые связаны с работодателями, системой квалификаций Бутана и с разработчиками учебных программ, однако существует еще относительно мало исследований в области повышения квалификации, а перечисленные в национальных стандартах компетентности еще недостаточно конкретизированы [Khandu, 2014, p. 3]. Связь с запрашиваемыми на рынке труда навыками слаба, существует нехватка инструкторов и оценщиков, хотя в 2020 г. в Бутане было более 115 учреждений технического образования и подготовки. Кроме того, преподаватели и студенты жалуются на неэффективные производственные стажировки, поскольку начальство часто не уделяет им достаточного внимания, так что они не получают полезных навыков, а сама стажировка длится слишком недолго [Tshewang, 2021, p. 113–114, 123]. К тому же такие программы считаются второсортными и рассматриваются в основном как запасной вариант на случай поступления в вуз, поскольку техническое обучение ассоциируется с тяжелым физическим трудом и низкими зарплатами. Однако во время пандемии коронавируса техническое образование показало себя с лучшей стороны — многие выпускники удержались на рабочих местах благодаря приобретенным навыкам [Dahal, 2022, p. 269–274].

Таким образом, хотя бутанское правительство во многом смогло решить проблему недостаточного охвата образованием путем введения особых программ и схем, теперь появляется необходимость повысить качество образования и соотнести получаемые навыки с рынком труда. Так, из-за высокой рассредоточенности населения многие обучающиеся все еще находятся далеко от образовательных учреждений, что повышает издержки на их обучение, дефицит преподавателей снижает качество обучения, а бюрократические системы не обеспечивают должной связи с рынком труда. Если реформы и проводятся, то зачастую достаточно ограниченные, а также не всегда эффективные, кроме того, для решения некоторых проблем необходимы изменения в общественном восприятии некоторых сфер образования. Но в любом случае охват образованием населения сильно увеличился, поэтому Бутану остается ждать эффекта от инвестиций в эту сферу. Правда, учитывая структуру экономики страны в целом и структуру занятости в частности, последствия могут быть и негативными и вызвать еще большую безработицу среди молодежи при дефиците рабочей силы в некоторых секторах [Рязанов, 2022, с. 124].

Особенности бутанской системы здравоохранения

Сектор здравоохранения финансируется из нескольких источников: правительство, внешняя помощь, домохозяйства, целевой фонд здравоохранения Бутана и частное страхование. Если в 1990-х годах доля частного финансирования составляла 33%, то в 2000-х она снизилась, хотя позже снова начала наблюдаться тенденция к повышению: в 2014 г. 27% финансировалось частным сектором (в том числе 12% — из собственного кармана, т. е. единовременной прямой денежной выплатой). Идут дискуссии о необходимости увеличения доли частного сектора в здравоохранении для повышения его конкурентоспособности, поскольку в 2014 г. 5,35% расходов было направлено на лечение

людей за границей, так как лечение в Бутане было недоступно (лечение за рубежом также оплачивает государство, хотя оно может отдавать приоритет тем или иным пациентам). Кроме того, необходима более точная категоризация услуг для более точного субсидирования важных сфер. При этом финансирование из внешних источников сокращается, поскольку для международных организаций Бутан становится страной со средним уровнем дохода [Thinley, Sharma, Wangmo, 2017, p. 104–107]. Наконец, все сильнее распространяются неинфекционные заболевания, лечение которых также увеличивает расходы. Из-за изменения образа жизни и питания, курения и употребления алкоголя растет заболеваемость раком, диабетом, гипертонией. В 2014 г. 33% населения имели лишний вес, 42,4% употребляли алкоголь и только 11,7% детей имели доступ к минимально приемлемому рациону. Кроме заболеваний, растет и количество ДТП из-за употребления алкоголя [Yangchen, Tobgay, Melgaard, 2016, p. 82].

Неравенство в предоставлении услуг здравоохранения сохраняется — это видно на примере детской смертности в зависимости от уровня благосостояния. На это есть несколько причин. В целом медицинские услуги доступны по всей стране, но удаленность больниц и цены на медикаменты увеличивают их стоимость, тем самым сокращая использование среди бедного населения; некоторые предпочитают традиционную медицину; недостаточная осведомленность также негативно влияет на спрос. Кроме того, у бедных людей здоровье хуже из-за более низких доходов, опасных условий труда и нездорового поведения [Yangchen, 2017, p. 81–84]. Так, женщины часто откладывают свой первый визит к доктору после зачатия ребенка, чтобы сократить общее количество дорогостоящих поездок к врачу. Наконец, неравенство в региональном контексте влияет и на миграцию, в развитых районах и городах все больше молодежи, а в сельских округах менее богатой восточной части страны остается много пожилых людей. Это привело к тому, что в 2020–2021 гг. городские больницы были переполнены, а сельские — наоборот, недостаточно загружены [Tenzin et al, 2022, p. 2–3].

Современная медицина сочетается с традиционной, которая называется сова ригпа. Она состоит из официальной и неофициальной. Официальная разделяется на три подразделения: национальная больница традиционной медицины (развитие и предоставление услуг); национальный институт традиционной медицины (обучение персонала для предоставления услуг); фармацевтическое исследовательское подразделение (производство традиционных лекарственных средств). Отделения традиционной медицины прикреплены к районным больницам, в них работают минимум один дунгтшо (традиционный врач) и один менпа (ассистент). 20–30% амбулаторных больных ежедневно лечатся традиционными препаратами, а ежегодно 30 000 пациентов используют услуги традиционной медицины. Согласно исследованию, наибольшая доля именно необразованных людей (83%) использовала услуги традиционной медицины, но и среди людей с высшим образованием она составила 40% [Lhamo, Nebel, 2011, p. 3–7].

Стоит упомянуть и психическое здоровье. Его охрана интегрирована в общую систему, более того, политика ВНС тщательно рассматривает psychological wellbeing как один из важнейших компонентов индекса [Бочковская, 2021, с. 441–457]. При этом специализированное психиатрическое отделение в стране только одно — в Национальном госпитале, в остальных регионах обычные врачи проходят подготовку по консультациям, лечению и выписке препаратов. Центров по лечению и реабилитации лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, также мало. Еще одной проблемой является недостаточная осведомленность — концепция психического здоровья относительно новая для Бутана. Стоит отметить, что продвижение религиозных ценностей может способствовать укреплению психического здоровья, поскольку религиозные люди лучше справляются со стрессом, тревогой, депрессией и зависимостями [Tsheten et al, 2023, p. 7]. Стоит учитывать,

что причиной проблем с психическим здоровьем можно назвать переход от традиционного общества в сторону более современного.

Ярким примером проблем с психическим здоровьем является растущее количество случаев самоубийств, особенно в последнее десятилетие: как видно на рисунке 1, смертность от самоубийств превысила смертность от туберкулеза, ВИЧ, малярии и ДТП. Большая часть самоубийств наблюдается в сельских районах (88%) и среди молодежи 15–40 лет (66%). В середине прошлого десятилетия правительство начало применять политику, направленную на предотвращение самоубийств, она включила в себя создание телефонов доверия, внедрение специальных школьных программ и общественных кампаний, пропаганду в социальных сетях, ужесточение регулирования распространения алкоголя и наркотиков и повышение осведомленности у полиции и врачей традиционной медицины [Dorji et al, 2017, p. 39–41]. Многое действительно было внедрено, с 2018 г. количество самоубийств и попыток самоубийств снизилось (кроме 2020 г.).

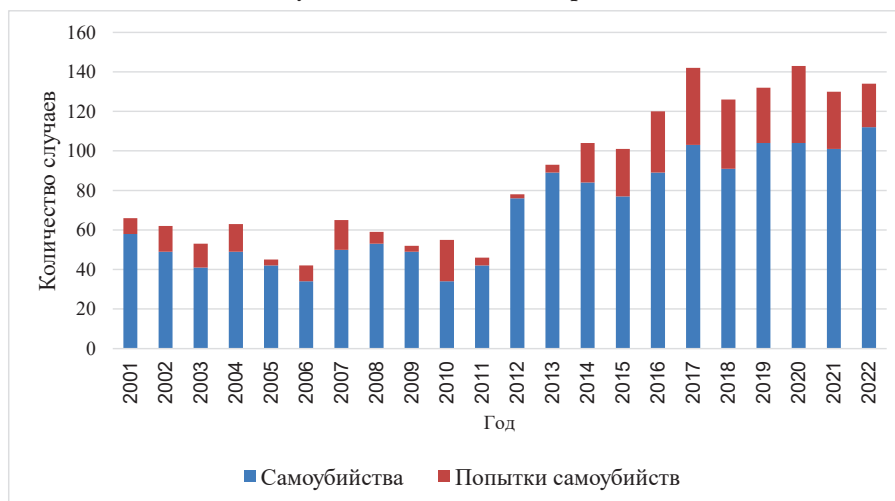

Рис. 1. Количество самоубийств и попыток самоубийств в Бутане.
Составлено автором на основе [Statistical Yearbooks]

В 2022 г. в Бутане было 4,6 доктора на 10000 человек [Annual Health Bulletin, 2023, p. 14]. Это почти в 10 раз меньше регионального порога ВОЗ для Юго-Восточной Азии (44,5) [South-East Asia Regional Strategy for Primary Health Care: 2022–2030, p. 6]. Кроме того, их распределение слишком универсальное и не учитывает реального спроса на местах, что приводит к чрезмерно высокой или низкой нагрузке в разных регионах. Многие врачи и медсестры также не хотят работать в отдаленных районах из-за нескольких факторов: индивидуальные (наличие лучших возможностей для трудоустройства и нехватка свободного времени), семейные (большая необходимость выполнять домашние обязанности в сельской местности и отсутствие поддержки со стороны семьи), социальные (неуважение со стороны местного населения, обвиняющего врачей в пренебрежении к своей семье) и организационные (маленькая зарплата, отсутствие компенсации за издержки, плохое обеспечение) [Tshering et al, 2018, p. 1190–1191].

Региональное распределение медицинской инфраструктуры в целом соотносится с долей населения в дзонгхагах, количество медицинского оборудования и коек на 1000 человек находится в пределах 0,65 и 3,61, за исключением столицы, Тхимпху (0,32 единицы медицинского оборудования и 3,62 койки на 100 человек) — это видно на рисунке 2 [Dzonghags at a Glance, 2016, p. 2]. В среднем по стране (1,8) коек на 1000 человек больше, чем в Бангладеш (0,6) и Индии (0,7),

но меньше, чем в Шри-Ланке (3,6), Мальдивах (4,3) и Непале (5) [The Kingdom of Bhutan Health System Review, 2017, p. 83].

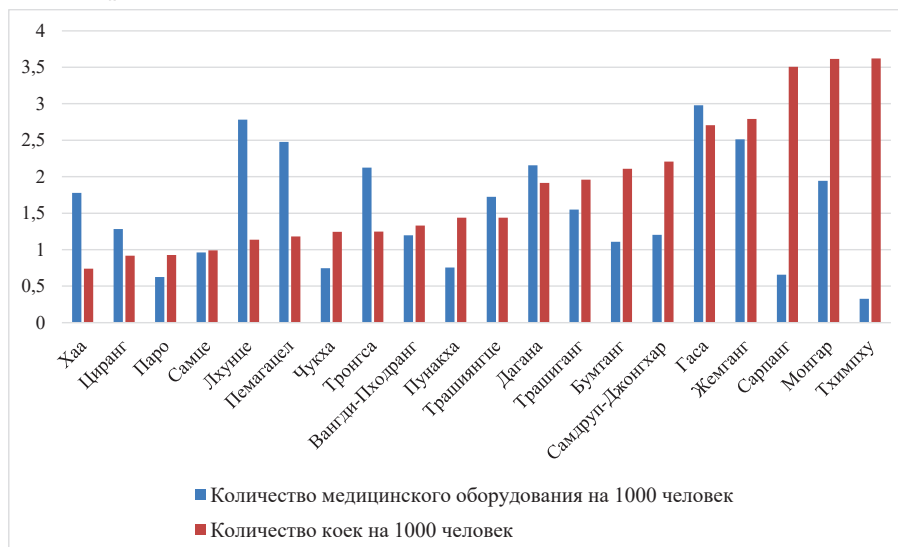

Рис. 2. Количество медицинского оборудования и коек на 1000 человек, шт.
Составлено автором на основе [The Kingdom of Bhutan Health System Review, 2017, p. 78]

Еще одна проблема — нехватка медицинских колледжей в стране, т. е. в сфере здравоохранения Бутан во многом зависит от иностранного образования. Вместе с тем медицина — относительно узкоспециализированная профессия, обучаться которой готово не так много молодежи [Palden, p. 53–54].

Стоит также отдельно рассмотреть и доступ к лекарствам. Постепенно Бутан стал их проверять, регистрировать и регулировать их импорт (сегодня 60% основных лекарственных средств зарегистрировано и доступно в государственных учреждениях). В 2012 и 2017 гг. были предприняты значительные шаги по упрощению бюрократии, так что зарегистрированные лекарства проходят ускоренный процесс допуска — теперь оформление сертификата о регистрации продукта занимает 45 дней. Кроме того, фармацевтов стали обучать и проверять на компетентность [Jamphel, Chejor, p. 37–38].

Распространение неинфекционных заболеваний (причина 69% смертей в 2016 г.) во многом связано с нездоровым образом жизни людей [Sithey et al, 2021, p. 2]. Как уже отмечалось, в 2019 г. 42,9% бутанцев употребляли алкоголь, при этом 23,9% бутанцев курили, у 86,4% был недостаток фруктов и овощей в питании, а 5,9% страдали от недостатка физической активности. Распространенность лишнего веса, гипертонии и сахарного диабета составила 33,5%, 28% и 1,9% соответственно [Noncommunicable Disease Risk Factors: Bhutan STEPS Survey Report, 2019, p. 20, 39, 61, 74, 83, 89, 98].

Меняющиеся ценности, урбанизация и глобализация способствуют исчезновению традиционного образа жизни в Бутане, что приводит к злоупотреблению наркотиками и алкоголем. Наркотики как увеличивают количество преступлений, так и сокращают эффективность рабочей силы. Употребление наркотиков как раз оказалось наиболее распространено среди молодежи (46% — 18–24 года и 38,6% — 25–35 лет), образованных людей (61% — со средним образованием и 24,9% — с высшим) и мужчин (93,8%). Подвержены особому риску работники сферы услуг и продаж (39,6%), а также фермеры (35%). Хотя доля молодежи, употребляющей наркотики, в Бутане все же благодаря

строгим законам ниже, чем в Южной Азии в среднем, открытая граница с Индией делает приобретение наркотиков в приграничных городах легче [Wangdi, Jamtsho, 2019, p. 536–539].

Употребление алкоголя также является проблемой: в 2014 г. 50% мужчин и 33% женщин употребляли алкоголь в течение последних 30 дней. Он распространен и среди молодежи — 16,2% несовершеннолетних учащихся пьют алкоголь (в несколько раз больше, чем в Непале, Мьянме и Шри-Ланке). Почти 17% бутанцев — диагностированные алкоголики. Для борьбы с алкоголизмом вводятся ограничительные законы, например, продажа только в промежутке 13:00–22:00 и запрет продажи по вторникам. Однако соблюдаются эти законы только в 17,3% случаев [Gyeltshen et al., 2021, p. 1–4]. С повышением доходов местного населения увеличивается и доля коммерческого алкоголя на рынке, однако довольно популярно домашнее пиво (банг чанг), производимое домохозяйствами (в 2010 г. его ежегодное потребление было равно 8,2 л на человека старше 15 лет — больше, чем в других странах Южной Азии). На каждого пьющего в целом приходится по 20 литров этанола — это высокий показатель, который объясняет высокую смертность от болезни печени (24 на 100 000). Также алкоголь влияет на появление и распространение хронических болезней, домашнего насилия и случаев ДТП [Kypri, Dorji, Dalton, 2017, p. 1–2].

Наконец, несмотря на серьезные ограничения по отношению к табаку (в Бутане его нельзя выращивать и продавать, он может быть импортирован исключительно для личного пользования [Tobacco Control (Amendment) Act of Bhutan, 2014, p. 1–3]), бутанцы курят. В выборке из 357 студентов курили 48,5%. Из них большая часть курила 7–9 (36,6%) и 4–6 (30,5%) сигарет в день. 43,3% начали курить в 13–15 лет, а 36,6% — в 16–18 лет. Причем основные причины начала курения — влияние сверстников (47,6%) и мода (31,1%) [Namgay, Dendup, Choden, 2021, p. 15, 18].

Несмотря на выделенные проблемы, стоит также обратить внимание на то, что в Бутане около 90% населения имеет доступ к медицинской инфраструктуре в пределах 2 км, 99,4% — к чистой питьевой воде, 95,2% — к улучшенным средствам санитарии [Tenzin et al., 2022, p. 1–5]. Согласно другим данным, последние два показателя в Бутане в разы хуже (36,6% и 65,2%), но из стран Южной Азии уступают только Бангладеш. Наконец, в Бутане чистый воздух, из всех стран Южной Азии он выделяет меньше всего углекислого газа, а по загрязненности воздуха на человека стоит на предпоследнем месте после Шри-Ланки [Abdul Jabbar et al., 2022, p. 5, 7].

Хотя Бутан повысил охват населения медицинскими услугами и отчасти решил проблему инфекционных заболеваний, неинфекционные и психологические заболевания становятся все более серьезной проблемой, к которой страна едва ли готова. Есть острый недостаток специалистов по психологическим болезням, при этом население ведет все менее здоровый образ жизни, а привлечение персонала в удаленные районы остается сложной задачей. И эти факторы уже не решить реформами только в сфере здравоохранения.

Выводы

С одной стороны, бутанское правительство сделало большие успехи в развитии человеческого капитала, увеличило охват населения здравоохранением и образованием, провело реформы, стараясь учитывать особенности страны (монастырское образование и традиционная медицина). Однако следует учитывать, что Бутан по-прежнему неразвита страна с немного искаженной структурой занятости и экономики, поэтому несоответствие значительных успехов в улучшении человеческого капитала с общим развитием может привести к негативным последствиям. Так, увеличение количества образованных молодых людей без рабочих мест для них увеличивает безработицу и дефицит рабочей силы в сферах с физическим трудом. Хотя Бутан взял под контроль инфекционные

заболевания, ему теперь придется справляться со все учащающимися случаями неинфекционных и психических заболеваний, для лечения которых нынешняя система здравоохранения еще слабо приспособлена. И хотя охват здравоохранением и образованием увеличен, а уровень бедности снижен, удаленность и качество медицинских и образовательных учреждений разное, как и возможности для увеличения доходов, что проявляется в обострении неравенства. Причем причины этих проблем не только в недостатках, собственно, существующих систем, но и отчасти в отношении людей к определенным вещам, т. е. решение проблем должно состоять не только из структурных реформ, но и из пропаганды или повышения осведомленности среди населения.

Литература / References

Бочковская А. В. Формула счастья: институционализация эмоций в стране дракона-громовержца. *Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: введение в стандарты и практики эмоций*. М.: ИВ РАН, 2021 [Bochkovskaya A. V. The formula of happiness: the institutionalization of emotions in the land of the Thunder Dragon. *Under the skies of South Asia. Shame and Pride: An Introduction to Standards and Practices of Emotion*. Moscow: IV RAN, 2021 (in Russian)].

Рязанов Я. А. Внешнеэкономическая зависимость Бутана. *Российский внешнеэкономический вестник*. М.: Всероссийская академия внешней торговли, 2022. № 8 [Ryazanov Y. A. Bhutan's Dependence on Foreign Economies. *Russian Foreign Economic Journal*. Moscow: Russian Foreign Trade Academy, 2022. № 8 (in Russian)]

Abdul Jabbar S., Qadar L. T., Ghafoor S., Rasheed L., Sarfraz Z., Sarfraz A., Sarfraz M., Felix M., Cherrez-Ojeda I. Air quality, pollution and sustainability trends in South Asia: a population-based study. *International journal of environmental research and public health*. Basel: MDPI (Multidisciplinary Digital Publishing Institute), 2022. Vol. 19. No. 12.

Annual Education Statistics 2022. Policy and Planning Division, Ministry of Education, Royal Government of Bhutan. Thimphu, 2022.

Annual Health Bulletin 2023. HMIS and Research Section, Policy and Planning Division (PPD), Ministry of Health (MoH), Royal Government of Bhutan. Thimphu, 2022.

Choden J. *The Financing of Education in Bhutan*. Paris: UNESCO, 2022.

Choden Y., Cheki T., Rai A., Tshering P., Tamang T. T. Assessment of Labour Shortage in Bhutanese Construction Industry during Covid-19 Pandemic. *Construction Journal of Bhutan*. Thimphu: Construction Development Board, Royal Government of Bhutan, 2022. No. 3.

Christopher T., Christopher S. Issues in the Development of Multigrade Schools. *The International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank*. Washington, D.C., 1992.

Dahal B. P. Perspectives on Technical and Vocational Education and Training: Are young people prejudiced against it? *International Journal of Multidisciplinary Perspectives in Higher Education*. Baltimore, Maryland: STAR Scholars Network, 2022. Vol. 7. No. 2.

Determinants of Youth Unemployment in Bhutan. National Statistics Bureau of Bhutan. Thimphu, 2020.

Dorji G. Choki S., Jamphel K., Wangdi Y., Chogyel T., Dorji C., Nirola D. K. Policy and governance to address depression and suicide in Bhutan: the national suicide-prevention strategy. *WHO South-East Asia journal of public health*. Mumbai: Wolters Kluwer Health, Medknow, 2017. Vol. 6. No. 1.

Dzonghags at a Glance 2016. National Statistics Bureau. Thimphu, 2016.

Gyeltshen D., Lopez M. So Old and Yet So New: Buddhist Education and the Monastic Curriculum in Contemporary Bhutan. *Journal of Bhutan Studies*. Thimphu: Centre for Bhutan Studies, 2021. Vol. 45.

Gyeltshen K., Dorji R. Higher Education in Bhutan: Policy, Current Status, and Challenges. *Handbook of Education Systems in South Asia*. Singapore: Springer Nature, 2020.

Gyeltshen K., Zangmo S. School Education in Bhutan: Policy, Current Status, and Challenges. *Handbook of Education Systems in South Asia*. Singapore: Springer Nature, 2021.

- Gyeltshen T., Penjor T., Dorji L., Tshering L., Dorji K., Subedi B. N., Tshering D., Xu Y. Y., Dorji G., Gueye G. N. Alcohol policy compliance among retailers in Bhutan: a multisite community intervention study. *BMC public health*. London: Biomed Central (Springer Nature), 2021. Vol. 21.
- Jamphel K., Chejor P. Evolution of medicines regulatory system in Bhutan: history, status and challenges. *Journal of Regulatory Science*. College Station, Texas: Office of the Texas State Chemist, Texas A&M AgriLife Research, Texas A&M University System, 2018.
- Khandu Y. *Technical and Vocational Education and Training (TVET): Training providers', employers', instructors' and trainees' attitudes to generic/employability skills in Bhutan*. Thimpu: MoLHR, Bhutan, 2014.
- Kivunja C., Kuyini A. B. Investigating the gaps among policy, teacher education, and practice in multi-grade education in Bhutan. *International Journal of Educational Reform*. Thousand Oaks, California: SAGE Publications Inc., 2015. Vol. 24. No. 2.
- Kypri K., Dorji G., Dalton C. Alcohol and economic development: Observations on the kingdom of Bhutan. *Drug and Alcohol Review*. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2017. Vol. 36. No. 3.
- Labour Force Survey Report. Ministry of Labour and Human Resources*. Thimphu, 2010.
- Labour Force Survey Report. Ministry of Labour and Human Resources*. Thimphu, 2017.
- Lhamo N., Nebel S. Perceptions and attitudes of Bhutanese people on Sowa Rigpa, traditional Bhutanese medicine: a preliminary study from Thimphu. *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*. London: BioMed Central Ltd., 2011. Vol. 7. No. 1.
- Mancall M. Education in Bhutan: Culture, Schooling, and Gross National Happiness. *Journal of International and Comparative Education (JICE)*. Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 2017.
- Namgay P., Dendup T., Choden K. Prevalence of smoking among high school students in Thimphu, Bhutan. *Asian J Educ Soc Stud*. India: Science Domain International, 2021. Vol. 20. No. 2.
- National Education Policy (Draft). Royal Government of Bhutan*. Thimphu, 2022.
- National Health Policy. Ministry of Health, Royal Government of Bhutan*. Thimphu, 2011.
- Noncommunicable Disease Risk Factors: Bhutan STEPS Survey Report, 2019. Department of Public Health, Ministry of Health (MoH), Royal Government of Bhutan*. Thimphu, 2020.
- Palden K. Intellectual property, access to medicines and public health issues in Bhutan. *Journal of Bhutan Studies*. Thimphu: Centre for Bhutan Studies, 2009. Vol. 21.
- Powdye T. S. Non-formal education in Bhutan: origin, evolution, and impact. *Education in Bhutan: Culture, Schooling, and Gross National Happiness*. Singapore: Springer, 2016.
- Rapten P. *Understanding the Dynamics of Labour Market and Youth Unemployment in Bhutan — A study for Policy and Strategic Responses*. Institute of developing economies. Japan external trade organization. Chiba: Institute of Developing Economies, 2014. Vol. 487.
- Schofield J. W. Higher education in Bhutan: Progress and challenges. *Education in Bhutan: Culture, schooling, and gross national happiness*. Singapore: Springer, 2016.
- Singye J. Exploring the lived experiences of unemployed graduate youths on the paradoxical labour market in Bhutan. *International Journal of Advanced Research*. Indore: Department of Zoology, Mata Jijabai Government P. G. Girls College, 2021.
- Sithey G., Wen L. M., Dzied L., Li M. Noncommunicable diseases risk factors in Bhutan: a secondary analysis of data from Bhutan's nationwide STEPS survey 2014. *PLoS One*. San Francisco: Public Library of Science, 2021. Vol. 16. No. 9.
- Sonam W., Juli E. Empowerment Through Monastic Education: A Case Study of Buddhist Nuns in Bhutan. *SARJANA*. Kuala Lumpur: University of Malaya, 2016. Vol. 31. No. 1.
- South-East Asia Regional Strategy for Primary Health Care: 2022–2030. World Health Organization*. New Delhi: World Health Organization, Regional Office for South-East Asia, 2021.
- State of Tertiary Education of Bhutan 2021. Higher Education Planning Division, Department of Adult and Higher Education, Ministry of Education, Royal Government of Bhutan*. Thimphu, 2021.

Tenzin K., Dorji T., Dorji G., Lucero-Prisno III D. E. Health inequities in Bhutan's free healthcare system: a health policy dialogue summary. *Public Health Challenges*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons Ltd., 2022. Vol. 1. No. 4.

The Kingdom of Bhutan Health System Review. *Health systems in transition*. New Delhi: World Health Organization, 2017. Vol. 7. No. 2.

The State of the World's Children 2017, Children in a Digital World. United Nations Children's Fund. New York: United Nations Children's Fund (UNICEF), 2018.

Thinley S., Sharma J., Wangmo K. Sustainability of Bhutan's Health Services. *Druk J.* Thimphu: Bhutan Centre for Media and Democracy, 2017. Vol. 3. No. 1.

Tobacco Control (Amendment) Act of Bhutan. Thimphu: Royal Government of Bhutan, 2014.

Tshering D., Tejavivaddhana P., Siripornpibul T., Cruickshank M., Briggs D. Identifying and confirming demotivating factors for village health workers in rural communities of Bhutan. *The International Journal of Health Planning and Management*. Chichester, Sussex: John Wiley & Sons Ltd., 2018. Vol. 33. No. 4.

Tsheten T., Chateau D., Dorji N., Pokhrel H. P., Clements A. C. A., Gray D. J. Impact of COVID-19 on mental health in Bhutan: A way forward for action. *The Lancet Regional Health-Southeast Asia*. Oxford: Elsevier Ltd., 2023. Vol. 11.

Tshewang S. A situational Analysis of the faculties' Industrial Attachment programme at public Technical Training Institutes (TTIs) in Bhutan. *Journal of Humanities and Education Development (JHED)*. Kottgeising: The Shilonga Publications Group, 2021. Vol. 3. No. 1.

Wangdi K., Jamtsho T. Drug use among teenagers and young adults in Bhutan. *Indian journal of psychological medicine*. Thousand Oaks, California: SAGE Publishing on behalf of the Indian Psychiatric Society, South Zonal Branch, 2019. Vol. 41. No. 6.

Yangchen S., Tobgay T., Melgaard B. Bhutanese health and the health care system: past, present, and future. *Druk J.* Thimphu: Bhutan Centre for Media and Democracy, 2016. Vol. 2. No. 1.

Yangchen T. *Determinants of youth unemployment in Bhutan*. KDI School of Public Policy and Management. Sejong: KDI School of Public Policy and Management, 2017.

ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН (1979–2024 гг.)

© 2025

М. С. Каменева¹

Статья, написанная на основе доклада, который был представлен автором на Международном конгрессе «Восточный контур: язык, культура, языковая политика», состоявшемся 24–25 октября 2024 г. в МГИМО (Университет) МИД РФ, анализирует языковую политику как важную составляющую проводимой руководством ИРИ культурной политики. В статье показано, что в разные периоды развития страны и при разных президентах изменения в культурной политике вели к определенным трансформациям в языковой сфере. Менялось отношение властных структур к использованию в стране арабского языка, месту и роли национальных и миноритарных языков, функционированию западноевропейских языков, а также отношение к ним в иранском обществе. Вместе с тем, как подчеркивается автором, позиции персидского языка при этом оставались стабильными и прочными, а его престиж непоколебимым.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, культурная политика, персидский язык, национальные языки, языковая политика

Для цитирования: Каменева М. С. Языковой аспект культурной политики в Исламской Республике Иран (1979–2024 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 73–82. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-073-082

LANGUAGE ASPECT OF THE CULTURAL POLICY IN THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN (1979-2024)

Marina S. Kameneva

The article, written on the basis of a report presented by the author at the International Congress "Eastern Contour: Language, Culture, Language Policy", held on October 24-25, 2024 at MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, analyzes the language policy as an important component of the cultural policy pursued by the leadership of the Islamic Republic of Iran. The article shows that at different periods of the country's development and under different presidents, changes in the cultural policy led to certain transformations in the linguistic sphere. The attitude of the authorities to the use of the Arabic language in the country, to the place and role of the national and minority languages, the functioning of the Western European languages, as well as the attitude towards them in the Iranian society changed. At the same time, as the author emphasizes, the position of the Persian language remained stable and strong, and its prestige unshakable.

Keywords: Islamic Republic of Iran, cultural policy, Persian language, national languages, language policy

¹ Каменева Марина Самуиловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; kamenevamarina@mail.ru
Marina S. Kameneva, PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kamenevamarina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3680-0301

For citation: Kameneva M. S. Language Aspect of the Cultural Policy in the Islamic Republic of Iran (1979–2024). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 3. Pp. 73–82. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-073-082

Исламская Республика Иран (ИРИ) приближается к своему 50-летию. Прошедшие почти пять десятилетий — это время знаковых изменений во внутренней политике и экономике, корректировки внешнеполитического курса страны, что оказывало непосредственное влияние на проводимую в стране культурную политику, важным компонентом которой в иранском культурологическом дискурсе является языковая политика. Любые изменения в культурной политике Ирана ведут к определенным трансформациям в языковой сфере.

Как показывает анализ фактологического материала, изменения в культурной и культурно-языковой области исторически совпадают с приходом к власти нового президента, за исключением первого десятилетия после исламской революции, которое традиционно связывают с именем имама Хомейни, его идеями и установками относительно путей развития обновленной иранской культуры.

Революционные события февраля 1979 г. и принятые на вооружение новым иранским руководством приоритеты в сфере культурной политики внесли значительные изменения и в проводимую в стране языковую политику. Языковая политика в послереволюционном Иране, с одной стороны, представляла собой не что-то абсолютно новое, а являлась продолжением характерных для нее прежних дореволюционных тенденций, а с другой — она реализовывалась уже в новых общественно-политических условиях и под влиянием новых идеологических установок.

В языковой политике в ИРИ в первое десятилетие после исламской революции в сравнении с предреволюционным периодом прежде всего произошли серьезные изменения в юридическом статусе языков, функционирующих на территории страны.

Во время правления династии Пехлеви единственным государственным языком признавался персидский, хотя в первой и единственной до 1979 г. конституции страны, датированной 1906 г., не был законодательно закреплён статус ни одного из используемых на территории Ирана языков. Возводились преграды на пути развития местных или, как нередко пишут в исследованиях по Ирану, языков национальных меньшинств и их употребления в жизни неперсидских народов. Исключение составляли лишь языки отдельных этноконфессиональных меньшинств, как, например, армянский. Арабский язык еще к началу XX в. локализовался в сфере религиозного общения. Была предоставлена определенная свобода западноевропейским языкам [Каменева, 2017, с. 87–89].

После исламской революции согласно новой конституции ИРИ, принятой в декабре 1979 г., сохранялось и официально подтверждалось главенствующее положение персидского языка, провозглашенного государственным в стране, на второе и третье места соответственно были поставлены арабский и национальные языки. Статус западноевропейских языков, как и прежде, не был в ней законодательно определен [Ghanun-e asasi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran, 1979].

Что касается позиций персидского языка, то они оставались достаточно прочными и стабильными, и их никто не оспаривал. Персидский язык продолжал рассматриваться как символ консолидации иранской нации, что уже давно укоренилось в иранском общественном сознании.

Вместе с тем в процессе исламизации или «арабизации» иранского общества в рамках проводимой руководством страны политики панисламизма, оказывавшей влияние и на иранскую культуру, далеко не последняя роль отводилась арабскому языку. После исламской революции культурно-языковая политика была направлена на внедрение арабского языка в систему образования, СМИ, повседневную жизнь, чтобы придать ему, в значительной степени искусственно, более широкие социальные функции в иранском обществе. В этой связи было введено обязательное изучение арабского языка в школах Ирана, организовано его преподавание в широком масштабе по всей

стране — на курсах всеобща, созданных на различных предприятиях, на специальных курсах для иранских паломников к мусульманским святыням, а также в рамках учебных телевизионных передач. На арабском языке начала издаваться пресса [Keyhan, 14.12.1981; 02.11.1982; Jomhuriye eslami, 17.01.1982; 01.05.1983; 23.07.1983; Ettelaat, 26.07.1982]. Журнал «Голос нации» стал тем периодическим печатным органом, в котором на арабском языке в доступной форме давалась информация о важнейших событиях в Иране и мусульманском мире, а также публиковались сообщения о деятельности Министерства исламской ориентации и международной жизни [Keyhan, 17.01.1982]. Стали регулярно проводиться соревнования в мастерстве чтения Корана, результаты которых широко освещались средствами массовой информации, устраивались научные форумы, посвященные арабскому языку, и многое другое [Jomhuriye eslami, 12.10.1982]. Ведущие религиозные и политические деятели на страницах периодических изданий неоднократно подчеркивали, что арабский язык — язык ислама, язык священной книги «Коран» и что человек, не владеющий им хотя бы в некоторой степени, не сможет понять смысл мусульманской религии [Keyhan, 26.11.1981]. Налицо было стремление иранской власти реанимировать арабский язык и превратить его в важный фактор культурно-языкового развития страны. Шел активный процесс арабизации персидского языка.

Такие взгляды и действия руководства страны поддерживались далеко не всем иранским обществом. Так, например, среди представителей интеллигенции, особенно творческой, были те, кто занимал отрицательную позицию в данном вопросе, высказывая опасения, что избыток арабизмов искусственный персидский язык заменит собой настоящий благозвучный [Tonkaboni Feridun, 1985, № 4].

Вместе с тем и до исламской революции, и в последующие годы в иранской прессе на фоне периодически появлявшихся крайних в этом вопросе точек зрения не раз высказывались соображения и относительно необходимости разумного подхода к внедрению в ИРИ мусульманской культуры и арабского языка как ее важного компонента [Ettelaat, 03.06.1979; 02.03.1984; 13.05.1984; 31.10.1985].

Однако уже со второй половины 80-х гг. стало очевидно, что политика мусульманского руководства в культурно-языковой области, направленная на планомерное и целенаправленное внедрение арабского языка в различные сферы жизни иранского общества, не имела успеха. Несмотря на свой высокий социальный статус языка Корана и мусульманской религии, арабский язык не смог успешно конкурировать с персидским языком. Чужеродность и недоступность для понимания большинству населения Ирана не позволили арабскому языку, подобно персидскому, приобрести более широкие общественные и социальные функции. Наряду с этим персидский язык постепенно начал все больше ассоциироваться с исламом и исламской культурой и рассматриваться как инструмент распространения иранских цивилизационных ценностей в другие регионы мира, и прежде всего в соседние мусульманские государства [Ettelaat, 30.06.1979; 27.08.1982].

Другой важный вопрос в послереволюционной языковой политике находился в плоскости национальных отношений — предоставления национальным языкам, родным для представителей национальных групп населения страны, статуса, соответствующего роли этих языков в жизни того или иного народа. Этот вопрос постепенно приобретал все более острый характер, что было обусловлено и многими конкретными требованиями, выдвигаемыми национальными меньшинствами в культурно-языковой области.

В первые годы после исламской революции, несмотря на существовавшие в национально-культурной области сложности, были сделаны отдельные реальные шаги в их разрешении, в том числе и в ответ на требования некоторых народов Ирана, прежде всего курдов, о предоставлении им автономии.

Наиболее значительные из них затронули Иранский Азербайджан и Иранский Курдистан. В иранской прессе сообщалось, что в школах этих национальных районов наряду с персидским разрешается преподавание национальных языков, а также национальных литератур. Появилась также информация о подготовке в университетах соответствующих провинций курсов азербайджанского и курдского языков, а также курсов литератур на них, об активизации радио- и телепередач и выходе отдельных периодических изданий на этих языках [Каменева, 1981, с. 113–114].

Менее значительные изменения были характерны для небольших по численности национальных групп, например, белуджей, туркмен и некоторых других. Однако даже те положительные результаты, которые были достигнуты в национально-языковой области, в результате обострения внутривнутриполитической обстановки в стране, начавшегося в первой половине 80-х гг., в основном остались на бумаге.

Антизападный тренд культурной политики руководства Ирана также отразился на проводимой в стране языковой политике. До исламской революции западноевропейские языки, в первую очередь английский, играли все возрастающую роль в жизни иранцев. Социальная мобильность иранских граждан и их адаптация к предлагаемым условиям существования в обществе в значительной степени зависели от уровня владения европейскими языками и их количества.

После исламской революции использование западноевропейских языков как элементов западной культуры было сведено в иранском обществе до необходимого минимума. Было запрещено преподавание западноевропейских языков в начальной школе (эти часы были отданы арабскому языку), также были расформированы иностранные учебные заведения, подобные колледжам для американцев в Тегеране и Ширазе, закрыты телевизионные программы на английском языке, переименованы улицы и площади, названные на западный лад, прекращены публикации периодических изданий на английском языке и многое другое [Keyhan, 14.07.79; 01.07.1980; 31.05.1979].

Вместе с тем торгово-экономические отношения и деловые контакты Ирана с западными партнерами, а также обучение иранских студентов за границей не прерывалось и после 1979 г. Западные европейские языки изучались в иранских средних школах и высших учебных заведениях.

Шел активный процесс заимствования лексики из западноевропейских языков, преимущественно английского, а ранее заимствованные персидским языком европеизмы продолжали в нем активно функционировать.

Первое десятилетие после исламской революции — это время зарождения направления в культурной политике, которое принято называть в иранистике ее международным аспектом и под которым обычно понимается включенность Ирана в систему международных культурных связей. Важной и основной на тот период составляющей международного аспекта культурной политики и его главной задачей было продвижение идей исламской революции за пределы Ирана. Иранская культура и в значительной степени именно персидский язык стали ее эффективными инструментами.

Культура этого периода исламская, культурная политика направлена на пропаганду исламских ценностей, в языковой политике также наблюдались значительные исламские мотивы, которые, однако, в ней не превалировали.

Конец 80-х гг. — это начало президентства Али Акбара Хахеми Рафсанджани и далее Мохаммада Хатами (соответственно 1989–1997, 1997–2005 гг.), когда в самом Иране и вокруг него происходило много важных и знаковых для страны событий. К ним прежде всего следует отнести кончину имама Хомейни, завершение ирано-иракской войны и начало созидательного периода в стране, сопровождавшегося ослаблением жесткого идеологизированного курса иранского руководства и поиском, особенно при М. Хатами, оптимального для Ирана пути налаживания связей

с Западом. Не случайно, что в эти годы, а именно в 2001 г., появилась концепция диалога цивилизаций — программа культурного и цивилизационного диалога между восточным и западным миром. Она была предложена М. Хатами и изложена им в многочисленных выступлениях, статьях и книгах [Хатами, 2001].

Эти новые веяния нашли отражение и в проводимой в это время культурной политике, которая принимала во внимание не только исламскую, но и собственно иранскую составляющую. Языковая политика как ее важный компонент также испытала на себе влияние происходивших процессов. В центре внимания в языковой политике оставался персидский язык, на что неоднократно указывали представители иранской власти. Об этом говорил, например, аятолла Хаменеи в 1997 г. на первой Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка, подчеркивая, что «персидский язык является фундаментом и каркасом национального менталитета, величественным и ценнейшим наследием прошлых времен, а также предметом гордости и источником огромных культурных достижений» [Gozarsh-e nakhostin majma, 1997, с. 3–5]. О значении персидского языка как «одного из факторов, способствующих сохранению независимого Ирана, поддержанию его национальной самобытности», также не раз высказывался Г. Хаддад Адель, возглавивший Академию персидского языка и литературы [Name-ye Showra, 1998, с. 6].

Однако имелся ряд вопросов, которые необходимо было решать. Они лежали в плоскости взаимоотношений персидского и арабского языков, необходимости выработки позиции власти относительно роли западноевропейских языков в стране и продолжающегося процесса заимствования европейской лексики персидским языком, неутихающей полемики по поводу путей будущего развития персидского языка и, наконец, региональных амбиций Ирана, где культурно-языковой фактор играл важную роль.

С целью разрешения существовавших в культурно-языковой области проблем и дальнейшего развития персидского языка и укрепления его позиций в стране было создано третье в истории Ирана специальное лингвистическое учреждение — Академия персидского языка и литературы [Farhangestan-e zaban va adab-e farsi].

Она была основана в феврале 1990 г. по решению Высшего совета культурной революции (ВСКР) под патронажем и при поддержке президента страны А. А. Хашеми Рафсанджани и являлась государственным органом. Планировалось, что Академия станет серьезным научным центром, разрабатывающим в первую очередь широкий спектр вопросов совершенствования персидского языка и исследования проблем современной и классической персидской литературы. Вместе с тем Академия появилась в определенной степени в переходный для развития страны и иранского общества период и отразила в своей деятельности свойственные ему тенденции.

В эти годы в новой политической ситуации получил дальнейшее и достаточно активное развитие международный аспект культурной политики. С целью его более успешной реализации в 1995 г. была создана подведомственная Министерству культуры и исламской ориентации ИРИ «Организация культуры и исламских связей». Она была ориентирована на унификацию деятельности в сфере культуры за пределами страны и создание правильного представления об иранской исламской культуре и цивилизации у мирового сообщества. Именно под ее руководством и контролем начали создаваться и приступать к активной деятельности культурные представительства Ирана по всему миру. В 1999 г. такое представительство открылось и в Москве. Они стали каналом трансляции иранской культуры, а вместе с ней и исламской идеологии в разные регионы мира. Решающая роль в этом процесс отводилась персидскому языку [Sazeman-e farhang va ertebatat-e eslami].

В 2005 г. президентом Ирана стал Махмуд Ахмадинежад. Он был известен как политик, сочетавший в своих взглядах и деятельности приверженность идеям исламской революции при

усиленном внимании к исламскому фактору и крайне негативном отношении к западным ценностям, с одной стороны, и сторонник защиты доисламских культурных ценностей, с другой. При сохранении прежних тенденций развития постепенно укреплялась идея единства исламской иранской культуры. И этот процесс шел на фоне отхода от теории диалога цивилизаций, терявшей свои позиции в иранском общественном и политическом сознании.

Персидский язык оставался объектом пристального внимания и заботы иранских властных структур. Так, например, в Шестом пятилетнем плане развития страны, принятом в 2011 г., вопросы развития и совершенствования современного персидского языка, его чистоты (от иностранных заимствований — М.К.) занимали особое место. План обязывал правительство продвигать вырабатываемые (Академией персидского языка и литературы — М.К.) языковые стандарты в области персидской графики, способствовать изъятию латиницы с вывесок в общественных местах, в названиях фирм и с упаковок неэкспортируемых товаров и решать другие насущные вопросы, связанные с персидским языком [Каменева, 2013, с. 169].

Вместе с тем, несмотря на антизападные настроения в высших эшелонах власти, росло влияние западных цивилизационных ценностей на иранское общество, и постепенно они завоевывали популярность среди населения страны. В языковой сфере это проявилось в постепенном росте престижа английского языка, а также уровня владения им, особенно среди молодежи, составлявшей значительную часть населения Ирана. В эти годы на иранском телевидении впервые после исламской революции начал работать специальный новостной канал на английском языке — Iran Press, нацеленный на потребление не только за пределами, но и внутри страны. На английском языке стали также издаваться газеты Tehran Times и Tehran Daily. Западноевропейские языки продолжали изучаться в высших и средних учебных заведениях ИРИ. К английскому, немецкому и французскому языкам были добавлены испанский и итальянский. Для изучения западноевропейских языков издавалась специальная литература — учебники и учебные пособия, грамматики, словари, на них публиковались произведения мировой художественной литературы. Что касается собственно персидского языка, то он не только сохранял многие из уже используемых в нем европеизмов, прежде всего англицизмов, но и заимствовал новые, превращая их в неотъемлемую часть своей лексической системы.

Руководство страны, со своей стороны, акцентировало внимание на дальнейшем развитии и совершенствовании персидского языка, обогащении его лексики за счет собственных ресурсов, а не заимствований из западных языков. Оно считало, что такая языковая политика должна была способствовать повышению его статуса в стране, регионе и мире, и даже напрямую связывало региональное лидерство ИРИ с персидским языком в контексте «Иран — региональная держава, фарси — региональный язык [Razai Mohsen. Iran ghodrat-e mantaghei]. И на Академию персидского языка и литературы была возложена задача стать направляющим и регулирующим органом в этом процессе.

Параллельно с обсуждением тем, связанных с настоящим состоянием персидского языка и будущим его развитием, также ставился вопрос о национальных языках, особенно в связи с присутствовавшими на политической арене Ирана в это время проблемами взаимоотношений центральной власти и национальных районов. Г. Хаддад Адель, президент Академии персидского языка и литературы, одновременно возглавлявший в течение ряда лет вплоть до 2015 г. Комиссию по культуре межджлиса исламского совета, не раз высказывался по этой тематике, повторяя всякий раз, что любое выступление против предоставления свобод национальным языкам направлено против персидского языка.

В ноябре 1999 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО провозгласила день 21 февраля Международным днем родного языка. Этот праздник начали отмечать в мире, начиная с 2000 г. Иран,

присоединившись к этому международному документу, организовал первую церемонию 21 февраля 2004 г., еще в период президентства М. Хатами. Она состоялась в Научно-промышленном университете (Daneshgah-e elm-o-son'at) по инициативе тюркоязычных студентов Тегеранского университета и в дальнейшем превратилась в традицию, которая не прерывается до настоящего времени.

Проблема родного языка не раз поднималась в иранских СМИ. В центре обсуждений находился персидский язык как один из факторов национального единства и сплоченности иранского народа. Вместе с тем вопрос о родном языке ставился также и в иной плоскости: местный язык — персидский язык. При этом подчеркивалось, что они должны изучаться в одинаковой степени, составляя в комплексе содержание понятия «родной язык», что, в свою очередь, является важной составляющей понятия «родина, родная земля» или «mihan-e madari» [Etemad, 19.04.2012; Языковая политика, 2023, с. 106–141].

Проблема родного языка, которую нередко подменяли проблемой персидского языка, также получила преломление в активизировавшейся политике кабинета М. Ахмадинежада по отношению к иранской диаспоре за рубежом — в Канаде, США, Турции, государствах Персидского залива и других странах мира. Именно в этот период по инициативе Министерства культуры и исламской ориентации была принята специальная программа по распространению обучения персидскому языку как важному признаку иранской идентичности за пределами страны в качестве инструмента «сохранения связей с культурой родной земли» [Ettelaat, 09.09.2007; 01.08.2011].

В годы президентства М. Ахмадинежада в реализации международного аспекта культурной политики, как и прежде, значительная роль отводилась языковому фактору, то есть персидскому языку. Руководство Ирана в своей культурно-языковой политике продолжало следовать уже отмеченному выше тезису о том, что персидский язык наряду с арабским является языком ислама и мусульманской цивилизации. Это способствовало росту его престижа особенно в тех странах, население которых говорит на языках, отличных от арабского, как, например, Пакистан, Турция и другие, а также в странах со значительной долей мусульманского населения, как, например, Индия. При этом арабский язык как язык, чужой для большинства населения Ирана и недоступный ему для понимания, продолжал утрачивать свои прежние послереволюционные позиции в стране и со всех точек зрения был не в состоянии составить конкуренцию персидскому языку.

С целью пропаганды персидского языка в мире в апреле 2012 г. была основана специальная неправительственная организация — Фонд Саади. Он был создан для обучения персидскому языку и его изучения за пределами Ирана. В разных странах мира было открыто более 40 специализированных центров этого Фонда [Bonuyad-e Saadi].

В 2013 г. на два срока президентом страны стал Хасан Роухани. Со временем его нахождения у власти связаны изменения как во внутренней, так и во внешней политике возглавляемого им государства. Не осталась в стороне и сфера иранской культуры, культурной политики. Языковая политика этих лет во многом стала продолжением того, что было для нее характерно в предыдущие десятилетия. Как и прежде, она была ориентирована на сохранение и укрепление позиций персидского языка. В ней также поднималась национальная тематика — ставился вопрос о необходимости уделять внимание развитию национальных и миноритарных языков. Об этом говорилось в предлагавшемся правительством в период второго президентского срока Х. Роухани «Проекте программы по национальному вопросу» [Сайт aftarnews], а еще раньше — в Программе 12 кабинета «Свобода и безопасность. Мир и прогресс», представленной Х. Роухани в 2017 г. перед выборами на пост президента страны на второй срок [Ruhani Hassan, 2017, с. 124, 167, 168, 170]. Вместе с тем в связи с ослаблением жесткого антизападного тренда в политике иранского руководства

поднимался вопрос о роли, сферах и широте использования западноевропейских языков, прежде всего английского, в стране.

Именно последнее обстоятельство стимулировало общественную дискуссию, объектом которой стал английский язык и которая стала причиной обострения отношений между иранскими либералами, к которым традиционно относили президента Х. Роухани, и консерваторами, нередко получавшими поддержку духовного лидера, придерживавшегося антизападных взглядов.

Дело в том, что иранские антизападники считают, что именно английский язык является инструментом «тлетворного влияния Запада и его ценностей» на иранское общество. Рахбар многократно повторял, что английский язык не должен преподаваться в учебных заведениях страны, поскольку является наследием последнего иранского шаха, а его распространение способствует росту влияния «сатанинской Америки». Аятолла Хаменеи выступал против какой-либо модернизации сферы культуры и образования, ставя знак равенства между ней и процессами вестернизации. Он неоднократно обращал внимание общества на недопустимость чрезмерного влияния и даже «агрессии» западной культуры в отношении иранской культуры, отмечая при этом важную роль персидского языка в жизни иранского общества, необходимость усиления внимания к нему, особенно в свете влияния на него западноевропейских языков [Rahbar-e enghelab: Daneshgahha be hoch dalil-i].

Однако, несмотря на такую позицию духовного лидера, уже в июле 2016 г. официальные власти Ирана, принимая во внимание стоявшие перед иранским обществом задачи, вынесли на обсуждение и утверждение в ВСКР вопрос о необходимости изучения иностранных языков в школах и высших учебных заведениях страны. Ими было также предложено рассмотреть проблему подготовки комплексной программы по обучению пяти западноевропейским языкам (английский, немецкий, французский, испанский, итальянский), которая должна будет зафиксировать равные возможности в учебном процессе для всех предлагаемых языков без какой-либо монополии одного из них и не в ущерб персидскому языку и национальным и религиозным интересам страны. Такой подход к решению проблемы вполне соответствовал взглядам президента и его либеральных единомышленников, но не разделялся А. Хаменеи и его сторонниками из среды высшей религиозной элиты страны [40 лет Исламской Республике Иран, 2020, с. 144–145].

В этом же контексте следует рассматривать и решение иранской власти, представленное иранскому обществу в начале 2018 г., о запрете изучения английского языка в начальных государственных и частных школах страны, причем как в официальные, так и неофициальные часы занятий. ВСКР дал разъяснение школам, что образовательная программа для начальных классов нацелена на укрепление позиций персидского языка и иранской культуры, и изучение иностранных языков в этот период категорически не рекомендуется. Их было предложено вводить только с начала обучения на среднем уровне [40 лет Исламской Республике Иран, 2020, с. 145]. По мнению многих аналитиков, такое решение явилось следствием протестных акций конца декабря 2017 — начала января 2018 гг., которые, как считалось во властных структурах страны и в некоторых кругах иранского общества, были инспирированы Западом.

В процессе дальнейшего развития международного аспекта культурной политики были реанимированы идеи М. Хатами о необходимости активизации диалога между представителями суннитской и шиитской общин внутри исламского мира, и проводимая руководством Ирана культурно-языковая политика была акцентирована, в том числе, на использовании персидского языка в качестве инструмента для сглаживания межрелигиозных противоречий [Хатами, 2001, с. 6; Каменева, 2012, с. 225–231].

В 2021 г. на выборах президента ИРИ победил Эбрахим Раиси. Его культурная политика — это, с одной стороны, политика возврата к ценностям первого десятилетия после исламской

революции, а с другой — сохранения, вероятно, рассчитанного властью на какой-то определенный отрезок времени, доисламских культурных ценностей.

Проводимая в это время языковая политика в определенной степени стала отражением этих тенденций. Она, как и прежде, была сфокусирована на персидском языке, его сохранении и развитии, поддержании престижа персидского языка в иранском обществе, тем более что в публикациях СМИ стали проявляться тревога и озабоченность власти по поводу снижения уровня владения им иранскими учащимися. Вместе с тем анализ образцов персидских текстов, преимущественно официального характера, демонстрировал намечавшиеся, хотя и не успевшие оформиться в период президентств Э. Раиси и в течение достаточно длительного периода несвойственные персидскому языку, тенденции его чрезмерной арабизации.

19 мая 2024 г. в результате авиакатастрофы погиб президент Ирана Э. Раиси. Новым президентом стал иранский (с большими оговорками) реформатор Масуд Пезешкиан, политик с серьезными этническими корнями, который может придать новые акценты внутренней политике, что, не исключено, также проявится в иранской культуре и культурно-языковой области.

Литература / References

Каменева М. С. Политика исламизации в Иране и ее лингвистические последствия. *Народы Азии и Африки*. 1981. № 5 [Kameneva M. S. Islamization Policy in Iran and its Linguistic Consequences. *Peoples of Asia and Africa*. 1981. No. 5 (in Russian)].

Каменева М. С. Персидский язык как фактор шиито-суннитского цивилизационного диалога. *Языки и культуры: эффективная коммуникация в условиях глобализации*. М.: Цифровичок, 2012 [Kameneva M. S. Persian Language as a Factor in the Shiite-Sunni Civilizational Dialogue. *Languages and Cultures: Effective Communication in Globalization Era*. Moscow: Tsifrovichok, 2012 (in Russian)].

Каменева М. С. О трех подходах к понятию культура в современном Иране. *Иран при М. Ахмадинежаде*. М.: ИВ РАН, 2013 [Kameneva M. S. Three Approaches to the Notion of “Culture” in the IRI. *Iran during M. Ahmadinejad’s Presidency*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2013 (in Russian)].

Каменева М. С. Языковая политика в Исламской Республике Иран. *Языковая политика в условиях глобализации*. М.: РУДН, 2017 [Kameneva M. S. Language Policy in the Islamic Republic of Iran. *Language Policy in the context of Globalization*. Moscow: RUDN, 2017 (in Russian)].

40 лет Исламской Республике Иран. М.: ИВ РАН, 2020 [40 years of the Islamic Republic of Iran. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2020 (in Russian)].

Хатами Сейид Мухаммад. *В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада*. М.: Гуманитарий, 2001 [Hatami Sayyid Mohammad. *Human Being Contains the Soul of the East and the Mind of the West*. Moscow: Humanitarian Publishing House, 2001 (in Russian)].

Хатами Мохаммад. *Ислам, диалог и гражданское общество*. М.: РОССПЭН, 2001 [Khatami Mohammad. *Islam, Dialogue and Civil Society*. Moscow: ROSSPEN, 2001 (in Russian)].

Языковая политика в странах Южной Азии, Среднего Востока и Африки. М.: МГИМО–Университет, 2023 [Language Policy in the Countries of South Asia, Middle East and Africa. Moscow: MGIMO-University, 2023 (in Russian)].

Etemad. 19.04.2012.

Ettelaat. 03.06.1979; 30.06.1970; 26.07.1982; 27.08.1982; 02.03.1984; 13.05.1984; 31.10.1985; 09.09.2007; 01.08.2011.

Ghanun-e asasi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Fasl-e dovvom. Zaban. Khatt. Tarikh va parcham. Tehran: Ghanun, 1979 [Конституция Исламской Республики Иран. Статья 2. Язык, письменность, история и флаг. Тегеран: Закон, 1979] [The Constitution of the Islamic Republic of Iran. Article 2. Language, writing, history and flag. Tehran: Ghanun Publishing House, 1979 (in Persian)].

Gozarash-e nakhostin majma'-e beynolmelali-ye ostadan-e zaban-e farsi. Tehran, 1997 [*Отчет о первой Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка*. Тегеран, 1997] [*Report of the First World Assembly of Persian Language Teachers*. Tehran, 1997 (in Persian)].

Jomhuriye eslami. 17.01.1982; 12.10.1982; 01.05.1983; 23.07.1983.

Keyhan. 31.05.1979; 14.07.1979; 01.07.1980; 26.11.1981; 14.12.1981; 17.01.1982; 02.11.1982.

Name-ye Showra-ye gosharash-e zaban va adab-e farsi. Tehran, 1998. № 50 [*Вестник Совета по распространению персидского языка и литературы*. Тегеран, 1998. № 50] [*Bulletin of the Council for the Spread of Persian Language and Literature*. 1998, Tehran. No. 50 (in Persian)].

Tonkaboni Feridun. Andishe-ye eslami. *Name-ye Anjoman-e nevisandegan va bonarmandan-e Iran*. 1985. № 4 [Тонкабони Ф. Размышления об исламе. *Вестник Общества писателей и деятелей искусства Ирана*. 1985. № 4] [Tonkaboni F. Reflections on Islam. *Bulletin of the Iranian Society of Writers and Artists*. 1985. No. 4 (in Persian)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

Aftabnews (официальный сайт). URL: <http://www.aftabnews.ir/fa/news/196044> (дата обращения: 10.02.2014) (in Persian).

Bonyad-e Saadi (Фонд Саади, официальный сайт). URL: / <https://saadifoundation.ir/en> [Saadi Foundation (in Persian)].

Farhangestan-e zaban va adab-e farsi (Академия персидского языка и литературы). URL: <https://www.persianacademy.ir>; <https://apll.ir> [Academy of Persian Language and Literature (in Persian)].

Razai Mohsen. Iran ghodrat-e mantaghei farsi zaban-e mantaghei [Разаи Мохсен. Иран — региональная держава, фарси — региональный язык]. URL: <https://www.baztab.com/news/22660.php> (дата обращения: 26.03.2005) [Razai Mohsen. Iran is a Regional Power, Farsi is a Regional Language (in Persian)].

Rahbar-e enghelab: Daneshgahha be hich dalil-i julangah-e jarayanha-ye siyasi nashavad [Лидер революции: Университеты ни в коем случае не должны стать ареной политической борьбы]. URL: <http://www.asriran.com>. 11.12.2013 (дата обращения: 08.01.2014) [Rahbar: Universities under no Circumstances should become an Arena of Political Struggle (in Persian)].

Ruhani Hassan, Barname-ye dowlat-e davazdahom “Azadi va amniyyat. Aramesh va pishraft”. Tehran, 2017 [Роухани Хасан. Программа 12 кабинета «Свобода и безопасность. Мир и прогресс». Тегеран, 2017]. URL: <http://www.isna.ir/news/96022213789> (дата: обращения: 10.06.2017) [Rouhani Hassan, Program of the Twelfth Government “Freedom and Security. Peace and Progress”, Tehran, 2017 (in Persian)].

Sazeman-e farhang va erbatat-e eslami [Организация культуры и исламских связей, официальные сайты]. URL: <http://www.icro.ir/index.aspx?fkeyd=&siteid=261&pageid=32272> (дата обращения: 05.02.2015); <http://www.farhang.gov.ir/fa/intro/subordinate/culture-organization> (дата обращения: 05.02.2015) [The Organization of Culture and Islamic Relations (in Persian)].

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И РЫНОК ТРУДА ИНДИИ: ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫЗОВЫ, ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ

© 2025

Л. В. Кулик¹

В ближайшие 30 лет в демографической структуре Индии будет преобладать молодое трудоспособное население. В таких условиях сфера образования становится критически важной для обеспечения будущего развития страны. Несмотря на высокий престиж образования в индийском обществе и существенный прогресс, достигнутый Индией в повышении его доступности, индийская система обучения в значительной степени не отвечает потребностям сегодняшнего дня. В статье рассматриваются особенности развития сектора образования на современном этапе, сложившиеся дисбалансы на рынке труда Индии и те меры, которые предпринимают правительство Индии и частный бизнес для исправления перекосов. Анализируется вопрос утечки мозгов и рабочих рук за границу: в то время как правительство БДП считает миграцию фактором, способствующим экономическому росту, его критики не поддерживают такую позицию, призывая остановить процесс лишения Индии ее человеческого капитала. Официальные лица Индии называют ее источником талантов для глобальной экономики. Автор приходит к выводу, что в таких условиях Россия и Индия в ближайшие годы будут наращивать сотрудничество в области образования и трудовой миграции, что отвечает их текущим и долгосрочным интересам, однако требует взвешенного, тщательно продуманного подхода.

Ключевые слова: система образования, рынок труда, человеческий капитал, кадровый потенциал, квалифицированная рабочая сила, студенты, сотрудничество в сфере образования, трудовая миграция Индия-Россия

Для цитирования: Кулик Л. В. Система образования и рынок труда Индии: достижения, вызовы, значение для России. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 83–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-083-094

EDUCATION SYSTEM AND LABOUR MARKET IN INDIA: ACHIEVEMENTS, CHALLENGES, AND SIGNIFICANCE FOR RUSSIA

Lydia V. Kulik

In the next 30 years, India's demographic structure will be dominated by a young, working-age population. In such circumstances, education becomes critical to the country's future development. Despite the high prestige of education in Indian society and the significant progress India has made in making it more accessible, the Indian education system largely fails to meet today's needs. The article examines the current development of the education sector, the existing imbalances in the Indian labour market, and the measures the Indian government and private businesses are taking to correct these imbalances. It also analyses the issue of brain drain and labour drain:

¹ Кулик Лидия Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, Москва; lkulik@scp.ru
Lydia V. Kulik, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lkulik@scp.ru

while the BJP government sees migration as a factor contributing to economic growth, its critics do not support this position, calling for an end to the process of depriving India of its human capital. Indian officials call India a reservoir of talent for the global economy. The author concludes that in such circumstances, Russia and India will increase cooperation in education and labour migration in the coming years, which meets their current and long-term interests, but requires a balanced, carefully thought-out approach.

Keywords: system of education, labour market, human capital, talent pool, qualified labour force, students, cooperation in education, labour migration India-Russia

For citation: Kulik L. V. Education System and Labour Market in India: Achievements, Challenges, and Significance for Russia. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 3. Pp. 83–94. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-083-094

Приоритет или риск

Как и многое в Индии, сфера образования в этой крупнейшей по численности населения стране полна противоречий и контрастов. С одной стороны, образование — это один из главных жизненных приоритетов для индийцев, им не нужно доказывать важность образования как эффективного социального лифта. Даже люди с очень ограниченными ресурсами стремятся дать своим детям лучшее образование. Устремления индийской молодежи и ее жажда к обучению являются мощнейшим двигателем для всей страны и одним из ключевых факторов экономического прогресса Индии. Индийцам традиционно свойственны таланты к математике, языкам, искусству. Среди них есть нобелевские лауреаты, всемирно известные писатели, музыканты, менеджеры, получившие базовое образование в индийских школах и вузах. В культуре Индии — глубокое уважение к учителям, к гуру.

С другой стороны — даже после обретения Индией независимости в 1947 году приоритетность развития образования не получила повсеместного распространения и поддержки власть имущих. Боязнь правящих кругов перед расширением образования в народных массах способствовала сохранению безграмотности и отсталости. Такой выдающийся индийский инженер, мыслитель и общественный деятель, как Нандан Нилекани, в своей книге 2008 г. «Образ новой Индии. Эволюция преобразующих идей» [Нилекани, 2010] видел объяснение этому в устных религиозных традициях Индии в сочетании с заучиванием и зубрежкой, которые насаждали в Индии цивилизаторы-британцы под руководством их главного чиновника от образования — Томаса Маколея. Британское правление, хотя и привело к распространению в Индии английского языка, важнейшего конкурентного преимущества в современном мире, по мнению индийских историков, лишило индийцев достоинства, самоуважения и навыков мыслить самостоятельно. В таких условиях, прежде чем образование стало одним из приоритетов государственной политики для независимой Индии не только на словах, но и на деле, прошло еще почти пятьдесят лет.

Попытки развернуть государственную систему и психологию чиновников в сторону образования, сделать его политически важной темой предпринимали и Индира Ганди, и ее сын Раджив Ганди. Однако премьер-министром, который в 2000 году сказал, что ни один ребенок в Индии не будет лишен права на образование, стал проницательный Атал Бихари Ваджпаи. Он почувствовал меняющиеся благодаря ускорявшемуся в те годы экономическому росту настроения среднего класса и малоимущих индийцев и предпринял необходимые шаги к изменению законодательства.

Образование для всех

В 2002 году в Индии приняли 86-ю поправку к Конституции, которая сделала право на бесплатное образование основополагающим для детей в возрасте от 6 до 14 лет. Эта поправка стала водоразделом и символом изменения подхода политиков и граждан страны к проблемам доступности образования для всех слоев общества. Тогда же стартовала предложенная А. Б. Ваджпаи кампания «Образование для всех» (Sarva Shiksha Abhiyan). Для самых малообеспеченных слоев населения, которые зачастую предпочитают отправлять детей на заработки, а не в школу, правительство разработало систему стимулов. Отучить родителей от привычной мысли, что ребенок — это дополнительный заработок в семье, оказалось очень сложно. Всех учеников младших и средних классов в Индии обеспечили бесплатным школьным питанием, чтобы родители охотней отпускали детей на уроки и не заставляли работать. Большую роль в решении этой масштабной задачи сыграли благотворительные и филантропические организации, такие как, к примеру, известная Акшая Патра (Akshaya Patra Foundation).

Закономерный итог — сегодня начальное образование в Индии стало практически всеобщим, в то время как в секторе среднего и высшего образования наблюдается значительный рост количества новых учащихся. По данным последней переписи населения (2011 год), средний уровень грамотности в Индии составлял 74%, при этом показатель сильно различался в зависимости от штата. Так, в штате Керала традиционно сохраняется наиболее высокий уровень грамотности — 96%. Причем, опять же вопреки распространенному мнению, заслуга в этом принадлежит не только коммунистической партии, на протяжении многих лет находящейся у власти в этом южноиндийском штате и сделавшей образование в штате всеобщим задолго до федерального правительства, но и определенным прогрессивно настроенным общинам, проживающим в Керале.

В индийской системе разделения полномочий между штатами и федеральным центром образование относится к предмету полномочий и тех, и других (concurrent subject), поэтому ситуация отличается от штата к штату. На юге страны всегда были сильны традиции народного просветительства: княжеские дома Майсура, Бароды, Кочина уделяли большое внимание обучению сельской бедноты. В Мадрасе уже с 1923 г. учеников школ начали обеспечивать обедами, формой и учебниками, к 1984 г. эти привилегии охватили всех школьников города с 2 до 14 лет.

Среди наиболее отсталых в плане образования — штаты Бихар (уровень грамотности — 61,8%), Раджастан (75,8%), а также бедные штаты на северо-востоке страны, такие как Аруначал-Прадеш (65,4%) и Ассам (72,2%).

Современная Индия обладает одной из крупнейших систем образования в мире. В стране порядка 1,5 млн школ, в которых учатся 248 млн детей и работают 9,8 млн учителей². По данным 2021 года, 26,3% выпускников школ поступают в вузы. Индийское правительство стремится к тому, чтобы эта цифра к 2035 году достигла 50%³. Казалось бы, прогресс налицо — желающим получить высшее образование детям есть где учиться: за последние пять лет количество институтов университетского уровня в Индии выросло примерно на 37%, а количество колледжей — на 9%. Сегодня в стране более 1100 вузов (38,7% из которых частные) и 41 000 колледжей, в которых получают образование более 40 миллионов студентов⁴. Однако перед системой образования Индии стоит много сложностей, и главная из них — это нехватка компетентных преподавателей и качество их работы.

² UDISE+ Dashboard (Powered by NEP-2020). URL: <https://dashboard.udiseplus.gov.in/#/> (дата обращения: 01.09.2025).

³ National Education Policy 2020. URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

⁴ All India Survey on Higher Education 2021–2022. URL: <https://cdnbbbsr.s3waas.gov.in/s392049debb566ca5782a3045cf300a3c/uploads/2024/02/20240719952688509.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

Основная проблема

Индия — одна из ведущих стран по уровню уважения к учителям. При этом высокими зарплатами местные педагоги похвастаться не могут: уровень доходов индийских учителей — один из самых низких в мире. Интенсивное расширение системы и невысокая оплата труда сказываются на кадровом составе школ, вузов и колледжей — учителей не хватает. К 2024 году дефицит педагогов составил почти 1,5 млн человек⁵. В некоторых штатах, например в Бихаре, на одного педагога приходится 45 учеников. Наиболее острый кадровый голод испытывают государственные школы, которые в подавляющем числе случаев проигрывают гонку за лучшие кадры частным учреждениям. Зачастую квалифицированных педагогов не хватает даже негосударственным школам и вузам. В небольших сельских школах бывает такое, что один педагог преподает все предметы ученикам всех возрастов. Когда и он не приходит в положенное время — дети не учатся вовсе.

В Индии понимают, что для решения проблемы нужен комплексный подход. Чтобы привлечь и удержать талантливых педагогов, необходимо обеспечить им конкурентную зарплату и надежные, долгосрочные трудовые контракты. Нужны также эффективные программы переобучения и непрерывного повышения квалификации учителей. Для сельской местности решающее значение имеет улучшение инфраструктуры, а также внедрение дистанционных методов преподавания.

Что касается высшего учебного звена, то проблемы с преподавательскими кадрами остро стоят и там: около 56,18% профессорских должностей в ведущих индийских университетах, включая Индийские институты технологий и другие ведущие вузы, остаются незаполненными⁶. Перед университетами стоят такие же задачи, что и перед школой — повышение заработной платы преподавателей, повышение их квалификации, переход на постоянные контракты вместо временных.

Новые подходы

Не секрет, что значительная часть талантливых индийских преподавателей работает в престижных вузах и научных лабораториях по всему миру. Только самые альтруистично настроенные из них стремятся хотя бы какую-то часть своего времени проводить в Индии, обучая местную молодежь. Большинство не планируют возвращаться: ни зарплата, ни условия работы не кажутся им привлекательными; надеяться на то, что их возвращение кардинально изменит ситуацию, не приходится.

Тем не менее при поддержке государства индийские университеты стремятся повышать качество предоставляемых ими образовательных услуг за счет привлечения иностранных преподавателей, в том числе индийского происхождения, как на краткосрочной, так и на долгосрочной основе, а также для исследовательских и опытно-конструкторских проектов. Индийская программа «Глобальная инициатива по академическим сетям» (Global Initiative of Academic Networks или GIAN⁷, переводится как «знание», «мудрость») направлена на поощрение талантливых международных ученых и преподавателей, желающих работать в Индии. Программа охватывает широкий спектр областей, включая архитектуру, дизайн, науки о Земле и окружающей среде, электронику, электротехнику, информационные и коммуникационные технологии, математические и компьютерные

⁵ Shortage of Teachers in India: Implications for Quality of Education (2024). URL: <https://educationforallindia.com/shortage-of-teachers-in-india-implications-for-quality-of-education/#:~:text=India%20is%20facing%20a%20critical,teachers%20at%20the%20secondary%20level>. (дата обращения: 01.09.2025).

⁶ Around 56.18% of professor positions unfilled in leading Indian universities: report. April 1, 2025. URL: <https://educationpost.in/news/jobs-in-higher-ed/around-5618-of-professor-positions-unfilled-in-leading-indian-universities-report> (дата обращения: 01.09.2025).

⁷ Global Initiative of Academic Network (GIAN). URL: <https://gian.iitkgp.ac.in/> (дата обращения: 01.09.2025).

науки, физические и социальные науки. Принят необходимый закон и разработана специальная программа содействия лучшим международным университетам в открытии кампусов на территории Индии⁸. Количество известных иностранных вузов и бизнес-школ, планирующих открытие кампусов в Индии, уже исчисляется десятками. Пользуются спросом программы двойных дипломов и специально разработанные для Индии курсы дистанционного обучения в иностранных учебных заведениях.

В стране появляется все больше успешных частных образовательных учреждений, благотворительные организации и крупные корпорации берут шефство над школами. Федеральное правительство вводит налоговые льготы для граждан, которые платят за обучение детей и их проживание в кампусах. Но это — капля в море.

В июле 2020 года в Индии была представлена новая амбициозная Национальная политика в области образования⁹, которая пришла на смену документу 34-летней давности. Интернационализация является важным направлением трансформации образования в Индии согласно Политике 2020 года, но не единственным. Новая национальная политика содержит широкий набор мер, направленных на повышение эффективности индийской системы образования в соответствии с требованиями XXI века. В ней также подтверждается намерение повысить государственные расходы на образование до 6% от ВВП, что было предусмотрено еще в 1968 году, но так и не выполнено — государственные расходы на образование в Индии в настоящее время составляют около 4,43% ВВП (это не меньше, чем в большинстве стран мира, возможно, поэтому срок, когда должно произойти повышение до 6%, не обозначен) и около 10% общих госрасходов (что меньше, чем во многих развитых и развивающихся странах, к примеру, в Австралии и Казахстане)¹⁰.

Новая Политика продвигает мультидисциплинарный подход к образованию, призванный прийти на смену жесткому и негибкому разделению дисциплин в нынешней индийской системе образования. Она наполнена важными декларациями, к примеру: «Педагогика должна развиваться, чтобы сделать образование более ориентированным на опыт, целостным, интегрированным, ориентированным на поиск, на открытие, на ученика, на обсуждение, гибким и, конечно же, приятным»; «Образование должно формировать характер, позволять учащимся быть этичными, рациональными, сострадательными и заботливыми и в то же время готовить их к оплачиваемой, полноценной работе»; «Дети должны не только учиться, но и научиться тому, как учиться». Планируется, что более пристальное внимание будет уделено системным инвестициям в исследования и инновации. Особый акцент будет сделан на раннем профессиональном образовании и обучении, развитии предпринимательских навыков и молодежных инициатив, направленных на повышение занятости и создание новых рабочих мест для экономики страны.

Еще один примечательный аспект Национальной политики в области образования — решение использовать местный язык учеников в качестве средства обучения как минимум до 5-го класса, а где возможно — и до 8-го, что ведет к методологическим сложностям в преподавании таких предметов, как математика, но должно сделать их более доступными и понятными для более широкого круга учащихся. В целом индийские дети изучают три языка в школе, один из которых — английский, а два других — индийские [Шарма, 2023]. Такие штаты, как Тамилнаду и Карнатака,

⁸ Setting up and Operation of Campuses of Foreign Higher Educational Institutions in India. URL: <https://www.ugc.gov.in/pdfnews/Setting%20up%20and%20Operation%20of%20Campuses%20of%20Foreign%20Higher%20Educational%20Institutions%20in%20India.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

⁹ National Education Policy 2020. URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁰ Там же.

протестуют против насаждения хинди, отстаивая возможность для детей изучать только свой родной язык и английский¹¹.

В числе задач NEP — ослабление роли коучинговых центров, которые готовят индийцев к всевозможным экзаменам и тестам: для поступления в вузы, устройства на госслужбу и т. д. Объем этого бизнеса только в онлайн-сегменте приближается к \$2 млрд офлайн-рынок — никак не меньше. Разработчики Национальной политики в области образования ставят целью новой индийской школы не бесконечное заучивание материалов перед тестами, а повышение уровня готовности учеников к практической работе и их привлекательности для работодателей. Особое внимание планируется уделять профессионально-техническому образованию и обучению в сфере сельского хозяйства, испытывающим большой недостаток учащихся и современных инструментов преподавания.

Есть у NEP и другие особенности. Она сочетает в себе стремление к модернизации образовательного сектора и одновременно к укреплению национальных традиций. С одной стороны, она уделяет много внимания виртуальному обучению, технологиям и всему, что с ними связано, в том числе сокращению цифрового разрыва и цифровой грамотности (так, обучение кодированию начинается уже в средней школе). С другой — делает упор на традиции, например, предполагает изучение санскрита на всех уровнях школьного и высшего образования. Для индийцев этот язык — воплощение религиозных и философских основ индуизма. В индийском обществе, привыкшем к мультикультурности, подобный «национализм» вызвал серьезные споры. Учителя тоже недовольны — получая скромную зарплату, они вынуждены проходить проверки квалификации и дополнительное обучение.

Дисбалансы рынка труда

65% населения Индии трудоспособны, медианный возраст — около 29 лет. Вплоть до 2030 года Индии необходимо создавать 7,85 млн рабочих мест ежегодно, чтобы трудоустроить всю молодежь, выходящую на рынок труда [Мукерджи, 2024]. Далее скорость притока рабочих рук в экономику будет постепенно замедляться, так как рождаемость в Индии стабилизировалась, бум уже пройден. Это огромная социально-политическая нагрузка на общество, которую не удастся нивелировать, несмотря на все усилия правительства по созданию новых рабочих мест и стабильно высокий рост экономики в последние годы. Темпов роста ВВП в 6–7% оказывается недостаточно для демографической структуры, свойственной современной Индии. Безработица среди молодежи 20–24 лет достигает, по разным оценкам, уровня более 44%, в то время как официальная безработица по состоянию на апрель 2024 г. — 8,1% [Джейкоб, 2024].

Что наиболее важно, индийскому рынку труда в целом сегодня свойственны серьезные структурные перекосы и дисбалансы. Парадоксально, но они похожи на сложности, с которыми сталкивается и Россия, — в стране не хватает квалифицированных кадров рабочих специальностей, необходимых современной экономике. Среди молодежи слишком много обладателей дипломов о высшем образовании с не востребованной на рынке или просто низкой квалификацией. Погоня за дипломами, развернувшаяся в последние годы в среде платежеспособных учеников, и непристизжность рабочих профессий привели к появлению в Индии большого числа колледжей и высших учебных заведений сомнительного уровня, которые не способны обеспечить качественную подготовку студентов.

¹¹ Language lessons: On Tamil Nadu, Karnataka and State Education Policies. The obsession with Hindi is diversion from the needs of school education. August 11, 2025. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/editorial/language-lessons-on-tamil-nadu-karnataka-state-education-policy/article69916793.ece> (дата обращения: 01.09.2025).

Как результат — доля молодых людей, имеющих среднее или высшее образование, среди безработных в 2022 году дошла до 65,7% (в 2000 году она составляла 35,2%), а 57% опрошенных в 2024 году индийцев в возрасте 18–35 лет не верят, что смогут найти работу в следующие пять лет¹².

Престиж учебного заведения определяется перспективами дальнейшего трудоустройства. Конкурс в немногие вузы, действительно гарантирующие прием на работу по окончании учебы, огромный. Конкуренция за квалифицированные кадры, особенно в крупных мегаполисах-лидерах, где расположены глобальные центры компетенций, офисы основных индийских и зарубежных фирм, осложняет работу компаний.

Одновременно новым высокотехнологичным предприятиям, появляющимся в Индии, не хватает рабочих. На государственном уровне идет работа над повышением престижа рабочих специальностей. Для преодоления структурных перекосов индийские власти делают ставку на тесное сотрудничество между учебными заведениями и бизнесом, а также на использование цифровых решений вроде общенациональных информационных платформ для поиска работы и повышения квалификации при поддержке работодателей. С 2015 года в стране действует крупномасштабная государственная программа Skill India¹³. Обучение в рамках этой программы охватывает десятки профессий и компетенций, а также развитие предпринимательских навыков. Многочисленные отраслевые ассоциации запускают собственные учебные проекты, ориентированные на потребности бизнеса.

Низкой квалификацией обладают не только временные рабочие, которых в Индии порядка 90% от общего числа работоспособного населения. Даже в сильной индийской ИТ-индустрии и смежных инженерных отраслях ощущается нехватка специалистов. Из 1,5 млн выпускников, получающих дипломы инженерных специальностей ежегодно, к трудоустройству по уровню квалификации готовы лишь 45%¹⁴. Согласно другому анализу, проведенному влиятельной индийской Ассоциацией разработчиков программного обеспечения и услуг¹⁵, из более чем 8 млн выпускников всех вузов Индии 2,1 млн специализируются на STEM предметах (естественные науки, технологии, инженерия и математика), из которых около 800 тыс. специализируются на компьютерных науках, информационных технологиях и математике. 35% из них (280 000) соответствуют по квалификации вакансиям в технических специальностях, остальным нужно дополнительное обучение, чтобы соответствовать запросам работодателей и получить работу.

Что остается неизменным в Индии долгие годы — так это огромная конкуренция за рабочие места в госсекторе. Работа на государство, хотя и не означает высокую зарплату, подразумевает стабильную занятость, а главное — гарантированную пенсию. Получить заветное место можно, пройдя специальные экзамены. Миллионы кандидатов усиленно готовятся к этим экзаменам, чаще всего прибегая к услугам дорогих учебных центров, пытаются купить экзаменационные ответы, сдают экзамены вновь и вновь. Соотношение объявленных вакансий и претендентов на них часто превосходит 1000 человек на место.

Хотя индийцы всех специальностей трудятся больше, чем работники в других странах (в среднем 47,7 часов в неделю, в то время как американцы — 36,4, британцы — 35,9, немцы — 34,4, работники в Китае — 46,1 часа, в Сингапуре — 42,6, в Японии — 36,6), по оценкам самих индийцев

¹² Even disillusioned young Indian voters favour Narendra Modi. April 30, 2024. URL: <https://www.economist.com/asia/2024/04/30/even-disillusioned-young-indian-voters-favour-narendra-modi> (дата обращения: 01.09.2025).

¹³ Skill India. URL: <https://www.skillindia.gov.in> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁴ Only 45% job seekers employable in Indian IT-tech sector amid skill crunch. December 19, 2023. URL: <https://hr.economictimes.indiatimes.com/news/trends/only-45-job-seekers-employable-in-indian-it-tech-sector-amid-skill-crunch/106123788> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁵ Talent Demand & Supply Report: AI & Big Data Analytics. NASSCOM. URL: <https://nasscom.in/knowledge-center/publications/talent-demand-supply-report-ai-big-data-analytics> (дата обращения: 01.09.2025).

[Гопитанх, 2023] производительность труда в Индии оставляет желать лучшего. Объясняется это не только культурными особенностями и образом жизни, но и недостатками инфраструктуры.

Трудовая миграция — приоритет правительства, но не все согласны

В период с 2010 по 2021 год из страны в поисках работы мигрировали 3,5 млн человек различного уровня квалификации¹⁶. Денежные переводы индийцев на родину составили 125 млрд долл. в 2023 году (что эквивалентно 3,4% ВВП Индии)¹⁷ — существенная прибавка в условиях, когда каждая единица твердой валюты имеет значение. Для Индии трудовая миграция является приоритетным вопросом в отношениях со многими странами-партнерами. Министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар назвал Индию резервуаром талантов для глобальной экономики [Джайшанкар, 2020], имея в виду уникальное сочетание уровня образования, численности и среднего возраста индийской молодежи. К сожалению, безработица среди молодежи 20–24 лет достигает, по разным оценкам, уровня более 44%¹⁸.

Цифровая биометрическая идентификация — основа революционной цифровой трансформации Индии уже охватила практически все население страны [Кулик, Коровкин, 2021]. Еще в 2014 году Отделом по трудоустройству за рубежом Министерства иностранных дел Индии был организован цифровой портал eMigrate¹⁹, автоматизирующий процесс эмиграции и обеспечивающий безопасность и правовую поддержку индийских работников, занятых за границей. В октябре 2024 года С. Джайшанкар лично представил портал в версии 2.0 с более широкими функциональными возможностями, включая обеспечение легального найма на работу и многоязычную службу круглосуточной поддержки для решения проблем рабочих из Индии.

В августе 2025 года известный публицист, писатель, бывший пресс-секретарь премьер-министра от партии Индийский национальный конгресс Манмохана Сингха Санджая Бару опубликовал книгу «Отделение успешных: бегство из Новой Индии» (Secession of the Successful: The Flight out of New India) [Бару, 2025], в которой стремится привлечь внимание индийского общества к массовой проблеме утечки на запад квалифицированных специалистов. Он утверждает, что стремление Индии стать развитой страной к 2047 году и вся программа Viksit Bharat (Развитая Индия) ставится под угрозу политикой правительства Бхаратия Джаната парти, стимулирующей эмиграцию из Индии на общенациональном уровне и в отношениях с основными странами-партнерами. Покидают Индию не только квалифицированные специалисты, но и обеспеченные люди, которые не хотят ждать, пока Индия станет развитой страной, и не хотят нести ответственность за то, что в Индии происходит. По его сведениям, 23 000 миллионеров покинули страну за последние 12 лет²⁰. По его сведениям, 22 000 преподавателей в американских вузах — индийцы. Если бы хотя бы 2% из них вернулись и работали в Индии — эффект для качества образования в стране был бы существенным. Он считает неправильным, что эмиграция стала массовой мечтой индийцев, и называет

¹⁶ India Employment Report 2024. International Labour Organisation. March 29, 2024. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-08/India%20Employment%20-%20web_8%20April.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁷ Annual remittances to India reach \$125 billion. December 19, 2024. URL: <https://static.pib.gov.in/WriteReadData/specificdocs/documents/2023/dec/doc20231219290501.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁸ India stares at high youth unemployment as hiring in its behemoth IT sector slows. April 4, 2024. URL: <https://www.cnbc.com/2024/04/04/india-stares-at-high-youth-unemployment-as-hiring-in-its-it-sector-slows.html#:~:text=In%20the%20October%20to%20December,Centre%20for%20Monitoring%20Indian%20Economy> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁹ E-migrate. URL: <https://emigrate.gov.in/#/emigrate> (дата обращения: 01.09.2025).

²⁰ Sanjaya Baru interview: We've turned emigration of talented Indians into an aspiration. August 16, 2025. URL: <https://www.hindustantimes.com/books/sanjaya-baru-interview-we-have-turned-emigration-into-an-aspiration-new-book-indians-emigrating-to-other-countries-101755314540392.html> (дата обращения: 01.09.2025).

сложившуюся ситуацию «исходом» — настолько масштабным стало это явление. Дети большинства представителей индийской элиты, по его мнению, хотят эмигрировать. В 2024 году впервые в истории отток капитала из Индии превысил объем прямых иностранных инвестиций, привлеченных в страну. Своей книгой С. Бару поставил задачу предупредить руководство страны о том, что стимулирование эмиграции — это опасный путь, он лишает Индию не только финансового капитала, но и капитала человеческого. Представители индийской диаспоры за рубежом всегда тепло встречают премьер-министра Н. Моди, но они не готовы возвращаться в Индию и помогать ее развитию.

Россия — Индия: традиции сотрудничества

Советский Союз активно содействовал Индии в создании многих отраслей науки и промышленности, прежде всего в сфере тяжелой индустрии, включая черную и цветную металлургию, энергетику. Предоставляя более выгодные условия сотрудничества по сравнению с западными партнерами, обеспечивая не только финансирование проектов, их разработку и управление строительством, но и обучение персонала, передачу коллегам в Индии ключевых знаний и компетенций. Советский Союз практически содействовал Индии в становлении целых промышленных направлений. Модель советско-индийского экономического и технического сотрудничества от западных аналогов помощи также выгодно отличало то, что советское содействие направлялось на создание средств производства, что давало Индии возможность добиться подлинной экономической независимости. Заслуга в этом была не только советской стороны и доброй воли, проявленной советским руководством и советским народом по отношению к дружественной независимой Индии, но и заказчика проектов — индийского правительства, которое неизменно преследовало цели укрепления национального суверенитета и самообеспеченности страны. Кроме того, погашение советских кредитов производилось в индийских рупиях, которые полностью использовались на закупку индийских товаров для последующего импорта в СССР, тогда как США с 1960-х гг. требовали от Индии оплачивать займы исключительно в твердой валюте [Лунёв, 2017]. Займы, выделяемые Индии Советским Союзом, как правило, предоставлялись на больший срок под меньшие проценты, чем западные кредиты.

Потенциал сотрудничества в сфере образования и человеческого капитала

Сейчас в России обучаются около 30 000 студентов из Индии — в основном они выбирают²¹ медицинские вузы. Квоты на бесплатные места в университетах, выделяемые российским правительством, выбираются полностью, и подавляющее большинство индийцев учится на коммерческой основе. Учиться в России, особенно инженерным и STEM-специальностям, в Индии считается престижным, поэтому отечественные вузы сегодня имеют возможность привлечь еще больше индийских студентов. Для этого необходимо решить ряд проблем, в частности, договориться о взаимном признании дипломов, построить новые общежития и т. д.

На сегодняшний день в России нехватка рабочих рук, по признанию властей, стала основным фактором, сдерживающим экономический рост. От гордости за низкую безработицу мы вынуждены перейти к подсчету сотен тысяч недостающих сотрудников в различных отраслях.

²¹ Смена курса: индийские студенты выбирают новые страны для обучения. 4 апреля 2025. URL: <https://www.forbes.ru/education/534307-smena-kursa-indijskie-studenty-vybiraut-novye-strany-dla-obucenia> (дата обращения: 01.09.2025).

В строительстве — это около полумиллиона человек, в промышленности — более 250 тысяч²². Не хватает сотрудников в транспортной отрасли, в ИТ, ритейле и т. д. Решить столь масштабную проблему исключительно путем технологической модернизации, автоматизации и повышения производительности труда не получится. Стране приходится примириться с идеей ввоза большего числа рабочих рук. Однако на сложности с нехваткой кадров накладываются проблемы с трудовыми мигрантами, уже накопившиеся за предшествующие годы. Перед Россией стоит задача качественной реорганизации процесса привлечения трудовых ресурсов из зарубежных стран, повышения прозрачности миграционной сферы и ответственности работодателей за приезжающих сотрудников. Такие изменения будут невозможны без использования передовых технологических решений, в том числе биометрической идентификации.

Бизнес России и Индии активно лоббирует расширение трудовой миграции из Индии. В России существует запрос на привлечение индийской рабочей силы как со стороны крупного бизнеса, так и на уровне регионов. Этот вопрос теперь занимает одно из центральных мест не только в диалоге предпринимателей, но и на встречах чиновников двух стран. В настоящее время готовится проект соглашения между правительствами России и Индии о временной трудовой деятельности граждан (Migration and Mobility Partnership Agreement). Такие соглашения о партнерстве в сфере миграции (в разных формулировках названий) у Индии уже есть со странами Персидского залива, Австралией, Германией, Великобританией, Италией, Израилем — всего с 21 государством. Такие соглашения обычно касаются условий труда индийских работников, возможностей для студентов продлевать пребывание в стране после окончания учебы, ответственности за возможные нарушения миграционных правил и других нюансов.

В обучение индийских кадров должны включиться российская промышленность и бизнес. Сотрудники из этой страны понадобятся отечественным компаниям — как тем, которые пытаются решить проблему дефицита кадров на своих предприятиях в России, так и тем, которые выходят на индийский рынок [Кулик, 2025]. Российским работодателям придется решать задачи узнаваемости и репутации своего бренда на рынке труда Индии, обучения, найма, удержания и мотивации сотрудников. Большую роль в этой работе будут играть российские учебные заведения, причем обучение будет происходить и в России, и в Индии. Главный фактор для индийского студента при выборе вуза — это гарантированное трудоустройство после окончания учебы. Спрос на образование в России со стороны индийских студентов увеличится, если российские вузы смогут заручиться договоренностями с российскими работодателями о приеме на работу — в Индии или в России — индийских выпускников.

В ближайшие 30 лет в демографической структуре Индии будет преобладать трудоспособное население. Именно это время — окно возможностей для наращивания сотрудничества двух стран в области образования и трудовой миграции. Российским работодателям предстоит создать специальные программы для индийских студентов и в партнерстве с отечественными и индийскими вузами проводить целевые наборы. Такой опыт уже есть у некоторых крупных корпораций (например, у Росатома) — теперь необходимо распространить его на новые отрасли и вовлечь в процесс не только высшие учебные заведения, но и колледжи.

Российским компаниям, планирующим найм индийских специалистов, необходимо учитывать культурные особенности индийцев и проявлять о них особенную заботу, не ограничивающуюся только заработной платой и условиями труда и проживания. Важно, чтобы индийские кадры приходили в Россию вслед за индийскими инвестициями. У индийских инвесторов должна быть

²² Пленарная сессия XXI ежегодного заседания дискуссионного клуба «Валдай». 7 ноября 2024 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75521> (дата обращения: 01.09.2025).

возможность найма своих соотечественников — это касается и крупных индийских государственных вложений в добывающий сектор, и частных промышленных предприятий, и таких направлений, как сельское хозяйство, туризм, управление отелями и ресторанное дело.

Литература / References

Кулик Л., Коровкин В. *Цифровизация Индии. От локального феномена — к фактору глобального влияния*. Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО (IEMS). 2021. URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/3212e5d1-6201-4484-ab85-dcfe763ba4bd/%D0%A6%D0%98%D0%A4%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF-%D0%98%D0%9D%D0%94%D0%98%D0%98-skolkovo-iems-report-RUSSIAN-sm.pdf. (дата обращения: 11.09.2024) [Kulik L., Korovkin V. *India Goes Digital. From local phenomenon to global influencer*. Moscow, 2021 (in Russian and English)].

Лунёв С. И. Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы // *Вестник МГИМО*. 2017. № 2(53). С. 24–51 [Lunev S. I. Soviet-Indian relations (1955–1971): the birth of friendship // *MGIMO Review of International Relations*. 2017. No. 2(53). Pp. 24–51 (in Russian)].

Нилекани Н. *Образ новой Индии. Эволюция преобразующих идей*. М.: Альпина Паблишер, 2010 [Nilekani N. *Imagining India: The Idea of a Renewed Nation*. Moscow: Alpina Publisher, 2010 (in Russian)].

Сдасюк Г. В. *Новая Индия. География развития*. Канон +, 2021.

S. Jaishankar. *The India Way. Strategies for an uncertain world*. HarperCollins Publishers, 2020.

Lamba R., Rajan Raghuram G. *Breaking the mould: Reimagining India's Economic Future*. New York: Penguin Business, 2023.

Baru, Sanjaya. *Secession of the Successful*. New Delhi: India Viking, 2025.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Смена курса: индийские студенты выбирают новые страны для обучения. 4 апреля 2025. URL: <https://www.forbes.ru/education/534307-smena-kursa-indijskie-studenty-vybiraut-novye-strany-dla-obucenia> (дата обращения: 01.09.2025).

Пленарная сессия XXI ежегодного заседания дискуссионного клуба «Валдай». 7 ноября 2024 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75521> (дата обращения: 01.09.2025).

Система образования в Индии: вызовы, реформы и возможности для сотрудничества. 2 июля 2025. URL: <https://www.forbes.ru/education/540991-sistema-obrazovania-v-indii-vyzovy-reformy-i-vozmoznosti-dla-sotrudnicestva> (дата обращения: 01.09.2025).

UDISE+ Dashboard (Powered by NEP-2020) URL: <https://dashboard.udiseplus.gov.in/#/> (дата обращения: 01.09.2025).

National Education Policy 2020. URL: https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

All India Survey on Higher Education 2021–2022. URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s392049debbe566ca5782a3045cf300a3c/uploads/2024/02/20240719952688509.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

Shortage of Teachers in India: Implications for Quality of Education (2024).

URL: <https://educationforallinindia.com/shortage-of-teachers-in-india-implications-for-quality-of-education/#:~:text=India%20is%20facing%20a%20critical,teachers%20at%20the%20secondary%20level>. (дата обращения: 01.09.2025).

Around 56.18% of professor positions unfilled in leading Indian universities: report. April 1, 2025. URL: <https://educationpost.in/news/jobs-in-higher-ed/around-5618-of-professor-positions-unfilled-in-leading-indian-universities-report> (дата обращения: 01.09.2025).

Global Initiative of Academic Network (GIAN). URL: <https://gian.iitkgp.ac.in/> (дата обращения: 01.09.2025).

Setting up and Operation of Campuses of Foreign Higher Educational Institutions in India. URL: <https://www.ugc.gov.in/pdfnews/Setting%20up%20and%20Operation%20of%20Campuses%20of%20Foreign%20Higher%20Educational%20Institutions%20in%20India.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

New NCF Guidelines 2023: Two Indian languages required for grades 9–10, one for 11–12. August 24, 2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/education/news/new-ncf-guidelines-2023-two-indian-languages-required-for-grades-9-10-one-for-11-12/articleshow/103022348.cms> (дата обращения: 01.09.2025).

Language lessons: On Tamil Nadu, Karnataka and State Education Policies. The obsession with Hindi is diversion from the needs of school education. August 11, 2025. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/editorial/language-lessons-on-tamil-nadu-karnataka-state-education-policy/article69916793.ece> (дата обращения: 01.09.2025).

India needs to add 7.85 million jobs every year till 2030: Economic Survey. July 22, 2024. URL: https://www.business-standard.com/budget/news/india-needs-to-add-7-85-million-jobs-every-year-till-2030-economic-survey-124072200547_1.html (дата обращения: 01.09.2025).

India stares at high youth unemployment as hiring in its behemoth IT sector slows. April 4, 2024. URL: <https://www.cnbc.com/2024/04/04/india-stares-at-high-youth-unemployment-as-hiring-in-its-it-sector-slows.html#:~:text=In%20the%20October%20to%20December,Centre%20for%20Monitoring%20Indian%20Economy.> (дата обращения: 01.09.2025).

Even disillusioned young Indian voters favour Narendra Modi. April 30, 2024. URL: <https://www.economist.com/asia/2024/04/30/even-disillusioned-young-indian-voters-favour-narendra-modi> (дата обращения: 01.09.2025).

Skill India. URL: <https://www.skillindia.gov.in> (дата обращения: 01.09.2025).

Even disillusioned young Indian voters favour Narendra Modi. December 19, 2023. URL: <https://hr.economictimes.indiatimes.com/news/trends/only-45-job-seekers-employable-in-indian-it-tech-sector-amid-skill-crunch/106123788> (дата обращения: 01.09.2025).

Talent Demand & Supply Report: AI & Big Data Analytics. NASSCOM. URL: <https://nasscom.in/knowledge-center/publications/talent-demand-supply-report-ai-big-data-analytics> (дата обращения: 01.09.2025).

In praise of leisure. November 17, 2023. URL: <https://www.deccanherald.com/opinion/in-praise-of-leisure-2775742> (дата обращения: 01.09.2025).

India Employment Report 2024. International Labour Organisation. March 29, 2024. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-08/India%20Employment%20-%20web_8%20April.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

Annual remittances to India reach \$125 billion. December 19, 2024. URL: <https://static.pib.gov.in/WriteReadData/specifcdocs/documents/2023/dec/doc20231219290501.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

India needs to add 7.85 million jobs every year till 2030: Economic Survey. July 22, 2024. URL: https://www.business-standard.com/budget/news/india-needs-to-add-7-85-million-jobs-every-year-till-2030-economic-survey-124072200547_1.html (дата обращения: 01.09.2025).

India stares at high youth unemployment as hiring in its behemoth IT sector slows. April 4, 2024. URL: <https://www.cnbc.com/2024/04/04/india-stares-at-high-youth-unemployment-as-hiring-in-its-it-sector-slows.html#:~:text=In%20the%20October%20to%20December,Centre%20for%20Monitoring%20Indian%20Economy> (дата обращения: 01.09.2025).

E-migrate. URL: <https://emigrate.gov.in/#/emigrate> (дата обращения: 01.09.2025).

Sanjaya Baru interview: We've turned emigration of talented Indians into an aspiration. August 16, 2025. URL: <https://www.hindustantimes.com/books/sanjaya-baru-interview-we-have-turned-emigration-into-an-aspiration-new-book-indians-emigrating-to-other-countries-101755314540392.html> (дата обращения: 01.09.2025).

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-095-110

ИРАН — АЗЕРБАЙДЖАН: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

© 2025

В. И. Сажин¹

Военно-политическая напряженность на Южном Кавказе, длящаяся уже долгое время, не в последнюю очередь связана с многоуровневыми и неоднозначными отношениями между Исламской Республикой Иран (ИРИ) и Азербайджанской Республикой (АР). Влияние Ирана на Южный Кавказ и, в частности, на Азербайджан уходит корнями вглубь истории двух народов — персов и азербайджанцев. Этно-национальные проблемы, переплетенные с политико-экономическими, играли существенную роль во взаимоотношениях так называемого Северного Азербайджана (входившего и в Российскую империю, и в СССР) и, наконец, независимой АР с Южным Азербайджаном, являющимся частью сначала Персидской империи, Ирана, а в настоящее время — ИРИ. Вопросы единства и различия в национальном сознании, исторически сложившиеся между «южными» и «северными» азербайджанцами, также имели большое значение в формировании обстановки в южнокавказском субрегионе.

В предлагаемой читателям статье делается попытка сконцентрировать внимание на «азербайджанском факторе» в Иране и на «иранском факторе» в Азербайджане и их влиянии на двусторонние отношения, а также на внешнюю и внутреннюю политику двух государств.

Ключевые слова: Иран, Персия, Азербайджан, Южный Кавказ, Россия, Турция, Армения

Для цитирования: Сажин В.И. Иран — Азербайджан: единство и борьба противоположностей.

Вестник Института востоковедения РАН. 2025. № 3. С. 95–110. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-095-110

IRAN — AZERBAIJAN: UNITY AND STRUGGLE OF OPPOSITES

Vladimir I. Sazhin

The military-political tension in the South Caucasus, which has been going on for a long time, is not least related to the multilevel and ambiguous relations between the Islamic Republic of Iran (IRI) and the Republic of Azerbaijan (RA). Iran's influence on the South Caucasus and, in particular, on Azerbaijan goes deep into the history of two peoples — Persians and Azerbaijanis. Ethno-national problems, intertwined with political and economic ones, played a significant role in the relations between the so-called “Northern Azerbaijan” (which was part of both the Russian Empire and the USSR) and, finally, the independent Republic of Azerbaijan, with “Southern Azerbaijan”, which was part of the Persian Empire, Iran and now the Islamic Republic of Iran. The issues of unity and differences in national consciousness that have historically developed between “southern” and “northern” Azerbaijanis have also been of great importance in shaping the situation in the South Caucasus subregion.

¹ Сажин Владимир Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; vsaj1@yandex.ru

Vladimir I. Sazhin, PhD (Hist.), Senior Researcher at the Center for the Near and Middle East Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; vsaj1@yandex.ru

This article attempts to focus on the “Azerbaijani factor” in Iran and the “Iranian factor” in Azerbaijan and their impact on bilateral relations, as well as on the foreign and domestic policies of the two states.

Keywords: Iran, Persia, Azerbaijan, South Caucasus, Russia, Turkey, Armenia

For citation: Sazhin V. I. Iran — Azerbaijan: unity and struggle of opposites. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 95–110. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-095-110

География — это судьба. Так сказал Наполеон Бонапарт. Возможно, это не всегда так, но, пожалуй, в отношении Кавказа справедливо. В мире не так много регионов, где их военно-стратегическое положение и экономическое значение совмещались бы с невиданным этнорелигиозным разнообразием на ограниченной территории при наличии исторически обусловленных спорных моментов. Что объективно создает предпосылки для перманентного состояния напряженности, которая на протяжении по крайней мере двух последних столетий неоднократно взрывалась вооруженными конфликтами и войнами.

На субъекты кавказской политики воздействуют разновекторные силы, заставляющие их втягиваться в различные постоянные или чаще временные альянсы. Причем векторы региональной политики каждого из южнокавказских государств определяются множеством факторов, порожденных особенностью двусторонних и многосторонних отношений.

Отношения Исламской Республики Иран с народами и государствами Южного Кавказа следует рассматривать исключительно через призму истории, которая в разные эпохи оказывала кардинальное влияние на этот субрегион.

На протяжении столетий здесь формировался и зрел огромный запутанный клубок отношений с узлами дружбы и неприязни, союзничества и противостояния, узурпации и освобождения. В истории можно вспомнить такие антагонистические пары, как армяне и турки (Османская империя), Османская империя — Персия, Персия — Российская империя, Российская империя — Османская империя. Эти противоборства мостили дорогу в современность, которая оказалась также отнюдь не безоблачна.

После распада СССР и появления независимых государств ситуация на Южном Кавказе никогда не отличалась долговременной стабильностью. Находившиеся в советское время в дремлющем состоянии многочисленные этнорелигиозные противоречия были разбужены политическими амбициями лидеров независимых закавказских республик. Положение усугублялось и непосредственным воздействием — как позитивным, так и негативным внешних, внерегиональных сил, прежде всего России, Евросоюза, США и Израиля.

Сложнейшие проблемы довлеют ныне над отношениями Исламской Республики Иран и Азербайджанской Республики.

На протяжении веков Иран поддерживал (и поддерживает) тесные политические, экономические и культурные связи с народами Закавказья. При этом особой спецификой отличаются его отношения с Азербайджаном. И тому есть историческое обоснование.

Ареалом происхождения азербайджанцев считается Восточное Закавказье и Северная Персия, где с древности проживали кочующие племена кавказионского и каспийского антропологических типов. В IV веке до н. э. в регион приходит Александр Македонский и основывает государство Мидия Атропатена². От него возникли название нации и территориальные границы основного

² Считается, что Азербайджан принял свое название от Атропата, губернатора, правившего в государстве Мидия Атропатене (ареал современного Иранского Азербайджана) около 321 года до н. э. Атропат означает «охранник огня». Огонь в среднеперсидском языке произносился как «адер». В искаженном виде Атропатен стал «Адербадган», от которого и произошло современное название государства и народа, поскольку в новом персидском языке огонь произносится как «азер». Отсюда название Азербайджан.

ареала ее размещения. Его население было персизировано в период правления династии Сасанидов в Иране (III–VII вв. н. э.). Государство просуществовало до VIII столетия н. э., когда его покорил мощный Арабский халифат, принесший ислам, быстро сменивший господствовавший здесь веками зороастризм (можно сказать, огнепоклонничество). Началом тюркизации населения считают завоевание региона турками-сельджуками в XI веке.

Формирование азербайджанского этноса на территории Восточного Закавказья и Северо-Западного Ирана представляло собой многовековой процесс, завершившийся в основном к концу XV века. К этому времени жители территорий современного Ирана и Азербайджана считали себя одним народом.

С XVI до XVIII века правила мощная династия Сефевидов, во время которой Персидская империя переживала расцвет. После падения Сефевидов в XVIII веке и хаоса последующих лет государство пришло в упадок и разделилось на множество ханств, борьбу за которые следующее столетие вели русские, иранцы, афганцы, Османский халифат [Семенова]. Азербайджанцы были дезинтегрированы на Кавказе между двумя десятками полунезависимых ханств, находящихся в основном под контролем Персии³.

В 1722 и 1723 гг. Император Всероссийский Петр I осуществил Персидский поход, в результате которого к России отошли южное и западное побережье Каспийского моря с городами Дербент, Баку, Решт и провинциями Ширван, Гилян, Мазендаран и Астрабад. Однако после смерти Петра I в 1725 г. по Рештскому (1732) и Гянджинскому (1735) трактатам приобретенные им территории вновь возвращались Персидской империи.

К началу XIX века практически все Закавказье и Дагестан находились под протекторатом Персии.

После победы России в русско-персидской войне 1804–1813 гг. был подписан Гюлистанский мирный договор. Согласно договору Персия признавала переход к Российской империи Дагестана, большей части современной Грузии, Восточной Армении и азербайджанских ханств, то есть, по сути, всего Южного Кавказа. В результате азербайджанцы были разделены между этими двумя государствами.

Персов это не устроило, и в 1826 г. они начали новую войну против России, которую проиграли. В 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор, по которому Персия подтверждала все условия Гюлистанского договора и признавала переход к России части Каспийского побережья, а также Эриванского и Нахичеванского ханств. То есть юго-восточное Закавказье, включая побережье Каспия до Астары, а также Восточная Армения, где было создано особое административное образование — Армянская область с переселением туда армян из Ирана, перешли под контроль Российской империи. Границей между государствами стала река Аракс, а большая часть исторической области Азербайджан осталась в составе Ирана. Этим была поставлена точка в многолетней экспансии Ирана на Южном Кавказе.

Персидский шах Фатх-Али-шах Каджар по Туркманчайскому договору обязывался выплачивать России контрибуцию — 20 млн руб., что составляло пятую часть всех доходов бюджета Российской империи за год. Это в три раза превышало стоимость войны с Персией [Волынец, 2016]. Что касается Южного Азербайджана, то Россия обязалась вывести из него войска по выплате контрибуции. Персидский шах обязался предоставить амнистию всем жителям Южного Азербайджана, сотрудничавшим с русскими войсками. Договор также предусматривал переселение армян из Ирана на Кавказ, что включало освобождение армянских пленников, которые находились в Иране с 1804 года или даже с 1795 года.

³ Иранцы всегда называли свою страну Иран, за рубежом эту страну называли Персией до 1935 г.

После этих важнейших событий территории исторического проживания азербайджанского этноса (в Иране азербайджанцев называли и называют «азери» или «торк») были разделены на две части: земли севернее реки Аракс оказались в составе России, а южнее Аракса — в составе Ирана. В результате появились термины «Северный Азербайджан», а также «Южный или Иранский Азербайджан».

Не все спокойно было в Иранском Азербайджане, где время от времени происходили протесты на этнической почве против центрального правительства. Наиболее мощные выступления отмечались в начале XX века, когда персидская династия Каджаров приходила в упадок.

В 1908–1909 гг. и в 1920 г. лидер Азербайджанской демократической партии Мохаммад Хиябани поднимал иранских азербайджанцев на борьбу. В 1920 г. во главе с ним было создано национальное правительство и принято решение переименовать Иранский Азербайджан в Азадистан (Страна свободы). При этом и в первом, и во втором случае М. Хиябани не декларировал абсолютную независимость Иранского Азербайджана, настаивая на широкой автономии. Он верил в революционизирующую роль Азербайджана для всего Ирана и боролся против центрального правительства, против экспансии в Иране Великобритании и России, причем и царской, и советской. М. Хиябани и его соратники отказались сотрудничать с большевиками. Они заявили, что не согласны с вводом советских войск в Энзели (май 1920 г.) и не признают правомочность договора русских с Мирзой Кучек-ханом Джангали, создавшим Гилянскую советскую социалистическую республику, известную также как Персидская советская республика, просуществовавшую чуть больше года (июнь 1920 — сентябрь 1921 г.).

Все вспышки недовольства, все мятежи, все восстания были подавлены шахскими войсками, и Тегеран продолжал контролировать Южный Азербайджан.

В 1925 г. бывший рядовой, позднее офицер Персидской казачьей бригады, затем военный министр и далее премьер-министр Реза-хан был провозглашен новым шахом Ирана под именем Реза-шаха Пехлеви.

Поставив своей целью восстановить былое величие страны, он взял курс на европеизацию Ирана, укрепление государственности и армии. Идеологической базой внутренней и внешней политики стали идеи иранского (персидского) национализма, получившие в дальнейшем довольно сильное развитие. Господствующей концепцией официальных монархических кругов была концепция «единой иранской нации», согласно которой все народы страны представляют одну нацию на персидской основе. Особое место придавалось распространению персидского языка в неперсидских районах. Реза-шах запретил использование азербайджанского языка в образовании, прессе и делопроизводстве. Губернаторами в Азербайджан были назначены персы, большинство высоких административных постов также занимали персы, а не азербайджанцы. В Иранском Азербайджане переименовывались топонимы, имеющие азербайджанское происхождение. Хуже того, Тегеран целенаправленно осуществлял политику экономической дискриминации региона, при этом наглухо закрыв границу с Советским Азербайджаном, куда ранее устремлялись иранские азербайджанцы на сезонные работы.

Такая шахская политика привела к серьезным изменениям внутри азербайджанской общины в Иране. Значительная часть иранских азербайджанцев, исторически проживающих на севере страны, массово ринулась в поисках работы в крупные города, прежде всего в Тегеран. Это привело к тому, что в многонациональных городских «котлах» «выпаривалась» национальная идентичность иранских азербайджанцев (не в последнюю очередь благодаря общей с персами религии — шиизму), постепенно терялся язык, и они становились просто иранцами. Именно тогда началась

активная фаза ассимиляции значительной части мигрировавших в другие районы азербайджанцев. Этот процесс продолжается и сейчас.

В свою очередь политическое, экономическое и культурно-языковое давление Тегерана на азербайджанцев, проживающих на севере страны, разжигало и аккумулировало у них естественные националистические чувства, усиливая сознание национальной азербайджанской идентичности.

Во время Второй мировой войны, 25 августа 1941 г. Великобритания на юге Ирана, СССР — на севере ввели свои войска, чтобы предотвратить превращение Ирана в сателлита нацистской Германии. Красная армия заняла практически весь иранский Азербайджан.

Примечательно, что еще до начала данной военной операции Москва и Баку рассматривали возможность советизации южного Азербайджана и присоединение его к Азербайджанской ССР. Руководитель этой советской республики Мир Джафар Багиров, инструктируя своих подчиненных, отмечал, что крупнейшие города Ирана: Казвин, Урмия, Миане, Марага, Тебриз, Ардебиль, Салмас, Хой, Энзели и другие — «были родиной наших предков. И если хотите знать правду, то и Тегеран — древний азербайджанский город» [Гасанлы, 2008]. Уже в мае — июне 1941 года для отправки в Южный Азербайджан в Азербайджанской ССР мобилизовали 3816 гражданских лиц. В группу «по советизации» входили партийные и советские работники, представители органов безопасности, милиции, судов и прокуратуры, работники типографий и издательств. Руководителем отправляемой в Южный Азербайджан миссии Советского Азербайджана был назначен секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Азиз Алиев [Гасанлы, 2008].

Однако в тяжелый для СССР период Великой Отечественной войны Иран приобретал исключительно большое значение как своего рода транзитный коридор для перевозки военных грузов, поставляемых СССР по ленд-лизу. Проблема Южного Азербайджана отошла как бы на второй план, и находившиеся там работники из АзССР были по указанию Москвы отозваны назад.

Реальная деятельность по советизации иранского Азербайджана началась в 1945 г., когда на этой территории, занятой советскими войсками, образовалось де-факто самостоятельное государственное образование — Демократическая Республика Азербайджан, созданное по прямому указанию Сталина. Вождем всех народов связывал создание просоветской азербайджанской республики и с общим процессом распространения социализма, и с возведением буферной зоны вокруг СССР, как это чуть позднее будет происходить в Восточной Европе. Но была еще одна цель в Иране — получение от Тегерана концессии на разработку нефти на севере страны с определенным отчуждением территории.

Обеспокоенный Тегеран послал войска для подавления азербайджанского мятежа, но советская армия преградила им путь на север.

Как известно, 29 января 1942 г. был подписан англо-советско-иранский договор, по которому СССР и Великобритания обязались вывести свои вооруженные силы из Ирана в шестимесячный срок после окончания боевых действий Второй мировой войны. Как показала история, это должно было случиться 2 марта 1946 г. Именно в этот день Англия объявила о завершении вывода из Ирана своих войск (американские покинули страну еще до 1 января того же года). СССР поступил по-другому.

В распространенном ТАСС сообщении говорилось, что СССР выведет свои армейские части только из Мешхеда, Шехруда и Семнана (т. е. из северо-востока Ирана). В этой же информации подчеркивалось, что Советская армия будет оставаться в других районах Ирана (надо понимать — в Иранском Азербайджане). Более того, 4 марта в Иран был введен дополнительный советский военный контингент, начавший движение к Тегерану. Это породило первый крупный политический конфликт холодной войны. 18 марта 1946 года правительство Ирана поставило перед

Советом Безопасности ООН вопрос о советской агрессии. На московских переговорах в марте 1946 г. правительство СССР выступило со своими требованиями, предложив Ирану, «1) чтобы войска СССР оставались в определенных районах Ирана, 2) чтобы был обсужден вопрос о нефтяных концессиях и 3) чтобы было признано автономное правительство Азербайджана». Это не устраивало ни Иран, ни США, ни Британию. Усилилась бурная дипломатическая деятельность в рамках Совбеза ООН и в двусторонних контактах.

Под давлением Запада 24 марта СССР заверил Иран через своего посла, что завершит вывод своих частей из Ирана за полтора месяца. По некоторым данным, определенную роль в решении иранского кризиса сыграла угроза президента США Гарри Трумэна сбросить атомную бомбу на Баку. Сталин не решился обострять ситуацию и не стал оказывать помощь азербайджанскому правительству демократов.

9 мая 1946 года эвакуация советских войск и имущества с территории Ирана была полностью завершена, после чего новый состав иранского меджлиса отказался ратифицировать советско-иранское соглашение о совместном нефтяном обществе.

Летом 1946 г. руководство Демократической Республики Азербайджан, которая просуществовала ровно один год, согласилось отказаться от автономии, но это не остановило центральное правительство. В начале декабря шахские войска перешли границу той части Азербайджана, которая находилась под управлением демократов, вошли в Тебриз, и началась карательная операция. Было казнено около 14 тыс. азербайджанских демократов и их сторонников. (Правда, находясь у власти, демократы также казнили около 500 сторонников шаха). Демократическая партия Азербайджана была объявлена вне закона. Ее активистов уничтожали, сажали в тюрьмы. Несколько тысяч спаслись бегством, эмигрировав в СССР.

С автономией иранского Азербайджана было покончено.

В азербайджанском кризисе новый шах Ирана Мохаммад Реза Пехлеви показал себя решительным сторонником идеи своего отца — Реза-шаха (отреченного от престола и передавшего бразды правления сыну в 1941 г.) о «единой персидской нации».

После Второй мировой войны постепенно в шахском Иране стала формироваться идеология, которую можно определить как «пехлевизм» — то есть персидский национализм, источником и вдохновителем которой объявлялась эпоха Великой персидской империи династии Ахеменидов (VI–IV века до н. э.), времен царей Кира и Дария, завоевавших полмира. И в этой идеологии мест для азербайджанского этноса не предусматривалось.

Именно в период правления М. Р. Пехлеви наиболее активно происходил процесс ассимиляции азербайджанцев в «персидский мейнстрим». Это не в последнюю очередь было связано с реформами «Белой революции», начатой шахом в начале 1960-х годов в целях ускоренного развития промышленности, современного сельского хозяйства, в целом — капитализма в стране.

Под воздействием шахских реформ азербайджанцы в Иране, говоря условно, расслоились на три, если так можно сказать, фракции. Это сельские жители северных, азербайджанских районов страны, приверженцы традиционного образа жизни; азербайджанцы — жители крупных городов, в том числе интеллигенция и образованные люди, продолжающие идентифицировать себя как азери; и, наконец, «растворившаяся» в титульной нации значительная масса людей, считающих себя иранцами.

В такой или приблизительно в такой ситуации встретили иранские азербайджанцы исламскую революцию в Иране.

Стоит напомнить, что идеологи и практики исламской революции в Иране отрицали национальный вопрос, поскольку в принципе не признавали такое явление, такое понятие, как нация,

по сути заменяя его религиозной идентичностью. Поэтому в основополагающих документах ИРИ нет термина «национальное меньшинство». Все граждане Исламской Республики — иранцы, некоторые из которых принадлежат к официальным «религиозным меньшинствам» — христианам (армяне), зороастрийцам и иудеям (евреи). Азербайджанцы — это братья-шииты, которые говорят на другом языке.

При этом именно иранские азербайджанцы были в авангарде широкой антишахской коалиции, которая привела к свержению шахского режима. Исламская революция началась в январе 1978 года с расстрела шахской полицией в Куме демонстрации студентов в поддержку аятоллы Хомейни. На сороковой день гибели людей в феврале вспыхнуло восстание в азербайджанском Тебризе, в котором приняло участие около 100 тысяч человек и которое привело к массовым жертвам. Призывая к автономии, азербайджанцы требовали демократии, свободы мнений и освобождения от иностранного влияния, которое было персонифицировано в самом шахе.

С начала революции в Иранском Азербайджане очень сильны были либеральные и левые группировки, в особенности Организация моджахедов иранского народа (ОМИН или Моджахедин-э Халк). В решении национального вопроса среди левых не было единства. Часть из них выступала за развитие национально-демократической революции в масштабах всей страны и считала, что с ее победой будут разрешены национальные проблемы. Другие своей первоочередной задачей видели создание национальных автономий и проведение в рамках них социальных преобразований.

Обострение же обстановки в Иранском Азербайджане было связано не столько с движением за автономию, сколько с политической борьбой за власть между некоторой частью азербайджанских финансово-предпринимательских и местных религиозных кругов с «персидским» духовенством и поддерживавшей их персидской (т. е. неазербайджанской) буржуазией. Правящей религиозной элите в Тегеране был противопоставлен свой местный религиозный лидер — великий аятолла Мохаммад Казем Шариатмадари, выходец из азербайджанской среды. Пока лидер исламской революции аятолла Хомейни находился в эмиграции, Шариатмадари считался главным религиозным авторитетом в Иране. Большая часть верующих азербайджанцев относилась к числу его последователей. Вокруг фигуры Шариатмадари сплотились и местные леворадикальные группировки, включая ОМИН.

После победы исламской революции отношения между двумя великими аятоллами Шариатмадари и Хомейни приняли натянутый характер. Шариатмадари открыто не разделял концепцию Хомейни вelayат-е факих, легшую в основу государственной власти ИРИ. Разногласиями между Хомейни и Шариатмадари попытались воспользоваться азербайджанские националисты, пытавшиеся установить в Иранском Азербайджане местную автономию. Противоборство между Шариатмадари и Хомейни достигло своего апогея в декабре 1979 года и январе 1980 года, когда в Куме и Тебризе произошли столкновения между последователями обоих аятолл. На массовых демонстрациях, прошедших в декабре 1979 года в Тебризе, было выдвинуто требование предоставления автономии азербайджанцам и другим этническим меньшинствам. Поскольку Шариатмадари придерживался религиозного принципа решения межнациональных проблем, то он не стал лидером автономистов. Сам он в конечном итоге оказался под домашним арестом и был обвинен в причастности к государственному перевороту.

Одной из важнейших причин отсутствия в Иранском Азербайджане массового движения за автономию являлось то, что при исламском режиме представители азербайджанцев получили доступ к высшим эшелонам власти. Многие ключевые позиции в политической системе Ирана находились в руках лиц азербайджанского происхождения. Некоторые азербайджанцы прямо заявляли, что они менее заинтересованы в своем участии в самоуправлении Азербайджана, чем в управлении

всей страной. В 1981 году президентом и премьер-министром Ирана стали азербайджанцы Али Хаменеи (нынешний верховный лидер) и Мир-Хосейн Мусави соответственно. В Тебризе проходили митинги под лозунгами «Будем бороться с любым проявлением сепаратизма», «Азербайджанский народ душой и телом поддерживает шиитское духовенство».

Не стоит забывать, что во время ирано-иракской войны (1980–1988) иранские азербайджанцы героически сражались за Исламскую Республику Иран.

В настоящее время азербайджанцы в Иране считаются этнической группой, составляющей неотъемлемую часть иранской нации. Как писал в 1987 году в своей статье «От шаха до Хомейни» посол СССР в Иране Виноградов, «благодаря своей многочисленности, экономической и культурной развитости, азербайджанцы с течением времени органически вросли в иранское общество и не стали там так называемым «национальным меньшинством». В Тегеране — центре политической, экономической и культурной активности — было около полутора миллионов азербайджанцев» [Виноградов, 1987, с. 184–210].

Действительно, в настоящее время большинство этнических азербайджанцев проживает на территории Ирана (по оценкам специалистов, 17–18 млн чел., 20–25% населения, по ряду других источников — от 16 (CIA World Factbook) до 35 млн чел.)⁴, а в самой Азербайджанской Республике — более 10 млн человек.

В Иране 31 провинция, в большинстве которых живут этнические азербайджанцы. В провинции Тегеран проживает 4,1 млн, а в каждой из шести северных провинций — более 1 млн азери, всего на севере ИРИ около 15 млн. В 19 иранских провинциях проживает от 5 до 700 тыс. азербайджанцев.

Здесь следует отметить, что кроме Азербайджанской Республики и Ирана этнические азербайджанцы, общая численность которых в мире достигает 50 млн человек, проживают в 70 странах. Самые большие азербайджанские диаспоры находятся в Турции (3 млн), России (2 млн), арабских странах (1 млн), Грузии (500 тыс.), США (450 тыс.), Украине (250 тыс.), Германии (250 тыс.), Канаде (170 тыс.).⁵ Несомненно, азербайджанцы, проживающие вне АР и ИРИ, оказывают значительное влияние (финансовое, идеологическое) на этнополитические процессы, происходящие в этих странах. А эти процессы весьма существенно воздействуют на двусторонние отношения Азербайджана и Ирана и, более того, на ситуацию в регионе.

Азербайджанцев и персов объединяют не только исторические корни и территориальная близость, но и религия: те и другие исповедуют шиизм, что, естественно, оказало влияние на формирование схожих нравов и обычаев двух этносов.

Многое притягивает Исламскую Республику Иран и Азербайджанскую Республику друг к другу, но многое и отталкивает. Так, уникальность азербайджанского сознания — сочетание шиитской ментальности (объединительный фактор) и собственно тюркской национальной основы. Последнее и есть камень преткновения между Тегераном и Баку.

На протяжении более двух столетий одни азербайджанцы были подданными Персидской империи, другие — Российской, что не могло не сказаться на изменении национального сознания «южных» и «северных» частей этноса, причем изменений в разных системах координат. В Иране — в плане постепенной, иногда насильственной ассимиляции азербайджанцев с титульной персидской нацией (после исламской революции 1979 г. — на фундаменте неошиизма, то есть хомейнизма,

⁴ Оценки численности иранских азербайджанцев, приводимые в тех или иных источниках, могут различаться на порядок — от 15 до 30 млн. См., например: Looklex Encyclopaedia, Iranian.com, «Ethnologue» Report for Azerbaijani Language, UNPO information on Southern Azerbaijan, Jamestown Foundation.

⁵ География распространения азербайджанской диаспоры. Сайт Азербайджан. URL: https://www.azerbaijans.com/content_1713_ru.html (дата обращения: 22.01.2025).

ставящего во главу угла единство в исламе). В Российской империи при сохранении национальной автономии — секуляризации и европеизации азербайджанцев. Особенно активно этот процесс проявлялся в советское время, когда коммунистические идеологи и политики, выкорчевывая из сознания азербайджанского народа (да и всех других народов тоже) «религиозные пережитки», творили «нового человека» на базе единства в пролетарском интернационале или позднее — единства в новой общности людей — советском народе.

Таким образом, к началу 1990-х годов, к моменту распада СССР различия в национальной психологии, национальном сознании «северных» и «южных» азербайджанцев были значительны.

Однако это не помешало обеим сторонам выдвигать идеи объединения азербайджанцев, что, естественно, крайне взволновало официальный Тегеран. Предвидя рост национального сепаратизма в многонациональном Иране под влиянием социально-политических процессов в СССР, руководство ИРИ без радости восприняло распад Советского Союза.

Быть может, именно из-за опасений, что этот процесс затронет и полиэтнический Иран, Тегеран не признавал независимость Азербайджанской Республики, которая была провозглашена 18 октября 1991 г. Тогдашний министр иностранных дел ИРИ Али Акбар Велаяти заявил: «Мы не намерены признавать независимость Азербайджана. Отношения с этой республикой будут развиваться в рамках Советского Союза». И лишь 25 декабря 1991 г., в день официальной кончины СССР Тегеран был вынужден это сделать [Насибова, 2022].

После этого в истории ирано-азербайджанских связей начался новый этап, характеризуемый уже межгосударственными отношениями Тегерана и Баку. При этом традиционно-исторические этнорелигиозные проблемы оставались и даже разрастались, наполняясь новым политическим содержанием.

Суть проблем, которые охватывают многие аспекты региональных взаимоотношений, правомерно искать в гегелевском законе диалектики о единстве и борьбе противоположностей.

При единстве конфессиональных (у персов и азербайджанцев) и этнических (у азербайджанцев двух стран) черт имело и имеет место несовпадение взглядов у правящих элит в Тегеране и Баку по вопросу приоритетов в государственных и национальных интересах.

Бывший председатель Исламского комитета России покойный Гейдар Джемаль заявлял, что азербайджанцы Ирана по отношению к Северному Азербайджану выступают с достаточно высокомерных, имперских позиций, рассматривают его как психологически и морально деградировавшую часть Азербайджана, которую нужно хорошенько встряхнуть и поднять до своего уровня [Сажин, 2020].

Нельзя забывать, что одна из основных теоретических концепций военно-политической доктрины ИРИ — «экспорт исламской революции по иранскому образцу» начала проводиться в жизнь с первых лет существования Исламской Республики именно в Азербайджане еще до распада СССР. После провозглашения Азербайджанской Республики политико-идеологическая, пропагандистская и религиозная работа иранских проповедников (и представителей спецслужб) в независимом Азербайджане усилилась. Так, была открыта ирано-азербайджанская граница, и сотни семей по обе стороны начали активно навещать друг друга [Shaffer, 2004, pp. 119–140]. Были достигнуты значительные улучшения в коммуникационных и транспортных соединениях между Азербайджанской Республикой и азербайджанскими провинциями Ирана. Этим воспользовалось шиитское руководство ИРИ, рассматривая население АР как потенциальную базу для идеологической обработки в духе учения Хомейни, и активизировало многоплановую работу по исламизации северных азербайджанцев. Это вызывало негативную реакцию отнюдь не религиозного Баку, да и всего азербайджанского народа, бывшего советского. Иранские аятоллы вскоре осознали, что граждане АР не так

податливы, как это предполагали в Тегеране. Планы «хомейнизации» АР провалились. И более того, влияние происходило в обратном направлении: иранские азеры стали с возрастающим интересом смотреть на независимый Азербайджан. Это вызывало беспокойство у властей ИРИ и привело к ограничению контактов. Так, например, в отличие от своей политики в отношении беженцев из Афганистана и Ирака, иранские власти отказались принять азербайджанских беженцев, спасающихся из районов боевых действий с Арменией, опасаясь интенсивного общения между беженцами и «своими» азербайджанцами [Shaffer, 2004, pp. 119–140].

Как бы в противодействии планам «экспорта исламской революции по иранскому образцу» в Азербайджанской Республике среди националистически настроенных кругов обсуждались идеи объединения азербайджанцев, что, естественно, крайне взволновало руководство многонационального Ирана, опасаящегося роста сепаратизма в стране. Это проявилось не в последнюю очередь в смене позиций иранских властей в Карабахском конфликте в пользу поддержки Армении [Moreno, 2005], так как они считали, что победа Азербайджана вдохновит иранских азеры [The International dimensions..., 1996, pp. 571–602].

Азербайджанскому вопросу в Тегеране стали уделять особое внимание. Тем более что число оппозиционных азербайджанских группировок возрастало. По данным ООН, в ИРИ действуют более десятка различных оппозиционных группировок азербайджанцев⁶.

Цели этих организаций различные — от отделения Иранского (Южного) Азербайджана от ИРИ до национально-культурной автономии в рамках Ирана.

Азербайджанские оппозиционеры в ИРИ видят несправедливость в том, что Тегеран предоставляет привилегии иранским армянам: пресса на армянском языке, школы с преподаванием языка, квотирование мест в органах власти, льготы для бизнеса, а большая азербайджанская диаспора лишена всего этого⁷.

Они часто вспоминают слова свергнутого последнего шаха Ирана Мохаммада Резы Пехлеви, который называл Южный Азербайджан головой иранского льва [лев с поднятым мечом в лапе — герб шахиншахского Ирана. — В.С.]. «Без Южного Азербайджана Иран — это обезглавленное государство», — говорил шах⁸.

Азербайджанские оппозиционеры напоминают, что Тебриз и в целом весь Иранский Азербайджан на протяжении новейшей истории всегда был инициатором, спусковым крючком революционных движений. Они предостерегают, что «пробуждение национального самосознания в Южном Азербайджане наряду с растущей мощью Северного Азербайджана должно послужить серьезным предупреждением иранским властям»⁹.

Параллельно с оппозиционной деятельностью некоторой части азербайджанской диаспоры в ИРИ в этой стране, причем в тегеранской элите, периодически проявляются идеи присоединения к Ирану Северного Азербайджана, то есть Азербайджанской Республики. Наблюдается

⁶ Движение за национальное освобождение Южного Азербайджана основано в 1991 г., лидер — Пируз Диленчи; Движение студентов Южного Азербайджана основано в 2006 г.; Всемирный азербайджанский конгресс основан в 1994 г., лидер — Али Назми Афшар; Организация национального возрождения Южного Азербайджана основана в 1995 г., лидер — Атилла; Национальный исламский фронт Азербайджана основан в 1998 г.; Парламент Южного Азербайджана основан в 1999 г., лидер — Булуд Карапapak; Организация национального освобождения Азербайджана основана в 1999 г., лидер — Эльдар Карадагли; Движение за национальное пробуждение Южного Азербайджана основано в 2002 г., лидер — Махмудали Чехрегани; Партия независимости Южного Азербайджана основана в 2006 г., лидер — Салех Илдириг; Фронт национального освобождения Южного Азербайджана основан в 2012 г. и некоторые другие.

⁷ «Иранский лев» потеряет голову. Южный Азербайджан стремится к независимости! Сайт Haqqin.az. 27.08.2022. URL: <https://haqqin.az/news/258047> (дата обращения: 01.04.2025).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

волнообразный процесс несогласия с результатами Гюлистанского и Туркманчайского договоров. В СМИ время от времени вспыхивали дебаты об их денонсации. Более того, к идеологам и политологам присоединялись и политики. Так, в 2013 году группа депутатов парламента Ирана подготовила законопроект, суть которого в том, что правительство Ирана объявляет о прекращении действия Гюлистанского и Туркманчайского договоров. Иными словами, раздел исторического Азербайджана между Россией и Персией на две части — Южный (Иранский) и Северный (Российский) — признается недействительным. Следовательно, Иран получает право объявить об аннексии всей территории нынешней независимой Азербайджанской Республики [Киселев].

Безусловно, серьезные политики прекрасно понимают утопичность этих идей. Но все же они популяризируются, причем, как правило, в моменты обострения отношений между Тегераном и Баку.

Небольшая группа активных оппозиционеров-азери считает необходимым или объединение с Северным Азербайджаном, или создание независимого государства в Южном Азербайджане.

Однако в своем подавляющем большинстве иранские азербайджанцы, конечно же, не являются противниками нынешней исламской власти в ИРИ. Идеи отделения от Ирана или объединения с Азербайджанской Республикой не пользуются у них популярностью. Лишь немногие выражают политическое, общественное и экономическое недовольство (настроения, которые разделяет большинство иранцев) на языке межэтнических разногласий. При этом следует особо подчеркнуть, что процесс ассимиляции этнических азербайджанцев в Иране в течение столетий протекал успешно. Многие из высших руководителей страны являются этническими азери. В том числе и верховный лидер аятолла Хаменеи. Напомним, что шахиня Фарах, супруга свергнутого шаха Мохаммада Резы Пехлеви, ныне вдовствующая императрица Ирана, — также азербайджанка.

К XXI веку к набору сложных исторических межгосударственных проблем между АР и ИРИ прибавились новые — политические, которые проявили тенденцию к обострению. Это проблема правового статуса Каспийского моря, проблема Карабаха, роль США и Израиля в регионе.

Что касается Каспия, то в августе 2018 г. в казахстанском городе Актау лидеры пяти прикаспийских государств — России, Азербайджана, Ирана, Казахстана, Туркменистана приняли исторический документ — Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря¹⁰. Одним из важных аспектов этого документа является вопрос о разделе дна и недр Каспия на национальные сектора.

Однако при этом на юге Каспия сохраняются пограничные противоречия между Ираном и его соседями — Азербайджаном и Туркменистаном. И принятая Конвенция не вносит полной ясности в вопрос о размежевании дна на юге Каспия. В ней лишь сказано, что «разграничение дна и недр Каспийского моря на сектора осуществляется по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм права»¹¹. Как отмечают политологи, это сделано для того, чтобы двусторонние разногласия в южной части Каспия не согласовывать впятером и не вносить в общий большой документ. Это никоим образом не снижает накал противостояния Тегерана и Баку на Каспии. Ведь в спорных районах обнаружены запасы нефти.

Наиболее сложная проблема межгосударственных отношений на Кавказе — это проблема Карабаха, которая вылилась в 2013–2023 гг. в противостояние, а затем осенью 2020 г. и во вторую после 1992–1994 гг. войну между Азербайджаном и Арменией.

¹⁰ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 10.10.2024).

¹¹ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Статья 8. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 10.10.2024).

Иран, первоначально оказавший Азербайджану многоплановую помощь, включая предоставление кредитов, поставки оружия и боеприпасов, выступал с инициативой о посредничестве в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Однако постепенно прагматизм в государственной политике Тегерана стал превалировать над идеологическими соображениями, прежде всего в сфере безоговорочной поддержки единоверцев-шиитов. Это выразилось в том числе и в корректировке позиции Ирана в азербайджано-армянском конфликте и определенном сближении с Арменией.

В армяно-азербайджанской войне 2020 г. и продолжавшемся в дальнейшем противостоянии, порой и вооруженном, Тегеран стремился занять нейтральную позицию, выступая против любых военных действий¹². Что, кстати, воспринималось азербайджанцами в ИРИ не совсем позитивно.

Политика Ирана в отношении нагорно-карабахского конфликта зиждилась, по мнению иранцев, на восьми принципах. 1) Признание права правительства Азербайджана на суверенитет в отношении Карабахского региона и семи районов вокруг него. 2) Непризнание Республики Арцах (Карабах) и других политических событий в Карабахском регионе. 3) Сбалансированный подход и поддержание отношений как с Арменией, так и с Азербайджанской Республикой. 4) Противодействие войне и использованию силы для разрешения карабахского кризиса. 5) Обеспечение прав и безопасности армян Карабаха в мирных планах. 6) Противодействие вмешательству внерегиональных сил в урегулирование карабахского кризиса. 7) Противодействие размещению международных миротворческих сил на линиях соприкосновения в Карабахе вблизи иранской границы. 8) Посредничество в процессе установления мира и разрешения споров по просьбе правительств Азербайджана и Армении [Каледжи, 2020].

Однако в вопросе посредничества у Тегерана возникли проблемы. Неафишируемое, но все же видимое предпочтение Армении не позволило Ирану стать одним из посредников в вооруженном противостоянии. ИРИ осталась в стороне от процесса заключения перемирия и выработки соглашения. Это повлияло на имидж ИРИ как влиятельного кавказского государства и вызвало известное недовольство в иранской столице.

При этом следует отметить, что Тегеран принял сторону Еревана в вопросе так называемого Зангезурского коридора, который призван соединить азербайджанский анклав Нахичевань с основной территорией страны и обеспечить сухопутный маршрут до Турции (и что важно для Анкары — соединить Турцию с азербайджанским побережьем Каспия и дальше с тюркскими республиками Центральной Азии).

Позиция Азербайджана известна: Армения предоставляет по своей территории (40 км) свободную транспортную связь (с юридически закрепленным за АР статусом, без таможи и т. д.). В Ереване соглашаться на это не готовы, опасаясь последующего захвата территорий и требуя обеспечения таможенного контроля на въезде и выезде. В Баку при явной поддержке Турции намерены открыть сообщение любыми средствами. В принципе Армения не против открытия этого пути через ее территорию, но при этом вся инфраструктура должна контролироваться Ереваном. Диалог и споры продолжаются.

¹² ISNA. 15 мехра 1399 г. (06.10.2020). Nazare sarihe moshavere rahbari dar bareye monakesheye karabagh (Мнение советника верховного лидера ИРИ о нагорно-карабахском конфликте). URL: <https://www.isna.ir/news/99071511134/%D9%86%D8%B8%D8%B1-%D8%B5%D8%B1%DB%8C%D8%AD-%D9%85%D8%B4%D8%A7%D9%88%D8%B1-%D8%B1%D9%87%D8%A8%D8%B1%DB%8C-%D8%AF%D8%B1%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%87-%D9%85%D9%86%D8%A7%D9%82%D8%B4%D9%87-%D9%82%D8%B1%D9%87-%D8%A8%D8%A7%D8%BA> (дата обращения: 11.01.2025). На перс. яз.

Поддержка Ираном Армении по Зангезуру диктуется не в последнюю очередь опасением Тегерана, что новый транспортный маршрут может быть в дальнейшем использован Баку как предлог для блокирования пути «Иран — Армения — Грузия — Россия».

Более того (и, скорее всего, это главное), Тегеран волнует активная наступательная политика Турции в регионах близ Ирана. Ввод в строй Зангезурского коридора создаст условия турецко-азербайджанского контроля, в том числе и военного, над всей северной границей ИРИ от слияния рек Сора и Аракс на Западе до Астары на Востоке и на берегу Каспия. Будет взят под контроль Анкары и Баку транзит товаров и энергоресурсов из Ирана через Армению. Это, несомненно, ослабит военно-политические и торгово-экономические позиции ИРИ, в первую очередь в Кавказском регионе. По словам президента АР Ильхама Алиева, в Азербайджане уже начались масштабные работы по созданию Зангезурского коридора. В Зангилане строятся железная дорога и шоссе, возводятся аэропорты.

Всемерное военно-политическое усиление Турции после, можно сказать, совместной с Баку победы Азербайджана над Арменией в карабахском конфликте и свержения Башара Асада (союзника ИРИ) в Сирии, к которому непосредственно причастна Анкара, вызывает серьезное беспокойство Ирана. После победы в Карабахе лидеры Азербайджана и Турции Ильхам Алиев и Реджеп Тайип Эрдоган подписали 15 июня 2021 г. Шушенскую декларацию, в которой провозглашаются союзнические отношения между двумя странами и подтверждается тезис «Один народ, два государства»¹³.

Союзнические отношения Азербайджана с Турцией — страной НАТО, а также тесные связи с самим Северо-Атлантическим альянсом, с США и, более того, особенно, с Израилем, по мнению Тегерана, совершенно недопустимо для Исламской Республики.

Что касается США, то, по всей видимости, Америка делает ставку на Азербайджан как силу, противостоящую Ирану, и возможного союзника в случае гипотетического американо-израильского конфликта с ИРИ.

Израиль был одним из первых государств, которые признали независимость Азербайджана в декабре 1991 года. В апреле 1992 г. были установлены дипломатические отношения между двумя странами. С августа 1993 года в Азербайджане функционирует посольство Израиля. Посольство Азербайджанской Республики открыто в Тель-Авиве в ноябре 2022 г. Подобное опоздание объясняется некоторой деликатностью Баку в рамках исламского мира, к которому Азербайджан принадлежит (постоянный член Организации исламского сотрудничества ОИС). Однако, несмотря на эти факторы, на протяжении последних десятилетий отношения двух стран активно развивались в политических, торгово-экономических, военно-технических, культурных и гуманитарных сферах [Таривердиева, 2021]. Так, товарооборот между Азербайджаном и Израилем только за 7 месяцев (январь-июль) 2024 года составил \$1,15 млрд [Насирзаде, 2024]. Для сравнения: товарооборот между Азербайджаном и Ираном за весь 2024 г. ограничился \$580 млн¹⁴.

Особо отмечается военно-техническое сотрудничество Азербайджана и Израиля. Оно позволило Баку оснастить азербайджанскую армию передовыми образцами вооружений и военной техники. В 2016–2020 гг. Израиль был вторым крупнейшим поставщиком основного вооружения в Азербайджан и обеспечил Баку 69% от поставок новых вооружений [Wezeman, Kuimova, Smith, 2021] (для сравнения: Турция — лишь 2,8%) [Иванов, 2020]. Азербайджан занимает третье

¹³ Полный текст исторической Шушинской декларации, подписанной между Азербайджаном и Турцией. Bakuinform. az. 16.06.2021. URL: <https://bakuinform.az/ru/news/polnyj-tekst-istoricheskoy-shushinskoj-deklaracii-podpisannoj-mezhdu-azerbajdzhanom-i-turciej> (дата обращения: 12.12.2024).

¹⁴ Товарооборот Тегерана и Баку вырос на 20% за один год. Iran.ru. 22.01.2025. URL: https://www.iran.ru/news/analytics/127321/Tovarooborot_Tegerana_i_Baku_vyros_na_20_zh_za_odin_god (дата обращения: 23.01.2025).

место в экспорте Израиля оружия и боевой техники — 17% от общего объема. Это свидетельствует о значимости Азербайджана для израильской оборонной промышленности. В 2016 году президент Алиев заявил, что Азербайджан потратил \$5 млрд на военную технику из Израиля [Wezeman, Kuimova, Smith, 2021]. При этом Израиль является вторым по закупкам нефти из этой кавказской республики.

Помимо продажи оружия, израильские компании проводили специальные тренинги для азербайджанских военнослужащих и такие мероприятия, как сбор разведывательной информации в Азербайджане [Иванов, 2020].

В американской дипломатической переписке 2009 года, опубликованной WikiLeaks, приводится цитата президента Азербайджана И. Алиева, охарактеризовавшего азербайджано-израильские отношения как «айсберг, девять десятых которого скрыты под водой» [Сажин, 2014].

Тесные связи Азербайджана с Турцией, США и, конечно, с Израилем чрезвычайно беспокоят иранское руководство.

В целом ирано-азербайджанские отношения пережили за рассматриваемый период несколько этапов, включавших в себя как подъемы, так и спады. Иногда казалось, что отношения между двумя государствами стабильно и успешно развиваются, так что им ничего не угрожает. А иногда, наоборот, казалось, что взаимная горечь и опасения настолько велики, что стороны вот-вот разорвут дипломатические отношения.

Однако политический прагматизм в Тегеране и Баку не дал сторонам перейти опасную грань. В этом не последнюю роль сыграл экономический фактор. Стратегический проект Международный транспортный коридор (МТК) «Север–Юг» и связанные с ним экономические выгоды привели власти обеих стран к решению срочно останавливать раскручивавшийся маховик вражды и взаимных обвинений, пока он не привел к человеческим трагедиям.

Примечательным в отношениях двух стран, а точнее — во взаимозависимости политики и экономики является тот факт, что в последнее десятилетие, несмотря на взлеты и падения политических отношений, в экономических и торговых связях АР и ИРИ наблюдаются тенденции роста, хотя были и некоторые спады, объясняемые или COVID 19, или падением мировых цен на нефть. Так, (в млн долларов США) в 2015 г. — 124,6, в 2019 г. — 493,8, в 2020 г. — 339,1, в 2021 г. — 440,8, в 2022 г. — 506,2, в 2023 г. — 480, в 2024 г. — 580 [Агазаде, 2023, с. 102–112].

Нельзя не отметить развитие связей ИРИ и АР в сфере культуры. Хорошо известно, что ирано-азербайджанские культурные связи имеют глубокие исторические корни. Народы Ирана и Азербайджана тысячелетия жили вместе, оказывая самое непосредственное влияние на нравы и обычаи друг друга. На протяжении всей истории их объединяли научные, духовные и культурные традиции. Два народа связывает шиитская религия, общие музыка, ремесла и литература. Такие поэты-классики, как Хагани, Низами, Насими, Физули, создавали произведения на азербайджанском и персидском языках.

Культурное сотрудничество также играет важную роль в ирано-азербайджанских отношениях в настоящее время. Обе страны, обладая богатым культурным наследием, постоянно проводят совместные мероприятия — фестивали, выставки и образовательные программы, которые способствуют укреплению дружеских связей между народами. Обмен опытом в области науки, образования и искусства помогает ныне сохранять и приумножать культурные традиции, а также содействует взаимопониманию и уважению [Раванди-Фадаи, 2024, с. 160–168]¹⁵.

¹⁵ Азербайджано-иранские отношения. Heydar Aliyev Heritage. International online Library. 05.09.2014. URL: <https://lib.aliyevheritage.org/ru/6163780.html> (дата обращения: 21.03.2025); Ирано-азербайджанские отношения: мост дружбы и сотрудничества. Vzgljad.az. 23.05.2024. URL: <https://vzgljad.az/news/246207/Ирано-азербайджанские-отношения—мост-дружбы-и-сотрудничества.html> (дата обращения: 21.03.2025); Чиновник: Азербайджан и Иран готовы расширять культурное сотрудничество. Regnum.ru. 22.06.2022. URL: <https://regnum.ru/news/3625442> (дата обращения: 21.03.2025).

* * *

Резюмируя сказанное, вполне возможно констатировать, что, несмотря на все сложности, все противоречия и политические разногласия, Исламская Республика Иран и Азербайджанская Республика, которые в региональном и историческом контексте объединяет слишком многое, можно сказать, «обречены» на мирное сосуществование. И это, похоже, понимают оба государства. Власти двух стран в последнее время демонстрируют стремление и дальше продолжать путь по снижению напряженности, компромиссам и взаимовыгодному сотрудничеству в двухсторонних отношениях [Ekberova, 2025].

Литература / References

Агазаде М. М. Торгово-экономические отношения между Азербайджаном и Ираном: проблемы и перспективы. *Ближний и Постсоветский Восток*. 2023. № 1(1). С. 102–112 [Aghazade M. M. Trade and Economic Relations between Azerbaijan and Iran: Problems and Prospects. *Middle and Post-Soviet East*. 2023. No. 1(1). P. 102–112 (in Russian)].

Виноградов В. От шаха до Хомейни. *Знамя*. 1987. № 2. С. 184–210 [Vinogradov V. From the Shah to Khomeini. *The Banner*. 1987. No. 2. P. 184–210 (in Russian)].

Гасанлы Дж. Иранский Азербайджан — эпицентр «холодной войны». *Кавказ & Глобализация*. 2008. Т. 2. Вып. 1. С. 6–21 [Hasanli J. Iranian Azerbaijan — the Epicenter of the “Cold War”. *Caucasus & Globalization*. 2008. Vol. 2. Issue 1. Pp. 6–21 (in Russian)].

Раванди-Фадаи Л. М. Ретроспектива ирано-азербайджанских отношений 1991–2023 гг.: успехи, трудности и поиски компромисса. *Восточная аналитика*. 2024. № 4. С. 160–168 [Ravandi-Fadai L. M. Retrospective of Iranian-Azerbaijani Relations 1991–2023: Successes, Difficulties, and Search for Compromise. *Eastern Analytics*. 2024. No. 4. Pp. 160–168 (in Russian)].

Shaffer B. Iran’s Internal Azerbaijani Challenge: Implications for Policy In the Caucasus. *The Caspian Region, Volume 1: A Re-Emerging Region*. Ed. by Moshe Gammer. London: Taylor & Francis, 2004. 280 p.

The International dimensions of internal conflict. Ed. by Brown M. E. London: The MIT Press Cambridge, 1996. 653 p. ISBN 0-262-52209-8

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Азербайджано-иранские отношения. Heydar Aliyev Heritage. International online Library. 05.09.2014. URL: <https://lib.aliyevheritage.org/ru/6163780.html> (дата обращения: 21.03.2025); Ирано-азербайджанские отношения: мост дружбы и сотрудничества. *Vzglyad.az*. 23.05.2024. URL: <https://vzglyad.az/news/246207/Ирано-азербайджанские-отношения—мост-дружбы-и-сотрудничества.html> (дата обращения: 21.03.2025); Чиновник: Азербайджан и Иран готовы расширять культурное сотрудничество. *Regnum.ru*. 22.06.2022. URL: <https://regnum.ru/news/3625442> (дата обращения: 21.03.2025).

Волынец А. Сколько стоили русско-персидские войны. Профиль. 22.07.2016. URL: <https://profile.ru/culture/ckolko-stoili-russko-persidskie-vojny-9904/> (дата обращения: 22.01.2025).

География распространения азербайджанской диаспоры. Сайт Азербайджан. URL: https://www.azerbaijans.com/content_1713_ru.html (дата обращения: 22.01.2025).

Джамиль Гасанлы. Иранский Азербайджан — эпицентр «холодной войны». Институт центрально-азиатских и кавказских исследований (Швеция). URL: https://ca-c.org/c-g/2008/journal_rus/c-g-1/01.shtml (дата обращения: 22.01.2025).

Иванов С. Израиль разыгрывает карабахскую карту в своих интересах. Сайт Riataza. 19.11.2020. URL: <https://riataza.com/2020/11/19/израиль-разыгрывает-карабахскую-кар/#comments> (дата обращения: 20.11.2024).

Каледжи В. Восемь принципов добрососедства. Политика Ирана в отношении нагорно-карабахского конфликта. Сайт Клуба Валдай. 09.10.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vosem-printsipov-dobrososedstva-politika-irana/> (дата обращения: 09.09.2024).

Киселев Д. Депутаты парламента Ирана угрожают аннексировать Северный Азербайджан. URL: <http://azerros.ru/maintheme/11938-deputy-parlamenta-irana-ugrozhayut-anneksirovat-severnyy-azerbaydzhan.html> (дата обращения: 10.10.2024).

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 10.10.2024).

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Статья 8. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 10.10.2024).

Насибова М. Как Иран Азербайджан признавать не хотел. Caliber.Az. 15.08.2022. URL: https://caliber.ru/post/101125/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 22.04.2025).

Насирзаде Х. Азербайджан увеличивает товарооборот с Израилем. Caliber.az. 29.08.2024. URL: <https://caliber.az/post/azerbaydzhan-uvelichivaet-tovarooborot-s-izrailem>. (дата обращения: 12.12.2024).

Полный текст исторической Шушинской декларации, подписанной между Азербайджаном и Турцией. Bakuinform.az. 16.06.2021. URL: <https://bakuinform.az/ru/news/polnyj-tekst-istoricheskoy-shushinskoj-deklaracii-podpisannoj-mezhdu-azerbaydzhanom-i-turciej> (дата обращения: 12.12.2024).

Сажин В. И. К вопросу об ирано-азербайджанских отношениях. Институт Ближнего Востока. 11.07.2014. URL: <http://www.iimes.ru/?p=21450> (дата обращения: 23.06.2024).

Сажин В. И. Иран и проблемы Нагорного Карабаха. Международная жизнь. 13.10.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27745> (дата обращения: 12.04.2025).

Семенова А. Азербайджанцы — народ без названия, но с древними корнями. Сайт Travelask. URL: <https://travelask.ru/articles/azerbaydzhantsy-narod-bez-nazvaniya-no-s-drevnimi-korniyami> (дата обращения: 02.05.2025).

Таривердиева Л. Азербайджан и Израиль выводят отношения на новый уровень. News Day (Азербайджан). 02.05.2021. URL: <https://news.day.az/politics/1338415.html> (дата обращения: 11.12.2024).

Товарооборот Тегерана и Баку вырос на 20% за один год. Iran.ru. 22.01.2025. URL: https://www.iran.ru/news/analytics/127321/Tovarooborot_Tegerana_i_Baku_vyros_na_20_zh_odin_god (дата обращения: 23.01.2025).

Ekberova E. Ильхам Алиев: Азербайджано-иранские отношения послужат укреплению стабильности и безопасности в регионе // Anadolu Ajansi. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/ильхам-алиев-азербайджано-иранские-отношения-послужат-укреплению-стабильности-и-безопасности-в-регионе/3478193> (дата обращения: 25.02.2025).

ISNA. 15 мехра 1399 г. (06.10.2020). Nazare sarihe moshavere rahbari dar bareye monakesh-eye karabagh (Мнение советника верховного лидера ИРИ о нагорно-карабахском конфликте). URL: <https://www.isna.ir/news/99071511134/%D9%86%D8%B8%D8%B1-%D8%B5%D8%B1%DB%8C%D8%AD-%D9%85%D8%B4%D8%A7%D9%88%D8%B1-%D8%B1%D9%87%D8%A8%D8%B1%DB%8C-%D8%AF%D8%B1%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%87-%D9%85%D9%86%D8%A7%D9%82%D8%B4%D9%87-%D9%82%D8%B1%D9%87-%D8%A8%D8%A7%D8%BA> (дата обращения: 11.01.2025). На перс. яз.

Moreno A. The Creation of the Azerbaijani Identity and Its Influence on Foreign Policy. UNISCI Discussion Papers, Universidad Complutense de Madrid. May 2005. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-creation-of-the-Azerbaijani-identity-and-its-on-Moreno/28a689ec86cfe7d946aaadb7ac52adc5aca6132> (дата обращения: 01.04.2025).

Wezeman P. D., Kuimova A., Smith J. Arms transfers to conflict zones: The case of Nagorno-Karabakh. Stockholm international. 30.04.2021. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2021/arms-transfers-conflict-zones-case-nagorno-karabakh> (дата обращения: 20.11.2024).

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ХАМАС И ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.

© 2025

М. С. Zubovskiy¹

В статье рассматриваются отношения палестинского движения ХАМАС и Исламской Республики Иран. Сотрудничество Газы и Тегерана основано на принципах взаимного интереса, в первую очередь в рамках противостояния Израилю. Исламская республика и палестинское движение наладили контакты в начале XXI в. Иран снабжал палестинцев оружием, которое использовалось для атак еврейского государства. Особо важными стали поставки в сектор Газа дальнобойных баллистических ракет, с помощью которых боевики могли поражать города в центре Израиля (в первую очередь Тель-Авив). Благодаря тесному сотрудничеству с ХАМАС, Хезболлой и, по некоторым данным, с йеменскими хуситами Иран стал ключевым противником Израиля. На сегодняшний день Иран — ключевой союзник ХАМАС в военной сфере. Исламская республика — фактически единственное государство в регионе, солидарное с ХАМАС по вопросу уничтожения Израиля военным путем. Несмотря на разногласия по отношению к режиму Башара Асада в Сирии, значительную самостоятельность палестинцев в принятии решений и территориальную отдалённость друг от друга, ХАМАС и Иран смогли наладить плодотворное сотрудничество и стать серьёзнейшей угрозой для государства Израиль в первой четверти XXI в.

Ключевые слова: Иран, ХАМАС, Палестина, арабо-израильский конфликт, 7 октября

Для цитирования: Zubovskiy M.S. Военно-политическое сотрудничество ХАМАС и Исламской Республики Иран в первой четверти XXI в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 111–116. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-111-116

MILITARY-POLITICAL COOPERATION OF HAMAS WITH ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN, FIRST QUARTER OF THE TWENTY- FIRST CENTURY

Mikhail S. Zubovsky

The article analyzes the relations between the Palestinian Hamas movement and the Islamic Republic of Iran. The co-operation between Gaza and Tehran is based on the principles of mutual interest, primarily in the framework of confrontation with Israel. The Islamic Republic and the Palestinian movement established contacts in the beginning of the XXI century. Iran supplied the Palestinians with weapons, which were used for attacks of the Jewish state. Particularly important was the supply of long-range ballistic missiles to the Gaza Strip, with which militants could hit cities in the center of Israel (primarily Tel Aviv). Through close co-operation with Hamas,

¹ Zubovskiy Mikhail Sergeevich, аспирант, лаборант-исследователь Института востоковедения РАН, Москва; zubovskiims@gmail.com

Mikhail S. Zubovsky, postgraduate student, Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; zubovskiims@gmail.com
ORCID: 0009-0000-8892-8986

Hezbollah and, according to some reports, the Yemeni Houthis, Iran became a key adversary of Israel. Today, Iran is Hamas' key military ally. The Islamic Republic is virtually the only state in the region that stands in solidarity with Hamas on the issue of destroying Israel militarily. Despite their differences over the regime of Bashar al-Assad in Syria, the Palestinians' considerable autonomy in decision-making, and their territorial distance from each other, Hamas and Iran have been able to establish fruitful cooperation and become the most serious threat to the state of Israel in the first quarter of the 21st century.

Keywords: Iran, Hamas, Palestine, Arab-Israeli conflict, 7 October

For citation: Zubovsky M. S. Military-Political Cooperation of HAMAS with Islamic Republic of Iran, First Quarter of the Twenty-First Century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 111–116. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-111-116

Введение

Сотрудничество между палестинским движением ХАМАС и Исламской Республикой Иран берет начало в период правления в Иране династии Пехлеви, который не принимал участия в первой арабо-израильской войне 1947–1949 гг., ограничившись лишь политической и финансовой поддержкой арабов [Bialer, 1985, p. 292]. После поражения арабских сил и укрепления Израиля Иран начал устанавливать неофициальные связи с новым ближневосточным государством. Сотрудничество между еврейским и персидским государствами было взаимовыгодным. Иран получал доступ к порту Эйлат, через который мог вести торговлю нефтью. Израиль же получал бесценного в условиях вражеского окружения союзника, а также торгового партнера, который поставлял необходимые товары, в первую очередь нефть.

Ситуация коренным образом изменилась после исламской революции 1979 года. Как только шахский режим рухнул, пришедший к власти аятолла Хомейни занял противоположную позицию в отношении Израиля. Иран отказался от признания Израиля и разорвал все официальные связи. Позднее офисы израильского дипломатического представительства перешли в распоряжение посольства Палестины. Новый режим начал налаживать контакты с Организацией освобождения Палестины, при этом по-прежнему отказываясь от активного участия в ближневосточном конфликте. Успех исламистов в Иране на фоне неудач арабских национальных государств являлся одним из факторов, повлиявших на популярность радикального исламизма среди палестинцев и возникновения впоследствии движения ХАМАС.

Первые контакты между палестинским движением и исламской республикой датируются началом 1990-х гг. В те же годы в Ливане формировался союз исламистов из Газы с проиранской группировкой Хезболла. После тяжелой войны с Ираком Иран не стремился принимать активное участие в противостоянии с Израилем. В 1990-х годах политическая ситуация на Ближнем Востоке меняется. Израиль и палестинцы под руководством Ясира Арафата начинают сближение, результатом которого станут соглашения Осло. Находившиеся у власти израильские левые, в первую очередь партия «Авода», выстраивали идеалистический образ сотрудничества израильтян и арабов. Исламисты как в Иране, так и в Газе не принимали потенциальный новый порядок в регионе. В израильской риторике Иран стал выглядеть главным агрессором в регионе [Menashri, 2001, p. 73]. ХАМАС, который отрицал любые соглашения с Израилем, был заинтересован в заключении новых союзов с теми силами, которые были готовы поддержать вооруженную борьбу с еврейским государством.

Сотрудничество Ирана и ХАМАС

Окончательно союз формируется в начале XXI века, во время Второй палестинской Интифады. Союз с Газой позволял Ирану значительно расширить своё влияние в регионе и претендовать на ключевую роль в деле защиты палестинского движения. Фактором, способствовавшим сближению ХАМАС и Ирана, стал тот факт, что Израиль был важнейшим региональным союзником США, отношения Ирана с которыми носят сложный, а порой и откровенно враждебный характер. ХАМАС же получал оружие и боеприпасы, необходимые для обстрела израильской территории, а также обороны сектора от противников. Когда ХАМАС захватил контроль над сектором Газа в 2007 году, Иран значительно увеличил свой пакет помощи, основываясь на убеждении в том, что создание правительства ХАМАС превратится в важный инструмент для руководства вооруженной борьбой против Израиля и для продвижения своего собственного влияния на палестинских территориях.

Израиль стал относить ХАМАС к т. н. иранской «оси сопротивления» вместе с ливанской Хезболлой и йеменскими хуситами в начале 2000-х гг. В арсенале палестинской группировки имеются дальнобойные ракеты иранского происхождения, которые запускались с территории сектора Газа во время эскалаций конфликта между ХАМАС и Израилем. Например, ВМС Израиля перехватили несколько кораблей, переправлявших вооружение в сектор Газа (Karine A в 2002 г., Victoria в 2011 г. и Klos C в 2014 г.) с противотанковыми ракетами «Катюша» и зенитными ракетами «Стрела»². Если бы они достигли ХАМАС, то стали бы важным усилением его арсенала и увеличили бы способность организации наносить ущерб Израилю. В дополнение к прямым поставкам оружия Иран предоставил ХАМАС передовые технологии для развития независимой ракетной промышленности в Секторе Газа. Передача технологий позволила движению увеличить дальность палестинских ракет, а также улучшить точность и разрушительную силу бомб и артиллерийских снарядов. Кроме того, подразделение Корпуса стражей исламской революции «Кудс» провело боевые инструктажи боевиков ХАМАС за пределами Газы³.

Объем помощи, который до этого момента составлял десятки миллионов долларов в год, вырос, по некоторым данным, примерно до 200 миллионов долларов в год [El-Deeb]. Иранская поддержка стала важным фактором выживания ХАМАС во время проведения израильской военной операции «Литой свинец» в 2008 г., что позднее подтвердил бывший председатель Политбюро ХАМАС Халед Машаль. Он отметил важнейшую роль иранского оружия в противостоянии Армии обороны Израиля, подчеркнув, что успехи палестинцев в Газе во многом достигаются благодаря поддержке из Тегерана.

Серьезный кризис в отношениях между ХАМАС и Ираном наступил во время протестов Арабской весны в Сирии. Если Исламская Республика последовательно поддерживала правящий в Дамаске режим Башара Асада, то ХАМАС выступил в поддержку вооруженной сирийской оппозиции. В результате иранское финансирование и поставка вооружений были заморожены. Поводом для возобновления сотрудничества стала очередная эскалация в секторе Газа и военная операция ЦАХАЛ «Облачный столп» в 2012 г. Несмотря на сохраняющиеся противоречия в сирийском конфликте, единая антиизраильская позиция побудила Иран возобновить помощь ХАМАС. Военная операция «Нерушимая скала» и крупнейшее на тот момент вторжение израильской армии

² Iran's Weapons Shipment: The Full Disclosure. URL: <https://www.idf.il/en/mini-sites/the-hamas-terrorist-organization/iran-s-weapons-shipment-the-full-disclosure/>.

³ Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center at the Israeli Intelligence Heritage and Commemoration Center. "Iranian Assistance to Hamas". January 12, 2009.

на территорию сектора Газа вновь вынудили Иран отставить в сторону все разногласия и активно вовлечься в поддержку палестинцев. Высшие должностные лица Исламской Республики, включая верховного лидера Али Хаменеи, заявили о готовности оказать всецелую поддержку ХАМАС для отражения израильской атаки. Позднее Хаменеи озвучил предложение вооружать и группировки, базирующиеся на Западном берегу реки Иордан, для атаки Израиля с разных фронтов. Иранский Корпус стражей исламской революции (КСИР) поддержал верховного лидера и открыл особый банковский счёт для сбора пожертвований в пользу палестинских группировок. По завершении боевых действий в секторе Газа Иран направлял средства на восстановление инфраструктуры, в том числе сети туннелей, используемых для провоза контрабанды на территорию сектора [Hashem].

В августе 2017 г. движение ХАМАС направило делегацию высокого уровня для участия в церемонии инаугурации нового президента Ирана Хасана Роухани. В рамках визита палестинские делегаты провели несколько встреч с руководящими лицами Исламской Республики. Иран поддержал продолжающуюся борьбу ХАМАС против Израиля и выразил готовность продолжать снабжение палестинской группировки. Тем самым ХАМАС и Иран провозгласили новый этап двусторонних отношений.

Впоследствии, в октябре 2017 г., заместитель председателя политбюро движения ХАМАС Салех аль-Арури совершил визит в Иран, приуроченный к заключению очередного соглашения о перемирии между ХАМАС и правительством Махмуда Аббаса на Западном берегу реки Иордан. По заявлению аль-Арури, визит стал своеобразным «ответом» на ультиматум со стороны Израиля и США, которые требовали разорвать связи между Исламской Республикой и палестинской группировкой. Яхья Синвар, в тот период являвшийся наместником ХАМАС в секторе Газа, в свою очередь подтвердил, что группировка не собирается прекращать сотрудничество с Ираном, несмотря на угрозы. Тем не менее при официальной позитивной риторике важно отметить, что ХАМАС понесли некоторые репутационные потери в арабском мире, особенно в странах Персидского залива, из-за сближения с Ираном и лояльными к нему движениями, такими как Хезболла.

После атаки боевиков ХАМАС на израильскую территорию 7 октября 2023 г. (Потоп Аль-Акса), ставшей крупнейшей в современной истории, правительство Биньямина Нетаньяху обвинило Иран в организации и координировании действий боевиков. Позднее, во время израильской операции «Железные мечи», в руки израильтян попали документы, по которым можно сделать выводы об активной финансовой поддержке палестинцев со стороны Ирана. При этом у Израиля нет прямых доказательств участия КСИР в организации или координировании атаки 7 октября⁴. Однако израильская сторона подчеркивает, что «ХАМАС координировал свои действия с Ираном в течение примерно двух лет, чтобы подготовиться к стратегической операции против Израиля»⁵. В найденных документах указывается, что Иран финансировал палестинскую пропаганду в секторе Газа через исламские фонды и проведение различных культурных и социальных мероприятий. Целью пропаганды была популяризация Ирана и сил «Оси сопротивления»⁶.

В рамках военной поддержки Иран не только поставлял оружие и боеприпасы, но и проводил тренировку бойцов военного крыла ХАМАС — бригад Изз ад-дин аль-Кассам. Согласно попавшим в руки израильтян документам, инструкторы КСИР вели тайные тренировки по диверсионным операциям бойцов аль-Кассам. Кроме того, Иран поставлял в сектор Газа беспилотные

⁴ Иранская помощь ХАМАС и сектору Газа. השיע האיראני לחמאס ולרצועת עזה כפי שזע. URL: <https://goo.su/ZzgbYS> (дата обращения: 29.05.2025).

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

летательные аппараты и организовывал обучение операторов, а также наладил через сектор канал для поставки вооружений в Йемен⁷.

1 апреля 2024 г. Израиль нанёс ракетный удар по посольству Ирана в Дамаске. Среди жертв атаки был и генерал иранских сил «Кодс» (перс. Иерусалим) Мохаммед Реза Захеда. По данным иранского Совета коалиции революционных сил (объединение иранских консервативных фракций), Захеда был одним из внешних организаторов атаки ХАМАС 7 октября 2023 г.,⁸ а согласно израильским сообщениям, также помогал снабжать ливанскую группировку Хезболла, воюющую на стороне палестинцев⁹.

ХАМАС находится в сильной зависимости от Ирана, особенно в вопросах поставок вооружения и военных технологий. Арабские государства не заинтересованы в полномасштабной войне с Израилем и оказывают палестинцам в основном финансовую и политическую поддержку. Из-за тесных контактов ХАМАС и Израиля многие арабские страны, к примеру Саудовская Аравия, Египет, ОАЭ критично относятся к правящей в секторе Газа группировке, оказывая поддержку правительству Махмуда Аббаса на Западном берегу р. Иордан. ХАМАС находится во внешней блокаде, и только наличие хорошо вооружённого и обученного ополчения позволяет группировке удерживать власть на фоне гуманитарной катастрофы в палестинском анклав и полномасштабного вторжения Армии обороны Израиля. В условиях продолжающихся боевых действий, масштабных разрушений любая поддержка внешних сил становится залогом выживания движения ХАМАС. Исламская Республика Иран остаётся наиболее последовательной антиизраильской силой, готовой не только поддерживать союзные группировки (ХАМАС и Хезболлу, возможно, и хуситов), но и осуществлять ракетные обстрелы напрямую. Израиль, в свою очередь, рассматривает Иран как основную угрозу своей национальной безопасности, смещая вектор своей политики с палестинцев на угрозы из Ирана. Возможно, именно чрезмерная «увлечённость» иранской угрозой стала одной из причин провала израильских служб безопасности во время прорыва южной границы Израиля 7 октября 2023, совершённого ХАМАС.

Заключение

Позиции Ирана и ХАМАС сходятся в противодействии Израилю, а также неприятию политики США в регионе. Напряженность и враждебность преобладают в отношениях Вашингтона и Тегерана со времён революции против шахского режима в 1979 г. В результате Иран рассматривает свою поддержку ХАМАС как способ усилить собственное влияние в регионе. Также важно отметить, что военный союз Ирана с ХАМАС оттягивает военные силы Израиля на юг, а также позволяет использовать конфликт с ХАМАС в качестве «второго фронта» в случае прямого боестолкновения Ирана с еврейским государством. Поэтому после начала израильского вторжения в сектор Газа (операция «Железные мечи») и атаки Хезболлы в Южном Ливане (операция «Стрелы севера») ЦАХАЛ впервые со времён арабо-израильских войн был вынужден вести боевые действия на два фронта. Однако, несмотря на дробление израильских сил, иранская стратегия не преуспела. Объявленные военные операции «Правдивое обещание» и «Правдивое обещание 2» не принесли успеха Исламской Республике. Некоторые эксперты полагали, что Иран может использовать ракетный арсенал ХАМАС для «перегрузки» израильской системы ПРО

⁷ Ibid.

⁸ Совет коалиции революционных сил: Мохаммед Реза Захеда был организатором нападения 7 октября. URL: <https://www.iranintl.com/202404041446> (дата обращения: 12.01.2025).

⁹ Так выглядели последние дни жизни иранского высокопоставленного чиновника, ликвидированного в Сирии. URL: <https://www.maariv.co.il/news/military/article-1088832> (на иврите) (дата обращения: 12.01.2025).

«Железный купол», а теоретическое вторжение в Израиль одновременно на севере и на юге страны силами ХАМАС и Хезболлы поможет Ирану получить стратегическое преимущество. В реальности израильская система ПВО смогла отразить все атаки и продолжить боевые действия в секторе Газа, не опасаясь вторжения из Ирана. ЦАХАЛ смог вести войну на несколько фронтов, не только отразив атаки Ирана, но и совершив ответную атаку. Кроме того, существовала вероятность того, что благодаря своей популярности ХАМАС может организовать выступление т. н. «израильских арабов», подобное тому, которое произошло в 2021 г. во время операции «Страж стен»¹⁰. Однако после атаки 7 октября 2023 г. массовых выступлений палестинцев внутри самого Израиля не произошло. ХАМАС вынужден продолжать сотрудничество с Ираном, поскольку в 2025 г. это единственное государство в регионе, которое по-прежнему готово оказывать любую поддержку правительству в Газе. Ресурсы и технологии Исламской Республики необходимы палестинцам для сохранения своей идентичности и достижения конечной цели — создания полноценного палестинского государства по образцу, указанному в документе об основных принципах ХАМАС.

Литература/References

Amit Meir. Intelligence and Terrorism Information Center at the Israeli Intelligence Heritage and Commemoration Center. January 12, 2009. "Iranian Assistance to Hamas". January 12, 2009.

Bialer, Uri. "The Iranian Connection in Israel's Foreign Policy: 1948–1951". Middle East Journal, 39/2, Spring 1985, pp. 292–315.

Menashri David. Post-Revolutionary Politics in Iran: Religion, Society, and Power. London, 2001.

Shine S., Cartan A. Iran and Israel: The Ideological Enmity and Its Root. Studies in Israel's Rebirth 14. 369 p.

Электронные ресурсы / Electronic resources

El-Deeb S. Haniyeh: Iran Pledges \$250M in Aid. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/07/11/AR2006071100742.html>. (дата обращения: 14.03.2025) (in English).

Hashem A. Hamas and Iran: New Era, New Rules. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/02/iran-hamas-arab-spring-tehran-visit-repair-relations.html#ixzz41GE5Ep00>. (дата обращения: 14.03.2023) (in English).

Iran's Weapons Shipment: The Full Disclosure. URL: <https://www.idf.il/en/mini-sites/the-hamas-terrorist-organization/iran-s-weapons-shipment-the-full-disclosure/> (дата обращения: 15.05.2025) (in English).

Иранская помощь ХАМАС и сектору Газа. Информационный центр изучения терроризма имени Меира Амида. עזר יפכ הזע תעוצרלו סאמהל ינאריאה עויסה. URL: <https://goo.su/ZzgbYS> (дата обращения: 29.05.2025) [Iranian aid to Hamas and the Gaza Strip. Meir Amit Center for the Study of Terrorism (in Hebrew)].

Кидар Мордехай. «Единая атака из Сирии, Ирака, Ливана, Йемена, Газы и изнутри Израиля: сценарий Судного дня» תירסת: לארשי דותבו הזעו נמית, ונובל, קאריע, הירוסם תבלושם הפקתם. URL: <https://www.makorishon.co.il/opinion/602385/> (дата обращения: 09.04.2025) [Kidar Mordechai "A unified attack from Syria, Iraq, Lebanon, Yemen, Gaza and from within Israel: a doomsday scenario" (in Hebrew)].

Совет коалиции революционных сил: Мохаммед Реза Захеда был организатором нападения 7 октября. URL: <https://www.iranintl.com/202404041446> (дата обращения: 12.01.2025) [Council of the Coalition of Revolutionary Forces: Mohammad Reza Zahedi was the mastermind of the 7 October attack (in Farsi)].

Так выглядели последние дни жизни иранского высокопоставленного чиновника, ликвидированного в Сирии [Электронный ресурс]: <https://www.maariv.co.il/news/military/article-1088832> (дата обращения: 12.01.2025) [This is what the final days of an Iranian senior official liquidated in Syria looked like (in Hebrew)].

¹⁰ Мордехай Кидар. «Единая атака из Сирии, Ирака, Ливана, Йемена, Газы и изнутри Израиля: сценарий Судного дня». URL: <https://www.makorishon.co.il/opinion/602385/> (дата обращения: 09.04.2023).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ БРУНЕЯ И ИНДИИ

© 2025

Е. В. Кочеткова¹

Бруней-Даруссалам и Индия имеют торговые и культурные связи еще с древних времен. Официальные дипломатические отношения между Индией и Брунеем были установлены 10 мая 1984 года, после провозглашения независимости Брунея. Бруней играет ключевую роль в политике Индии «Действуй на Востоке» благодаря своему расположению в Южно-Китайском море и членству в АСЕАН, что способствует укреплению региональных экономических и оборонных контактов. Недавний визит премьер-министра Индии в Бруней совпал с 40-й годовщиной установления дипломатических отношений между этими странами. Результатом визита стало расширение сотрудничества в области обороны и космоса, включая обсуждение поставок СПГ и повышение уровня отношений между Индией и Брунеем до «расширенного партнёрства». Появились новые аспекты в торгово-экономических отношениях двух стран, а также общее стремление сторон расширять и укреплять двустороннее сотрудничество.

Ключевые слова: Бруней, Индия, АСЕАН, Хаджи Хассанал Болкиах, Нарендра Модди

Для цитирования: Кочеткова Е. В. История развития двусторонних отношений Брунея и Индии. Вестник Института востоковедения РАН. 2025. № 3. С. 117–128. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-117-128

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF BRUNEI – INDIA BILATERAL RELATIONS

Ekaterina V. Kochetkova

Brunei Darussalam and India have long-standing trade and cultural ties dating back to ancient times. Official diplomatic relations between India and Brunei were established on May 10, 1984, after Brunei's independence. Brunei plays a key role in India's "Act in the East" policy due to its location in the South China Sea and its membership in ASEAN, which helps strengthen regional economic and defense ties. The Indian Prime Minister's recent visit to Brunei coincided with the 40th anniversary of the establishment of diplomatic relations between India and Brunei. The visit resulted in increased cooperation in the field of defense and space, including discussions on LNG supplies and raising the level of relations between India and Brunei to an "expanded partnership." New aspects have emerged in the trade and economic relations between the two countries, as well as the common desire of the parties to expand and strengthen bilateral cooperation.

Keywords: Brunei, India, ASEAN, Haji Hassanal Bolkiah, Narendra Modi

¹ Кочеткова Екатерина Вячеславовна, старший научный сотрудник Отдела Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва; kati17@yandex.ru

Ekaterina V. Kochetkova, Researcher, Department of Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; kati17@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9305-2392

For citation: Kochetkova E. V. History of the Development of Brunei – India Bilateral Relations. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 117–128. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-117-128

Двусторонние дипломатические отношения Индии и Брунея основываются на исторических и традиционных связях, которые были установлены еще в древние времена. Бруней-Даруссалам является одной из старейших существующих монархий в мире. Древнее название «Негара Бруней-Даруссалам» означает «Государство Бруней — обитель мира». Его самая ранняя официально задокументированная история восходит к VI веку, когда Бруней, по-видимому, назывался «Пуни» — возможно, это искажённое санскритское слово «Баруни» («Бхурни Карпурадвипа» или «Барунай»). «Бхурни» означает «земля», а «Карпурадвипа» — «земля камфоры», так как в те времена Бруней производил много камфоры. Другое объяснение — это санскритское слово «Барунай», которое означает «рождённый в море», поскольку в те времена брунейцы были искусными мореплавателями [Dhrubajyoti Bhattacharjee, 2018]. Бруней, в то время индуистско-буддийское государство, был тесно связан со знаменитыми империями Шривиджая и Маджапахит в этом регионе. Когда в конце XIV века его правитель Аванг Алак Бетатар женился на мусульманской принцессе Джохор из Малакки и принял ислам, став первым султаном Брунея — Мохаммедом Шахом, Бруней превратился в исламский султанат. На пике своего могущества в XV и XVII веках Брунейская империя простиралась на весь остров Борнео и на север до Филиппин. В период упадка и усиления влияния европейских колониальных держав в регионе Бруней постепенно терял большую часть своих владений, в настоящее время территориально он разделён на две части малайзийским штатом Саравак. До 1980-х годов между Брунеем и Индией практически не было никакого политического взаимодействия, поскольку Бруней оставался под британским протекторатом.

Официально дипломатические отношения между Индией и Брунеем-Даруссаламом были установлены 10 мая 1984 года.

За последние несколько десятилетий во многих странах Юго-Восточной Азии наблюдался быстрый экономический рост, поэтому торговля играет ключевую роль в отношениях двух стран. Бруней является одним из крупнейших производителей нефти и газа в регионе. Индия также имеет жизненно важные интересы в Южно-Китайском море, поскольку почти 55% её товарооборота проходит через спорные воды².

Объём торговли между Индией и Брунеем в 2023 году составил примерно 286,20 млн долл. США³.

Бруней играет ключевую роль в политике Индии «Действуй на Востоке» благодаря своему расположению в Южно-Китайском море и членству в АСЕАН, что укрепляет региональные экономические и оборонные связи.

Индийская диаспора в Брунее-Даруссаламе существует уже несколько десятилетий, первые представители ее прибыли сюда в начале 1930-х годов, когда в стране была обнаружена нефть. Были и последующие волны индийской миграции, которые привели к формированию разнообразного и активного сообщества.

Индийцы составляют около 2,3% от общей численности населения страны. По данным переписи населения, в настоящее время в Брунее проживает и работает более 14 тыс. индийцев⁴. Более

² Rajeev Ranjan Chaturvedy India's maritime gateway to the Pacific — The Hindu /URL: <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/indias-maritime-gateway-to-the-pacific/article5714122.ece>/ May 26, 2016 (дата обращения: 14.06.2025).

³ PM Modi's Historic Visit to Brunei: Strengthening India-Brunei Ties/ URL: <https://vajiramandravi.com/current-affairs/pm-modis-historic-visit-to-brunei-strengthening-india-brunei-ties/> September 5, 2024 (дата обращения: 14.06.2025).

⁴ India and Brunei agree to strengthen cooperation in defence, space and trade. URL: <https://www.indianewsnetwork.com/20230726/india-and-brunei-agree-to-strengthen-cooperation-in-defence-space-and-trade/> 2023–07–26 (дата обращения: 15.06.2025).

половины индийских экспатриантов — это полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие, занятые в нефтегазовой промышленности, строительстве, розничной торговле и т. д. Среди других специалистов — инженеры, IT-специалисты, банкиры, учителя и т. д. Индийско-брунейским бизнесменам удалось сохранить монополию в текстильной промышленности. Большинство врачей и учителей в Брунее-Даруссаламе, которые пользуются большим уважением в стране, — выходцы из Индии. Обычные жители Брунея ценят роль, которую играют трудолюбивые индийцы в жизни государства, и, как правило, поддерживают их сообщество.

Интерес к улучшению двусторонних отношений проявился в ходе дружеских встреч между премьер-министром Радживом Ганди и султаном Брунея на встрече глав правительств стран Содружества (СНОГМ). В ответ на приглашение премьер-министра Раджива Ганди свой первый государственный визит в Индию султан Хаджи Хассанал Болкиах совершил с 5 по 18 сентября 1992 года, а 18 мая 1993 года в Брунее было открыто постоянное дипломатическое представительство Индии. До этого индийское представительство в Куала-Лумпуре было одновременно аккредитовано и в Брунее-Даруссаламе. 12 августа 1992 года Бруней открыл своё верховное представительство в Индии, которое возглавлялось исполняющим обязанности верховного комиссара⁵.

Второй государственный визит султана в Индию состоялся 20–23 мая 2008 года. В ходе визита были подписаны пять меморандумов о взаимопонимании и соглашений: Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций; Меморандум о взаимопонимании в области информационных и коммуникационных технологий; Меморандум о взаимопонимании в области культуры, искусства и спорта; Меморандум о взаимопонимании в области создания совместного торгового комитета; Продление срока действия Меморандума о взаимопонимании в области эксплуатации станции телеметрического слежения и управления (ТТС) для спутников и ракет-носителей, а также в области космических исследований и их применения⁶.

Затем султан посетил Индию, чтобы принять участие в юбилейном саммите АСЕАН–Индия, посвящённом 20-летию партнёрского диалога между Индией и АСЕАН, который состоялся 20–21 декабря 2012 года.

Премьер-министр Шри Нарендра Моди и султан Хассанал Болкиах впервые встретились на полях 25-го саммита АСЕАН в Нейпидо 12 ноября 2014 года. Вице-президент Шри М. Хамид Ансари посетил Бруней 1–3 февраля 2016 года. Это был первый двусторонний визит высокого уровня из Индии в Бруней-Даруссалам. В ходе визита были подписаны три меморандума о сотрудничестве в области обороны, здравоохранения и молодёжной политики и спорта.

Два лидера также встретились на полях Восточноазиатского саммита 14 ноября 2017 года в Маниле.

24–26 января 2018 года султан совершил свой четвёртый визит в Индию для участия в юбилейном саммите, посвящённом 25-летию партнёрского диалога между Индией и АСЕАН. 26 января султан также присутствовал на параде в честь Дня Республики вместе с главами государств и правительств других стран — членов АСЕАН⁷.

Происходит постоянный обмен визитами на уровне министров двух стран, расширяются связи в области обороны. Это сотрудничество осуществляется путем регулярных двусторонних

⁵ (PDF) India and Brunei: A Brief Overview. URL: https://www.researchgate.net/publication/326264393_India_and_Brunei_A_Brief_Overview /18.06.2018 (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ High Commission of India, Brunei Darussalam: India-Brunei Bilateral Brief/ URL: <https://www.hcindiabrunei.gov.in/page/india-brunei-bilateral/> 03.04.2025 (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ SANGITA NAIR/ASEAN-India Commemorative Summit: Top Highlights/ URL: <https://www.jagranjosh.com/current-affairs/india-asean-member-states-release-joint-statement-delhi-declaration-1517044165-1/> JANUARY 27, 2018 (дата обращения: 16.06.2025).

контактов на официальном уровне, посещения военно-морских сил и кораблей береговой охраны, тренировок и совместных учений, участия в оборонных выставках и экспозициях друг друга и т. д.

Брунейский корабль Королевского военно-морского флота «KDB Darulaman» участвовал в учениях MILAN 2012 (Андаманские острова), а корабль королевских ВМС Брунея «KP 80 DARU TTAQWA» посетил Индию (Мумбаи) в августе 2014 года⁸.

Заместитель министра обороны, первый адмирал Дато Абдул Азиз принял участие в выставке “Defexpro India 2016” в Гоа в марте 2016 года. Генерал-майор Пехин Дато Падука Сери Аминан, командующий Королевскими вооруженными силами Брунея, посетил Индию в августе 2019 года и провел встречи с председателем Комитета начальников штабов маршалом авиации Бирендером Сингхом Дханоа, начальником штаба сухопутных войск генералом Бипином Раватом и начальником штаба ВМС адмиралом Карамбиром Сингхом.

Делегация из 16 человек во главе с генерал-майором Сунилом Шриваставой из Колледжа национальной обороны (NDC) Индии посетила Бруней-Даруссалам в мае 2017 года.

Командиры ВМС Индии Пракаш Айягари и Венкатеш Прабху приняли участие в Военно-морском симпозиуме Западной части Тихого океана (WPS) 2019 в апреле-мае 2019 года, который проходил в Брунее⁹.

Впервые два индийских оборонных предприятия «Бхарат Электроникс Лимитед» и «МКУ Лтд» участвовали в экспозиции оборонной промышленности, которая была организована Вооруженными силами Брунея по случаю 63-й годовщины Вооруженных сил 1–2 июня 2024 года. Султан Хаджи Хассанал Болкиах и наследный принц Аль-Мухтади Биллах посетили индийские павильоны и высоко оценили их участие.

Делегации Брунея-Даруссалама приняли участие в “Defexpro” в 2010, 2012, 2016 и 2018 годах и в “AERO INDIA” в 2015 и 2017 годах.

Офицеры вооруженных сил Индии регулярно посещают курсы командного состава Королевских вооруженных сил Брунея в Штабном колледже Брунея-Даруссалама. На данный момент в этих курсах приняли участие семь офицеров Вооруженных сил Индии; три офицера Королевских вооруженных сил Брунея прошли курсы для старших офицеров в Национальном колледже обороны (NDC) Индии в 2001, 2009 и 2014 годах. Командир эскадрильи К. Симпи, офицер ВВС Индии, прошел 11-е командно-штабные курсы 2021 года (январь-октябрь 2021 года). Майор Бриджеш Кумар прошел 12-е командно-штабные курсы 2022 года. Лейтенант Дж. Рядовой Рохит Шарма прошел 13-е командно-штабные курсы 2023 года. В 2024 году участия из Индии не было¹⁰.

В январе 2021 года представители министерств обороны обеих стран провели виртуальную встречу. В 2021 году Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области обороны был продлен еще на пять лет¹¹.

В настоящее время Бруней-Даруссалам и Индия поддерживают тесные отношения, основанные на прочных традиционных и культурных связях, а также на совместном членстве в ООН, Африканском союзе, Содружестве, АСЕАН, Африканском региональном форуме и т. д. Султан Брунея Хаджи Хассанал Болкиах является одним из самых активных сторонников тесных отношений

⁸ PINTO KUMAR MAHALA/ India's Maritime Engagement with ASEAN/ URL: <https://thekootneeti.in/2020/10/29/indias-maritime-engagement-with-asean/> ОКТОBER 29, 2020 (дата обращения: 16.06.2025).

⁹ INDIA-BRUNEI BILATERAL RELATIONS/ Bilateral_Brief_-_for_website_November_2022_-_2_November_2022.pdf — Yandex Documents (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁰ High Commission of India, Brunei Darussalam: India-Brunei Bilateral Brief/ URL: <https://www.hcindiabrunai.gov.in/page/india-brunei-bilateral/> 3.04. 2025 (дата обращения: 11.06.2025)

¹¹ India and Brunei agree to strengthen cooperation in defence, space and trade/ URL: <https://www.indianewsnetwork.com/20230726/india-and-brunei-agree-to-strengthen-cooperation-in-defence-space-and-trade/> 2023–07–26 (дата обращения: 11.06.2025).

с Индией и старается поддерживать и обеспечивать благополучие индийской общины в Брунее. Индия и Бруней, будучи развивающимися странами с давними крепкими связями, в значительной степени сходятся во взглядах на основные международные проблемы.

Бруней имеет решающее значение для политики Индии «Взгляд на Восток» и «Действуй на Востоке» с целью геополитической экспансии, расширения и углубления сотрудничества с региональным блоком из 10 стран АСЕАН. Правительство Брунея-Даруссалама поддерживает и является постоянным партнёром Индии в рамках этой политики.

В течение трёх лет — с июля 2012 по июнь 2015 года Бруней-Даруссалам был координатором Индии в АСЕАН и политическим посредником, сыграв важную роль в сближении Индии с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии. На дипломатическом уровне Бруней поддерживает заявку Индии на постоянное членство в расширенном Совете Безопасности ООН (СБ ООН), а также поддержал кандидатуру Индии на непостоянное место в СБ ООН в 2012 г.¹²

В целом Бруней-Даруссалам поддерживает Индию и её кандидатуру на выборах в различные международные организации.

Были организованы виртуальные встречи между Управлением по развитию экспорта сельскохозяйственной продукции и переработанных пищевых продуктов (APEDA) Индии и Министерством сырьевых ресурсов и туризма (MPRT) Брунея-Даруссалама 27 апреля 2021 года, Федерацией индийских экспортных организаций (FIEO) Индии и местными торговыми палатами и коммерческими структурами и Министерством финансов и экономики (MoFE) Брунея-Даруссалама 25 мая 2021 года в целях содействия двусторонней торговле между Индией и Брунеем. 26 августа 2021 года Совет по продвижению экспорта в сфере машиностроения Индии (ЕЕРС) организовал на виртуальной платформе сессию с участием Брунея в рамках масштабного мероприятия «Саммит по инженерному партнёрству между Индией и АСЕАН». 8 октября 2021 года Дато Сери Сетиа, доктор Аванг Хаджи Мохд Амин Лью бин Абдулла, министр в канцелярии премьер-министра и министр финансов и экономики II, принял участие в бизнес-саммите и выставке «Индо-АСЕАН», организованных Конфедерацией индийской промышленности (СИ), и выступил с заранее записанным обращением. Представители Брунея-Даруссалама также приняли участие в мероприятиях, организованных Центром АСЕАН–Индия (август 2021 г.), и в мероприятии FICCI «FICCI–Neal» (октябрь 2021 г.). Компания Activ8 BN Digital Solutions, занимающаяся ИТ-инфраструктурой в Брунее, приняла участие в мероприятии Software EPC, состоявшемся в октябре 2021 года¹³.

Первое заседание двустороннего Совместного торгового комитета состоялось в Брунее в сентябре 2018 года. Второе заседание прошло в марте 2022 года.

В целом экономические двусторонние отношения развиваются хорошо, но их оптимальный потенциал ещё до конца не раскрыт. Бруней вносит свой вклад в энергетическую безопасность Индии, которая является третьим по величине импортёром брунейской сырой нефти. Бруней обладает огромными запасами нефти, и Индия инвестировала 270 млн долл. США в его энергетический сектор¹⁴. Однако общий объём импорта из Брунея составляет лишь малую часть от общего объёма импорта сырой нефти в Индию. Обсуждался вопрос о строительстве завода по производству удобрений, который мог бы использовать углеводородные ресурсы Брунея для удовлетворения сельскохозяйственных потребностей Индии, но этот проект так и не был реализован.

¹² India-Brunei Relations — Apni Pathshala/ URL: <https://apnipathshala.com/daily-current-affairs/daily-current-affairs-english/india-brunei-relations/05.09.2024> (дата обращения: 11.06.2025).

¹³ High Commission of India, Brunei Darussalam: India-Brunei Bilateral Brief/ URL: <https://www.hcindia-brunei.gov.in/page/india-brunei-bilateral/06.2024> (дата обращения: 09.06.2025).

¹⁴ Modi's Historic Visit to Brunei Opens New Vistas to Revitalise Act East Policy/ URL: <https://myindia.net/Home/viewArticle/modi-historic-visit-to-brunei-opens-new-vistas-to-revitalise-act-east-policy/5.09.2024> (дата обращения: 09.06.2025).

Основными статьями экспорта Индии в Бруней являются автомобили, транспортное оборудование, рис, мясо, кукуруза, фармацевтические продукты и оборудование. Основной импорт Индии из Брунея-Даруссалама составляют сырая нефть и нефтепродукты, химические вещества, изделия из металла и пластика, резина¹⁵.

Несколько брунейских бизнесменов участвовали в торговых выставках в Индии, посвящённых здравоохранению и информационным технологиям. В феврале 2019 года Бруней представляли президент, вице-президент и секретарь Брунейской национальной торгово-промышленной палаты, которые посетили Нью-Дели для участия в 4-й выставке и саммите АСЕАН–Индия 2019. Участие Индии в торговых выставках Брунея было эпизодическим. Индийские предприниматели из сектора текстиля и ремесел приняли участие в Международной торговой выставке в Брунее в декабре 2019 года.

Двумя важными причинами, обеспечивающими положительный баланс двусторонней торговли, являются относительно низкие транспортные расходы и небольшая численность населения Брунея. Согласно данным, опубликованным Департаментом экономического планирования и развития Брунея, в 2016–2017 финансовом году объём двусторонней торговли между Индией и Брунеем составлял более 504 млн долл. США¹⁶. В период с февраля 2024 года по февраль 2025 года экспорт Индии в Бруней сократился на 2,15 млн долл. США (44,1%) — с 4,87 млн долл. до 2,72 млн долл., в то время как импорт сократился на 56,3 млн долл. (98,8%) — с 57 млн долл. до 681 тыс. долл.

В феврале 2025 года основными статьями экспорта Индии в Бруней были автомобили (950 тыс. долл. США), кешью (155 тыс. долл.) и рис басмати (141 тыс. долл.).

Основными статьями импорта Индии из Брунея были в этот период банкоматы, инъекционные шприцы и т. д. (613 тыс. долл. США), прочие химические вещества (33,8 тыс. долл.) и остатки химических веществ, аналогичные продукты (24,5 тыс. долл.). За последние 5 лет товарооборот сократился в годовом исчислении на 20,3%¹⁷.

Кабинет министров Союза под председательством премьер-министра Нарендры Моди утвердил Меморандум о взаимопонимании (MoU) между Индией и Брунеем-Даруссаламом, который был подписан в Нью-Дели в Индии 19 июля 2018 года. Он касался координации в работе станций телеметрического слежения и телеуправления для спутников и ракет-носителей, а также сотрудничества в области космических исследований, науки и их применения. Сотрудничество с Брунеем-Даруссаламом в рамках настоящего Меморандума о взаимопонимании позволяет Индии продолжать эксплуатацию, обслуживание и расширение своей наземной станции, предназначенной для поддержки индийских ракет-носителей и спутниковых миссий. Индия может делиться своим опытом и знаниями в области космической деятельности посредством обучения должностных лиц и студентов из Брунея-Даруссалама применению космических технологий. Меморандум о взаимопонимании будет способствовать развитию современных исследований в области эксплуатации наземных станций и обучения применению космических технологий¹⁸.

Между двумя странами также подписаны различные меморандумы о взаимопонимании и соглашения. К ним относятся: Соглашение о воздушном сообщении; Соглашение о сотрудничестве

¹⁵ Brunei Darussalam Archives — IndBiz | Economic Diplomacy Division | IndBiz | Economic Diplomacy Division /URL: <https://indbiz.gov.in/country/brunei-darussalam/> (дата обращения: 09.06.2025).

¹⁶ (PDF) India and Brunei: A Brief Overview/ URL: https://www.researchgate.net/publication/326264393_India_and_Brunei_A_Brief_Overview, June 2018, P. 2 (дата обращения: 09.06.2025).

¹⁷ India (IND) and Brunei (BRN) Trade | The Observatory of Economic Complexity/ URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/ind/partner/brn/> (дата обращения: 11.06.2025).

¹⁸ Adithya Anil Variath, Author at Modern Diplomacy/ URL: <https://moderndiplomacy.eu/author/adithyavariath/> 20 июня 2019 года (дата обращения: 11.06.2025).

в области культуры, искусства и спорта; Соглашение о сотрудничестве в области обороны; Соглашение о сотрудничестве в области эксплуатации станции телеметрии, слежения и управления (ТТС) для спутников и ракет-носителей, а также в области космических исследований, науки и их применения; Меморандум о взаимопонимании по созданию совместного торгового комитета; Меморандум о взаимопонимании по обмену информацией и оказанию помощи в сборе налогов. Кроме того, в настоящее время обсуждается подписание большого числа других меморандумов о взаимопонимании и ряда соглашений.

18 февраля 2021 года министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар провёл на виртуальной платформе встречу по обзору двусторонних отношений с Дато Эриваном, министром иностранных дел Брунея-Даруссалама, на которой обсуждались области, представляющие взаимный интерес, включая сотрудничество в сфере ИКТ, ITES, сельскохозяйственной продукции, науки и технологий, образования, энергетики и здравоохранения. Оба министра подтвердили намерение расширять двустороннее сотрудничество во всех сферах взаимодействия, поддерживать национальное развитие друг друга и укреплять сотрудничество в борьбе с общими глобальными вызовами¹⁹.

23 июня 2021 года в виртуальном режиме состоялась первая встреча Совместной рабочей группы по вопросам здравоохранения. Обе стороны обсудили направления взаимного сотрудничества, в том числе в области фармацевтики, наращивания потенциала и обучения, а также вопросы, связанные с персоналом. Стороны также договорились продлить срок действия двустороннего меморандума о взаимопонимании в области здравоохранения ещё на 3 года, а также провести вторую встречу Совместной рабочей группы в 2022 году.

В Брунее, других столицах стран АСЕАН и в Индии был организован ряд мероприятий, посвящённых 25-летию партнёрства в рамках диалога АСЕАН–Индия. Самыми заметными событиями с участием Брунея были молодежный саммит АСЕАН–Индия в Бхопале; лагерь художников АСЕАН–Индия в Удайпуре; музыкальный фестиваль АСЕАН–Индия в Нью-Дели; визит INS Satpura в Бруней-Даруссалам; сеть аналитических центров АСЕАН–Индия в Джакарте; региональные праздники “Праваси Бхаратия Дивас” (День зарубежной Индии) АСЕАН–Индии в Сингапуре; встреча министров сельского и лесного хозяйства АСЕАН–Индии в Нью-Дели; визит поп-группы Sugar n Spice, спонсируемой ICCR (Индийский совет по культурным связям), в Бруней-Даруссалам; программа обмена студентами АСЕАН–Индии в Мумбаи и Нью-Дели; встреча СП по бизнесу и инвестициям между АСЕАН и Индией в Нью-Дели; заседание Делового совета АСЕАН–Индия в рамках FICCI (The Federation of Indian Chambers of Commerce & Industry) в Нью-Дели; встреча текстильщиков АСЕАН–Индии в Нью-Дели и фестиваль Рамаяны между АСЕАН и Индией в Нью-Дели и Калькутте.

В онлайн-хакатоне АСЕАН–Индия, проходившем с 1 по 4 февраля 2021 года, приняли участие министр образования Брунея Дато Сери Сетия Аванг Хаджи Хамза и высокопоставленные чиновники²⁰.

Брунею-Даруссаламу ежегодно выделяется два места в IТЕС (The Indian Technical and Economic Cooperation). За прошедшие годы 68 граждан Брунея прошли различные курсы IТЕС в Индии. В 2019 году в рамках помощи Индии Брунею-Даруссаламу в наращивании потенциала два кандидата прошли 3-месячный курс по проектированию наноспутников в ISRO (Indian Space

¹⁹ Bilateral Relations Review Meeting (Virtual) between Hon'ble Minister of External Affairs Dr. S. Jaishankar and H. E. Dato Seri Setia Haji Erywan bin Pehin Datu Pekerma Jaya Haji Mohd. Yusof, Hon'ble M/ URL: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/33537/Bilateral_Relations_Review_Meeting_Virtual_between_Honble_Minister_of_External_Affairs_Dr_S_Jaishankar_and_HE_Dato_Seri_Setia_Haji_Erywan_bin_Pehin_Da/February_18,_2021 (дата обращения: 11.06.2025).

²⁰ First ASEAN-India Hackathon 2021 Concludes/ URL: <https://www.ndtv.com/education/first-asean-india-hackathon-concludes-2363914/> February 5, 2021 (дата обращения: 11.06.2025).

Research Organisation) с октября по декабрь, а также 13-й специальный курс для дипломатов из стран АСЕАН в ноябре. В октябре 2020 года 14 сотрудников Министерства развития Бруней-Даруссалама посетили трёхдневный онлайн-курс по темам, связанным с жилищным вопросом, организованный Институтом управления жилищными поселениями в рамках программы e-ИТЕС. Это был первый подобный онлайн-курс в Брунее. В 2021–2022 и 2022–2023 годах 12 сотрудников Брунея посетили программы e-ИТЕС. В 2023–2024 годах 3 сотрудника посетили программу ИТЕС²¹.

Культурные коллективы из Индии, спонсируемые ICCR (Indian Council for Cultural Relations), часто посещают Бруней-Даруссалам. В 2019 году спонсируемая ICCR труппа «Пенджаби Сабьячар Кендер» в составе 8 человек посетила Бруней-Даруссалам и дала пять представлений по случаю Дня независимости Индии²². В рамках инициативы правительства Индии «Укрепление культурных связей с индийской диаспорой» 23 января 2021 года в столице было организовано культурное праздничное национальное мероприятие. Второе культурное событие было организовано в Куала-Белайте 30 января 2021 года.

В рамках празднования «Азади Ка Амрит Махотсав» «Индия@75» Верховная комиссия организовала ряд мероприятий. Среди них — донорские акции, высадка деревьев, бесплатный медицинский лагерь, уборка пляжей, показ фильмов на хинди и т. д. Миссия также оказала некоторую помощь членам индийской общины, чьи доходы сильно пострадали из-за 2-й и 3-й волн пандемии Covid-19, которые обрушились на Бруней-Даруссалам 7 августа 2021 года.

В период с июля 2020 года по апрель 2022 года Миссия организовала 19 чартерных рейсов авиакомпании Royal Brunei Airlines для репатриации более 2600 граждан Индии, оказавшихся в затруднительном положении в Брунее-Даруссаламе из-за глобальных ограничений на поездки, вызванных Covid-19²³.

В Брунее-Даруссаламе действуют пять основных индийских ассоциаций, а именно: Индийская ассоциация Бандар Сери Бегаван (BSBIA); Индийская ассоциация белайт (IAB); Ассоциация малайяли (МА); Ассоциация телугу (ТА) и Ассоциация сикхов. Индийская торговая палата и Ассоциация дружбы Бруней–Индия (BIFA) также являются зарегистрированными юридическими лицами. Индийские ассоциации отмечают индийские праздники, а именно: Дивали, Понгал, Онам, а также День независимости и День Республики [K. S. Sandhu, A. Mani, 2006, P. 1–31].

Мохиндер Сингх Бхуллар, гражданин Индии, который впоследствии стал гражданином Брунея, был первым лауреатом престижной премии Pravasi Bharatiya Samman (PBSA) 2010 года. Бхуллар был награжден за «вклад в создание Индийской торговой палаты в Брунее-Даруссаламе и в развитие отношений между Индией и Брунеем-Даруссаламом», а также за предоставление многочисленных возможностей трудоустройства гражданам Индии в Брунее, что способствует укреплению связей между двумя странами²⁴.

Назир Ахамед Закария, известный индийский бизнесмен Брунея, стал вторым лауреатом PBSA в 2016 году за выдающиеся достижения в области общественной деятельности и бизнеса²⁵. Доктор Александр Малиакел Джон, известный индийский гастроэнтеролог из Брунея, получил

²¹ High Commission of India, Brunei Darussalam: India-Brunei Bilateral Brief/ URL: <https://www.hcindiabrunei.gov.in/page/india-brunei-bilateral/June, 2024> (дата обращения: 12.06.2025).

²² India-Brunei Relations — Apni Pathshala/ URL: <https://apnipathshala.com/daily-current-affairs/daily-current-affairs-english/india-brunei-relations> (дата обращения: 10.06.2025).

²³ High Commission of India, Brunei Darussalam: India-Brunei Bilateral Brief. URL: <https://www.hcindiabrunei.gov.in/page/india-brunei-bilateral/> April 3, 2025 (дата обращения: 12.06.2025).

²⁴ Brunei's Oldest Indian: A Successful Entrepreneur, Flag-Bearer. URL: <https://www.ndtv.com/indians-abroad/bruneis-oldest-indian-a-successful-entrepreneur-flag-bearer-1274726/> February 8th, 2016 (дата обращения: 12.06.2025).

²⁵ Mohamed Zackariah Nazir Ahamed Wins Outstanding Leaders in Asia 2016|ASES Awards/ URL: <https://www.acesawards.com/stories/leadership/mohamed-zackariah-nazeer-ahamed/> (дата обращения: 12.06.2025).

в 2023 году третью премию Pravasi Bhartiya Samman за выдающийся вклад в развитие гастроэнтерологии и эндоскопических услуг в государственных больницах Брунея-Даруссалама²⁶.

Важной вехой в развитии двусторонних отношений стал государственный визит премьер-министра Нарендры Моды в Бруней 3–4 сентября 2024 года, знаменательный шаг со стороны Индии в эту маленькую страну Юго-Восточной Азии. Это был первый двусторонний визит главы индийского правительства в это государство, который следует рассматривать на фоне политики Индии «Действуй на Востоке». Поездка также знаменует 40-летие установления официальных дипломатических отношений между Индией и Брунеем. Визит, который состоялся в течение ста дней после вступления Нарендры Моды в должность на третий срок, является демонстрацией важности, которую он придает отношениям со странами АСЕАН и Индо-Тихоокеанским регионом в целом.

В рамках визита премьер-министр Нарендра Моди провёл встречу с султаном Брунея Хаджи Хассаналом Болкиахом, в ходе которой лидеры двух стран обсудили пути дальнейшего укрепления двусторонних связей. Моди заявил, что Индия и Бруней будут расширять торговые связи, коммерческие контакты и обмены между людьми.

Двусторонние связи между Индией и Брунеем в настоящее время находятся на уровне расширенного партнёрства. Во время этого визита обсуждался широкий круг вопросов: от обороны и торговли до образования, терроризма, здравоохранения и культуры. Кроме того, особое внимание было уделено развитию этих отношений путём сотрудничества в области энергетики и технологий.

По заявлению посла Индии в Брунее-Даруссаламе Алока Амитабха Димри, визит премьер-министра Индии Нарендры Моды в Бруней является историческим во многих отношениях, поскольку обе страны — цивилизационные соседи. Он отметил, что за четыре десятилетия дипломатических отношений двух стран это первый двусторонний официальный визит премьер-министра Индии в его страну.

По его мнению, встреча глав двух государств должна войти в историю двусторонних отношений, также она важна для индийской общины Брунея-Даруссалама. Он указал на очень давние и глубокие связи Индии с малайскими сообществами, проживающими на острове Борнео. По его словам, влияние Индии на них имело лингвистический, антропологический, этнический, архитектурный, религиозный характер.

Дипломат также высказался об очень давней истории торговых связей двух стран, отметив, что еще в досовременную и колониальную эпоху, а также в доколониальную эпоху существовали торговые связи с торговцами с побережья Малабара и Гуджарата. В связи с этим Димри обратил внимание, что в Брунее находится одна из самых глубоких природных гаваней. Выделил он и роль индийской диаспоры в жизни Брунея. По его словам, хоть диаспора относительно и невелика, но играет важную роль в жизни страны. Димри отметил, что раньше среди ее членов было много простых рабочих, однако сейчас стало больше специалистов с образованием и опытом: врачей, учителей, инженеров.

Он назвал Бруней и многие юго-восточные государства к востоку от Малаккского пролива традиционно более близкими соседями для Индии, чем многие страны Центральной Азии. Целью этого визита является подведение итогов текущих обменов, укрепление связей и поиск новых путей развития двусторонних отношений²⁷.

²⁶ Pravasi Bharatiya Samman Awards 2023: 27 Indian origin people to receive prestigious honour. URL: <https://www.indianewsnetwork.com/20230103/pravasi-bharatiya-samman-awards-2023-27-indian-origin-people-to-receive-prestigious-honour/> 2023–01–03 (дата обращения: 12.06.2025).

²⁷ Indian envoy calls PM Modi's visit to Brunei 'historic moment' in bilateral relationship. URL: <https://aninews.in/news/world/asia/indian-envoy-calls-pm-modis-visit-to-brunei-historic-moment-in-bilateral-relationship20240902144901/> September 02, 2024 (дата обращения: 12.06.2025).

Султан и члены его семьи оказали пышный прием премьер-министру Моди во дворце Истана Нурул Иман, который был построен по приказу Хассанала Болкиаха в 1981 году. Истана Нурул Иман, расположенный недалеко от столицы Брунея, Бандар-Сери-Бегавана, является крупнейшим в мире жилым дворцом и внесён в Книгу рекордов Гиннеса. Он может похвастаться 1788 комнатами, 257 ванными комнатами и 44 лестницами, выполненными из 38 видов мрамора. Дворец был спроектирован филиппинским архитектором Леонардо Локсином. Его архитектурный дизайн представляет собой сочетание исламской культуры Брунея и малайских традиций²⁸.

Премьер-министр Моди открыл новую канцелярию Верховного комиссариата Индии, которая должна значительно укрепить дипломатические отношения между двумя странами. В дизайне этой канцелярии использованы индийские мотивы, которые воплощают культурный дух индийских зданий и помогают сохранить индийскую самобытность в Брунее.

Также он посетил мечеть Омара Али Сайфуддина, которая представляет собой сочетание архитектуры эпохи Великих Моголов и итальянского Ренессанса.

Премьер-министр Нарендра Моди и султан Хаджи Хассанал Болкиах обсудили подписание соглашения о космическом сотрудничестве, что свидетельствует о взаимной заинтересованности в развитии технологического сотрудничества в области освоения космоса и спутниковых технологий. Индийский премьер-министр выразил признательность Брунею за поддержку в размещении станции телеметрического отслеживания и дистанционного управления (ТТС) ISRO.

Две страны обсудили возможность долгосрочного сотрудничества в сфере поставок СПГ. Это важно, поскольку в последние годы Индия сократила спрос на нефть из Брунея в пользу импорта российской нефти.

Индия и Бруней повысили уровень двусторонних отношений до «расширенного партнерства», договорившись о сотрудничестве в таких ключевых областях, как оборона, торговля, инвестиции, космос, здравоохранение, образование и культурные обмены, а также региональные и международные вопросы взаимного интереса²⁹. Они также признали важность регулярного диалога на таких платформах, как Объединённый торговый комитет (JTC).

Бруней и Индия стремятся к сотрудничеству в различных областях, от углеводородов до полупроводников. Согласно совместному заявлению, две страны заинтересованы в изучении и развитии сотрудничества в области информационно-коммуникационных технологий, финансовых технологий, кибербезопасности, новых и перспективных технологий, а также возобновляемых источников энергии. Индия также помогает Брунею в создании Центра АСЕАН по вопросам изменения климата.

Одно из важных соглашений, подписанных в ходе этой встречи, касается сотрудничества в космической сфере. Во время недавнего визита премьер-министра Индии был подписан Меморандум о взаимопонимании (MoU) о сотрудничестве в области эксплуатации станций телеметрии, слежения и телеуправления для спутников и ракет-носителей. В настоящее время у Брунея нет активной космической программы. Он все больше интересуется космической деятельностью и использует возможности международного сотрудничества для удовлетворения своих потребностей в поддержке космических систем. Сегодня Бруней проявляет большой интерес к использованию космических технологий для управления ресурсами и решения различных экологических проблем. Для

²⁸ '1,788 rooms, including 257 bathrooms': Inside the world's largest palace where PM Modi was hosted by Sultan of Brunei | Life-style News — The Indian Express. URL: <https://indianexpress.com/article/lifestyle/life-style/pm-modi-brunei-visit-royal-palace-sultan-largest-palace-in-world-9549741/> September 4, 2024 (дата обращения: 12.06.2025).

²⁹ Визиты премьер-министра Моди в Бруней и Сингапур: стимул для развития связей Индии с АСЕАН. URL: <https://www.indianewsnetwork.com/ru/20240907/pm-modi-s-visits-to-brunei-and-singapore-a-shot-in-the-arm-for-india-s-ties-with-the-asean/> 2024-09-07 (дата обращения: 12.06.2025).

Индии географическое положение Брунея, расположенного близко к экватору, очень привлекательно. Со временем Индия может создать в Брунее стартовую площадку для запуска спутников. Эта страна удобно расположена для создания космодрома. По разным причинам стартовые площадки, размещенные близко к экватору, являются идеальным местом для запуска и мониторинга спутников на полярных и геостационарных орбитах. В основном такие запуски очень экономичны, поскольку требуют меньше топлива³⁰.

Индийское космическое агентство ISRO развивает международное сотрудничество со многими космическими агентствами по всему миру. Это помогает повысить эффективность индийской космической программы, а также укрепляет дипломатические отношения страны. Кроме того, такое сотрудничество может способствовать достижению консенсуса в решении вопросов, связанных с глобальным управлением космосом и космической безопасностью. В то же время важно понимать, что сотрудничество с Брунеем не ограничивается только космической дипломатией Индии и включает различные виды взаимодействия для достижения общих целей.

Нарендра Моди объявил, что в ближайшее время будут налажены прямые рейсы между Индией и Брунеем, что улучшит транспортное сообщение между двумя странами. Он также высоко оценил вклад индийской общины в Брунее в дело процветания нации³¹.

Недавний визит премьер-министра Индии в Бруней совпал с 40-й годовщиной установления дипломатических отношений между Индией и Брунеем. Более двух десятилетий Индия инвестировала в космические технологии для взаимодействия с Брунеем, и ожидается, что она будет всё чаще использовать космос в качестве важного инструмента для реализации своей политики «Действуй на Востоке».

Результатом визита стало расширение сотрудничества в области обороны и космоса, включая обсуждение поставок СПГ и повышение уровня отношений между Индией и Брунеем до «расширенного партнёрства».

Премьер-министр Моди был тепло встречен представителями индийской диаспоры. Он пообщался с девочкой, которая показала ему рисунок. На рисунке были изображены индийский триколор и ребёнок с премьер-министром. Собравшиеся, размахивавшие триколором, приветствовали премьер-министра, и он ответил им взаимностью³².

Нарендра Моди считает, что культура играет важную роль в сближении народов обеих стран, и стремится развивать более тесные культурные связи между Индией и Брунеем и укреплять связи между людьми.

Индийцы, хотя и являются немногочисленной общиной, также значительно влияют на культурное и религиозное разнообразие Брунея.

При этом необходимо отметить, что, несмотря на значительное улучшение двусторонних отношений в последнее время, стремление к расширению торговых связей, сохраняется гигантский дисбаланс, так как Индия экспортирует больше, чем импортирует из Брунея. Очевидно, что устранение этого неравенства необходимо для сбалансирования экономических связей.

³⁰ Why space diplomacy is a critical component of India-Brunei relations — Firstpost. URL: <https://www.firstpost.com/opinion/why-space-diplomacy-is-a-critical-component-of-india-brunei-relations-13811903.html>/September 5, 2024 (дата обращения: 12.06.2025).

³¹ India and Brunei Elevate Ties as Modi Announces Partnership/ URL: <https://theguardian.com/world/india-and-brunei-elevate-ties-as-modi-announces-strategic-enhanced-partnership>/September 4, 2024 (дата обращения: 12.06.2025).

³² PM Modi Brunei Visit Live Updates: 'India proud of our athletes', PM Modi calls up Paralympians from Brunei — The Times of India/ URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/pm-narendra-modi-brunei-visit-live-updates-sultan-haji-hassanal-bolkiah-act-east-policy-asean-darussalam/liveblog/113006292.cms>/September 3, 2024 (дата обращения: 12.06.2025).

Требуется большая осведомленность о рынках, культурах и возможностях друг друга в обеих странах. Это может помочь реализации инвестиционных и торговых инициатив.

Растущее влияние в Юго-Восточной Азии других региональных держав, таких как Китай, может осложнить усилия Индии по укреплению ее присутствия в Брунее, что требует тщательного анализа геополитической динамики.

Ограниченное инфраструктурное сообщение между Брунеем и Индией может создавать проблемы для торговли и инвестиций, что требует развития логистики и транспортных связей для улучшения экономического взаимодействия двух стран.

Языковые и культурные различия могут приводить к недопониманию и препятствовать эффективному общению, влияя на деловые переговоры и сотрудничество между индийскими и брунейскими организациями.

Роль Брунея, особенно в свете его географического положения в Юго-Восточной Азии, приобретает дополнительное значение, поскольку султанат может стать стабилизирующим фактором в Индо-Тихоокеанском регионе. Именно по этой причине Бруней важен для Индии, особенно в свете политики Нью-Дели «Действуй на Востоке» и ее подхода к Индо-Тихоокеанскому региону. Бруней активно участвовал в ряде инициатив АСЕАН и Индии, включая заходы в порты индийских военных кораблей, совместные учения и участие в выставках DefExpo друг друга. В связи с изменением геоэкономического ландшафта в Индо-Тихоокеанском регионе перспективы более тесного взаимодействия очевидны. Сферы экономического взаимодействия между Брунеем и Индией не ограничиваются только нефтяным и газовым секторами, в которых султанат обладает проверенным опытом, но также включают привлечение стратегических инвестиций от Брунейского инвестиционного агентства в Индию. Хотя характер торговых связей ограничен узким списком товаров, Индия является одним из крупнейших импортеров энергоносителей из султаната. Стратегические инвестиции не только укрепят связи, но и обеспечат дополнительную защиту экономики Брунея-Даруссалама от периодических потрясений. С другой стороны, для Индии укрепление связей с Брунеем повысит доверие к Нью-Дели и его политике в Индо-Тихоокеанском регионе. Тем более что Бруней имеет доброжелательные отношения со всеми странами в регионе, где он, как миролюбивая и прагматичная страна, может стать значимым партнёром Индии в геополитическом контексте.

Литература / References

- Dhrubajyoti Bhattacharjee. India and Brunei: A Brief Overview, June 2018. P. 1–10.
K. S. Sandhu, A. Mani. Indian Communities in Southeast Asia (First Reprint 2006), 1030 p.

ИНДИЯ — КИТАЙ: ПОГРАНИЧНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2025

В. П. Кашин¹

Территориальные трения и конфликты между Индией и Китаем переросли в пограничное противостояние в 1959 г. и в 1962 г. привели к войне, в которой Индия потерпела поражение. Пограничный спор между двумя странами остается нерешенным. В настоящий момент Китай удерживает 38 тыс. кв. км в Аксай Чине (союзная территория Ладакх) и претендует на 2 тыс. кв. км в штатах Химачал Прадеш и Уттаркханд и 90 тыс. кв. км к югу от линии Макмагона (штат Аруначал Прадеш). С 1967 по 2022 г. на индийско-китайской границе произошло семь крупных инцидентов, дестабилизирующих ситуацию в регионе. Несмотря на подписанные соглашения о поддержании мира и мерах доверия, Индия и Китай удерживают на границе крупные воинские подразделения. Самым взрывоопасным ее участком является Аруначал Прадеш. Китай называет его «Южным Тибетом» и в 2017–2023 гг. переименовал на своих картах 32 его населенных пункта. Обе стороны наращивают в этом районе военное присутствие, подтягивают логистику и военно-техническую инфраструктуру, что повышает вероятность новых боестолкновений. Индийские СМИ убеждают соотечественников в неизбежности войны с Китаем и в участии в ней его союзника Пакистана.

Ключевые слова: Индия, Китай, Аксай Чин, Аруначал Прадеш, линия Макмагона, индийско-китайский пограничный конфликт

Для цитирования: Кашин В. П. Индия — Китай: пограничное противостояние и перспективы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 129–139. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-129-139

INDIA – CHINA: BORDER OPPOSITION AND PERSPECTIVES

Valeriy P. Kashin

Territorial tensions and conflicts between India and China developed into a border standoff in 1959, and in 1962 led to the war, which India was defeated in. The border dispute between the two countries is still unsolved. At present China holds 38,000 square km in Aksai Chin (the union territory of Ladakh) and lays claim to 2,000 square km in Himachal Pradesh and Uttarakhand, as well as 90,000 square km to the south of McMahon line in Arunachal Pradesh. Seven major incidents to destabilize the situation in the region took place on India-China border from 1962 to 2022. Despite the signed agreements to maintain peace and trust, India and China keep large military units on the border. The most unsafe part of the border is Arunachal Pradesh. China calls it “South Tibet” and renamed 32 of its localities on Chinese maps in 2017–2023. Both sides increase their military presence in the

¹ Кашин Валерий Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; indology@mail.ru

Valeriy P. Kashin, PhD (Hist.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; indology@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0119-9157

region, work on the logistics and military-technical infrastructure, which increases risks of new conflicts. Indian media persuade people that the war against China is inevitable with Pakistan as China's ally to participate in it.

Keywords: India, China, Aksai Chin, Arunachal Pradesh, McMahon line, India-China border conflict

For citation: Kashin V. P. India — China: Border Opposition and Perspectives. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 129–139. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-129-139

Древние великие соседние цивилизации — риса, шахмат, хлопка (Индия) и шелка, пороха, фарфора (Китай) сосуществовали в мире до тех пор, пока не обрели общую границу. Это произошло осенью 1950 г. в результате силового включения Тибета в состав КНР или «освобождения Тибета» и «защиты единства и суверенитета Китая», как утверждают китайские историки. С этого момента между Республикой Индия и Китайской Народной Республикой начинаются пограничные трения, споры и конфликты. Они обострились и переросли в прямое противостояние в 1959 г. после подавления Народно-освободительной армией Китая (НОАК) вооруженного восстания в Тибете (по версии китайской историографии — «мятежа реакционных феодалов») и бегства в Индию из Лхасы духовного главы буддистов Далай-ламы и 85 тыс. его сторонников. Китайские солдаты преследовали их и вступали в перестрелки с индийскими пограничниками, прикрывавшими отход тибетских беженцев. По мнению российского исследователя С. Л. Кузьмина, Пекин информировал Москву о ходе подавления восстания в Тибете, а СССР снабжал КНР разведывательной информацией о перемещении тибетских партизан [Кузьмин, 2020, с. 241].

В своей книге воспоминаний «Моя земля и мой народ» Далай-лама XIV указывает на три главных причины стремления Китая господствовать над Тибетом: размещение в высокогорье быстро растущего населения Поднебесной, обретение контроля над богатыми месторождениями природных ископаемых Тибета и использование его стратегического положения для проведения масштабной экспансионистской политики в Азии [Далай-лама XIV, 2000, с. 228–229]. Для реализации этих планов с марта 1956 по октябрь 1957 г. китайским правительством была построена стратегическая дорога от Ечена в Синьцзяне до Гартока в Тибете. Ее участок длиной в 179 км проходит по труднодоступной соляной пустыне Аксай Чин. О существовании Синьцзян-Тибетской дороги посольство Индии в Пекине впервые узнало из публикации в китайском журнале в сентябре 1957 г., но только в октябре следующего года индийский патруль смог вплотную подойти к высокогорному шоссе [Maxwell, 2015, p. 87].

Граница и спорные карты

Нью-Дели считает Аксай Чин и равнины Депсанг и Чумар частью Ладакха и обвиняет Пекин в оккупации 38 тыс. кв. км своей высокогорной союзной территории. Кроме того, Китай претендует на 2 тыс. кв. км в штате Химачал Прадеш (деревня Каурик, перевал и одноименная деревня Шипки Ла и долина Джадх Ганга) и район Барахоти в штате Уттаркханд, а также 90 тыс. кв. км к югу от линии Макмагона, образующие индийский северо-восточный штат Аруначал Прадеш. В Пекине его называют «Южным Тибетом» и в 2017, 2021 и 2023 гг. переименовали на своих картах 32 населенных пункта, находящихся на территории Аруначал Прадеша [Anand, 2023, p. 68]. Каждый раз после посещения премьер-министром Индии Нарендрой Моди и другими высокопоставленными индийскими должностными лицами спорных районов Китай выражает официальный протест и призывает Нью-Дели принять меры по недопущению обострения пограничной проблемы.

Если Индия определяет протяженность индийско-китайской границы в 3488 км, то ее северный сосед — в 2000 км, что меньше в 1,7 раза. Дело в том, что фактическую границу между Китаем и Индией в Ладакхе Пекин не признает и на этом основании не включает ее длину в общую протяженность пограничной линии, о чем еще раз повторил в декабре 2010 г. [Sawhney, Wahab, 2017, p. 50]. Китай также не признает линию Макмагона и считает ее детищем агрессивной британской колониальной политики. Свое название она получила по имени Генри Макмагона, британского представителя на англо-тибето-китайской конференции в Симле в 1913–1914 гг. На карте он обозначил синей краской границу между Внутренним Тибетом с преобладающим влиянием Китая и буферным автономным Внешним Тибетом. Красной же краской им была проведена единая линия границы Внешнего Тибета и Тибета с Ассамом и Бирмой. Несмотря на то, что обе упомянутые линии китайские власти отвергли, в 1960 г. они все же согласились считать своей границей бирманский участок линии Макмагона [Шаумян, 2001, с. 28–29; Noorani, 2009, p. 84].

Согласно Пекину, спорная территория на западном участке всегда принадлежала Китаю и служила исторической коммуникационной артерией, связывающей Синьцзян с Тибетом. На ней проживают немногочисленные тибетцы, а в летний период пасут скот и добывают соль уйгуры. «Аксай Чин» в переводе с уйгурского означает «белокаменная отмель», а протекающая здесь река Каракаш — «черный нефрит». Что касается района к востоку от Бутана, то в китайской интерпретации им управляли местные тибетские власти, подотчетные Лхасе. Они назначали должностных лиц, взимали налоги и осуществляли судебную юрисдикцию. Административной единицей там был тибетский «цзун», соответствующий китайскому уезду. В беседе с послом СССР в Китае С. В. Червоненко, состоявшейся 8 октября 1962 г., премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай обвинил премьер-министра Индии Дж. Неру в том, что он будто бы втихомолку исправил имевшееся на колониальных картах примечание «линия Макмагона официально не определена» на «официально установленная линия» [АВПРФ, ф. 090, оп. 24, п. 83, д. 31, л. 249].

По версии Индии, территория от Бутана до Бирмы в древности принадлежала индийскому царству Камарупа, затем индийским династиям Варман, Млечха и Пала, а с XIII в. попала в зависимость от государства ахемов, одной из ветвей бирманских шанов. Ахомы господствовали в регионе на протяжении почти шести столетий, пока не были вытеснены британцами. Колониальные власти предпочитали не вмешиваться в дела горных племен и в сборы с паломников, осуществляемые администрацией Таванга, самого большого буддистского монастыря Британской Индии. После достижения ею независимости этот район в 1954 г. вошел в состав Северо-Восточного пограничного агентства (НЕФА). Оно подлежало юрисдикции губернатора Ассама. В 1972 г. НЕФА было преобразовано в союзную территорию Аруначал Прадеш. В 1975 г. она получила собственную легислатуру. С 20 февраля 1987 г. Аруначал Прадеш является полноправным штатом Индии.

Начало многолетнему территориальному спору Индии и Китая положило издание в КНР карт, на которых, по мнению индийцев, в ее состав были включены значительные районы их страны. С 1954 г. Индия стала настойчиво требовать, чтобы КНР изменила начертание индийско-китайской границы на издаваемых ею картах. Китай отвечал, что начертание границ на его картах установлено в соответствии со старыми картами прежнего режима и у нынешнего правительства ввиду занятости другими делами нет достаточного времени, чтобы пересмотреть эти карты. Как отмечается в кратком справочнике, переданном в декабре 1958 г. МИД КНР советскому посольству в Пекине, правительство КНР «с течением времени после консультаций с соседними странами и проведения обследования пограничных районов в соответствии с результатами консультаций определит новое начертание границ Китая» [АВПРФ, ф. 0100, оп. 52, п. 415, д. 77, л. 66].

В 1956 и 1958 гг. посольство Республики Индия в Москве обратилось в МИД СССР с представлениями по поводу неправильного начертания отдельных участков индийско-китайской границы и на советских картах. При рассмотрении индийских обращений было установлено, что индийско-китайская граница наносилась так, как она была показана на китайской карте, изданной в 1950 г. МИД СССР тогда воздержался от ответа [АВПРФ, ф. 0100, оп. 52, п. 415, д. 77, л. 67]. А после известных событий 2 и 15 марта 1969 г. в районе острова Даманского (кит. Чжэньбао — «Драгоценный») на реке Уссури и заключения 9 августа 1971 г. Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между Индией и Советским Союзом аналогичных вопросов у индийского посольства больше не возникало.

При всем том позиция китайской стороны в пограничном вопросе отличается от индийского подхода большей гибкостью. Так, в апреле 1960 г. во время переговоров с Дж. Неру в Нью-Дели Чжоу Эньлай заявил о согласии Китая придерживаться линии Макмагона в обмен на признание за ним Аксай Чина. 21 июня 1980 г. фактически то же самое в интервью индийскому журналу «Vikrant» повторил Дэн Сяопин и просил донести его позицию до Индиры Ганди [Krishnan, 2020, p. 247]. В обоих случаях индийские руководители сочли это предложение для себя неприемлемым.

Бои в Гималаях

В 1959 г. территориальные споры между Индией и Китаем переросли в вооруженные конфликты. Наиболее серьезные инциденты произошли 25 и 26 августа у поста Лонгджу (Лунцзю) в НЕФА и 21 октября у перевала Конгка Ла в Ладакхе, где были убиты 9 индийских пограничников и 7 взяты в плен [Maxwell, 2015, p. 114]. В такой ситуации Мао Цзэдун рассчитывал на безоговорочную поддержку СССР. Однако тот проявил нейтралитет и настаивал на поиске мирного выхода. В результате Китай был вынужден предложить Индии одновременно отвести войска от спорных участков, не размещать воинские части в Лунцзю и начать переговоры по урегулированию пограничного вопроса. Индия заняла бескомпромиссную позицию и не приняла эти предложения до полного вывода китайских солдат из Аксай Чина. При этом индийское правительство выразило готовность «разрешить» Китаю использовать построенную им ранее дорогу из Синьцзяна в Тибет для гражданских перевозок [АВПРФ, ф. 090, оп. 24, п. 83, д. 31, л. 231].

Состояние «холодной войны» между Индией и Китаем все более углублялось. Только за 1961 г. стороны обменялись 96 нотами и меморандумами (в т. ч. с индийской стороны — 53, с китайской — 43). Подавляющее большинство упомянутых документов свелось к взаимным нападениям и самооправданиям и содержало всевозможные обвинения в связи с инцидентами на границе. Летом 1962 г. Индия поспешно возвела вдоль Линии фактического контроля (ЛФК) 50 новых опорных пунктов. Иногда они располагались за китайскими укреплениями, буквально на расстоянии нескольких метров. Находившиеся в окопах солдаты могли видеть и слышать друг друга. 16 июля 1962 г. МИД КНР направил Индии очередную ноту, в которой, в частности, подчеркивалось: «Если индийская сторона рассматривает сдержанность и терпимость Китая как проявление слабости и будет упорствовать в своих действиях и продолжать игру с огнем в попытке силой добиться осуществления своих территориальных претензий, то она допускает роковую ошибку» [АВПРФ, ф. 090, оп. 24, п. 83, д. 31, л. 231]. А в начале сентября того же года Неру приказал очистить всю индийскую территорию от китайских захватчиков. Если прежде индийские пограничники открывали огонь только в целях самообороны, то теперь им было разрешено стрелять в случае угрозы.

Из докладов Б. Н. Маллика, директора Разведывательного бюро Индии в 1950–1964 гг., Неру не мог не знать о концентрации семи китайских дивизий на индийской границе [Mullik,

1972, р. 215]. Но он не придал этому должного значения, так как считал нападение социалистического соседа на независимую Индию нереальным. Несмотря на напряженную ситуацию, индийские войска не были вовремя подтянуты к границе. Отсутствовали подъездные пути, новые арсеналы и пункты доставки амуниции. Армия не имела зимней одежды и обуви и была не готова к боевым действиям на высоте 3000–4000 м над уровнем моря при низких температурах и сильном порывистом ветре. И наконец, атака Китая совпала с Карибским кризисом, самым напряженным политическим и военным противостоянием между СССР и США в XX в., когда мир оказался на грани ядерной катастрофы.

20 октября 1962 г. после артиллерийской подготовки китайские войска перешли в наступление. Индийская группировка уступала китайской по численности в соотношении 1:5 и была вынуждена отступить. Главные действия развернулись в восточном секторе. Захватив оба берега реки Намка Чу, китайская армия прижала индийцев к границе с Бутаном и 24 октября без боя овладела Тавангом. 16 ноября капитулировал Валонг, 18 ноября — Бомдила. Элитная 4-я пехотная дивизия Индии («Красные орлы») оказалась в окружении, а дивизия Камеонг была полностью разгромлена. На отдельных участках НОАК продвинулась вглубь почти на 100 км и приблизилась к окраинам Тезпура, крупного приграничного города в штате Ассам, откуда население поспешно бежало. В западном секторе китайские войска захватили долину Чип Чап и все индийские посты. Особенно упорные бои были у перевала Резанг Ла. Тела замерзших индийских солдат позднее обнаружили во льду с оружием в руках.

В критической ситуации 19 ноября Дж. Неру обратился к президенту США Д. Кеннеди с просьбой прислать 12 эскадрилий истребителей с американскими пилотами и систему радиолокации. Пока Кеннеди рассматривал ее, в Бенгальский залив был направлен американский авианосец «Энтерпрайз». СССР снова занял позицию нейтралитета и призвал стороны прекратить огонь и начать переговоры о мирном урегулировании. Вместе с тем в беседе с послом КНР в Москве Лю Сяо 13 октября 1962 г. Н. С. Хрущев заявил: «У нас с Индией хорошие отношения. Когда-то у вас с ней были отношения такие же и даже лучше. Наше отношение к Индии и Китаю различное. К Китаю мы относимся как к братской социалистической стране. А Индия еще неизвестно куда пойдет. Наша цель — сделать все, чтобы усилить наше влияние в Индии, удержать ее на позиции нейтралитета, не толкнуть ее в объятия империализма» [АВПРФ, ф. 0100, оп. 55, п. 480, д. 4, л. 37]. А когда посол напомнил ему о продаже Индии нескольких самолетов МИГ-21 и лицензии на их производство, Хрущев резко отреагировал: «Китайские товарищи знают, что от начала строительства авиационного завода и до производства самолетов требуется пять лет... Эти самолеты не меняют соотношения сил. Китай и Индия — неизмеримые величины в военном отношении» [АВПРФ, ф. 0100, оп. 55, п. 480, д. 4, л. 36].

Опасаясь прямого иностранного вмешательства, 21 ноября Мао Цзэдун отдал приказ оставить занятую территорию и отвести китайскую армию на 20 км к северу от линии Макмагона. В течение месяца боев Индия потеряла 1383 солдата убитыми, 1696 пропавшими без вести и 3968 пленными [Рао, 2021, р. 432]. 90% всех её жертв пришлось на НЕФА. О потерях китайской армии не сообщалось. В мае 1963 г. взятые в плен индийские солдаты вернулись на родину с оружием и боевой техникой. Поражение в войне с Китаем подорвало авторитет Неру и возглавляемого им правительства в стране и за рубежом. Индийская общественность стала рассматривать Китай как потенциального агрессора. Индия была вынуждена увеличить оборонные расходы и развивать военные связи с СССР. В начале 1990-х гг. его доля в индийском импорте вооружений превысила 70%.

В дальнейшем самые крупные инциденты имели место в 1967 г. на перевалах Натху Ла и Чо Ла в Сиккиме, в 1975 г. у перехода Тулунг Ла в Аруначал Прадеше, в 1987 г. в долине Сумдоронг

Чу в том же Аруначал Прадеше, в 2015 г. в Бурце, Ладакх, в 2017 г. на плато Доклам, на стыке Индии, Китая и Бутана, в 2020 г. в долине Галван, в Ладакхе и в 2022 г. у монастыря Таванг в Аруначал Прадеше. В пяти случаях крупные инциденты произошли в восточном секторе и в двух — в западном. В ходе столкновений в сентябре-октябре 1967 г. в Натху Ла и Чо Ла индийская артиллерия нанесла большой урон наступающей китайской пехоте и разрушила часть укреплений НОАК. Потери китайской стороны предположительно составили до 300 солдат, индийской — 67 [Sawhney, Wahab, 2017, p. 39]. В ночь с 15 на 16 июня 2020 г. в Галване пограничники сошлись врукопашную и использовали камни, палки и дубинки с гвоздями. Индия сообщила о 20 погибших, Китай — о 4 [Sawhney, 2022, p. 147]. 73-дневный конфликт летом 2017 г. в Докламе был исчерпан только после того, как премьер-министр Индии Нарендра Модии отказался от поездки в китайский Сямэнь на саммит БРИКС.

Дракон против Тигра

Тем не менее перманентная конфронтация на границе не устраивает ни одну из противоборствующих сторон. Индия и Китай вынуждены поддерживать диалог, проводить переговоры и искать компромиссы. Так, в 1984 г. Китай согласился рассматривать погранично-территориальную проблему не «в пакете», на чем настаивал ранее, а по секторам, как предлагала Индия [Шаумян, 2001, с. 31]. Результатом сближения позиций сторон стало подписание серии документов, направленных на нормализацию двусторонних отношений, создание механизмов разрешения территориальных споров и обеспечение мира и стабильности в приграничных районах. Это — соглашение 1993 г. о поддержании мира и спокойствия на границе, соглашение 1996 г. о мерах доверия в военной области, декларация 2003 г. о принципах взаимоотношений и всеобъемлющего сотрудничества, соглашение 2005 г. о параметрах и принципах урегулирования пограничного вопроса, соглашение 2012 г. о создании специального механизма на случай возникновения пограничных инцидентов и др.

Благодаря совместным усилиям в 2014 г. была создана «горячая линия», связывающая экспертов военных ведомств обеих стран. При этом сначала договариваются полковники, затем бригадные генералы и выше. С 2021 г. аналогичная линия начала действовать между министерствами иностранных дел. Достигнут консенсус в том, что пограничная проблема не должна препятствовать экономическому, культурному, научному сотрудничеству стран и развитию туризма. В 2003 г. Китай признал Сикким неотъемлемой частью Индии и его вхождение в 1975 г. в состав Индийского Союза в качестве штата [Krishnan, 2020, p. 248]. В 2024 г. стороны договорились о порядке патрулирования вдоль ЛФК. 27 января 2025 г. Индия и Китай возобновили прямое авиасообщение. 25 марта 2025 г. в Пекине состоялось 33-е заседание участников индийско-китайского рабочего механизма консультаций и координации по пограничным вопросам.

Однако остается по-прежнему немало районов, которые обе стороны считают своей территорией. Они располагаются, как правило, в высокогорье, где линия фактического контроля никогда не была демаркирована. В последнее время именно там чаще всего происходят стычки между пограничными патрулями, переходящие в перестрелки. Затем подтягиваются войска и бронетехника и вызывает новый конфликт.

Несмотря на подписанные соглашения о мерах доверия, Индия и Китай удерживают на границе крупные воинские подразделения. Например, в западном секторе — по 50 тыс. военнослужащих с каждой стороны [Mathur, 2025, p. 30]. В самом протяженном центральном секторе у Индии 15,5 тыс. солдат, к которым в 2024 г. добавили еще 10 тыс. Максимальная же концентрация войск наблюдается в восточном секторе, где Индия имеет 175–180 тыс. солдат и 67 постов против 35

в Аксай Чине [Vajrai, 2023, p. 6]. У Китая номинально военнотружущих в Южном Тибете меньше, но он возвел вдоль линии Макмагона 354 пограничные деревни «сяокан» [Sagar, 2023, p. 33]. Эти деревни являются глазами и ушами НОАК и выполняют функции наблюдательных постов. Из провинции Юньнань до Бутана проложена железная дорога, позволяющая перебрасывать войска и технику. Китай хочет продолжить её до Кашмира.

У Индии в Аруначал Прадеше железных дорог пока нет, но таковые в плане в количестве трех: Бхалукпонг — Таванг, 200 км; Силапатхар (Ассам) — Алонг, 87 км; Рупай (Ассам) — Пасигхат, 217 км [Sagar, 2023, p. 35]. Вдоль границы с Китаем в восточном секторе Модии обещал проложить 1800-км дорогу с мостами и туннелями, и она уже обозначена на картах как Национальная магистраль 913. В Аруначал Прадеше построено также 9 взлетно-посадочных полос для тяжелых военно-транспортных самолетов [Sagar, 2023, p. 33].

Армия Китая самая многочисленная в мире — 2 млн 35 тыс. солдат, Индии — 1 млн 455 тыс. солдат. Военный бюджет Китая в 4 раза больше индийского и превышает 300 млрд долл. В текущем году в торговле с Китаем Индия имеет отрицательное сальдо в 80 млрд долл. [Gokhale, 2025, p. 26]. Это свидетельствует об ее определенной экономической зависимости от северного соседа, которая распространяется и на индийский арсенал. Показательно, что китайские компоненты в боевых дронах Индии используются не только в микропроцессорах, но и в системах навигации и контроля полета, камерах наблюдения, батареях [Sagar, 2025, p. 41].

Китайское командование отлично перенимает чужой боевой опыт и умело использует достижения современной технической мысли в собственных военных разработках. Руководство Китая и его военные круги обладают редкой способностью терпеливо ожидать своего шанса и заблаговременно готовятся к его эффективной реализации. Китайский солдат мотивирован, решителен, отважен, хорошо обучен и экипирован. Ему не требуется раскачка. Невыполнение приказа для него равносильно преступлению. Индийский военнотружущий другой. Он представляет и защищает самую большую мировую демократию. Осуждать его только за то, что он не такой, как китайский солдат, не имеет смысла.

Союзники и партнеры

С нашей точки зрения, завоевание 1,5 млрд Индии не входило и не входит в планы Китая. Свои территориальные претензии к ней он давно обозначил. Но на всякий случай Китай окружил Индию сетью своих военно-морских баз, так называемых «нитей жемчуга», особенно в Бенгальском заливе и южнее — Читтагонг в Бангладеш, Куаукруа в Мьянме, Хамбантоту в Шри Ланке и Марао на Мальдивах. Здесь постоянно дежурят китайские подводные лодки. А со стороны Аравийского моря у Китая есть надежный союзник в лице Пакистана. Их сближение берет начало в 1962 г. и закреплено соглашением, подписанным 2 марта 1963 г. в Пекине. Оно предусматривает передачу Пакистаном КНР 5475 кв. км территории Кашмира, находящейся под его контролем в долине Шакгам-Мазтаг к западу от Аксай Чина. В прошлом здесь располагалось княжество Хунза. Его правитель был вассалом махараджи Кашмира. Индия это соглашение не признает и считает, что оно нарушает нормы международного права [Dhar, 2007, p. 124].

Китай выступает в роли основного инвестора Пакистана, его торгового партнера и экспортера военной техники. Более 80% оружейного импорта Пакистана приходится именно на Китай. Кроме того, страны ведут совместные военно-технические проекты. В свое время в Китае проходили подготовку пакистанские физики-ядерщики. В 1982 г. Исламабад получил от Пекина комплект документации для производства ядерной боеголовки мощностью в 25 килотонн и высокообогащенный

уран [Nigro, 2015, p. 241]. «Наша дружба с Китаем выше Гималаев, глубже океана, крепче стали и слаще меда», — повторяют пакистанские СМИ.

Особенно успешно Пакистан использовал китайское оружие в ходе столкновений с Индией 7–10 мая 2025 г. Пакистанские военные вели огонь с китайских истребителей Chengdu J-10С ракетами PL-15E класса «воздух — воздух» и сбили несколько французских истребителей Rafale, которые ранее приобрела Индия. Хорошо зарекомендовали себя также произведенные в Китае системы ПВО HQ-9P и HQ-16. HQ-9 — это китайская версия российской системы С-300, а HQ-16 создана на основе ранней версии российского ЗРК «Бук». Руководство Индии потерю своих истребителей в воздушном бою не признает. Ссылаясь на угрозу национальной безопасности и общественному порядку, оно временно запретило многие китайские приложения, включая популярную социальную сеть TikTok.

В свою очередь Индия тоже ищет влиятельных союзников, главным из которых считает США. Сегодня США являются первым торговым партнером Индии с товарооборотом в 190 млрд долл. в год. Суммарный объем поставок американского оружия в эту страну превысил 20 млрд долл., включая военно-транспортные самолеты C-130J Hercules и C-17A Globemaster, ударные вертолеты AH-64 Apache, транспортные вертолеты CH-47F Chinook и корабельные многоцелевые вертолеты MH-60R, а также противолодочные самолеты P81 Poseidon [Baruah, 2025, p. 53]. В октябре 2024 г. Индия и США подписали сделку на сумму около 4 млрд долл. на покупку 31 БПЛА MQ-9B с сопутствующим оборудованием. Эти аппараты могут выполнять различные функции, в том числе морскую разведку, борьбу с подводными лодками и проводить атаки наземных целей. Сделка направлена на повышение оперативных возможностей индийской армии и является частью комплексной стратегии модернизации оборонной инфраструктуры страны. А еще Индия проявляет интерес к истребителю США пятого поколения F-35 и намерена его приобрести.

Стороны тесно сотрудничают в рамках альянса I2U2, в который вместе с этими странами входят Израиль и Объединенные Арабские Эмираты. Формирующийся геополитический союз способен перерасти в силовой блок. США рассматривают новый союз в качестве аналога QUAD в Индо-Тихоокеанском регионе с участием тех же США, Японии, Австралии и Индии и стремятся придать ему антикитайский характер.

В области высокотехнологичных вооружений Индия активно взаимодействует с Израилем. В индийском импорте вооружений Израиль конкурирует с Россией, а в 2008 г. даже временно вышел на первое место. Израильский подход отличается политической неангажированностью, способностью гибко реагировать на требования заказчика и готовностью сотрудничать с Индией по широкому спектру современных систем. Ограничителем здесь является разве что позиция США, обладающих возможностью блокировать экспорт некоторых израильских вооружений [Кашин, 2023, с. 324]. Израиль помогает Индии бороться с терроризмом, обучать бойцов спецназа ведению боя в городских условиях и укреплять «линию контроля» в Кашмире.

Заключение

Несмотря на договоренности, достигнутые между руководством Индии и Китая, пограничное противостояние сторон продолжается и существенно дестабилизирует политическую ситуацию в регионе. В настоящее время наиболее взрывоопасным участком индийско-китайской границы является восточный сектор. Индия и Китай концентрируют здесь войска, подтягивают к границе логистику и необходимую военно-техническую инфраструктуру, что повышает вероятность новых конфликтов и боестолкновений. Индийские СМИ убеждают соотечественников в неизбежности

войны с Китаем и в прямом участии в ней его союзника Пакистана. Вслед за начальником штаба сухопутных войск Индии генерал-лейтенантом Упендрой Дживеди они называют это войной на два с половиной фронта [India Today, 2025, p. 18].

Литература / References

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). The Foreign Policy Archive of the Russian Federation (FPARF), ф. 090, оп. 24, п. 83, д. 31, л. 231.
- АВПРФ (FPARF), ф. 090, оп. 24, п. 83, д. 31, л. 249.
- АВПРФ (FPARF), ф. 0100, оп. 52, п. 415, д. 77, л. 66.
- АВПРФ (FPARF), ф. 0100, оп. 52, п. 415, д. 77, л. 67.
- АВПРФ (FPARF), ф. 0100, оп. 55, п. 480, д. 4, л. 37.
- Далай-лама XIV. *Моя земля и мой народ*. СПб.: Нартанг — Corvus, 2000 [Dalai Lama XIV. *My Land and My People*. Saint Petersburg, Nartang — Corvus, 2000 (in Russian)].
- Кашин В. П. Индия–Израиль: от диалога к сотрудничеству и партнерству. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 318–328 [Kashin V. P. India-Israel: from Dialogue to Cooperation and Partnership. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2023. № 4. Pp. 318–328 (in Russian)].
- Кузьмин С. Л. *Скрытый Тибет. История независимости и оккупации*. М.: Издательство А. Терентьева, 2020 [Kuzmin S. L. *Hidden Tibet. History of Independence and Occupation*. Moscow, A. Terentiev Publishing House, 2020 (in Russian)].
- Шаумян Т. Л. Индийско-китайская граница: перспективы урегулирования проблемы. *Азия и Африка сегодня*. 2001. № 9. С. 27–32 [Shaumian T. L. Indian-Chinese Border: Problem Solving Perspectives. *Asia and Africa Today*. 2001. № 9. Pp. 27–32 (in Russian)].
- Anand V. Mind Games with Maps. *Frontline*. 06.10.2023.
- Bajpai K. A Cold Peace. *Frontline*. 24.02.2023.
- Baruah S. Arms Linked. *The Week*. 09.02.2025.
- Dhar M. K. An Itinerant's Journey Through Pakistan Occupied Kashmir. *Pakistan Occupied Kashmir. The Untold Story*. Ed. V. Gupta. New Delhi: Manas Publications, 2007. Pp. 121–139.
- Gokhale V. The Talk and Deter Approach. *India Today*. 13.01.2025.
- Hiro D. *The Longest August. The Unflinching Rivalry between India and Pakistan*. New York: Nation Books, 2015.
- Krishnan A. *India's China Challenge. A Journey through China's Rise and What it Means for India*. Noida: HarperCollins Publishers, 2020.
- Mathur R. K. Preparing for a Two-and-a-Half Front War. *The Week*. 26.01.2025.
- Maxwell N. *India's China War. Revised and Updated*. New Delhi: Natraj Publishers, 2015.
- Mullik B. N. *My Years with Nehru. 1948–1964*. New Delhi: Allied Publishers, 1972.
- Noorani A. G. Strategic Differences. *Frontline*. 02.01.2009.
- Pushing the Envelope. *India Today*. 24.03.2025.
- Rao N. *The Fractured Himalaya. India, Tibet, China 1949 to 1962*. Gurugram: Penguin Viking, 2021.
- Sagar P. R. The Chinese Duplicity. *India Today*. 18.09.2023.
- Sagar P. R. Chinese Threat in Indian Drones. *India Today*. 10.02.2025.
- Sawhney P., Wahab G. *Dragon on Our Doorstep. Managing China through Military Power*. New Delhi: Aleph, 2017.
- Sawhney P. *The Last War. How All will Shape. India's Final Showdown with China*. New Delhi: Aleph, 2022.

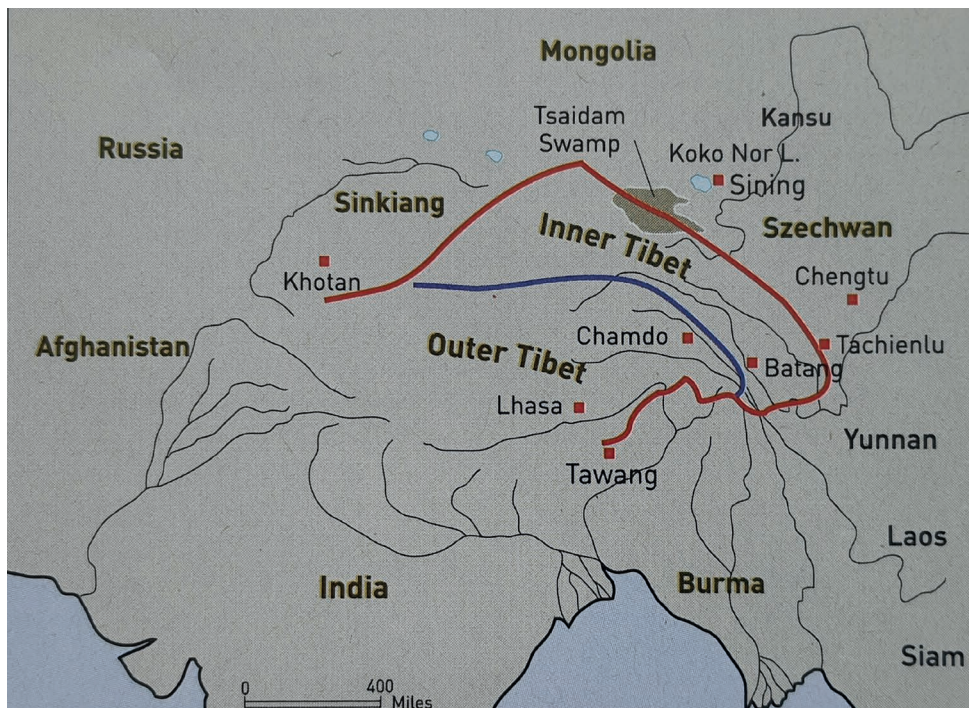

Рис. 1. Граница между Внутренним и Внешним Тибетом 3 июля 1914 г.
Источник: Frontline. 02.01.2009. Р. 86

Рис. 2. Линия Макмагона
Источник: Frontline. 02.01.2009. Р. 87

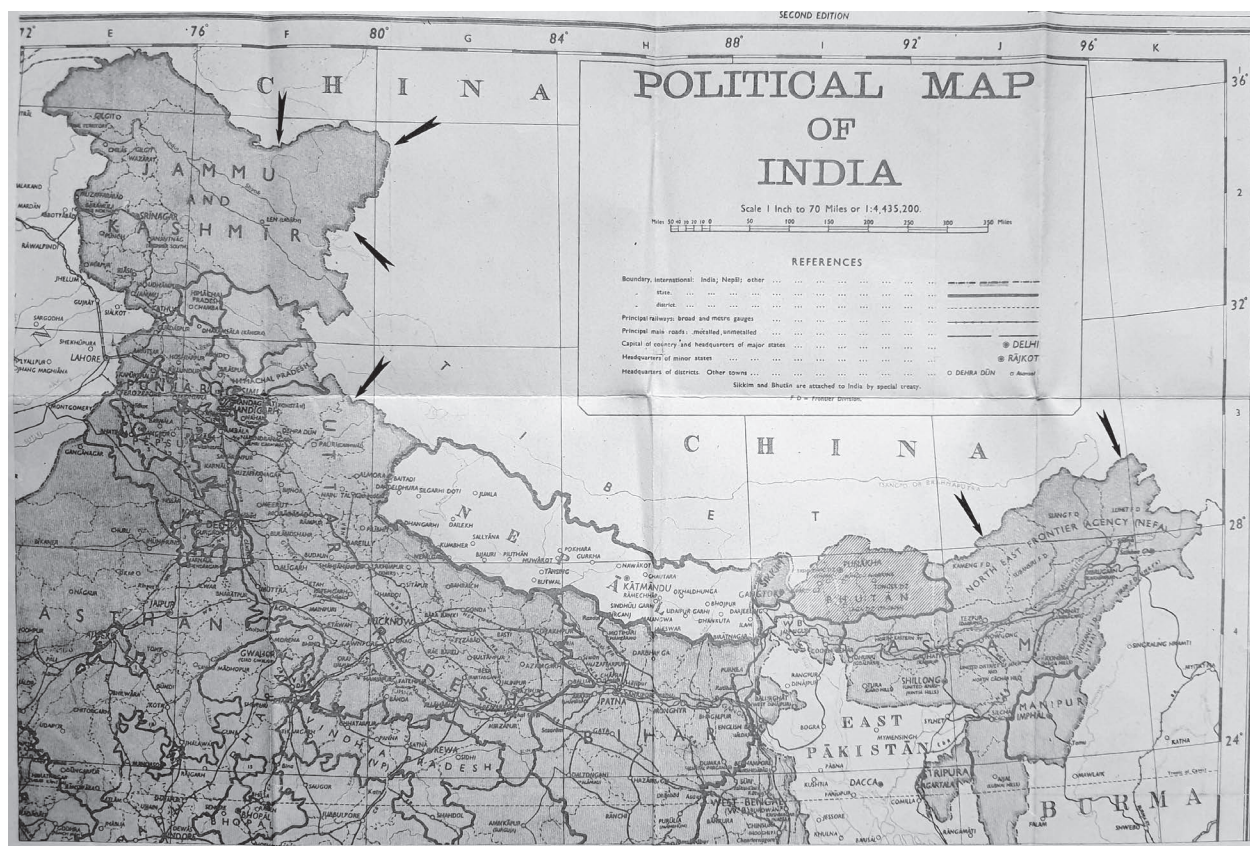

Рис. 3. Политическая карта Индии 1954 г. Линия индийско-китайской границы обозначена в соответствии с позицией Индии

Источник: К вопросу о китайско-индийской границе. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1962

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-140-142

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КУРДОЛОГИИ

© 2025

К. В. Вертяев¹

26 мая 2025 года в Институте востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН) состоялась IV Международная научная конференция «Лазаревские чтения», посвящённая актуальным проблемам курдологии. Мероприятие было приурочено к 95-летию со дня рождения академика М.С. Лазарева — одного из основоположников российской школы курдоведения. В конференции приняли участие ведущие специалисты из России, Ирака, Турции, США, Швеции, Австрии и других стран. В рамках работы конференции были рассмотрены ключевые аспекты политики, истории, культуры и идентичности курдского народа.

Ключевые слова: курдология, Лазаревские чтения, Ближний Восток, курдский вопрос, международные исследования

Для цитирования: Вертяев К. В. IV Международная научная конференция «Лазаревские чтения»: актуальные вопросы курдологии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 140–142. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-140-142

FOURTH INTERNATIONAL CONFERENCE “LAZAREV READINGS”: URGENT PROBLEMS OF KURDOLOGY

Kirill V. Vertyayev

On May 26, 2025, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IOS RAS) hosted the IV International Scientific Conference “Lazarev Readings”, dedicated to current issues in Kurdology. The event was timed to coincide with the 95th anniversary of the birth of Academician M.S. Lazarev, one of the founders of the Russian school of Kurdish studies. The conference brought together leading experts from Russia, Iraq, Turkey, the USA, Sweden, Austria, and other countries. The discussions covered key aspects of Kurdish politics, history, culture, and identity.

Keywords: Kurdology, Lazarev Readings, Middle East, Kurdish question, international studies

For citation: Vertyayev K. V. Fourth International Conference “Lazarev Readings”: Urgent Problems of Kurdology. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 140–142. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-140-142

¹ Вертяев Кирилл Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitezhe@mail.ru
Kirill V. Vertyayev, PhD (Political Studies), senior researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; kitezhe@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3533-3684

Конференция «Лазаревские чтения» является одной из ключевых академических площадок, объединяющих исследователей курдской проблематики. Четвёртое мероприятие данного цикла было организовано сектором курдоведения Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН под руководством заведующего сектором, к. п. н., с. н. с. К. В. Вертяева и м. н. с. М. С. Озмаян. Цели и задачи конференции традиционно фокусируются на аспектах политического, исторического развития курдского народа, феноменологии курдского вопроса в рамках Ближнего Востока. Основной целью конференции стало обсуждение современных тенденций в изучении курдского вопроса, а также анализ влияния исторического наследия на текущие политические и социальные процессы в Курдистане. Особое внимание было уделено следующим направлениям:

- исторические аспекты курдского национального движения;
- современная политическая динамика в регионах расселения курдов;
- культурные и языковые процессы;
- международные отношения и геополитические факторы.

С приветственными словами выступили заместитель директора ИВ РАН по научной работе д. п. н. В. А. Кузнецов и заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока д. и. н., профессор В. Я. Белокреницкий. В своих выступлениях они подчеркнули вклад академика М. С. Лазарева в развитие курдологии и актуальность его научного наследия. Модераторами пленарных сессий выступили к. п. н. К. В. Вертяев и к. э. н. В. В. Макаренко. В рамках конференции было представлено более двадцати докладов, охватывающих широкий спектр проблем.

Международные участники:

- Томас Шмидингер (Университет Хавлер, Ирак / Университет Вены, Австрия) — «The Autonomous Administration of North and East Syria in the Context of Post-Assad Syria»;
- Дэвид Романо (Университет штата Миссури, США) — «Trump's Policies Towards the Kurds: New Directions or Déjà-Vu?»;
- Шадала Дабаи (зам. министра иностранных дел правительства Региона Курдистан, Ирак) — «Трансформация Ближневосточного региона: основные тренды и перспективы»;
- Экрем Онен (Центр изучения языков, Швеция) — «Соперничество между глобальными и региональными силами в Курдистане: на чьей стороне сами курды?»
- Дюрре М. Э. Икбаль (МГЛУ) — «Курдский фактор в Сирии и Турции: есть ли у него решение?»

Видеозапись выступлений доступна на сайте института.

Российские исследователи представили следующие доклады: В. В. Макаренко (ИВ РАН) — «Противоречивое влияние на курдское общество концепции и практики национально-освободительной борьбы»; К. В. Вертяев (ИВ РАН) — «Роль шейха Махмуда Барзанджи и Королевства Курдистан в актуализации курдского фактора в Ираке после Первой мировой войны (по материалам британских источников)»; М. С. Озмаян (ИВ РАН) — «Участие курдов в политическом процессе Ирака в 2004–2005 гг. в условиях оккупации страны иностранными войсками»; И. Н. Веденеев (ИВ РАН) — «Взаимосвязь сирийского и турецкого Курдистана на современном этапе»; Н. А. Замараева (ИВ РАН) — «Влияние курдских боевых движений на пакистанскую группировку Армия освобождения Белуджистана»; Т. А. Одинцова (МГИК) — «Современные факторы развития идентичности курдов Турции»; Шореш Абы (ФГП МГУ им. М. В. Ломоносова) — «Механизмы ассимиляции курдского языка и динамика языковых изменений в Турции»; А. А. Асылгужина (ИВ РАН) — «Политика памяти в регионе Курдистан — Ирак»; А. О. Победоносцева (СПбГУ) — «СССР и курдские восстания 1920–1930 гг.»; С. Э. Михайлов (МГУ) — «Езиды

в современной Армении: вызовы и перспективы»; М. Т. Амири (ИСАА) — «Богиня Иштар как культурно-политический символ женского движения среди бойцов YPJ (Сирийский Курдистан)»; А. С. Петрунин (ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского) — «Специфика политизации и радикализации курдского национально-освободительного движения на Ближнем Востоке»; М. В. Барави (ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского) — «Курдский фактор в ближневосточной политике Саудовской Аравии в контексте отношений с Ираком и Ираном»;

Технологические инновации

Впервые в рамках научного мероприятия в ИВ РАН была применена система синхронного AI-перевода на платформе Zoom, что позволило обеспечить эффективную коммуникацию между участниками, выступавшими на русском и английском языках.

Заключение и выводы

По итогам конференции участники пришли к следующим выводам:

1. Сохраняется необходимость системной координации научных исследований в области курдологии.
2. Исторический контекст остаётся важным фактором при анализе современных политических процессов.
3. «Лазаревские чтения» подтвердили статус ведущей международной площадки для обсуждения курдской проблематики.

Результаты конференции получили освещение в курдских СМИ (Kurdistan24, Rudaw TV, Roj (ANF)), что свидетельствует об её значимости не только в академической среде, но и в общественно-политическом дискурсе.

Благодарность

Организаторы выражают признательность всем участникам, модераторам и техническим специалистам, обеспечившим успешное проведение конференции.

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ВЛИЯНИЕ НА КУРДСКОЕ ОБЩЕСТВО КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

© 2025

В. В. Макаренко¹

В статье в связи с переменами в политике курдских партий в Турции, Сирии и Ираке рассматриваются признаки завершения тренда националистических революций на Ближнем Востоке, движущей силой которых было стремление политических партий и народов к созданию национальных государств (государств-наций), отмечается, что происходит разворот в сторону реинтеграционных процессов, которые ведут в перспективе к воссозданию здесь федеративных отношений (государств-цивилизаций), которые, хотя и в более архаичной форме, но были более характерны для этой части мира.

Ключевые слова: распад континентальных империй, государство-нация, национализм, государство-цивилизация, Курдистан, Ближний и Средний Восток, Европа

Для цитирования: Макаренко В. В. Противоречивое влияние на курдское общество концепции и практики национально-освободительной борьбы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 143–158. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-143-158

THE CONTRADICTIONARY INFLUENCE OF THE CONCEPT AND PRACTICE OF THE NATIONAL LIBERATION STRUGGLE ON THE KURDISH SOCIETY

Vadim V. Makarenko

In connection with the changes in the politics of the Kurdish parties in Turkey, Syria and Iraq, the article examines signs of the end of the trend of nationalist revolutions in the Middle East, the driving force of which was the desire of political parties and peoples to create nation-states (nation-states), it is noted that there is a turn towards reintegration processes that lead in the future to the re-establishment of federal relations (states-civilizations) here, which, although in a more archaic form, were more characteristic of this part of the world.

Keywords: disintegration of continental empires, nation-state, nationalism, state-civilization, Kurdistan, Near and Middle East, Europe

For citation: Makarenko V. V. The Contradictory Influence of the Concept and Practice of the National Liberation Struggle on the Kurdish Society. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 3. Pp. 143–158. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-143-158

¹ Макаренко Вадим Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; makarenko.vadim@yandex.ru

Vadim V. Makarenko, PhD (Econ.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; makarenko.vadim@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1899-6320

Введение

В начале XX в. казалось, что возможны самые различные варианты (пути) развития ближневосточных стран и что все они смогут достаточно быстро перейти на новый социально-экономический уровень. Через столетие после революционной волны 1917–1927 годов стало ясно, что возможности революционного преобразования восточных обществ были сильно преувеличены. Долгое время доминирующей темой в курдских исследованиях была борьба курдского народа за свои права, которые понимались прежде всего как право на создание независимого курдского государства. Многие аспекты ситуации в Курдистане и вокруг него изучались именно с точки зрения оценки перспектив создания независимой курдской государственности.

Еще несколько лет назад усомниться в значимости борьбы за национальное освобождение и скорейшее формирование курдского национального государства было практически невозможно. Но сегодня понятно, что потенциал национально-освободительной борьбы на этом направлении исчерпан. Причина в том, что героические усилия курдов оказались напрасными, ситуация зашла в тупик. Россиянам это понятно, как никому: мы на собственном опыте осознали, что распад огромной континентальной державы на независимые государства означает далеко не прогресс, а крупнейшую геополитическую катастрофу, последствия которой, даже если и были отложены, все равно скажутся на народах, объединенных когда-то в ее составе².

Это было далеко не очевидно в 1990-е годы и оспаривалось в России еще в начале 2000-х, хотя страна уже обрела горький опыт чеченских войн. Это стало очевидно многим на Ближнем Востоке, когда после распада Османской империи, о которой и сегодня можно услышать не так много добрых слов, прошло более ста лет. Особенно отрезвляющим для Ближнего Востока стало падение крепких, державшихся десятилетиями, националистических режимов в Ираке (2003), а затем и в Сирии (2024). Нельзя отрицать успехи Сирии и Ирака в отдельные периоды их постимперской истории, но они оказались временными, а, главное, обратимыми, поскольку те потрясения, через которые прошли эти страны, стали для их народов тяжелейшими испытаниями, из-за которых они не приняли предлагавшиеся им извне программы социально-политического развития. Оказалось, что западные по своей социокультурной сущности модели социально-политического развития, которые предлагали и капиталистический Запад, и социалистический Восток, не были способны обеспечить устойчивое развитие ближневосточных стран, поскольку навязывали им такую форму государственно-политического устройства, которая не позволяла этим странам адаптироваться к последствиям фундаментальных изменений в мире, сохраняя свои цивилизационные особенности.

² Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века. — РИА Новости, 13.06.2017. URL: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html>. Это была резкая смена установок, скорее всего, и акцент был сделан В. В. Путиным специально, поскольку в 1990-е годы подход к феномену распада СССР сильно отличался. Так, Е. Гайдар (1956–2009) писал: «И. Яковенко справедливо отмечает: “Распад имперского государства не был отрефлексирован, не был адекватно проработан общественным сознанием. В России не нашлось ответственной политической силы, которая отважилась бы заявить, что с точки зрения целей самосохранения и воспроизводства русского народа распад СССР явился самой крупной удачей за последние полвека”» [Гайдар, 2012, с. 20]. — В этом заявлении самое важное, что оно отражает позицию интеллектуалов, оторгнутую к тому времени (текст И. Яковенко опубликован в 2005 году, а книга Е. Гайдара — в 2006 году. — В.М.), слоя правящей элиты 1990-х годов, свидетельствует об их теоретическом отношении, не изменившемся даже постфактум, к тому, как они строили государство в Новой России. У этой группы реформаторов была неоправданная вера в свои силы и расчет на то, что экономический рост позволит быстро излечить «имперский синдром»: «...опыт Франции, которой утрата империи далась нелегко, показывает: потребовалось несколько лет динамичного экономического роста, чтобы опасная для страны истерика, чуть не взорвавшая демократический режим, превратилась в мягкую, романтическую ностальгию по утраченному величию. Но в эти годы за сохранение демократии надо было бороться. В истории бывают моменты, когда роль личности особенно велика» [Гайдар, 2012, с. 21].

Форма национального государства не соответствует структурам сообществ Ближнего Востока

Народы вступали в XX в. с убеждением, что «самостоятельные национальные государства» — это «форма государства, наиболее соответствующая современным условиям», а «пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) — это «государства, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым» (отсталым)» [Ленин, т. 25, с. 260–262]. Тому, чтобы эти представления приобрели силу предрассудка, предшествовал ошеломительный экономический успех первых капиталистических стран — Голландии, Британии и Франции, который связывали с победой в них буржуазных политических революций, устранивших традиционные сословные и религиозные связи, наличие которых в странах периферии рассматривали в качестве причины их отставания. Весь XIX в. пестрая в национальном отношении Османская империя считалась страной, отжившей свой век, подлежащей разделу на множество национальных государств. Европейские страны, мстя ей за страх, который она вызывала в них в предыдущие века, делали все, чтобы разрушить ее, но сделать это военным путем оказалось непростой задачей: Франция и Британия споткнулись уже в Египте, на самом лакомом куске Османской империи.

Первым реальным успехом, который воодушевил Европу, был отрыв от Османской империи небольшой части на юге Балканского п-ова, где было создано королевство Греция (1832)³. Он стал возможен только благодаря сложению разнонаправленных сил: с одной стороны, усилий западноевропейских держав, искавших возможности разрушить своего геополитического конкурента, а с другой — геополитически наивной России, движимой в основном желанием защитить православие и освободить славян от турецкого владычества, да еще получить свободу мореплавания в Черноморских проливах. Россия внесла свой вклад в освобождение будущей Греции, выиграв очередную войну у Османской империи (1828–1829), а западноевропейские державы главный упор сделали на разжигание национально-освободительной борьбы греков, которых они вдохновляли и материально поддерживали. Европейские державы объявили пестрое население южной части Балканского п-ова, состоявшее из греков, албанцев, славян, наследниками Древней Греции. Большая часть населения говорила на сильно искаженном греческом наречии («ромейка»), но не имела никакого представления о своих античных корнях и практически ничего не слышала о высокой греческой культуре. Европейцы убедили этих греков (население тогда составляло около 700 тыс. человек), что они заслуживают свободы от османов и в случае успешного восстания получают поддержку в создании национального греческого государства, и в конечном итоге подвигли их на восстание (1821–1829).

Греческая идентичность была сформирована усилиями западноевропейских философов, которые, начиная с эпохи Ренессанса, подчеркивали греко-римские корни западноевропейской цивилизации, представляя древнюю Грецию с ее агональной культурой⁴ прообразом индивидуалистической идентичности обществ буржуазной Европы. Западные культуртрегеры наделили население этого стратегически важного региона воображаемой национальной идентичностью, привнеся в страну через современную систему школьного образования греческую литературу, историю,

³ «Страна героев и богов// Расторгла рабские вериги// При пеньи пламенных стихов// Тиртея, Байрона и Риги.» — Пушкин А. С. Восстань, о Греция, восстань. URL: <https://www.culture.ru/poems/4886/vosstan-o-greciya-vosstan> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ «Агонистика (от греч. агон — соревнование, состязательность) понимается прежде всего как свойство эпической культуры... известный специалист в области античной философии и культуры А. И. Зайцев связывает с агонистикой культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э., положивший начало цивилизационному развитию Запада» [Драч, 2022, с. 18].

филологию⁵, а также оказывали ей мощную военно-политическую поддержку, позволившую агрессивно настроенному молодому королевству, стремившемуся через две тысячи лет «вернуться» в границы «Великой Греции», в три раза увеличить свою территорию в XIX веке⁶. Это была первая проба империалистической политики правительств Великобритании и Франции. Греция стала образцом создания национальных государств на отторгнутых от Османской империи территориях, которые та теряла в столкновениях с Россией, но которая так и не вышла за Дунай, а их основные геополитические плоды пожинали страны Европы, приобретая себе союзников и новые рынки. Греция расширила бы свою территорию еще больше, но потерпела поражение в греко-турецкой войне 1919–1922 годов, столкнувшись с турецкими националистами. Эта война стала прологом ближневосточных войн и внутренних межнациональных и межконфессиональных конфликтов, которые начались после разгрома Османской империи.

Мы сегодня без неуместной радости наблюдаем на территории бывшей Югославии завершающие фазы распада Османской империи⁷, где уже не Османская империя, а этнически и религиозно близкая нам Сербия пытается отстоять свои интересы, а албанцы настаивают на своих национальных интересах. Суть этого процесса в том, что европейские страны делают все, чтобы довести распад Османской империи до его логического конца — окончательного распада на десяток относительно небольших, монопациональных государств, у которых не останется другого выбора, как согласиться на любые условия их интеграции в новое европейское сообщество.

Это — Европа, а на Ближнем Востоке после распада Османской империи не удастся завершить процессы государственного строительства в Сирии, Ираке, Палестине. То, что мы наблюдаем там сегодня, — это агония ближневосточного постимперского пространства, которое никак не может найти государственно-политические формы, в которых страны, на которые оно было разделено, могли бы стабильно и устойчиво развиваться. Речь идет о формах как внутреннего (национального, государственного), так и регионального устройства. Множество неудачных попыток государственного строительства, предпринятых различными политическими силами, включая внешних акторов, в этих странах показывают, что им никак не удастся найти те государственно-политические

⁵ В XVII–XVIII веках в странах Западной Европы возникло движение «Греческое возрождение», участники которого, активисты-филоэллины, разработали программу привнесения национального самосознания в Грецию. Они выпестовали на Западе ядро греческой интеллигенции, ставившее перед собой задачу возродить греческую нацию в том виде, в каком ее видели западные философы. Концепция национальной идентичности основывалась на представлениях о сохраняющейся издревле греческой культуре. Исходя из идеологических установок, выработанных в рамках историко-географических представлений своего времени, западноевропейцы подготовили идейную почву, кадры революционеров и приступили к воссозданию греческой идентичности на юге Балканского п-ва. Причина этой политики заключалась в стремлении элит Британии и Франции к колониальной экспансии на Ближнем Востоке, в частности желанием получить позиции в стратегически важном из-за близости Черноморских проливов и Суэцкого перешейка регионе мира.

⁶ Отметим, что никто ничего подобного не сделал для курдов. Российская имперская школа востоковедения была организована совершенно иначе и преследовала иные цели. В советское время все народы Азии рассматривались в прагматической манере, близкой британской, но под углом использования их протеста против империалистических держав (колониальных империй), однако не за счет апелляции к архаике, а путем ее полного отрицания, как и варианта капиталистической ориентации.

⁷ Программа послевоенного урегулирования Вудро Вильсона предполагала, что «Всем народностям, находящимся ныне под турецкой властью, следует гарантировать безопасность жизни и предоставить возможность свободного, самостоятельного развития... права (народов. — В.М.), независимо от того, сильны они или слабы, жить наравне с другими народами в условиях свободы и безопасности. Ни один из элементов этой системы международной справедливости не будет долговечным, если в ее основе не будет лежать этот принцип» [Четырнадцать пунктов Вильсона. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1900–1945/chetirnadcat-punktov.php> (дата обращения: 07.06.2025)]. Проблема была в том, что идея В. Вильсона была понята, да и сам он понимал ее исключительно как независимость народов друг от друга, а о свободе и безопасности в рамках одного союзного или федеративного государства речь не шла. Даже сегодня нам трудно в полной мере оценить революционный, новаторский шаг В. И. Ленина, поставившего вопрос о России как федеративной республике, а затем было заявлено о Союзе республик, что было полным отказом от господствовавшей тогда в мире идеи национального государства.

формы, которые бы соответствовали социально-территориальной, культурно-цивилизационной организации их обществ, своеобразному культурному коду, доставшемуся по наследству от череды континентальных интегрированных империй, которые с разной степенью эффективности охватывали это пространство, периодически сменяя друг друга.

Основной причиной этих неудач, по мнению автора, явилась идеологическая установка на создание национальных государств по европейскому образцу. Даже панарабский проект Г. Насера был бы государством единой — арабской — нации, но препятствием к его реализации было то, что арабской нации на этот момент еще не было, на Ближнем Востоке существовала мусульманская умма, поскольку нация предполагает такой тип внутреннего единства, какого невозможно было достичь даже в этнически относительно гомогенном Египте, не говоря уже о Сирии, Ираке, Йемене, а тем более в масштабах всего арабского мира.

Ситуация в регионе стала меняться только после провала многочисленных попыток устранить по европейскому образцу межобщинные и межконфессиональные разделения на общегосударственном уровне, а также устранить внутри конфессиональных и этнических сообществ еще и родоплеменные или религиозные узы, определявшие солидарное поведение населения. На эти крайне затратные эксперименты ушло почти сто лет, наполненных взаимной враждой, принимавшей самые различные формы: протестов, восстаний, гражданских и межгосударственных войн, движущей силой которых было стремление к независимости или к бескомпромиссному отстаиванию того, что воспринималось как свои национальные интересы. Проблемы стран Ближнего Востока связаны с тем, что все получившие независимость страны и те народы, которые, как курды или армяне, претендовали на ее получение, видели свое будущее в виде суверенных национальных государств (государств-наций). Это, однако, привело к обострению противоречий и усилению межгосударственной конкуренции, а также к разрастанию внутри стран межэтнических и религиозных конфликтов. Конфликты, которые и так не прекращаются в регионе (например, арабо-израильский), приняли бы намного больший масштаб, не будь вмешательства великих держав, которые, опасаясь усиления позиций своих оппонентов, не допускали эскалации этих конфликтов. Кстати, после завершения холодной войны конфликты стали принимать хронический характер и становиться более масштабными и более кровопролитными. Горячие фазы арабо-израильских войн были скоротечными, а война в секторе Газа, начавшаяся 7 октября 2023 года, продолжается до сих пор (21 месяц). Это важно подчеркнуть, чтобы понять, что конфликтный потенциал Ближнего Востока сильно сдерживался великими державами. Это свидетельствует, что система национальных государств по типу той, что существовала в Европе до Второй мировой войны, где она сейчас также преодолевается, поскольку НАТО и Евросоюз — это формы интеграции Европы, не подходит для Ближнего Востока.

Не менее деструктивной является идея национальной независимости, если брать народы, населяющие ближневосточные страны, в том виде, как они были сформированы странами-победительницами в Первой мировой войне. Это при том, что народов, которые по численности обладают государствообразующим потенциалом, немного: арабские народы (египтяне, палестинцы, саудовцы и т. д.), турки, курды, евреи. Отношения этих народов, охваченных идеей создания национальных государств, отличаются повышенной конфликтностью. Так, курдско-арабское противостояние в Ираке прошло много разных фаз, включая те, которые можно квалифицировать как геноцид (Анфаль, 1987–1989 годы), и оно не прекращается уже 60–70 лет, а то и более, если вести отсчет с восстания шейха Махмуда Барзанджи (1924–1927), который попытался создать курдское королевство сразу после распада Османской империи, апеллируя и к Советской России, и к западным

странам. Более сорока лет длится курдско-турецкий конфликт, который имеет трансграничный характер и оказывает влияние на весь регион и даже на Европу.

Государство-федерация (государство-цивилизация) — выход из состояния государственно-политической неустроенности на Ближнем Востоке

Альтернативой национальному размежеванию является сохранение единства народов, населяющих ближневосточные страны, с признанием значимости их идентичности, это — перспективный путь строительства общего государства, на который в последнее время выходят страны Ближнего Востока, пока еще непоследовательно и путем проб и ошибок. Наибольший прогресс связан с Иракским Курдистаном, где основные курдские партии не были рьяными борцами за независимость курдов от Ирака, а скорее вынужденно обращались к этой теме — только для того, чтобы показать, что при жесткой националистической позиции арабов Ирака у курдов не останется другой альтернативы, кроме как добиваться независимости. По сути, именно позиция основных курдских партий — ДПК и ПСК — в наиболее сложный период истории страны после свержения режима С. Хусейна, когда реально была возможность заявить о своей независимости, способствовала сохранению единства Ирака и утверждению в стране демократических принципов построения и функционирования государственно-политической системы, хотя пока страна переживает этап становления демократии как демократии вооруженных этнических групп, причем это касается не только курдов, но и арабов. Это, безусловно, демократия переходного периода, но она имеет все возможности развиться в зрелую демократию. Это вариант развития, близкий к североамериканскому, где развитие политической системы общества, в отличие от Европы, пошло в начальный период истории США по модели федеративного (союзного) государства.

Совместному строительству государства в Ираке препятствовала позиция арабских националистов (преимущественно суннитов) из числа тех, кто по-прежнему стремился создать в Ираке именно арабское национальное государство по европейским рецептам, и отводил курдам роль зависимого меньшинства, от которого они при случае готовы избавиться тем или иным способом: ассимиляция, изгнание/вытеснение и в крайнем случае — геноцид. Иракские курды испытали на себе все эти виды воздействия при режиме С. Хусейна. Только активная проамериканская позиция курдских партий в годы подготовки США смены режима С. Хусейна позволила курдам защитить свои права на исторические территории в Ираке. Права курдской автономии были признаны мировым сообществом, хотя и за курдами не признали права на немедленное отделение и образование собственного национального государства. Но курды осознают, что появление независимого Курдистана привело бы к возникновению очередного конфликтного узла на Ближнем Востоке.

В Ираке отход курдских и арабских партий от установок на создание мононациональных государств начался в ходе совместной борьбы арабов (преимущественно шиитов) и курдов против тоталитарного режима С. Хусейна. В этот период начало складываться сотрудничество курдских и арабских партий, которые стали лучше понимать свои общие интересы, а также признавать друг в друге партнеров по строительству будущего государства в Ираке. С падением националистического режима в Ираке (2003) это изменение позиций курдских и арабских партий было зафиксировано в конституции Ирака, который стал федеративной республикой. Курдские партии стали лидерами в проведении курса на реинтеграцию своего региона в Ирак, хотя время от времени, наталкиваясь на бескомпромиссную националистическую позицию новых арабских партий, появившихся или набравших силу уже после падения режима С. Хусейна, они были вынуждены прибегать

к угрозам занять более жесткую позицию в вопросе национального самоопределения и даже поставить вопрос об отделении Курдистана.

Руководство Иракского Курдистана озабочено не отделением от Ирака, а тем, чтобы сохранить и защитить свою де-юре автономию, которой некоторые арабские и исламские партии, настроенные на арабский или исламский унитаризм, были готовы положить конец де-факто, если бы это позволили обстоятельства, как это случилось после 1970 года, когда автономный статус Курдского региона был впервые признан Багдадом на базе курдско-арабского соглашения (11 марта 1970 года), а затем в 1973 году отменен. За двадцать или даже за тридцать лет, поскольку считать нужно не с 2003 года, когда был свергнут С. Хусейн, а с 1991–1992 года, когда силой западных стран был обособлен Свободный Курдистан, курдам удалось получить свой национальный — курдский — регион, но парадоксальным образом это стало не началом распада Ирака, а оказалось фактором сохранения его целостности, потому что была создана правовая модель сохранения единства глубоко расколотого иракского общества, в котором водоразделы проходят не только между курдами, шиитами и суннитами, но и внутри каждой из этих крупных общин, делящихся на племена и племенные федерации, на сельские и городские религиозные и просто соседские, в том числе и городские, общины, претендующие на юрисдикцию на своих территориях. Сегодня есть признаки, что процесс революционных потрясений в Ираке закончился и эта богатейшая по своим ресурсам страна входит в фазу строительства государства, создания собственной экономики и обретения общегосударственной идентичности не вместо, а наряду с базовыми идентичностями, присущими этническим и конфессиональным группам, что не удалось прежним правительствам Ирака из-за их догматической позиции построения национального — исключительно арабского — государства. Ключом к этому успеху стала установка не на раздел территории когда-то османских вилайетов на моноэтнические или моноконфессиональные государства, а, наоборот, реинтеграция социально-территориальных общин (общностей) Ирака в федеративное образование путем признания того, что их наличие является неотъемлемой цивилизационной особенностью Ирака, политической нормальностью, отличающей страны Ближнего Востока от Европы.

Финальным аккордом кризиса в процессе становления нового Ирака стали бурные 2014–2021 годы, когда, с одной стороны, было покончено с радикальным традиционалистским исламом и его попытками воплотить в реальность воображаемую раннеисламскую государственность (по образцу исламских халифатов), а, с другой, сорвался последний курдский демарш с демонстративно организованным референдумом по вопросу о независимости Курдистана. Также важно, что Ирак собственными силами и при поддержке международного сообщества, и прежде всего США, восстановил свою политическую самостоятельность в отношении Ирана, сыгравшего огромную роль в восстановлении суверенитета Ирака после американской оккупации (2002–2011), и особенно в защите страны от ИГИЛ (запрещенной в РФ организации). Принципиально важно то, что решение иракских проблем было найдено на путях интеграции страны с сохранением внутренних различий.

Реинтеграционный разворот сирийских и турецких курдов

Сегодня мы видим, что геополитическая партия, в которой только начали использовать курдскую карту в 1958 году, когда Мустафа Барзани был направлен из СССР в Ирак, чтобы поддержать начавшуюся там демократическую революцию, уже практически завершена. В октябре 2024 года состоялись контакты лидера Партии националистического движения Девлета Бахчели

с Абдуллой Оджаланом⁸. 8 декабря 2024 год пал режим Б. Асада в Сирии, а 27 февраля 2025 года прозвучал призыв А. Оджалана прекратить сопротивление и распустить РПК: «Проведите конгресс партии и примите решение о добровольной интеграции с государством». В заявлении Конгресса РПК было сказано, что «борьба РПК разрушила *политику отрицания и уничтожения нашего народа* (курсив мой. — В.М.), вывела курдский вопрос на этап урегулирования посредством демократических и политических методов. В этом отношении РПК выполнила свою историческую миссию.»⁹ Это не только справедливый вывод — он указывает на изначальную причину, которая привела к вооруженному сопротивлению: курдам пришлось бороться за восстановление своей этнической субъектности, которую кемалисты отменили как на законодательном уровне, так и путем геноцида курдов при подавлении восстаний 1920-х — 1930-х годов в Дерсиме и других районах их компактного проживания.

10 марта 2025 года было подписано соглашение об интеграции курдов в состав Сирии¹⁰. Принципиально вопрос о том, кто победил, стоять не должен, потому что стороны пришли к соглашению, что необходимо восстановить единство страны с соблюдением прав всех ее общин. Решение проблем, связанных с осуществлявшейся ранее дискриминацией курдов, друзов и других этноконфессиональных сирийских общин, найдено не путем разделения Сирии на моноэтнические государства (это путь, по которому шла Франция в период управления Сирией на основании мандата Лиги наций), а путем установления в стране должного способа межэтнического общения, что идея нации-государства полностью отрицала.

Курдов нельзя упрекнуть в отсутствии храбрости, героизма, готовности пожертвовать своей жизни за свой народ, более того, можно быть уверенными, что эти качества потребуются курдскому народу и в будущем, поскольку оружие можно сложить только на определенных условиях, но, тем не менее, следует сделать вывод, что цели и задачи борьбы курдов и ее способы были надуманными, ложными, провоцирующими, поскольку политические лидеры народов бывшей Османской империи — греки, турки, армяне, курды, арабы — были заражены идеей не столько национального освобождения, сколько обособления, выгораживания «своей нации» или формирования воображаемой политической нации. В курдском случае это было бы крайне непростой задачей, учитывая многодиалектность курдского этноса и его многоплеменной состав. Неудивительно, что эти устремления лидеров разных народов вылились во взаимное ожесточение и привели, по сути, к многоплановой гражданской войне не только между турками и национальными меньшинствами (греками, армянами, курдами), но и внутри каждой из этноконфессиональных общин, а также соседних общин между собой (курды vs армяне).

Активности курдской интеллигенции способствовал феномен революционной волны, которая после Первой мировой войны охватила значительную часть Евразии [Розов, 2017, с. 5–19]. В ослабленном виде революционный подъем повторился и после Второй мировой войны, которая

⁸ В октябре 2024 года Д. Бахчели пригласил А. Оджалана выступить в парламенте с официальным призывом к роспуску РПК, что потенциально могло бы открыть путь к юридическому процессу, чтобы освободить А. Оджалана в соответствии с принципом «права на надежду».

⁹ «В начале 2025 года Анкара резко активизировала усилия на этом направлении. Формально Турция выдвинула ультиматум, заявив, что РПК должна сложить оружие или будет уничтожена. Параллельно с этим власти давали сигналы к тому, что готовы рассматривать политические варианты урегулирования. Минюст Турции разрешил депутатам официальной прокурдской Партии демократии и равенства народов несколько раз посетить Оджалана в тюрьме. В конце февраля Оджалан призвал все связанные с РПК формирования сложить оружие, прекратить конфликт с Анкарой, а саму партию — самораспуститься.» — Рабочая партия Курдистана объявила о самороспуске. — ТАСС, 12.05.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23915369/>.

¹⁰ «"Сирия должна оставаться единой. Между государством и всеми общинами должен существовать социальный договор для обеспечения социальной справедливости", — приводит слова аш-Шараа телеканал Suria. «Мы подходим к решению вопросов, используя институциональную и правовую логику. И мы стремимся добиться лучшего для сирийского народа. Надо, чтобы у нас присутствовало государственное мышление, а не мышление оппозиции", — добавил он.» — Аш-Шараа: в Сирии должен быть социальный договор между государством и общинами. ТАСС, 17.12.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22688797>.

на этот раз привела к падению колониальных империй европейских государств (Великобритании, Франции, Голландии и др.) и народно-освободительным (революционным) движениям во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки. В рамках последней революционные события произошли в Индии, Иране, Индонезии, Египте, Алжире. Они оказали влияние на курдов, чье освободительное движение было вызвано не только внутренними условиями, но и революционным подъемом в регионе и в мире. Так было после Первой мировой войны, когда курды в ряду других народов, прежде всего глядя на соседних армян (а сразу вспыхнула конкуренция и за конкретные территории, которая еще в 1918–1920-х годах привела к курдско-армянским столкновениям) попытались заявить и даже поспорить с соседями о своих правах. С ликвидацией халифата (1924) и султаната (1922) острота проблем только возросла¹¹. После Второй мировой войны в Иране курды попытались последовать за азербайджанцами, создав Мехабадскую республику (1946), но опять неудачно. Революционный запал сохранился в Ираке, где навязанная стране королевская династия не могла найти общий язык с автохтонной традиционной элитой, что привело к ее свержению в 1958 году и к началу цикла правления революционных режимов, который закончился только со свержением С. Хусейна в 2003 году силой внешних акторов. На этот раз иракские курды оказались более подготовленными за счет того, что, во-первых, не прервалась линия сопротивления, которая тянулась из послевоенной революционной волны: ее сохранили ДПК и ПСК, в значительной степени продолжившие линии, начатые в Мехабадской республике и в ходе Сентябрьского восстания в Иракском Курдистане (1961–1975), включая персональную и институциональную преемственность (семейства Барзани, Ахмед–Талабани); во-вторых, в Иракском Курдистане восстание 1991 года получило поддержку и смогло создать революционный плацдарм — Свободный Курдистан (1992–2003), который был использован в период 2003–2017 годов для укрепления позиции курдской автономной государственности в Ираке относительно арабской части страны. Этот потенциал позволил курдам после спада первой волны постсаддамовских революционных изменений в основном удерживать свои позиции в Ираке. Однако это произошло главным образом благодаря тому, что ДПК и ПСК проводили политику интеграции курдского этнорегиона в Ирак, отстаивая и расширяя права региона как автономной составляющей Ирака, тогда как попытка ДПК повысить ставки в ходе референдума о независимости в 2017 году и заявить о своей более сильной позиции с претензией на внутреннюю унитарность (президентское правление на основе общерегиональных выборов в условиях внутреннего кризиса в ПСК в связи со смертью Дж. Талабани) и одновременно на независимость от Ирака привела к потере части завоеванных регионом позиций. Это подавление, по сути, курдской революционной волны, растянувшейся на десятилетия благодаря подпитке революционной энергией от потрясений в Иране (1946, 1953, 1979) и в Ираке (1958, 1963, 1968, 1991, 2003), произошло в значительной мере из-за вмешательства традиционных региональных игроков (Ирана и Турции) при пассивности внерегиональных держав, которые до этого в своих интересах продвигали курдский вопрос, но, как оказалось, видели его только как часть общеиракского политического обновления.

Падение режима партии Баас в Сирии (2024) обнаружило, что в лагере оппозиции, который представлялся очень пестрым по своему составу, подспудно шли процессы осознания того, что основой развития Сирии может быть только инклюзивное политическое участие всех других сирийских

¹¹ Проблемы же начались практически сразу после отказа от ислама как государственной религии, которая связывала разрозненные общины в единое целое. Это привело к протестам, особенно серьезным в курдских регионах, но правительство безжалостно подавило курдские восстания шейха Саида (1925 г.), на горе Арарат (1930 г.) и в Дерсиме (1937–1938 гг.). Более того, власть во главе с Ататюрком предоставила чиновникам «широчайшие полномочия в вопросах подавления любых проявлений оппозиции режиму». И так оно действовало не только в чрезвычайных, но практически во всех сколько-либо спорных вопросах, связанных с реализуемой ею программой реформ [Шлыков, 2015, с. 37].

общин — суннитов, алавитов, курдов, друзов — в политических процессах для достижения прочной политической устойчивости, безопасности и экономической стабильности в стране. В результате чего лидеры оппозиции смогли занять более продвинутое положение, чем силы, стоявшие за режимом Б. Асада, в том числе и в отношении признания интересов социально-территориальных общностей. Это касается и курдской общности, которая за время гражданской войны в Сирии выработала весьма развитые политико-административные формы, создав Автономную администрацию Севера и Востока Сирии.

Изменения в Ираке и Сирии были частью процессов, которые привели к пересмотру позиции Рабочей партии Курдистана (РПК). Позиция партии была сформулирована в заявлении Абдуллы Оджалана, ее основателя и лидера, о прекращении вооруженной борьбы против турецкого государства и роспуске партии (2025). Это подвело итог сорокалетнему периоду руководимой ею повстанческой борьбы на территории Турции, в существенной степени затронувшей курдские районы Сирии, Ирака и Ирана. Аналогичные шаги уже ранее предпринимались А. Оджаланом в 2002 и 2013 годах, но примирения с турецким государством не произошло из-за неконструктивной позиции властей Турецкой Республики, которые были не готовы признать права курдов как этнической общности. Перспективы примирения и сейчас все еще под вопросом, но это не может опровергнуть тот факт, что повстанческое движение, поднятое РПК двадцать лет назад, исчерпало свои возможности и настала пора перейти к мирным формам защиты курдских интересов. Закончился период в сорок лет, период жизни двух поколений курдской молодежи, которые были втянуты в это движение: если брать курдских лидеров, то это — поколение Абдуллы Оджалана, 1949 г. рождения и поколение Музлума Абди, 1967 г. рождения. Курдскую молодежь воодушевляла вера в возможность добиться независимости Курдистана, тем более что тогда аналогичную цель ставили перед собой курдские партии в Ираке. Для них примером были палестинские боевики, которые сражались за возвращение своих территорий, оккупированных Израилем. Нынешний призыв к примирению — это не просто отказ турецких курдов от вооруженной борьбы, это принципиальная смена стратегии. Это — отказ от сепаратизма и переход к политике реинтеграции курдов в турецкое сообщество, архитектура которого за эти годы также существенно изменилась.

Является ли это поражением курдской освободительной волны или это другой феномен, а именно — возвращение к нормальному состоянию пространства Ближнего Востока, которому свойственно интегрированное, а не агональное состояние? Верно второе. Это свидетельствует, что начавшееся после распада Османской империи движение Ближневосточного региона в идеологически навязанном ему неверном направлении завершилось осознанием того, что в Турции, Сирии, Ираке, Палестине такая форма организации пространства стран невозможна. Это сделало неизбежным возвращение народов, тысячелетия существовавших рядом и в составе единых государственных образований, к прерванному диалогу. Он необходим, чтобы восстановить единство народов на принципах, которые были свойственны их материнской — «средне-ближневосточной» — цивилизации.

Континентальные интегрированные империи как форма организации Среднего и Ближнего Востока

Цивилизации в Азии существовали тысячелетиями, образуя макрорегиональные системы: дальневосточную, средне-ближневосточную и южноазиатскую. Обычно конкретно-исторические государственные образования в континентальной Азии принято называть империями, хотя понятие «империя» не передает смысла и сути этого объединения (сообщества), делая акцент на силовой составляющей государственного устройства, что не отражает особенностей их

государственно-политической организации. Вслед за Л. И. Рейснером было бы правильное называть их «межрегиональные системы социальной связи» [Рейснер, 1993, с. 2]. Безусловно, это существенное определение этого феномена, который каждый раз предстает в виде конкретных субъектов исторического процесса типа исламских халифатов или Османской империи. Периодически эти державы проходили через кризисы, которые иногда вели к их вхождению в турбулентное состояние, а то и приводили эти образования к распаду на части, но в конечном итоге все они завершались реинтеграцией. Последний раз распад средне-ближневосточной системы произошел в момент, когда она была в форме бицентричной османо-персидской системы, установившейся в конце XV — начале XVI вв. после изживания предшествующей многополюсной региональной системы, которая базировалась на Восточно-римской империи, с трудом сдерживавшей мощный среднеазиатский напор и одновременно уравнивавшей влияние исламских халифатов при значительном европейском влиянии, несмотря на уход основной массы крестоносцев из Палестины.

В любом случае, описывая этот макрорегион, необходимо говорить об истории целостного континентального (по масштабу) интегрированного образования (общности), которое, скорее, в силу ухудшения климатических или геополитических условий меняет формы своего существования, приспосабливаясь к изменениям. При этом его главная тенденция — сохранение этого пространства в интегрированном виде, поскольку распад на социально-политические структуры меньшего масштаба и сложности чреват социально-экономической деградацией, утратой уровня культурного развития и угрозой утраты традиционной идентичности. Это и произошло, когда Османская империя была развалена.

В результате такого рода усилий эта форма организации этой части мирового пространства была разрушена. Что стало возможно, когда внешними силами, к тому времени охватившими и поделившими весь мир, была преодолена защищавшая эту империю ее региональная замкнутость. Силы оказались слишком неравными. В какой-то период это казалось концом существования подобного типа обществ. Все были уверены, что ее части, как и части других азиатских империй, превратятся в более или менее стандартные моноэтнические государства, как в Европе. В момент распада Османской империи казалось, что новые страны превратятся в национальные государства. На Ближнем и Среднем Востоке курды, даже будучи включенными в имперские структуры, традиционно занимали лимитрофное положение, что с распадом империй и в условиях естественной для этого момента исторического развития слабости ее базовых — персидской, тюркской и арабской — основ, на которых формировались имперские структуры, позволило курдам поднять голову и несколько десятилетий играть непропорционально значительную роль, вообразить себя реальными наследниками Салах эд-Дина и даже заявить претензии на создание 40-миллионного Великого Курдистана, явно по аналогии с Великой Грецией, Великой Сирией [Pipes, 1990] и другими похожими политическими иллюзиями, которые породил распад империй после Первой и Второй мировых войн [Розов, 2017].

Тем более что крушение Османской империи произошло почти одновременно с падением и других континентальных империй Востока — российской, персидской, китайской, что казалось волной обновления, охватившей весь мир. После Второй мировой войны не устояли колониальные империи Великобритании, Франции и Голландии, пытавшихся удержать постимперские пространства в состоянии относительного порядка, но не справившиеся с этой слишком амбиционной задачей: чем больше было сопротивление колониальных метрополий, тем выше была революционная волна. Франция отстаивала свои неоимперские интересы сильнее, поэтому в ее колониях революционный подъем был выше, а протесты приняли более радикальный характер (Алжир, Ливия, Французский Индокитай). Великобритания предпочитала договариваться и начала передавать власть,

не дожидаясь кульминации протестов (отказ от мандата в Ираке, 1932), поэтому на подчиненных ей территориях переход к независимости происходил в более консервативных, часто в монархических формах. На ниспадающей траектории эти революционные события оказали влияние на формирование курдского революционно-освободительного движения.

Условия формирования в Европе модели национального государства

Обычно в число разрушенных после Первой мировой войны империй также включают Германскую и Австро-Венгерскую, но с точки зрения истории это были по своему генезису разные образования, и их появление, как и исчезновение, было чисто политическим, всего лишь моментом в жизни Европы, которая, несмотря на неоднократные попытки сплотить пространство континента в одних руках, так и не достигла уровня континентальной империи. Полное подчинение территории расселения германских племен оказалось не под силу крестоносной элите, которая не смогла ее полностью зачистить от автохтонных общин¹². Эти основы сказываются в социально-политическом и административном устройстве Германии, где до сих пор сохраняется развитая система местного самоуправления.

Что же касается западной, и особенно северо-западной Европы, включая Британию, то она, наоборот, пошла по пути окончательного обособления национальных государств (государств-наций) из так и не состоявшихся как целостные образования теократического государства римской католической церкви и Священной Римской империи, в том числе и в силу более мощного автохтонного населения в оказавшихся под их управлением территориальных ареалах. Именно в Западной Европе сложился субрегион государств-наций, который характеризовался не только особым способом общения, утвердившимся в этой части света, но особой внутренней структурой общества, в котором были устранены внутренние организационные составляющие, а отношения власти и подданных приняли прямой характер: «Непосредственной отправной точкой этого развития была в большей части случаев более или менее четко выраженная «абсолютная» монархия, в которой индивид считался «подданным» своего монарха [Парсонс, 1998, с. 36]. Это стало возможно, потому что внутренние отношения в этих европейских странах, созданных откатившимися с Ближнего Востока и Восточной Африки крестоносцами, утратили этническую определенность (которая связана с коллективной, т. е. солидарной защитой членами родоплеменных, соседских и религиозных общин своих прав), а стали сословно-классовыми, отношениями пришлой элиты и автохтонных низов общества. Они приобрели гражданский характер, поскольку в них совершенно по-новому были определены «пограничные отношения между социетальным сообществом и правительством или «государством». Критическим аспектом этих новых границ стало определение «прав» гражданина, защита которых превратилась в первейшую обязанность государства» [Парсонс, 1998, с. 36–37]. Это стало возможно, поскольку низы были лишены права на коллективную защиту, а их родовые и религиозные общности, обеспечивавшие ранее их солидарность, были поставлены вне закона. Изменение внутренней структуры европейских обществ, устранивших родоплеменные и религиозные узы, увенчалось формированием в европейских странах универсальной (общегосударственной) идентичности, превратив их население в граждан, а страны — в государства-нации.

¹² Специалисты обращают внимание, насколько много терминов, связанных с понятием община, сохранилось в немецком языке, в отличие от английского и русского: «Там, где мы располагаем только терминами «общность» и «община» (а в английском имеется только community), немецкий язык предлагает до десятка однокоренных слов — от Gemeinschaft до Vergemeinschaftung и от Gemeinde до Gemeinderschaft.» [Ионин, 2016, с. 26].

Отличие европейского мира от восточного осознавалось, но европейское устройство воспринималось и до сих пор воспринимается как пик (венце) развития, каким Европа¹³ и, конкретно, прусское государство, островок господства Тевтонского ордена, было отражено в философии Гегеля, который представлял развитие Европы как снятие цивилизационного качества Восточного мира и его буквального переноса на новую территорию как некоторой эстафеты, символизирувавшей возможность развития там новой общности, вырастающей в цивилизацию, превосходящую предыдущие. Европа стала переносом на Запад исторически наработанной культуры Древнего мира в снятой форме, проявившейся в ее высоком культурно-технологическом развитии, которую оторвали в качестве цивилизационного семени от ее восточного — материнского (родоплеменного) — основания. Это был выброс созданного в регионе, где греко-римская культура завершила формирование агонального культурного кода, специфической закваски, «предрасположенности»¹⁴ к определенному типу социально-политического развития, в новую географическую нишу — Европу, где в течение пяти-шести веков шло его вызревание и становление. Эта действительно «варяжская» (в смысле ее привнесения на захваченную территорию¹⁵) культура легла в основание строительства государств в средневековых странах Западной Европы, где она дала совершенно иной результат, чем развитие социально-территориальных общностей на органичных им и не изживаемых внутри них родоплеменных основаниях в странах Востока, погрузившихся в социально-экологический кризис, который страны БСВ преодолевали через ислам и трансформацию общества на базе кочевой родоплеменной культуры, сохранившейся в подавленном состоянии на периферии греко-римского Ближнего Востока. Так возникла противоположность Запада и Востока, которую Восток, не понимая природы существовавшего различия, попытался в XIX–XX вв. преодолеть в ходе модернизации, в основу которой легла попытка создания на Востоке государств-наций по европейскому образцу.

Причины различий в динамике развития макрорегионов не были поняты, а цивилизационная инерционность Востока стала рассматриваться как абсолютная потеря темпа и вообще способности к развитию: «“Глубокий сон” и “дряхлость” “недвижного” Востока стали самыми распространенными метафорами в Европе.»¹⁶ В этом контексте падения континентальных империй выглядели актами прогрессивного обновления мира, но пространство бывших империй там, где квазиимперские формы не были восстановлены, так и не обрело стабильности после волны революций начала XX в. Однако в базовых странах этой части Азиатского континента, которые, в отличие от Германской империи и Австро-Венгрии, не потерпели полного военного разгрома, революции завершились не распадом на республики или иные независимые образования, с чего они

¹³ «Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть, безусловно, конец всемирной истории, а Азия — ее начало» [Гегель, 1993, с. 147].

¹⁴ С. И. Лапшин разъясняет, что «объективная идея Гегеля есть генетический код развития живой природы»... Идея растения содержится в зерне, ... идея человека — в ребенке» [Лапшин, 1992, с. 71]. Продолжая этот ряд, можно добавить: идея Запад заключалась в греко-римской агональной культуре, культуре героев, культуре воинского слоя, образовывавших господствующий слой, уже в месте своего рождения и многовекового развития паразитировавший на илотовском и ином рабском (в любом случае не свободном и чуждом верхам общества) этническом основании, превращенном в эксплуатируемую социальную базу. «Пайдейя» (В. Йегер), в которой выражалась микенская идентичность, была механизмом сохранения особой организации бытия господствующего слоя, способом его воспроизводства, она «никогда не теряла своей основной цели сохранения и защиты государства и не выходила за пределы городских стен, не распространялась на рабов, метеков и иностранцев» [Драч, 2022, с. 22].

¹⁵ «Агонистика, а вернее, достижение в ее результате успеха и победы превращается в единственную непосредственно значимую цель и священнодействие, становится доминирующим типом поведения, который и лег в основание европейской культуры... Цивилизация Запада (стоит поправить: не сама цивилизация, а ее идея, исходный культурный код. — В.М.) представляет собой продукт и результат сформировавшейся в античном мире системы ценностей и соответствующего ей образа жизни» [Драч, 2022, с. 20].

¹⁶ Иванов Н. А. Упадок Востока и переход мировой гегемонии к странам Западной Европы // Восток. 1994. № 4. URL: <https://vostlit.info/common/Stat/Ivanov/text.phtml?id=111> (дата обращения: 31.05.2025).

начинались или что пытались навязать им Великобритания и Франция (Севрский договор, 1920), а восстановлением, хотя и с претензией на качественно новую, современную форму государственного устройства, по сути прежних образований, сохранивших в своем составе множество этнокультурных общностей. Так произошло в Турции, России, Китае, где процессы имели свою модернистскую специфику и даже были представлены как коренное, революционное обновление. В силу остроты развернувшейся политической борьбы восстановленная форма политической организации обществ отличалась существенными отклонениями от прежнего способа общения, который до этого столетиями поддерживал их относительную стабильность (безусловно, не без периодических кризисов). Влияние европейского примера было настолько сильно, что даже в тех случаях, как, например, в России, где было невозможно преодолеть многонациональный состав, население представлялось как новая — универсальная, лишенная этнической определенности — общность людей. Этническая и религиозная идентичность населения не была утрачена в глубине народа и в итоге нашла выход в распаде советских государственных форм. Но сейчас мир склоняется к тому, чтобы признать государство-цивилизацию, имеющее многонациональный состав, новым пиком государственного развития [Наумкин, 2020; Лукин, 2023].

Заключение

В восточных странах, ставших на путь модернизации, причину внутренней нестабильности видели в застойности и отсталости своих стран, препятствующих их переходу на новый уровень развития, на котором основной формой государственно-политического устройства было государство-нация, желательно моноэтническое. Почти весь XX в. эта европейская просветительская идея воспринималась в мире и особенно интеллигенцией отставших от Европы стран, учившейся у европейцев, как непреложная догма, поскольку вся мощь западного Просвещения, а еще более военная мощь Европы убеждала, что государство-нация — это пик, венец социально-политического развития. Революции рассматривались как наиболее эффективный путь перехода к этому состоянию. Это подтверждал «пример» общественных преобразований в Европе, которая в XIX в. прошла через период буржуазных революций, завершившихся появлением национальных государств в ряде стран Европы. Период революционного обновления в Европе получил название «Весны народов». Это была серия взаимно провоцирующих и взаимно подпитывающих друг друга социальных и национально-освободительных восстаний, а также связанных с ними политических кризисов в Западной и Центральной Европе в 1848–1849 годах. На основе этого опыта сформировались теоретические представления о том, что переход к новому строю, так же как и национальное освобождение, будет носить революционный характер, и о том, что такого рода революции в различных странах будут взаимосвязанными, будут проходить более или менее одновременно, т. е. станут своеобразной «волной революций». Путь создания национальных государств рассматривался всеми революционерами в азиатских империях как наиболее быстрый и эффективный способ преобразования своих стран не только на буржуазной, но и на социалистической основе. Эти представления сформировали уверенность интеллигенции в еще остававшихся азиатских континентальных империях, что путь к национальному освобождению идет через революцию и, главное, что это зависит в основном от субъективных факторов — политической и организационной активности, потому что в революционной волне (для социалистов начало которой положила революция в России) даже сравнительно отсталые страны могут получить помощь от более развитых и более подготовленных к новому уровню развития стран.

Национально-освободительные движения рассматривались как средство разрушения интегрированных континентальных империй, именно водоразделы между этническими и конфессиональными группами были той ахиллесовой пятой, которая оставляла надежду на их разгром: пропаганда идей национального освобождения, разжигание национальной ревности и зависти были действенными методами подрыва континентальных империй, которые были успешно опробованы западноевропейской элитой на той же самой Османской империи, когда от нее оторвали юг Балканского полуострова, создав практически с нуля новую воображаемую нацию — греков, прекратившую свое историческое существование за две тысячи лет до этого.

Проблемы строительства государств в странах Ближнего Востока связаны с тем, что все получившие независимость страны и те народы, которые, как курды или армяне, претендовали на ее получение, видели свое будущее исключительно в виде суверенных национальных государств (государств-наций). Это, однако, привело к обострению противоречий и усилению межгосударственной конкуренции, а также к разрастанию внутри стран межэтнических и религиозных конфликтов, которые вели к катастрофическим срывам социально-политического развития этих стран. Выход наметился в создании государств-федераций, в которых общегосударственная идентичность существует наряду с идентичностью всех этноконфессиональных общностей.

Литература / Reference

Гайдар Е. Т. *Гибель Империи*. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 4. М., 2012. С. 11–424 [Gaidar E. T. *The Death of an Empire*. — Collected Works in Fifteen Volumes. Vol. 4. М., 2012. Pp. 11–424 (in Russian)].

Гегель Г. В. Ф. *Лекции по философии истории*. М., 1993. С. 480 [Hegel G. V. F. *Lectures on the Philosophy of History*. М., 1993. P. 480 (in Russian)].

Драч Г. В. Агональность — определяющий фактор цивилизационного развития Запада. *Научная мысль Кавказа*. 2022. № 1. С. 17–26 [Drach G. V. Agonality — a Determining Factor in the Civilizational Development of the West. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2022. No. 1. Pp. 17–26 (in Russian)].

Ионин Л. Г. Вступительная статья редактора русского издания / Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии, в 4 т. Т. I. Социология. М., 2016. С. 445 [Ionin L. G. *Introductory article by the editor of the Russian edition / Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology*, in 4 volumes. Т. I. Sociology. М., 2016. P. 445 (in Russian)].

Лапшин С. И. «Восточный мир» в системе Гегеля. — Ориентация — поиск. Восток в теориях и гипотезах. М., 1992. С. 69–90 [Lapshin S. I. “*The Eastern World*” in *Hegel’s System*. — Orientation — Search. The East in Theories and Hypotheses. М., 1992. P. 69–90 (in Russian)].

Ленин В. И. *О праве наций на самоопределение*. Изд. 5, т. 25. С. 255–320 [Lenin V. I. *On the Right of Nations to Self-Determination*. Ed. 5, Vol. 25. Pp. 255–320 (in Russian)].

Парсонс Т. *Система современных обществ*. М., 1998. С. 270 [Parsons T. *The System of Modern Societies*. М., 1998. P. 270 (in Russian)].

Лукин А. В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе. *Российское китаеведение*. 2023. № 1. С. 71–99 [Lukin A. V. The Concepts of “Sinicization of Marxism”, “New Form of Human Civilization” and “State-Civilization” in Modern Chinese Ideological Discourse. *Russian Sinology*. 2023. No. 1. Pp. 71–99 (in Russian)].

Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 78–93. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06> [Naumkin V. V. *The Non-West Model: Does a State-Civilization Exist?* *Polis. Political Studies*. 2020. No. 4. Pp. 78–93. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06> (in Russian)].

Рейснер Л. И. *Разделение труда и способ общения в докапиталистических цивилизациях* / Рейснер Л. И. Цивилизация и способ общения. М., 1993. С. 14–29 [Reisner L. I. *Division of labor and the mode of communication in pre-capitalist civilizations* / Reisner L. I. Civilization and the mode of communication. Moscow, 1993. Pp. 14–29 (in Russian)].

Розов Н. С. Полемогенная волна революций 1917–1927 гг. как историческая лаборатория. *Сравнительная политика*. 2017. № 4. С. 5–19 [Rozov N. S. *Polemogenic wave of revolutions of 1917–1927 as a historical laboratory. Comparative politics*. 2017. No. 4. Pp. 5–19 (in Russian)].

Шлыков П. М. Историческая динамика социальных протестов в Турции. *Вестник Московского университета*. Серия 13: Востоковедение. 2015. № 4. С. 34–55 [Shlykov P. M. Historical dynamics of social protests in Turkey. *Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies*. 2015. No. 4. Pp. 34–55 (in Russian)].

Pipes Daniel. *Greater Syria: the History of an Ambition*. New York: Oxford University Press, 1990. 240 p.

Электронные ресурсы / Electronic resources

Аш-Шараа: в Сирии должен быть социальный договор между государством и общинами. ТАСС, 17.12.20244. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22688797> (дата обращения: 20.05.2025).

Иванов Н. А. Упадок Востока и переход мировой гегемонии к странам Западной Европы. Восток. 1994. № 4. URL: <https://vostlit.info/common/Stat/Ivanov/text.phtml?id=111> (дата обращения: 31.05.2025).

Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века. РИА Новости, 13.06.2017. URL: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html>. (дата обращения: 20.05.2025).

Пушкин А. С. Восстань, о Греция, восстань. URL: <https://www.culture.ru/poems/4886/vosstan-o-greciya-vosstan>. (дата обращения: 15.05.2025).

Рабочая партия Курдистана объявила о самороспуске. ТАСС, 12.05.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23915369> (дата обращения: 25.05.2025).

Четырнадцать пунктов Вильсона. URL: <http://www.grincevskiy.ru/1900–1945/chetirnadcat-punktov.php> (дата обращения: 07.06.2025).

КОРОЛЕВСТВО КУРДИСТАН (1919, 1922–1924 гг.) КАК ПОВСТАНЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРИОД БРИТАНСКОГО МАНДАТА

© 2025

К. В. Вертяев¹

Статья посвящена анализу возникновения и кратковременного существования королевства Курдистан под руководством шейха Махмуда Барзанджи в период британской оккупации Южного Курдистана и мандата над Ираком, имевшего признаки повстанческого государства, возникшего после Первой мировой войны. В статье кратко анализируется феномен курдского повстанчества и дается анализ исторического контекста и британской политики в отношении курдов, подавления повстанческих движений, включая использование т.н. «Small War Doctrine» в колониальной политике — стратегии, разработанной британской армией в XIX — начале XX века для подавления восстаний и партизанских движений в колониях.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, Королевство Курдистан, Махмуд Барзанджи, повстанческое государство, федерализм, гибридный суверенитет, оккупация, мандат, британская политика

Для цитирования: Вертяев К. В. Королевство Курдистан (1919, 1922–1924 гг.) как повстанческое государство в период британского мандата. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 159–168. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-159-168

KINGDOM OF KURDISTAN (1919, 1922–1924) AS AN INSURGENT STATE DURING THE BRITISH MANDATE

Kirill V. Vertiaev

This article analyses the emergence and short-term existence of the Kingdom of Kurdistan under Sheikh Mahmud Barzanji during the British occupation and mandate, which had the characteristics of a rebel state that emerged after World War I. The article briefly analyses the phenomenon of Kurdish insurgency and provides an analysis of the historical context and British policy towards the Kurds, including the use of the so-called “Small War Doctrine” in colonial policy - a strategy developed by the British army in the 19th and early 20th centuries to suppress uprisings and guerrilla movements in the colonies.

Keywords: Iraqi Kurdistan, Kingdom of Kurdistan, Mahmoud Barzanji, insurgent state, federalism, hybrid sovereignty, occupation, mandate, British policy

For citation: Vertiaev K. V. Kingdom of Kurdistan (1919, 1922–1924) as an Insurgent State During the British Mandate. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 159–168. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-159-168

¹ Вертяев Кирилл Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitez@mail.ru

Kirill V. Vertiaev, PhD (Political Studies), senior researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; kitez@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3533-3684

Как известно, курдский вопрос — это комплекс проблем, связанных с борьбой курдского народа за самоопределение, культурные и политические права в странах, где они проживают: Турции, Ираке, Сирии и Иране. Борьба за самоопределение курдов нередко принимала форму попыток создания повстанческих государств, которые жестоко подавлялись. Таким было, например, Королевство Курдистан под руководством Махмуда Барзанджи в Сулеймании начала двадцатых годов прошлого века — тогда британцы даже использовали отравляющие газы против восставших курдов. Можно вспомнить Араратскую республику начала тридцатых или восставший против репрессивной турецкой политики курдский Дерсим в 1937 г. Сюда же можно отнести и повстанческое движение Мустафы Барзани в Ираке. Безусловно, в этой череде курдских повстанцев выделяется созданная в 1978 году Абдуллой Оджалом Партия Рабочих Курдистана (ПРК).

Сразу после окончания Первой мировой войны в 1918 г. Месопотамия и Южный Курдистан неоднократно становились свидетелями восстаний против британского правления. Британцы жестоко подавляли эти восстания, используя военную силу в период 1919–1924 гг, а также авиацию, бомбы и газы.

Как утверждали британские донесения, в послевоенной ситуации курды были «политически некомпетентны в своей реакции на сложившиеся условия»². Плохие коммуникации, расхождение курдского сообщества, соперничество и враждебный характер межплеменных связей сделали невозможным представление единой курдской политической позиции в период послевоенного самоопределения наций и народов. Как следует из британских архивных источников, в целом большинство курдских ага (землевладельцев) и шейхов после распада Османской империи были бы рады поддержать британские планы, поскольку они включали управление через традиционную систему патронажа, но подчинение арабскому правлению было для многих курдов категорически неприемлемо.

Легитимация Ирака — в противовес навязанному под видом мандатного режима британскому протекторату, который институционально подразумевал установление в Месопотамии монархического шарафитского режима (1921–1958 гг.), присутствует с момента всеиракского восстания 1920 года, жестоко подавленного Британией, в рамках которого такое повстанческое государство, как Королевство Курдистан под руководством шейха Махмуда Барзанджи, заслуживает отдельного анализа, тем более что оно оказало прямое воздействие не только на становление и подъем курдского национализма, но и на приведение в действие маховика процессов, в результате приведших к возникновению здесь автономного Региона Курдистан в составе Ирака, претендующего на полную независимость. Библиографическим базисом для такого изучения обладают в основном британский архивный массив по линии британских министерств (Форин Офиса, Министерства по делам Индии, Военного министерства), а также мемуарная литература.

Для целей данной статьи мы определяем повстанцев как территориально базирующиеся группы с собственными политическими и военными силами (силами самообороны), которые организованы и политически ориентированы на свержение любого правительства (оккупационного или местного), которое не соответствует их идеалам или являлось нелегитимным с целью утверждения и легитимации собственной власти на контролируемой ими территории. Повстанчество также нередко понимается как «обращение коренных народов в противодействие оккупации или угнетению» [I. Bekket, 2006]. К сожалению, в отечественной литературе феномен повстанчества и его

² Copy of a confidential memo № S.C/155/4 dated 17th July 1920, from the Political Officer. Источник: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100136722016.0x00001d (дата обращения: 18.06.2025).

актуализации в форме де-факто государств изучено довольно поверхностно, что связано с прева-лировавшим еще в советское время императивом национально-освободительных движений наро-дов Азии и Африки, нередко принимавших формы повстанческих государств (ПГ) [К. V. Vertiaev, 2024, с. 196–204].

Для подавления повстанческих движений Великобританией использовалась т. н. «Small War Doctrine» в колониальной политике. «Доктрина малых войн» — это стратегия, разработан-ная британской армией в XIX — начале XX века для подавления восстаний и партизанских движе-ний в колониях. Она была изложена в работе «Small Wars: Their Principles and Practice» [Callwell, 1896] — «библии» британской колониальной стратегии. Эта практика сочетала ограниченное военное вмешательство, психологическое давление и контроль над местным населением, чтобы минимизировать потери и затраты при сохранении имперского господства, то есть использова-ние «научного» насилия. Британцы применяли избирательные репрессии: карательные экспеди-ции, разрушение деревень, взятие заложников. Королевские ВВС (RAF) использовали самолеты для разведки, морального террора (бомбежки деревень без предупреждения), химических атак (иприт против курдов в 1920-х), продовольственные блокады, тактику выжженной земли (как во время Англо-Бурской войны 1899–1902 гг.). Происходило оправдание жестокости как «вос-становления порядка» или «борьбы с варварством». [Hart, 1932].

Примерами применения такой доктрины могут служить Ирак (1920–1924) — подавле-ние восстания с помощью авиации, газа и карательных операций; Афганистан (1919–1921), бом-бардировки пуштунских племен, Малайя (1940–1950-е) — поздняя адаптация доктрины против коммунистических партизан. Британские историки (такие как Чарльз Тауншенд) отмечают, что доктрина вела к циклам насилия: жесткие меры лишь провоцировали новые восстания. Эта док-трина — ключ к пониманию, почему Британская империя могла удерживать колонии малыми силами, но ценой систематизированной и избирательной жестокости [Townshend, 2010]. Осо-бую чувствительность для британской колониальной политики в Ираке вызывали так называе-мые «акты возмездия» (в международном праве — reprisals), когда в ответ на убийства англий-ских офицеров Великобритания предпринимала действия карающего свойства, как-то бомбар-дировки королевскими ВВС непокорных племен, использование отравляющих газов как против арабов, так и курдов³. Именно в Ираке Британия осознала эффективность использования ВВС для бомбардировки повстанцев.

Попытка проанализировать курдское национальное движение с точки зрения подходов, характерных для повстанческого государства (ПГ), выглядит оправданной сразу после окончания Первой мировой войны на фоне явного кризиса и определенной несостоятельности утверждав-шейся тогда новой Версальской (пост-Вестфальской) международной правовой системы, в кото-рой не учитывались права курдов на самоопределение, несмотря на то, что принцип права наций на самоопределение был для этой системы основополагающим.

Формально война закончилась 11 ноября 1918 года, она оставила после себя несколько зон непрекращающегося послевоенного насилия, поскольку распад империй — от Балкан до Кав-каза и Ближнего Востока — создал пространства без порядка или определенной государствен-ной власти.

Прекращению насилия нередко способствовало медиаторство шейхов, которые таким образом обретали политическую власть здесь еще с середины XIX века. Шейх Махмуд Бар-занджи — яркий пример одного из них. Ниже мы увидим, что после Первой мировой войны

³ URL: <https://www.naval-military-press.com/product/insurrection-in-mesopotamia-1920/> (дата обращения: 12.06.2025).

Королевство Курдистан имело признаки повстанческого государства с 1919 года, а главным антагонистом Махмуда Барзанджи стала британская оккупационная власть.

Шейх Махмуд Барзанджи, на которого британцы возложили в 1918 г. обязанности быть их представителем в Курдистане, происходил из знатного рода. Как пишет доктор Рафик Хильми, находившийся рядом с шейхом Махмудом в тот беспокойный период, «шейх Махмуд — сын шейха Саида, внука покойного шейха Кака Ахмеда. История этой семьи начинается во времена правления Бебе (династии Бабан), почти сто пятьдесят лет назад (начало XIX века. — К.В.). Шейх Кака Ахмед (мир ему) был сыном шейха Марифа из Нода. Последний был самым старшим проповедником тариката кадири, он был известен как праведник и большой почитатель Всевышнего. По этой причине народ Курдистана смотрел на него с большим уважением, обожанием и почтением, настолько, что многие люди в сельском Курдистане и последователи племен пели ему хвалу, говорили о его великой чести и мудрости и клялись его именем. Святилище Кака Ахмеда находится в Сулеймании и посещается регулярно, а также во время религиозных и особых праздников большинством людей из города и из далеких городов и деревень. Святилище стало известным местом паломничества для большинства курдов в Южном Курдистане. Это почтение сделало потомков семьи одинаково уважаемыми и почитаемыми и привело к их славе и богатству. Поэтому они пользуются таким же уважением, как и сам шейх Ахмед» [R. Hilmi, 2017].

Это обожание и почтение перешло к его сыновьям и внукам, в частности, к шейху Мустафе Накибу и шейху Саиду, отцу шейха Махмуда. В свое время шейх Махмуд вместе со своим отцом посетил Константинополь, где был представлен султану Абдулхамиду. После визита между султаном и шейхом Саидом, отцом Махмуда, была установлена прямая телеграфная связь для оперативного решения различных вопросов. Несмотря на это, шейх Махмуд унаследовал огромное влияние своего отца в Сулеймании, а также его активную оппозицию османским властям.

Еще во время военных действий стран Антанты против Османской империи в 1917 г. шейх Махмуд Барзанджи установил контакты с британскими военными. Несмотря на данные османскому правительству формальные обязательства, шейх вновь предложил свою помощь британским войскам, когда они приблизились к полному контролю над вилайетом Мосул в октябре 1918 года. Менее чем через неделю после взятия Киркука гражданский комиссар в Багдаде Арнольд Вильсон уполномочил другого политического офицера — майора Ноэля назначить шейха Махмуда представителем британских властей в Сулеймании.

Однако позже местное курдское повстанческое движение явилось естественным ответом на британские экспансионистские действия, причем не только со стороны шейха Махмуда. В рамках британской политики по сбору информации о спорном регионе, где будет создано армянское или курдское государство, британский офицер Уильям Эйнджер подготовил довольно интересный отчет о районе Вана и границе с Ираном. В его отчете от 1 марта 1919 года были перечислены все лидеры, списки имен и силы курдов в регионе Урмия. Как можно понять из отчета, количество их оружия увеличилось после Первой мировой войны, однако можно заметить, что их силы на самом деле значительно сократились. При этом «в отчете нет никакой информации о том, кто предоставил это оружие курдским племенам» [PRO, AIR 20/512]. У. Э. Вигрэм заявил, что «курдское видение независимости было в единстве курдов, хотя это и кажется так, но они не смогли удержаться от выражения того, что это единство не охватывает всех курдов» [PRO, AIR 20/512]. По словам Вигрэма, если это единство расширится таким образом, что охватит весь курдский народ, это будет первый случай в истории курдского движения. Опять же, если бы курдских вождей племен оставили в покое под надзором британских консультантов и если бы их набеги на окружающие регионы были предотвращены, то такое освободительное движение, по мнению

Вигрэма, могло бы произойти само по себе. Этот военный считал, что уважение курдов к Великобритании и другим странам связано с тем, насколько эти страны сильны, и полагал, что Британия может использовать это уважение, чтобы реализовать свои планы в отношении региона» [PRO, AIR 20/512].

У шейха было совершенно иное понимание будущего государственного устройства. Он не предполагал, что его власть будет ограничена территориально, и не считал, что власть исходит от британцев. Напротив, по его мнению, его признали из-за его морального авторитета над курдами, и в это определение он включил всех курдов вилайета. Власть Махмуда Барзанджи основывалась на высокоперсонифицированной форме правления на основе принципов, которые пронизывали общество, особенно в религиозных и племенных слоях курдов.

Среди британских офицеров, в первую очередь со стороны Вильсона, стала возникать оппозиция консолидации власти в руках шейха Махмуда. Понимая опасность предоставления шейху слишком большой власти и более широких полномочий, чем он уже имел, британцы провели в марте 1919 года совещание и решили ограничить его влияние. В качестве первой меры вместо Ноэля британцы назначили майора Соуна. Этот бывший сотрудник Иранской нефтяной компании и непревзойденный эксперт по южному Курдистану, как известно, ненавидел семью Барзанджи, особенно шейха Махмуда, вплоть до того, что называл его сторонников «негодьями и убийцами», и не чувствовал необходимости скрывать эту ненависть в 1919 году [Records of the Kurds, 2016, vol. 5].

В то время как прокурдски настроенный майор Ноэль был направлен с миссией в северный Курдистан, Соун был назначен вместо него политическим представителем в Сулеймании и сразу заменил курдов в местной администрации на индийцев, британцев и арабов.

Одной из причин утери доверия среди курдов являлось и то, что для целей строительства дорог и мостов в регионе Сулеймании Соун нанял большое количество курдов, арабов и иранцев под контролем курда-фаили по имени Азиз Хан, поставив его начальником над ними. Азиз Хан, по воспоминаниям Хильми, был «тщеславным, вспыльчивым, неграмотным человеком, стал настолько могущественным, что после Соуна он считался главным» [Hilmi, 2017]. Среди руководителей, поставленных над курдами, были те, кто едва мог написать свои собственные имена. Они были заняты строительством дорог, тратя при этом большие деньги. Однако большая часть этих денег, которые в больших количествах выходили из государственной казны, находилась в распоряжении Азиза Хана через его агентов и оттуда выше, и, как ходили слухи среди курдов, деньги в конечном итоге возвращались в карман Соуна, единственного реального губернатора региона Сулеймании. [Hilmi, 2017].

Поэтапная политика Вильсона по подрыву курдского реального самоуправления не оставила Махмуда и националистическому окружению вокруг него иного выбора, кроме как восстать против британских властей в Багдаде, обвинив их не только в отказе от своих предыдущих обещаний, но и в разрушении того, чего курды достигли к настоящему моменту. Это восстание было спонтанной реакцией на новую политику прямого правления Вильсона и не имело ничего общего с антибританской деятельностью младотурецкого движения.

Восстание началось 22 мая 1919 года с ареста всех британских политических и военных чиновников в Сулеймании. Оно получило поддержку от некоторых курдов из Восточного Курдистана, которые совместно захватили регион Халабджа, включая сам город. Несмотря на очевидную надежду Махмуда на переговоры и отсутствие кровопролития к этому моменту, Вильсон дал военный отпор повстанцам, надеясь «положить конец, раз и навсегда, автономному курдскому образованию» [Eskender, 2012].

Целью шейха Махмуда было создание независимого королевства Курдистан, фактически просуществовавшего как типичное повстанческое государство (с перерывами с 1919 по 1924 г.) и ограниченного территорией, охваченной восстанием лояльных ему сторонников. Пропагандируемая им идея «свободного объединенного Курдистана» предполагала, что шейх Махмуд будет националистом, и это так: он не только верил в курдское политическое образование под своей собственной властью, но и справедливо полагал, что представляемое им самоопределение курдов было фактически тем, что обещали союзники. «Привязанным, как талисман, к его руке» был Коран, на форзацах которого были написаны на курдском языке тексты двенадцатого пункта Вудро Вильсона и англо-французской декларации от 7 ноября» [Wilson, 1931, p. 56]. Он был сайидом, шейхом, и язык, который понимали его избиратели, был языком ислама. В 1919 году он призывал к джихаду, а не к национально-освободительной борьбе. [McDowall, 2020]. Более того, его стиль заключался в использовании родственных и племенных связей, а его целью было установление личного феодального владения. В донесении мы читаем: «Печально известная алчность и кумовство шейха Барзинджи была явным сдерживающим фактором для многих местных курдов, поэтому именно племенные союзники из Ирана, хаврами (хаврамари) под руководством хана Махмуда Дизли и мариви (мариван) под руководством Махмуда Хана, спровоцировали восстание» [FO 371/4191]. Однако этот посыл из донесения опровергается последующими фактами: именно племя мериван из Персии поддержало восстание шейха племенными вооруженными силами. Британцы не учитывали, что в этот момент в состоянии восстания пребывали практически все курдские регионы: крупнейшим было восстание Исмаила Симко в Иранском Курдистане, также нацеленное на создание независимого Курдского государства.

Таким образом, в апреле 1919 г. шейх Махмуд внезапно привел группу сторонников из-за иранской границы — 300 человек из племен хавраман и мериван, заключил британских офицеров в тюрьму в Сулеймании, перерезал все коммуникации и провозгласил независимость Королевства Курдистан. Поскольку телеграфное сообщение между Сулейманией и Киркуком было прервано, новости о взятии города достигли Багдада через два дня через Халлабджу и Ханакин. Как пишет Хильми, Вильсон лично вылетел в Сулейманию и кружил на самолете, сбрасывая листовки. В них он призывал Махмуда отправиться в Багдад на встречу. Шейх Махмуд выдвинул некоторые условия для поездки в Багдад и передал свое сообщение через отпущенных британских офицеров [Hilmi, 2017, p. 93].

Лондон в переписке форин-офиса подчеркнул необходимость срочного подавления восстания, поскольку выжидательная позиция племен превратится в движение, и если Британия немедленно не подавит шейха Махмуда, то вспышка будет повторена курдами Ирана и Мосула, а также Месопотамии; что крайне важно сохранить Сулейманию под эффективным контролем, учитывая ее особое положение по отношению к Багдаду, Мосульским вилайетам и Персидскому Курдистану [Records of the Kurds, 2016, vol. 5, p. 431]. При этом британцы понимали, что отступление из Сулеймании будет означать потерю ими лица.

Британские архивы свидетельствуют: «на помощь шейху Махмуду пришло племя авромани, жившее примерно в 40 милях к юго-востоку от Сулеймании за персидской границей, они послали около 100 пеших и 50 всадников под командованием Махмуд-хана Дизли; племя хамаванд послало подразделение под руководством Карима Фаттаха» [Records of the Kurds, 2016, vol. 5, p. 432].

23 мая воздушная разведка британцев сообщила, что Сулеймания полна вооруженных людей, численность которых оценивается в 1500 пехотинцев и 500 конников. На следующий день небольшой отряд был отправлен для разведки дороги от Киркука до перевала Ташлуджа, примерно

в 14 милях от Сулеймании; он подвергся нападению курдов и был вынужден отступить в Чамчамал. 25-го разведывательный самолет близ Пиради был подбит курдами⁴.

Используя бомбардировки и предательство конкурирующих вождей, восстание Махмуда подавили в течение месяца [Мгои, 1991, с 31–32]. Шейха Махмуда отправили в Багдад и приговорили к смертной казни, но главнокомандующий заменил ее десятилетней ссылкой в Индию. Администрация была реорганизована и передана под непосредственный контроль комиссара Соуна.

Через пару лет прямое подчинение британцами Южного Курдистана иракскому правительству в Багдаде без определения его политического статуса вызвало резкие протесты со стороны курдов. Сулеймания не участвовала в референдуме о признании короля, состоявшемся в июле 1921, Киркук участвовал частично. Не отправив своего представителя на церемонию коронации, состоявшуюся в Багдаде 23 августа 1921 г., курды ясно показали, что не признают королевскую власть Фейсала и поставили под сомнение королевский режим.

У Британии начались проблемы с проникновением нерегулярных турецких сил и восставшими курдскими племенами в северном Ираке, которые продвинулись на территорию на расстояние в сорок миль от Киркука. Курдские отряды атаковали военные посты, перерезали коммуникации и отказались платить налоги после установления британского мандата. Британцы применили комбинированную тактику, ставшую их «фирменным стилем» в колониальных войнах. Активно использовались ассирийские legionеры (лояльные британцам христианские отряды): они проводили зачистки деревень, выявляя повстанцев. Британская пехота (в основном Королевские стрелки) блокировала горные районы. Как пишут в донесениях, «были сожжены деревни Баташ, Харир, Харватан. Были уничтожены запасы пшеницы, скота (около 70 голов), овец. Была взорвана мельница. Во время столкновений с курдскими стрелками legionеры потеряли убитыми трех пехотинцев и четырех всадников. Один самолет упал и был разрушен, пилот, сильно обгоревший, доставлен в Мосул. Содействие авиации было максимально эффективным. Потери повстанцев составили около 15–20 человек⁵.

Королевские ВВС бомбили курдские селения в Дашти Харир, вынуждая племена сдаваться. Это был один из первых случаев в истории массированного использования авиации против повстанцев (позже эта тактика применялась и против барзанцев). Британцы сжигали дома и конфисковывали скот у поддерживавших восстание племён. Лидеров сурчи принуждали к капитуляции под угрозой полного уничтожения. К июню 1921 года основные очаги восстания были подавлены, но партизанские атаки продолжались.

Жестокость операции радикализовала курдов, что позже вылилось во второе восстание шейха Махмуда Барзанджи (1922–1924). Операция в Дашти Харир стала типичным примером британской «малой войны» («Small Wars doctrine») в межвоенный период: сочетание авиации, местных коллаборационистов и карательных мер; игнорирование политических требований повстанцев в пользу силового решения.

В условиях наступления турецких инсургентов Британия в ноябре вернула из индийской ссылки Махмуда Барзанджи. Как указывалось в письме секретаря Гражданского комиссара в Багдаде, «это было связано со стабилизацией обстановки в стране (в Ираке. — К.В.)». В письме рекомендовалось разместить шейха сначала в Кувейте, прежде чем давать ему возможность вернуться в свою вотчину [Records of the Kurds, 2015, vol. 6].

Британия помиловала шейха Махмуда в сентябре 1922 года, чтобы справиться с растущей турецкой угрозой с севера, используя чувство курдского партикуляризма, которое в этот период

⁴ URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100148932216.0x000072 (дата обращения: 16.06.2025).

⁵ From Marshall, Arbil to Bagdad 13.09.1921 [Records of the Kurds, 2015, vol. 6].

характеризовалось растущим национальным сознанием неплеменных курдов в городах и на краю Месопотамской равнины и простиралось далеко за границы контроля Британии.

Когда британцы вернули шейха Махмуда, они возложили на него новую обязанность — поставили перед ним задачу защитить Сулейманию от турок и очистить регион от турецких войск. Это было их главным просчетом: британцы не учли или даже не предвидели возможность того, что Махмуд вступит в переговоры с турками с целью создания единого мусульманского фронта против британской системы мандата. Британские политические офицеры не приняли во внимание степень возможной мобилизации турок и курдов под исламистскими антиколониальными лозунгами. При этом панарабистские планы хашимитского монарха глубоко беспокоили курдов.

Более того, существует несколько документальных свидетельств о контактах шейха Махмуда Барзанджи с советским правительством, включая письмо Ленину. Сохранилось донесение Орджоникидзе Ленину от июля 1921 года: «Курдский шейх Махмуд (Сулеймания) обращался к нам с просьбой о помощи против англичан. Передал письмо через своего представителя в Энзели» [РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 24. Д. 43]. Запись в журнале полпредства РСФСР в Тегеране (май 1921): «Курдский посланец от шейха Махмуда доставил письмо на имя Председателя СНК с просьбой о поддержке оружием» [АВП РФ. Ф. 090. Оп. 4. Д. 27. Л. 45]. Телеграмма Чичерина (1921 г.): «Шейх Барзанджи ищет контакта с Москвой, но его послание носит общий характер без конкретных предложений» [АВП РФ. Ф. 04. Оп. 39. Д. 52987].

В архивах India Office Records содержится перевод перехваченного письма шейха (1921): «Шейх именует Ленина «защитником угнетенных народов Востока» и просит помощи в борьбе с «английскими оккупантами» [IOR/L/PS/10/756]. Оригинал на курдском/арабском этого письма не сохранился. В своих воспоминаниях советский дипломат Ф. А. Ротштейн пишет: «В 1921 году через Персию к нам поступило обращение курдского лидера. Ленин поручил изучить вопрос, но помощь так и не была оказана». [Ротштейн, 1960, с. 78].

В записке по этому поводу у Э. Ноэля говорится: «Махмуд пытался играть на советско-британских противоречиях, но Москва не рискнула открыто поддержать его авантюру» [FO 371/6469]. Также шейх рассылал аналогичные письма турецкому Мустафе Кемалю и персидскому шаху [Курдское движение... 1987, с. 176–185]. Как отмечал Эдмондс, с самого начала своего хукумдарства шейх Махмуд Барзанджи претендовал на весь Мосульский вилайет и намеревался создать самостоятельное государство [Edmonds, 1957, p. 29].

Согласно требованиям Махмуда, все территории, на которых проживали курды в Ираке, должны быть присоединены к этому независимому государству, должна быть создана совместная комиссия для определения границ этого государства и государства Ирак, а сам он должен быть провозглашен королем. Однако британцы не сочли эту просьбу уместной и попытались нейтрализовать растущее движение повстанцев с помощью бомбардировок. Британские самолеты распространяли листовки вместе с проведением бомбардировок и объявляли, что бомбардировки будут продолжаться до тех пор, пока восстания не прекратятся [BOA, HR.IM. Box:13, Folder:28, 9 November 1922].

С другой стороны, курдское государство могло быть реализовано только при эффективной поддержке и помощи внешней силы. Чтобы завоевать доверие курдского народа, который не желал иметь никаких связей с арабским государством, по мнению британских политических офицеров, было бы полезно сохранить племенную систему и создать племенную конфедерацию на востоке и пояс небольших автономных государств к северу от Мосула. Однако сам Вильсон скептически относился к возможности и долговечности такого политического устройства. По его

мнению, поскольку курды не поддерживают ни автономию, ни конфедерацию, в конце концов придется вернуться к традиционной турецкой политике, предоставив курдские племена самим себе.

Шейх Махмуд Барзанджи хорошо осознавал неустойчивость позиций британцев в регионе. Он знал, что является единственной эффективной силой, способной остановить турецкую державу, усиливавшую свое влияние в регионе, и легко мог этого добиться. Взамен он хотел независимого Курдистана и признания Курдского королевства, что противоречило интересам британцев в тот период. Кроме того, власть шейха не признавали племена Киркука и Эрбиля.

После атаки британской армии в 1923 году шейх Махмуд и его сторонники бежали из Сулеймании, сделав пещеру Джасана своим убежищем. Здесь шейх установил печатный станок и выпустил первую газету под названием «Банги Хак». 28 марта 1923 года впервые был опубликован первый номер. Это была первая курдская революционная газета, и она считается первой газетой, которая была посвящена курдской революции и ее современной истории. Главным редактором этой газеты был выдающийся деятель, интеллектуал и журналист Ахмад Хваджа. Эта газета считается первым официальным органом Курдского освободительного движения в современной истории с целью раскрыть цивилизованное лицо движения шейха⁶.

Таким образом, В 20-е годы XX века попытка шейха Махмуда Барзанджи создать курдское правительство и национальное государство в «усеченном виде» — в основном на территории бывшего эмирата Бабан со столицей в Сулеймании, присоединив к нему территории персидского Курдистана («Королевство Курдистан»), закончились неудачей. Королевство превратилось в failed state, а оба восстания шейха (1919 и 1922–1924 гг.) были подавлены.

Если легитимация Ирака берёт начало в антибританском восстании 1920 года, то курдский вопрос, инициированный шейхом Барзанджи, стал ключевым фактором в формировании современной политической карты региона. Историческая преемственность между ранними восстаниями и нынешними требованиями независимости Курдистана демонстрирует долгосрочное влияние этих событий.

Литература / References

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) [Russian State Archive of Socio-Political History]. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 24. Д. 43.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]. Ф. 090. Оп. 4. Д. 27. Л. 45.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 39. Д. 52987.

Public Records Office (PRO), India Office Records (IOR): IOR/L/PS/10/756.

Public Records Office (PRO), India Office Records (IOR) “Kurds And Kurdistan Affairs”, 1919, p. 137–144 [Архив Индийского офиса в национальном Архиве Великобритании].

BOA, HR.IM. Box:13, Folder:28, 9 November 1922.

The National Archives, UK, FO 371/4191.

Курдское движение в новое и новейшее время / Отв. ред. М. А. Гасратян, М., 1987 [*The modern and contemporary Kurdish movement*. М. А. Gasratyan (ed). М., 1987 (in Russian)].

Мгои. III. Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М., 1991 [*Mgoi. Sh. Kh. The Kurdish national question in Iraq in modern times*. М., 1991 (in Russian)].

⁶ URL: <https://kurdshop.net/en/geography/3305> (дата обращения: 18.06.2025).

- Ротштейн М. А.* На дипломатической службе. М., 1960 [*Rothstein. M. A.* In diplomatic service. М., 1960 (in Russian)].
- Bekket I. *The Future of Insurgency*. NY, 2006.
- Vertiaev. K. V. The Role of the Insurgent States in Kurdish National Movement. *Вестник ИВ РАН*. 2024. No. 3. Pp. 196–204 (in English)].
- Hart B. L. *The British Way in Warfare*. L., 1932.
- Hilmi R, *Yaddast*. L., 2017.
- Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831–1979. Vol. 5. Cambridge University Press, 2016.
- Records of the Kurds: Territory, Revolt and Nationalism, 1831–1979. Vol. 6. Cambridge University Press, 2016.
- Ch. Callwell. *Small Wars: Their Principles and Practice*. L., 1896.
- S. B. Eskander. *From Planning to Partition: Great Britain's Policy Towards the Future of Kurdistan 1915–1923*. Hawler, 2012.
- Ch. Townshend. *When God Made Hell: The British Invasion of Mesopotamia and the Creation of Iraq, 1914–1921*. L., 2010.
- A. T. Wilson. *Mesopotamia 1917–1920. A Clash of Loyalties. A Personal and Historical Record*. L., 1931.
- McDowall D. *A Modern History of The Kurds*. I. B. Taurus, 2021. P. 169.

Электронные ресурсы / Electronic resources

<https://www.qdl.qa/en/archive>

<https://kurdshop.net/en/geography/3305>

<https://www.naval-military-press.com/product/insurrection-in-mesopotamia-1920/>

СИРИЙСКИЕ КУРДЫ И ТУРЦИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2025

Мехмет Эмин Икбаль Дюрре¹

Проблема взаимоотношений Турецкой Республики и сирийских курдов является сегодня острой не только в рамках «курдского вопроса», существующего в той или иной форме в Турции, Ираке, Иране и Сирии. Она может при определенном развитии ситуации стать еще одним источником напряженности в Ближневосточном регионе наряду с израильско-палестинским конфликтом. В настоящей статье делается попытка проанализировать нынешнее положение дел в отношениях Турции с курдами Сирии, в том числе в историко-политической перспективе.

Отмечается, что курдская ситуация в Сирии сегодня складывается в рамках такой кардинальной перемены, как падение режима Башара Асада. Кроме того, Турция традиционно рассматривала сирийских курдов и их политические структуры как органически связанные с признанной в этой стране террористической Рабочей партией Курдистана. Это обстоятельство и определяло отношение Турции к сирийско-курдскому движению как антагонистическое. Однако в самое последнее время, на момент подготовки статьи, РПК официально заявила о самороспуске, хотя в реализации этого решения не все пока однозначно. На основании анализа сирийско-курдской ситуации и турецкого фактора в ней автор приходит к выводу, что она, скорее всего, будет разрешена на основе политического прагматизма и реализма.

Ключевые слова: Сирия, Турция, курды, Рабочая партия Курдистана

Для цитирования: Мехмет Эмин Икбаль Дюрре. Сирийские курды и Турция на современном этапе. Вестник Института востоковедения РАН. 2025. № 3. С. 169–176. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-169-176

SYRIA'S KURDS AND TURKEY TODAY

Mehmet Emin Iqbal Durre

The problem of relations between the Republic of Turkey and the Syrian Kurds is acute today not only within the framework of the “Kurdish issue” that exists today in one form or another in Turkey, Iraq, Iran and Syria. It can, with a certain development of the situation, become another source of tension in the Middle East region, along with the Israeli-Palestinian conflict. This report (article) attempts to analyze the current situation in Turkey’s relations with the Kurds of Syria, including in the historical and political perspective.

This article examines the situation with the Kurds in Syria at the present stage and some aspects of Ankara’s policy towards the Syrian Kurds. It is noted that the Kurdish situation in Syria today is developing within the framework of such a cardinal change as the fall of the Bashar al-Assad regime. In addition, Turkey has traditionally viewed the Syrian Kurds and their political structures as organically connected with the terrorist Kurdistan Workers Party recognized in this country. This circumstance defined Turkey’s attitude towards the Syrian-Kurdish movement as antagonistic. However, recently, at the time of the preparation of the article, the PKK officially

¹ Мехмет Эмин Икбаль Дюрре, кандидат исторических наук, доцент МГЛУ, Москва; ikbal@mail.ru
Mehmet Emin Iqbal Durre, PhD (Hist.), Associate Professor at Moscow State Linguistic University; ikbal@mail.ru

announced its self-dissolution, although not everything is clear in the implementation of this decision. Based on the analysis of the Syrian-Kurdish situation and the Turkish factor in it, the author concludes that it is likely to be resolved on the basis of political pragmatism and realism.

Keywords: Syria, Turkey, Kurds, Kurdistan Workers' Party

For citation: Mehmet Emin Ikbâl Durre. Syria's Kurds and Turkey Today. *Vestnik Instituta vostočevedenija RAN*. 2025. No. 3. Pp. 169–176. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-169-176

Нынешний антагонизм между турецким государством и сирийскими курдами имеет две общие исторические предпосылки. Первая из них — в том, что определенная и весьма многочисленная часть нынешних «сирийских» курдов — это изначально курды «турецкие», бежавшие в Сирию в 20-х — 30-х гг. прошлого века от репрессий за участие в курдских восстаниях того времени.

Вторая — доминирование среди политически активных слоев сирийско-курдского общества идеологии РПК. Это исторически обусловлено тем, что сирийские курды, особенно во времена правления Хафеза Асада, были сильно маргинализированы. Большинству из них отказывали в предоставлении сирийского гражданства, против курдов также осуществлялись репрессии.

Начавшаяся в 2011 г. гражданская война в Сирии стала предпосылкой создания автономной администрации Рожавы. Она же сформировала и тот военно-политический расклад, который привел к нынешней ситуации и который, хотя и в измененном виде, существует до сегодняшнего дня. Суть его в том, что во внутрисирийском конфликте сформировалось сразу несколько сторон. Это — правящий режим Башара Асада, группировка «Хаят тахрир аш-Шамс²», которую можно определить как сирийских националистов, в значительной мере опирающихся на идеологию политического ислама, сирийские курды, в политическом отношении представленные прежде всего Партией демократического союза (PYD) и, наконец, пресловутое «исламское государство» (ДАИШ–ИГИЛ³). Общим для всех этих участников сирийского конфликта (кроме ИГИЛ) было то, что за ними либо стояло иностранное государство-эктор (Россия и Иран за режимом Дамаска, Турция за — сирийской арабской оппозицией (ХТШ и ее союзники), либо на них возлагались ключевые надежды, как, например, было у курдов, делавших и делающих ныне главную ставку на помощь США и Запада.

Как известно, вплоть до самого последнего времени «идеологию» действий (в том числе военных) Анкары в пограничных районах определял тезис, что сирийско-курдская PYD является фактически «филиалом» запрещенной в Турции РПК, а ее вооруженные формирования YPG в значительной степени состоят из курдских боевиков из Турции. Лидеры сирийских курдов при этом, не отрицая идеологического родства с РПК, категорически отвергали претензии о военном союзе с этой партией.

Такая ситуация сохранялась вплоть до 8 декабря 2024 г., когда в результате во многом неожиданного удара был свергнут державшийся более 30 лет режим Башара Асада и к власти пришло правительство ХТШ во главе с Ахмедом аш-Шараа. Это обстоятельство вывело из сирийской «игры» Россию и Иран, но одновременно сделало ситуацию вокруг Сирии еще более запутанной и непонятной на перспективу.

Здесь необходимо, на наш взгляд, остановиться на ответе на вопрос, который часто поднимается в информационном пространстве, — насколько новые власти Сирии являются «исламистами» и насколько они родственны в идеологическом отношении правящей в настоящее время

² Деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

³ Признана террористической на территории Российской Федерации.

ПСР, что, по мнению многих экспертов, и стало определяющим в поддержке Анкарой этой политической силы.

На наш взгляд, новый режим в Дамаске представляет сирийских националистов, опирающихся в значительной мере на идеологию политического ислама. Об этом свидетельствуют действия нового сирийского руководства в течение периода его пребывания у власти. Например, в проекте новой Конституции однозначно указывается на то, что основой законодательства страны являются принципы шариата. Кроме того, такие действия, как репрессии против алавитов и друзей с точки зрения суннитов-фундаменталистов, являющихся еретиками, также характерны именно для «политических исламистов» экстремистской ориентации.

Но в целом на данный момент пока не заметно активной исламизации внутренней жизни в Сирии. Скорее идет «дебаасизация» государственного аппарата. Также новая власть огласила программу сугубо секулярного свойства в экономике, предусматривающую денационализацию и передачу в частные руки ставших во времена Асада государственными предприятий.

Теперь что касается вопроса о том, насколько поддержка Турцией сирийской оппозиции основана на идеологической общности. Часто приходится встречаться с определениями ныне правящей в стране ПСР как «исламистов» и «филиала братьев-мусульман». Думается, что это — смещение акцентов. ПСР — это турецкие националисты, опирающиеся на некоторые принципы ислама в духовно-культурной сфере, но эти принципы никоим образом не определяют внутреннюю, внешнюю и экономическую политику страны. То же можно сказать и о новых властях Сирии, хотя в их случае исламская религиозная составляющая, возможно, более значима. А поддержка определяется тем, что режим Асада в Сирии традиционно являлся для Анкары «проблемной точкой» (за исключением периода, начиная с прихода к власти Эрдогана и до начала гражданской войны в Сирии в 2011 г., когда действовала «доктрина Давутоглу», предусматривающая «нулевые проблемы» с соседями) с препятствием для установления должного уровня геополитического и геоэкономического влияния в регионе. Поэтому поддержка именно оппозиции баасистам вполне логична для традиционной стратегии Турции, сложившейся в последние четверть века.

Особенностью деятельности политической Анкары на сирийско-курдском направлении в последние годы и в настоящее время является то, что в данном случае внешняя политика не просто, как утверждает классический тезис, является продолжением внутренней, но стала ее неотъемлемой частью. Курдский фактор стал важной составляющей политики ПСР с момента ее прихода к власти. Именно голоса курдов, среди которых выше уровень исламской религиозности, в значительной степени привели в 2002 г. Реджепа Эрдогана и его партию к власти. Следует признать, что хотя и очень немного, но что-то было сделано правительством ПСР для курдов — прежде всего это отмена тотального запрета на использование курдского языка и образования. С другой стороны, турецкие операции в Рожаве явно не добавили популярности правящим в Турции силам, более того, именно они не в последнюю очередь стали причиной общего ухудшения социально-экономической ситуации в стране.

То есть на сегодняшний день на перспективу правительство ПСР оказалось как бы «зажатым» между этими двумя противоположными тенденциями в курдском вопросе, что может негативно сказаться для него в предстоящих выборах кампаниях.

Как полагает американский исследователь и дипломат Роберт Пирсон, в настоящее время для сохранения своей власти в стране и влияния в регионе эта партия должна решить три задачи 1) сокрушить демократию и де-факто разрушить турецкие оппозиционные партии, что выразилось в аресте и предъявлении обвинений против Экрема Имамоглу, популярного мэра Стамбула и ведущей фигуры в главной оппозиционной Народно-республиканской партии (СНР); 2) всеми силами

и возможностями привлечь «прокурдскую» Партию народного равенства и демократии (DEM) в коалицию с ПСР к предстоящим избирательным кампаниям; 3) изменить таким образом механизм власти и влияния в Сирии, чтобы политически нейтрализовать местных (сирийских) курдов [Pirson, 2025]. То есть решение сирийско-курдского вопроса явно привязано к внутривластным проблемам Турции, связанным с курдами.

10 октября 2024 г. президент Реджеп Эрдоган жестко заявил, что Турция не уйдет с сирийских территорий до тех пор, пока не будут повержены или разоружены все местные курдские вооруженные формирования. Тем не менее внутри турецкой власти есть некоторые различия мнений по этому вопросу. Если министр обороны Ясар Гюлер 15 декабря 2024 г. четко заявил, что первоочередной целью турецких военных являются все сирокурдские вооруженные формирования, то глава МИД Хакан Фидан озвучил более «мягкую позицию». По мнению главы турецкой дипломатии, необходимо с помощью Сирийских демократических сил (курдских подразделений под командованием Мазлума Абади) добиться или ликвидации, или изгнания боевиков РПК, действующих на территории Сирии, и склонить в дальнейшем СДС к интеграции с вооруженными силами нового сирийского режима либо предложить им также сложить оружие [Middle East Eye, January 2025]⁴.

Рубежным моментом в процессе взаимодействия властей Турции и курдов стало событие, которое условно можно обозначить как «разворот Бахчели».

Девлет Бахчели, лидер Партии националистического движения (МНР), являющейся ключевым партнером правящей ПСР, давно и широко известен своими ультранационалистическими взглядами и политической позицией. Еще недавно он публично заявлял о том, что «прокурдская» партия DEM является ответвлением РПК и должна быть запрещена. Также он открыто высказывался за возвращение смертной казни, причем ее первое применение он предлагал в отношении отбывающего пожизненное заключение лидера РПК Абдуллы Оджалана.

Но в октябре 2024 г. с Бахчели происходит парадоксальная метаморфоза. Лидер националистов обменивается рукопожатиями с депутатами меджлиса от партии DEM, заявляет о возможности освобождения Оджалана в обмен на сложение оружия боевиками и роспуск РПК.

На эти декларации Оджалан ответил заявлением следующего содержания: «Я обладаю необходимой компетентностью и решимостью, чтобы внести позитивный вклад в новую парадигму». Можно утверждать, что этот «разворот Бахчели» стал одним из катализаторов процесса, завершившегося призывом Оджалана к РПК прекратить огонь.

Возникает вопрос: что все это значит? Реальное «превращение Савла в апостола Павла» в сфере турецко-курдских взаимоотношений или виртуозный политических маневр, преследующий предвыборные цели?

После того, как ПСР утратила конституционное большинство в парламенте, для нее еще более важной стала коалиция с националистами Бахчели. Это предполагает, что последнему следует предоставлять больше возможностей для публичного самовыражения, одной из форм которого стали октябрьские декларации этого деятеля. Кроме того, если из уст крайних националистов звучат такие заявления по поводу необходимости решить курдский вопрос и установить позитивные взаимоотношения между турками и курдами, то это не может не привлечь внимание широких кругов курдских избирателей, отличающихся консерватизмом, и мотивирует их голосовать именно за такую политическую силу. Тем более что в памяти турецких курдов сохранились трагические события их истории, связанные именно с оппозиционными ныне кемалистами.

⁴ См: Middle East Eye, Turkey's vision of Syrian Kurds. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/what-turkeys-vision-kurds-syria> (дата обращения: 15.06.2025).

Наконец, немаловажным является тот факт, что Бахчели идеологически представляет «глубинное государство» в Турции. Идеология этого «государства» — чистый турецкий национализм, выступающий в публичной политике либо в лево-либеральной «оболочке» (кемалисты), либо «умеренно-исламистской» (правящая Партия справедливости и развития). Кроме того, Бахчели — амбициозный политик, и очень вероятно, что таким образом он пытается поставить курдскую проблему под свой контроль и контроль Партии национального действия. Это нужно, чтобы ситуация в регионе не приобрела негативный для Турции оборот, особенно после беспрецедентно резкого ухудшения отношений Анкары с Тель-Авивом. Необходимо учитывать роль Израиля и потенциальную возможность сближения курдов с еврейским государством.

До настоящего момента прекращение вооруженных и террористических действий на территории Турции продолжается, за исключением инцидента в городе Казан, недалеко от Анкары. Однако за границами страны все не так однозначно. Продолжаются операции турецких войск против штаб-квартиры РПК в горах Кандил (Ирак), сохраняется выжидательно-напряженная ситуация в отношении политики Турции в Рожаве (Сирийский Курдистан). А руководство РПК в Кандиле так сформулировало свою позицию: «Мы не можем обсуждать вопрос о полном прекращении огня и перемирии на уровне съезда партии, пока не прекратится операция турецких войск в Ираке».

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что в данный момент турецко-курдские отношения в целом и отношения Анкары с сирийскими курдами в частности развиваются прежде всего в рамках и как часть политико-пропагандистской подготовки правящей в Турции коалиции к предстоящим выборным кампаниям. Однако в настоящий момент для подлинного решения проблемы Турции с курдами Сирийского Курдистана (Рожавы) требуется учет факторов реальной политики, сложившихся вокруг него.

Факторы «реальной политики» и возможные перспективы развития отношений Турции с сирийскими курдами

Два главных фактора «реальной политики» определяют, как и определяли раньше, ситуацию вокруг Рожавы (Сирийского Курдистана). Это внешняя (международная) ситуация, которая традиционно является определяющим фактором политической эволюции курдского вопроса, и внутренние проблемы отношений между политическими структурами Сирийского Курдистана.

После того, как в 2016–2017 гг. было разгромлено «Исламское государство» (ИГИЛ), представлявшее главную проблему для всех акторов событий в Сирии (от западной коалиции до режима Асада и поддерживаемых Анкарой сил националистическо-исламистской сирийской оппозиции), Дональд Трамп, тогда работавший первый срок на посту президента США, принял решение о выводе войск из Сирии. А именно западный контингент был основной силой, обеспечивавшей безопасность сирийских курдов. Это решение было обусловлено тем, что приоритетом республиканской администрации США стало ослабление внутренних проблем, а не международная экспансия. Уход основных сил западной коалиции, которые, собственно, и обеспечивали полноценную защиту Сирийского Курдистана, по определению усилил Турцию, которая активно начала проводить военные операции в Северной Сирии, в том числе и по оккупации кантона Африн, продолжающейся и поныне. Все это резко осложнило положение курдов Рожавы, но не остановило действия курдов по обеспечению жизнеспособности своей автономии. Дело в том, что после некоторых дискуссий внутри первой администрации Дональда Трампа было решено оставить американский контингент (по официальным данным, численностью около 1000 военнослужащих), плюс к этому продолжалось и продолжается доныне снабжение сирийских курдов американским

оружием и амуницией. Это означает, что сохранение влиятельного присутствия США в Сирии, как и на Ближнем Востоке в целом, входит и в политическую программу «изоляциониста» Дональда Трампа. На перспективу здесь ситуация следующая: несмотря ни на что, американцы остаются в Рожаве. Кроме того, последними договоренностями с новыми властями Дамаска США фактически легализуют свое присутствие в Сирии на основе международного права.

В настоящий момент, на первый взгляд, ситуация 2017–2018 гг. развивается, причем в сторону усиления влияния и значения Турции. В конце прошлого года пал режим Асада и к власти в Дамаске пришли протурецкие «прокси» из «Хаят Тахрир аш-Шамс». Одновременно резко ослабло военно-политическое влияние в Сирии России и Ирана. Уровень вовлеченности США в сирийскую ситуацию также не будет таким высоким, как в годы первого президентства Трампа, поскольку для Вашингтона сегодня явным приоритетом остаются опять же внутренние проблемы и тотальное военно-политическое и экономическое противостояние с Китаем. А Великобритания и страны ЕС сегодня вовлечены в конфликт с Украиной, что делает невозможным мощную и широкую коалицию в Сирии в поддержку курдов.

Казалось бы, сложилась благоприятная ситуация для реализации амбиций нынешних властей Анкары по проведению самостоятельного курса на международной арене. Кроме того, такое положение вещей потенциально способствует тому, что проблемы в отношениях с сирийскими курдами могут быть разрешены в пользу Анкары.

Однако тут имеются своеобразные ограничительные нюансы. Многие наблюдатели отмечают типологические сходства в политике нынешних лидеров США и Турции (Эрдогана иногда даже именуют «ближневосточным Трампом»). Одно из этих сходств — оба лидера, несмотря на имеющиеся порой случаи критики в адрес своих союзников и даже ультимативные политические шаги в их отношении, никогда не переступают определенные «красные черты», ибо понимают нарушения этих ограничений. У Анкары эти ограничения, не дающие возможности слишком кардинального решения сирийско-курдского вопроса, следующие.

1. После почти 80 лет дипломатических отношений с Израилем (кемалистская Турция была единственным мусульманским государством, признавшим Израиль в 1949 году) они ухудшились до беспрецедентно низкого уровня и близки (в зависимости от дальнейшего развития израильско-палестинского конфликта) даже к разрыву. А курды (в т. ч. сирийские) и Израиль уже давно рассматривают друг друга как потенциальных союзников. Поэтому вполне вероятно, что Израиль совершенно определенным образом среагирует на возможное усиление военной и военно-политической активности Турции на сирийском направлении. Более того, такой сценарий развития может серьезно ухудшить отношения с Вашингтоном, которые сейчас у Турции достаточно ровные, в силу, возможно, некоторой общности внешнеполитической культуры. Но в случае если действия Анкары в регионе будут расценены как потенциальная угроза Израилю, нынешняя администрация США встанет на сторону последнего, поскольку у Трампа в этой стране значительные семейные, политические и финансовые интересы.

2. Предположим, что власти в Турции возьмут курс на еще большую внешнеполитическую самостоятельность и дезинтеграцию с Западом. Но это будет потенциально означать больший уровень сближения с Россией, Ираном, Китаем и другими акторами глобальной политики, сделавшими ставку на самостоятельный международный курс. Однако, например, в отношениях с Россией существуют одно очень деликатное и серьезное обстоятельство. Несмотря на сохранение экономических отношений с Москвой на высоком уровне, в нынешнем российско-украинском конфликте Анкара поддерживает Киев не только в политическом, но и в военном отношении и к тому же не признает территориальных изменений границ России, происшедших в 2014–2022 гг. Насчет

последнего обстоятельства следует, однако, добавить, что де-юре полноценно эти изменения не признала ни одна страна в мире (даже союзная Белоруссия), кроме КНДР и свергнутого режима Асада в Сирии.

Также и отношения Анкары и Тегерана сейчас находятся не на самом оптимальном уровне. Маловероятно, что Турция резко и быстро изменит эту давно сформированную и многие годы существующую позицию. Кроме того, несмотря на порой парадоксальные действия на международной арене, доминирующим и стратегическим курсом Турции является ориентация на Запад (Европу прежде всего) и сближение с ним.

Справедливости ради надо отметить, что, несмотря на такую специфическую позицию, именно Турция предпринимает наиболее активные политико-дипломатические усилия по прекращению конфликта вокруг Украины, потому что это — в ключевых геополитических и геоэкономических интересах Анкары.

3. Если Турция бросит вызов интеграции с НАТО и ЕС, то у нее может возникнуть проблема, своего рода «второй фронт» (в большей степени политический, нежели военный) у юго-западных границ. Речь идет о неоднозначных отношениях с соседней Грецией и проблеме освоения углеводородных ресурсов шельфа восточного сектора Средиземного моря. В настоящий момент в политических кругах Афин, несмотря на все внешние дипломатические реверансы, Турция рассматривается как потенциальная угроза стабильности в регионе, и существуют проекты типа создания альянса Израиль–Египет–Кипр–Греция, направленного на сдерживание Анкары. Нынешние власти Турции вряд ли пойдут на открытие сразу двух «политических фронтов», поскольку война, как «холодная», так и «горячая» на два фронта может привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому на перспективу существуют два варианта решения проблемы международной ситуации вокруг региона в целом и Рожавы как его части. Либо Анкара предпринимает шаги по позитивному решению этих проблем, либо на обозримое будущее сохранится статус-кво, хотя и без реального развития военной экспансии, но с постоянной «силовой» риторикой.

Надо отметить, что для Турции членство в НАТО — это единственный надежный мост, связывающий страну с западным миром, и один из краеугольных камней международного политического положения страны и специфики ее внешней политики.

Последний по месту, но не по важности аспект сирийско-курдской проблемы — отсутствие единства и даже латентный конфликт между ведущими политическими силами сирийских курдов — РYD, ориентирующейся на идеологию «демократического федерализма», исповедуемую РПК, и Курдским национальным советом, ориентирующимся на ДПК Барзани и политический курс, проводимый иракским Курдистаном. Это многолетнее противостояние серьезно ослабляло Рожаву во всех смыслах. Например, Пешмерга (вооруженные формирования) сирийских курдов не допустили на территорию административной автономии пешмерга курдов иракских, что негативно сказалось на обороноспособности Рожавы.

Однако в самое последнее время отметились и позитивные изменения. 26 апреля 2025 г. в Рожаве прошла общекурдская конференция по проблеме единства. На ней присутствовало 400 делегатов из Турции, Сирии, Ирака. Причем это были представители самых различных политических сил, которых обычно бывает трудно привлечь к конструктивному диалогу. Пока трудно говорить о ее реальных последствиях для практической политики, но конференция стала проявлением понимания среди курдских политиков того, что единство имеет ключевое значение для решения курдского вопроса и недопущения его эволюции в еще одну «горячую точку» нынешней «гибридной» мировой войны.

Главным результатом этой конференции стало создание общекурдской межпартийной структуры по решению проблемы автономии Рожавы и обращение к новым властям Сирии с призывом полноценно соблюдать права курдов и предпринять шаги в сторону федерализации Сирии, которая, по мнению курдов, не представляет никакой угрозы для территориальной целостности страны. Однако положительного ответа из Дамаска не последовало.

Совершенно определено, что курдская политика нынешних турецких властей сегодня подчинена задаче пропагандистской работы в свете грядущих предвыборных кампаний, поскольку ключевая задача нынешних правящих в Турции политических сил — удержаться у власти. В то же время Анкара будет воздерживаться от шагов, могущих усилить автономию Рожавы из опасения, что это может усилить автономистские тенденции среди сирийских курдов.

Упомянутая конференция курдов в Рожаве — это внешнее выражение ситуации, в которой необходимость федерализация Сирии достигла уровня, при котором она является необходимым условием сохранения целостности страны. Курды, проявив в этом событии общенациональную политическую солидарность, дали понять новым властям в Дамаске, что если федерализм не будет установлен в результате договора на основе политического компромисса, то тогда процесс «федерализации» пойдет снизу, во многом стихийно, с применением насилия и может завершиться распадом страны.

Литература / references

Электронные ресурсы / Electronic sources

Turkey's strategic tangle W. Robert Pirson, 17.04.2025. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-strategic-tangle> (дата обращения: 15.06.2025).

Middle East Eye, Turkey's vision of Syrian Kurds. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/what-turkeys-vision-kurds-syria> (дата обращения: 15.06.2025).

ВЛИЯНИЕ КУРДСКИХ ДВИЖЕНИЙ БОЕВИКОВ НА ПАКИСТАНСКУЮ ГРУППИРОВКУ «АРМИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛУДЖИСТАНА»

© 2025

Н. А. Замараева¹

В статье впервые предпринята попытка анализа тактики и стратегии террористических организаций Рабочей партии Курдистана (РПК) и Армии освобождения Белуджистана (АОБ). Действующие в течение нескольких десятилетий в разных локациях региона Ближнего Востока, имеющие отличные друг от друга исторические бэкграунды, группировки в первой четверти XXI в. стали перенимать опыт для эффективного и оперативного достижения целей. В значительной степени этому способствовало развитие социальных сетей и привлечение таким образом большого числа последователей.

Тактика использования так называемого «живого взрывателя», т.е. смертниц; переговорного процесса и как следствие — отказ от вооруженной борьбы сепаратистских группировок, вновь применение оружия как результат срыва договоренностей с властями и т.д. — отличительные черты и Рабочей партии Курдистана, и Армии освобождения Белуджистана.

Ключевые слова: Пакистан, Курдистан, Иракский Курдистан, Ирак, Рабочая партия Курдистана, Армия освобождения Белуджистана

Для цитирования: Замараева Н. А. Влияние курдских движений боевиков на пакистанскую группировку «Армия освобождения Белуджистана». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 177–181. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-177-181

INFUENCE OF THE KURDISH MILITANT MOVEMENTS ON THE “BALOCHISTAN LIBERATION ARMY”, PAKISTAN

Natalia A. Zamaraeva

The article is the first attempt to analyze the tactics and strategy of the terrorist organizations Kurdistan Workers' Party (PKK) and the Balochistan Liberation Army (BLA). Having operated for several decades in different locations in the Middle East region and having different historical backgrounds, the groups in the first quarter of the 21st century began to exchange experience for the effective and prompt achievement of goals.

This was largely facilitated by the development of social networks and the inclusion, thus, of a large number of followers. The tactics of using the so-called “live detonator”, i.e. female suicide bombers; the negotiation process and, as a result, the rejection of armed struggle by separatist groups and the re-use of weapons, as a result

¹ Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; olunja@mail.ru

Natalia A. Zamaraeva, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; olunja@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2457-0000

of the violation of agreements with the provincial or central authorities, etc. are the distinctive features of both the Kurdistan Workers' Party and the Balochistan Liberation Army.

Keywords: Pakistan, Kurdistan, Iraqi Kurdistan, Iraq, Kurdistan Workers' Party, Balochistan Liberation Army

For citation: Zamaraeva N. A. Influence of the Kurdish Militant Movements on the "Balochistan Liberation Army", Pakistan. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 177–181. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-177-181

Исламабад приветствовал объявление о роспуске Рабочей партии Курдистана (РПК) в мае 2025 г., расценивая это событие как важный шаг на пути к устойчивому миру и стабильности. Внешнеполитическое ведомство страны подчеркивало, что «...Пакистан и Турция, связанные глубоко укоренившимися братскими узами, всегда поддерживали друг друга во всех областях, представляющих взаимный интерес, включая усилия по борьбе с терроризмом»². Иными словами, Пакистан смотрел на РПК глазами Турции, которая включила РПК в список террористических организаций³.

С падением правительства Б. Асада в Сирии в декабре 2024 г. военный ландшафт Ближнего Востока переживает трансформацию. Вооруженные группировки находятся под огромным давлением региональных и мировых игроков, заставляющих менять их тактику и стратегию; но многие не определились ввиду разных причин [Rana M., 2025].

Терроризм принимает все более транснациональный характер, который испытывает растущую потребность в адаптивных и совместных стратегиях⁴.

Ближний Восток меняется, и встает вопрос — ограничатся ли изменения регионом или затронут и другие территории, например Пакистан. Обращение к этой теме связано с Армией освобождения Белуджистана (АОБ), которая, по утверждению пакистанских СМИ, черпала вдохновение в Рабочей партии Курдистана и других курдских боевых движениях [Rana M., 2025].

АОБ — это этнонационалистическая вооруженная группировка с левыми тенденциями в прошлые годы. Это также одна из активных повстанческих групп в регионе в современные дни.

Давно известно, что сепаратистские движения заимствуют опыт и вдохновляют друг друга в процессе:

- формирования идеологических и политических стратегий,
- совершенствования тактики и стратегии.

Одновременно указанные движения подвержены влиянию религиозно мотивированных групп [Вертяев К., 2021,]. В частности, АОБ переняла у запрещенного в Пакистане Движения Талибан Пакистана (ДТП) тактику использования смертников при проведении террористических актов. Пакистанские СМИ часто обвиняют белуджских боевиков в связях с ДТП. Однако контакты между ними носят фрагментарный характер и неоднозначны; налицо ряд отличий [Макаренко В., 2022, № 3, с. 153–167].

² Ministry of foreign affairs. Government of Pakistan. Pakistan Welcomes the Announcement of the Dissolution of Kurdistan Workers' Party (PKK). 12.05.2025. URL: <https://mofa.gov.pk/press-releases/pakistan-welcomes-the-announcement-of-the-dissolution-of-kurdistan-workers-party-pkk> (дата обращения: 16.05.2025).

³ Kurds anxious over Iraq security pact. Dawn. 29.12.2008. URL: <https://www.dawn.com/news/430970/kurds-anxious-over-iraq-security-pact> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Ministry of foreign affairs. Government of Pakistan. 11th Round of Joint Pakistan-Russia Working Group Meeting on Counter-Terrorism, 22 April 2025, Moscow, Russia. URL: <https://mofa.gov.pk/press-releases/11th-round-of-joint-pakistan-russia-working-group-meeting-on-counter-terrorism-22-23-april-2025-moscow-russia> (дата обращения: 26.05.2025).

ДТПП выступает за совместный выход всех пуштунских племен из состава Исламской Республики Пакистан (ИРП) и образование независимого Пуштунистана с шариатской формой правления⁵.

Активизация курдских боевых движений в Турции, Сирии, Ираке и Иране оказывала значительное влияние на Армию освобождения Белуджистана, и их опыт белуджи рассматривали в исторической параллели [Rana M., 2025].

В отличие от пакистанских талибов, АОБ не выдвигает требования о выходе из состава ИРП, что схоже с движениями за формирование Иракского Курдистана, региона с большей степенью автономии для курдского населения [Озмаян М., 2022, с. 168–173].

АОБ оставила также в прошлом цель расширения прав провинции [Озмаян М., 2024, с. 205–212]. В апреле 2010 г. вступила в действие 18-я поправка к Конституции 1973 г., и население провинций, включая Белуджистан, получило широкие права, например, снижение возрастного ценза для участия в избирательной кампании с 21 года до 18 лет; но главное — распоряжение минеральными ресурсами, залежи которых сосредоточены на территории провинций⁶. Однако прописанные на бумаге права далеко не всегда реализуются.

АОБ в последние годы с оружием в руках борется за реальное исполнение 18-й поправки к Конституции: широкое участие местного населения в разработке и добыче природных ресурсов провинции и увеличении выплат за их использование; выступает против присутствия иностранных рабочих, в частности, китайских, рассматривая этот процесс как колонизацию исконно белуджских земель; за увеличение финансирования социально-экономических программ из центрального бюджета и т. д. И в этом вопросе опыт борьбы курдов за предоставление широкой автономии поучителен для пакистанских сепаратистских группировок белуджей, начиная с 1970 г.

АОБ восприняла опыт курдских группировок. В первую очередь — опыт вооруженной борьбы за широкие права автономии в составе крупного государства. И опыт Иракского Курдистана для белуджских сепаратистов наиболее востребован.

Курдские военизированные группы оказали влияние на АОБ в тактическом плане, привлекая женщин в свои ряды. В настоящее время все чаще имена женщин-членов АОБ все чаще попадают в заголовки пакистанских газет.

Это влияние проявилось, когда АОБ назвала одну из своих женщин-смертниц Зилан Курд (*Zilan Kurd*) в честь курдской женщины, члена Рабочей партии Курдистана, которая 30 июня 1996 г. совершила террористический акт, в результате которого погибла сама и погубила несколько турецких солдат. Настоящее имя Зилан — Махал Балоч. Она родом из пакистанского Гвадара, бывшая студентка юридического факультета в Университете Тербат в Мехране (Белуджистан). АОБ нарекла ее этим именем в феврале 2023 г., подчеркнув сходство между борьбой белуджей и курдов, в том же году, когда Демократическая автономная администрация Северной и Восточной Сирии — также известная как Рожава (*the Democratic Autonomous Administration of North and East Syria — also known as Rojava*) заявила о поддержке АОБ, подчеркнув сходство между борьбой белуджей и курдов [Rana M., 2025].

Важным событием, последовавшим за падением правительства Б. Асада, остается призыв Абдуллы Оджалана к членам Рабочей партии Курдистана (РПК) разоружиться и самораспуститься⁷.

⁵ Территория племен федерального управления (ТПФУ) включена в состав провинции Хайбер-Пахтунхва в соответствии с XXV поправкой к Конституции 1973 г. 31 мая 2018 г.

⁶ Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. URL: <https://pakistani.org/pakistan/constitution/amendments/18amendment.html> (дата обращения: 16.05.2025).

⁷ Ocalan calls upon PKK to drop weapons, disband in Turkiye. 28.02.2025. URL: <https://www.dawn.com/news/1894807> (дата обращения: 26.05.2025).

Его заявление имеет далеко идущие последствия для военно-политической динамики региона. Призыв РПК разоружиться после 40 лет сопротивления и тысяч погибших будет иметь серьезные последствия.

Однако отсутствует прямое сравнение между развивающейся ситуацией на Ближнем Востоке и подъемом сепаратистских настроений, а также активизацией террористических группировок в пакистанском Белуджистане. Белуджские сепаратисты в прошлом несколько раз отказывались от вооруженной борьбы против центральной власти; однако вскоре брались за оружие вновь. Одна из причин — несоблюдение сторонами договоренностей.

Заключение

В последние годы резко активизировались антиправительственные выступления в Белуджистане с участием АОБ. Группировка использует наступательную тактику, расширяет социальную базу; растет число симпатизирующей ей молодежи из средних слоев населения провинции. Местные и центральные власти, с одной стороны, и сепаратистские или террористические группировки, с другой, противостоят друг другу десятилетиями, платя за социальное напряжение, теракты и насилие высокую цену. Она измеряется не только человеческим фактором, но и подрывает режим безопасности в провинции. Несколько инфраструктурных объектов в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) приостанавливали работы из-за подрывной деятельности АОБ.

Литература / References

Веденеев Илья Николаевич. Очерк истории национального движения курдов в Ираке во главе с Мустафой Барзани: по материалам советской и американской внешнеполитических служб. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 167–174 [Ilia N. Vedeneev. Essay on the history of the Kurdish national movement in Iraq led by Mustafa Barzani: based upon materials from the archives of the Soviet and American Foreign services. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 167–174 (in Russian)].

Вертяев Кирилл Валентинович. Протогосударственность региона Курдистан (Ирак): динамика и процесс национальной консолидации в условиях культурно-сложного общества. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 4. С. 215–226 [Vertyaev K. V. Proto-Statehood of the Kurdistan Region (Iraq): Dynamics and Process of the National Consolidation in the Conditions of a Cultural Complex Society. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2019. No. 4. Pp. 215–226 (in Russian)].

Вертяев Кирилл Валентинович. Беженцы как государственные игроки: Иракский Курдистан и миграционный кризис (на примере провинции Дохук). *Восточная аналитика*. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezhentsy-kak-negosudarstvennye-igroki-irakskiy-kurdistan-i-migratsionnyy-krizis-na-primere-provintsii-dohuk> (дата обращения: 05.06.2025).

Макаренко Вадим Владимирович. Курдско-пуштунские параллели как отражение лимитрофной природы курдского и пуштунского миров. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3. С. 153–167 [Makarenko V. Kurdish-Pashtun parallels as a reflection of the limitrofic nature of the Kurdish and Pashtun worlds. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. No. 3. Pp. 153–167 (in Russian)].

Макаренко Вадим Владимирович. Семейные династии правящих партий как фактор государственного строительства в Иракском Курдистане. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 175–183 [Makarenko V. Family dynasties the ruling parties as a factor of state-building in Iraqi Kurdistan. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 175–183 (in Russian)].

Озманиян Мидия Саидовна. Курдский след в Пакистане. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3. С. 168–173 [Ozmanian M. Kurdish trace in Pakistan. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2022. No. 3. Pp. 168–173 (in Russian)].

Озманиян Мидия Саидовна. Политические последствия и структурные недостатки Конституции Ирака. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 3. С. 205–212 [Ozmanian M. Political implications and structural flaws of the the Iraqi constitutions. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 3. Pp. 205–212 (in Russian)].

Rana M. A. Case of the BLA and PKK. 02.03.2025. URL: <https://www.dawn.com/news/1895249/case-of-the-bla-and-pkk> (дата обращения: 26.05.2025).

Электронные ресурсы / Electronic sources

Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. URL: <https://pakistani.org/pakistan/constitution/amendments/18amendment.html> (дата обращения: 16.05.2025).

Ministry of foreign affairs. Government of Pakistan. 11th Round of Joint Pakistan-Russia Working Group Meeting on Counter-Terrorism, 22 April 2025, Moscow, Russia. URL: <https://mofa.gov.pk/press-releases/11th-round-of-joint-pakistan-russia-working-group-meeting-on-counter-terrorism-22-23-april-2025-moscow-russia> (дата обращения: 26.05.2025).

Ministry of foreign affairs. Government of Pakistan. Pakistan Welcomes the Announcement of the Disolution of Kurdistan Workers' Party (PKK). 12.05.2025. URL: <https://mofa.gov.pk/press-releases/pakistan-welcomes-the-announcement-of-the-dissolution-of-kurdistan-workers-party-pkk> (дата обращения: 16.05.2025).

Kurds anxious over Iraq security pact. Dawn. 29.22.2008. URL: <https://www.dawn.com/news/430970/kurds-anxious-over-iraq-security-pact> (дата обращения: 20.05.2025).

Ocalan calls upon PKK to drop weapons, disband in Turkiye. 28.02.2025. URL: <https://www.dawn.com/news/1894807> (дата обращения: 26.05.2025).

ГИБРИДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: КУРДСКАЯ АВТОНОМИЯ В ИРАКЕ (2004–2005) В УСЛОВИЯХ ОККУПАЦИИ

© 2025

М. С. Озманян¹

Статья посвящена анализу участия иракских курдов в политическом процессе Ирака в 2004–2005 годах в условиях оккупации страны иностранными войсками. Автор исследует, как курдские лидеры, используя административный опыт, военную мощь («Пешмерга») и стратегическое партнёрство с США, добились значительных политических уступок, включая признание федеративного статуса Иракского Курдистана. Особое внимание уделяется концепции «гибридного суверенитета», которая отражает противоречия между формальной интеграцией в состав Ирака и фактической автономией курдского региона. В статье также рассматриваются внутренние расколы между Демократической партией Курдистана и Патриотическим союзом Курдистана, роль внешних акторов (США, Турция, Иран) и влияние конституционных компромиссов 2005 года на последующие кризисы, включая референдум о независимости 2017 года. На основе сравнительного анализа с другими автономиями (Сирийский Курдистан, Косово) делаются выводы о факторах устойчивости и ограничениях курдской автономии.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, федерализм, гибридный суверенитет, оккупация, ДПК, ПСК, Пешмерга, конституция Ирака, внешние акторы, автономия

Для цитирования: Озманян М. С. Гибридный суверенитет: курдская автономия в Ираке (2004–2005) в условиях оккупации. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 182–193. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-182-193

HYBRID SOVEREIGNTY: KURDISH AUTONOMY IN IRAQ (2004-2005) UNDER OCCUPATION

Midiya S. Ozmanian

The article analyses the participation of Iraqi Kurds in the political process of Iraq in 2004-2005 under the occupation of the country by foreign troops. The author examines how Kurdish leaders, using administrative experience, military power (Peshmerga) and strategic partnership with the United States, achieved significant political concessions, including the recognition of the federal status of Iraqi Kurdistan. Particular attention is paid to the concept of “hybrid sovereignty”, which reflects the contradictions between formal integration into Iraq and the de facto autonomy of the Kurdish region. The article also examines the internal splits between the Kurdistan Democratic Party and the Patriotic Union of Kurdistan, the role of external actors (US, Turkey, Iran) and the impact of the 2005 constitutional compromises on subsequent crises, including the 2017 independence referendum. Based

¹ Озманян Мидия Саидовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mid67674@gmail.com

Midiya S. Ozmanian, Junior Research, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mid67674@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9761-4663

on a comparative analysis with other autonomies (Syrian Kurdistan, Kosovo), conclusions are drawn about the factors of sustainability and limitations of Kurdish autonomy.

Keywords: Iraqi Kurdistan, federalism, hybrid sovereignty, occupation, PDK, PUK, Peshmerga, Iraqi constitution, external actors, autonomy

For citation: Ozmanian M. S. Hybrid Sovereignty: Kurdish Autonomy in Iraq (2004 – 2005) Under Occupation. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 182–193. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-182-193

Свержение режима Саддама Хусейна в 2003 году в результате военной интервенции коалиции во главе с США стало переломным моментом в истории Ирака, приведшим к радикальной трансформации его политической системы. В условиях распада централизованного государства и формирования новой власти иракские курды, обладавшие опытом автономного управления с 1991 года, получили уникальную возможность закрепить свой особый статус на конституционном уровне. В 2004–2005 годах, используя накопленный административный опыт, военную мощь («Пешмерга») и стратегическое партнёрство с США, курдские лидеры добились беспрецедентных политических уступок, включая признание федеративного статуса Иракского Курдистана.

Актуальность исследования определяется тремя аспектами. Во-первых, практическая значимость заключается в том, что опыт Иракского Курдистана служит моделью этнополитического компромисса в постконфликтных обществах, где автономия балансирует между независимостью и интеграцией. Во-вторых, теоретическая новизна исследования связана с анализом взаимодействия внешних акторов (США, Турция) и локальных элит в рамках концепции «гибридного суверенитета» [Krasner, 1999, p. 9]. Этот термин описывает парадоксальную модель, при которой Курдский регион формально оставался частью Ирака, но де-факто обладал атрибутами государственности, такими как собственные вооруженные силы, правительство и международные связи. В-третьих, политическая преемственность проявляется в долгосрочном влиянии решений 2004–2005 гг. на последующие кризисы.

Учитывая эти аспекты, мы выдвигаем гипотезу, что курдские лидеры добились институционализации автономии в 2004–2005 гг., но столкнулись с дилеммой «гибридного суверенитета». Их достижения, зависевшие от внешней поддержки США, оказались уязвимыми перед давлением Багдада, региональных игроков и внутренних расколов. Кризис 2017 года, включая провал референдума о независимости и военное вмешательство иракского правительства, наглядно продемонстрировал пределы этой модели.

Исторический контекст курдского вопроса в Ираке

Курдское население Ирака, составлявшее около 20% (5,2 млн человек к 2003 году)², на протяжении XX века находилось в состоянии перманентного конфликта с центральной властью. Эта борьба прошла три ключевых этапа, определивших политическую динамику 2004–2005 годов.

Период репрессий (1968–1991). После прихода к власти партии Баас в 1968 году курдское население Ирака подвергалось систематической дискриминации, включая политику насильственной арабизации. Репрессии достигли апогея во время кампании «Анфаль» (1988), которую ряд международных организаций признали актом геноцида. Несмотря на формальное предоставление

² Central Intelligence Agency. Iraq. The World Factbook 2003. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/iz.html> (дата обращения: 01.06.2025).

автономии в 1970 году, реальное самоуправление курдов оставалось ограниченным из-за военного контроля Багдада [McDowall, 2004, pp. 320–328]. Кроме того, курдские регионы столкнулись с экономической блокадой, включавшей запрет на торговлю и конфискацию сельскохозяйственных ресурсов, что усугубляло их положение. Кульминацией репрессий стали массовые казни 1983 года, когда режим Саддама Хусейна уничтожил 8 000 членов клана Барзани³, что соответствовало стратегии «выжженной земли».

Формирование протогосударства (1991–2003). Принятие резолюции ООН № 688 (1991) создало правовую основу для установления «бесполетной зоны», что позволило курдам начать строительство автономных институтов⁴. К 2003 году «Пешмерга» насчитывала до 80 тыс. бойцов [Ahram & Williams, 2016, p. 45], но внутренние конфликты между ДПК и ПСК (1994–1998) подрывали стабильность региона.

Стратегическое партнёрство с США (2003). В ходе вторжения в Ирак курды стали ключевым союзником США. Это сотрудничество позволило курдам сохранить существовавшие с 1992 года автономные институты власти даже после создания Коалиционного временного управления (далее CPA — Coalition Provisional Authority). Особое значение имел Приказ CPA № 2 (2003)⁵, который де-факто легитимизировал курдские вооруженные формирования как единственную организованную военную силу в курдском регионе. Кульминацией этого процесса стало закрепление особого статуса курдов в Переходном административном законе Ирака (далее TAL — Transitional Administrative Law) от 8 марта 2004 года, который официально признавал Курдский автономный регион и закладывал основы федеративного устройства страны [O’Leary, 2009, p. 112]. Эти правовые акты создали беспрецедентные возможности для институционализации курдской автономии в постбаасистском Ираке.

К 2004–2005 годам курды обладали уникальным сочетанием факторов влияния. Политическая легитимность обеспечивалась их участием в структурах CPA. Военная мощь основывалась на отрядах «Пешмерга», которые оставались одной из наиболее боеспособных сил в стране. Институциональный опыт был накоплен с 1992 года благодаря функционированию местных органов власти. Этот комплекс преимуществ позволил им закрепиться в качестве самостоятельного политического субъекта в постсаддамовском Ираке.

Политическая ситуация в Ираке (2004–2005)

После свержения режима Саддама Хусейна в 2003 году Ирак столкнулся с глубоким системным кризисом, вызванным разрушением государственных институтов, оккупацией и этноконфессиональными противоречиями. Кризис проявился в трех ключевых аспектах. С одной стороны, эскалация межконфессионального насилия, особенно суннитско-шиитского конфликта, усугубилась после распада баасистской системы. Параллельно резко возросла террористическая активность, включая действия «Аль-Каиды в Ираке», эксплуатировавшей недовольство суннитов. Наконец, важным фактором стало формирование мощных вооруженных группировок, таких как шиитская «Армия Махди» Муктады ас-Садра, созданная в 2003 году как ответ на оккупацию и суннитскую угрозу. К 2006 году эти процессы привели страну на грань полномасштабной гражданской войны.

³ Middle East Watch. The Anfal Campaign in Iraqi Kurdistan: The Destruction of Koreme. New York: Human Rights Watch, 1993. URL: <https://www.hrw.org/reports/1993/iraqanfal/Koreme.htm> (дата обращения: 01.06.2025).

⁴ United Nations Security Council. Resolution 688 (1991). 5 April 1991. S/RES/688. URL: [https://undocs.org/S/RES/688\(1991\)](https://undocs.org/S/RES/688(1991)) (дата обращения: 05.06.2025).

⁵ Coalition Provisional Authority. (2003, May 23). Order No. 2: Dissolution of Entities [PDF]. URL: https://govinfo.library.unt.edu/cpa-iraq/regulations/20030523_CPAORD_2_Dissolution_of_Entities.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

Политический вакуум 2003–2004 годов стал результатом не только падения режима Садда Хусейна, но и просчетов Коалиционной временной администрации (СВА). Два наиболее спорных решения СВА — роспуск иракской армии и радикальная дебаасификация — имели катастрофические последствия. Роспуск армии оставил без работы около 400 000 обученных военнослужащих, многие из которых присоединились к ополчениям или криминальным группировкам [Ricks, 2006, p. 158]. Дебаасификация лишила госаппарат 65% управленцев, парализовав работу государственных учреждений [UNHRC, 2004, E/CN.4/2005/4, para. 32]. Эти меры усугубили экономический коллапс: ВВП сократился на 40% в 2003–2004 годах [World Bank, 2005, p. 12], уровень безработицы среди бывших военных достиг 60%, а центральное правительство к середине 2004 года контролировало лишь 30% территории страны [Bremer, 2006, p. 54].

Несмотря на жесткий контроль со стороны США, политическая трансформация Ирака оказалась противоречивой. Сначала управление осуществлялось через СВА (2003–2004), затем — через зависимое от Вашингтона переходное правительство (с июня 2004 года). Конституционный процесс 2005 года формально закрепил федеративное устройство, но не устранил глубинных противоречий: суннитские группы бойкотировали процесс, а компромиссы по вопросам автономии Иракского Курдистана и контроля над ресурсами (например, ст. 140 о Киркуке) носили временный характер.

Как отмечалось ранее, курды использовали свои ключевые преимущества — институциональный опыт, военную мощь «Пешмерга» и политическую легитимность — для укрепления позиций в переговорах с Багдадом. Ключевые требования курдских лидеров включали признание автономии как исторического права, а не временной уступки Багдада, контроль над нефтеносным Киркуком (статья 140 Конституции), сохранение «Пешмерга» и право вето на общеиракские решения. Эти условия стали возможны благодаря стратегическому партнерству с США, но одновременно вызывали опасения у региональных игроков, таких как Турция и Иран.

Инструментом реализации курдской политики стала «Декларация о принципах» (2004 г.) — первый правовой акт, закрепивший автономные институты власти (региональное правительство, парламент и силы безопасности). Документ ввел принцип добровольного вхождения Иракского Курдистана в состав единого государства, что фактически означало модель условного суверенитета.

Другим ключевым инструментом стало участие в политическом процессе. На выборах в Переходное национальное собрание (январь 2005 г.) курдский альянс (ДПК и ПСК), получив 53 места из 275 (19,3% голосов) в Учредительном собрании, занял позицию третьей силы после шиитских (140 мест) и бойкотировавших выборы суннитских блоков [O’Leary, 2009, p. 95]. Альянс получил возможность влиять на содержание конституции и вести переговоры о дополнительных гарантиях благодаря требованию 2/3 голосов для ее принятия.

После передачи власти от СВА временному правительству Ирака (28 июня 2004 г.) курдские лидеры сосредоточились на стратегической институционализации своего влияния. Это достигалось через два взаимодополняющих механизма:

Инфильтрация центральных органов власти. Ключевыми достижениями стало то, что Джалаль Талабани (лидер ПСК) вошел в Президентский совет, а в апреле 2005 года стал первым в истории курдом — президентом Ирака. Это обеспечило прямое участие в принятии общегосударственных решений и легитимизацию курдских требований на высшем уровне, а также контроль над стратегическими министерствами, где курдские представители возглавили Министерство финансов (распределение бюджета), МИД (внешние связи), силовые ведомства (влияние на безопасность). К примеру, назначение Хошиара Зибари (ДПК) министром иностранных дел позволило Курдистану устанавливать неформальные международные контакты.

Законодательное закрепление автономии. Переходный административный закон (ТАЛ, март 2004 г.) стал правовой основой для официального признания Курдистана федеративной единицей с сохранением автономных институтов⁶. Предоставлялось право вето на конституцию (статья 61(с)), сделавшее курдов обязательными партнерами в переговорах.

Гибкие формулировки Конституции Ирака стали для курдов инструментом расширения автономии [Constitution of Iraq, 2005]. В частности, статья 117 признает автономный статус Иракского Курдистана, но избегает четкого определения его границ, что создало правовую основу для территориальных претензий. Статья 140 предусмотрела временное урегулирование статуса Киркука через отложенный референдум, отсрочив решение спорного вопроса. Статья 112 гарантировала региону 17% нефтяных доходов Ирака, но ее интерпретация как права на самостоятельное заключение контрактов спровоцировала конфликт с Багдадом. Статья 4 закрепила курдский как второй государственный язык, усилив его роль в административной и образовательной сферах.

Намеренно расплывчатые положения основного закона Ирака допускают множественность интерпретаций ее в рамках концепции «гибридного суверенитета», где формальные уступки Багдада маскируют реальную автономию Курдистана. Конституционные компромиссы 2005 года могут обеспечить краткосрочные победы, но без четких механизмов реализации они ведут к долгосрочной нестабильности. Таким образом, правовые механизмы, использованные курдскими лидерами, привели к значительной трансформации политической системы Ирака. Используя институциональные и военные ресурсы, они согласились на формальный суверенитет Ирака, но обеспечили механизмы для фактической независимости (например, право на международные соглашения, ст. 117). В то же время конституция 2005 года не разрешила противоречия, а легализовала конфликт — спор о Киркуке перешёл в «замороженную» стадию (ст. 140), выгодную курдам.

Курдский регион создал прецедент «конституционного сепаратизма» — формально оставаясь в составе Ирака, он имел правовые основы для потенциальной независимости, что подтвердил кризис 2017 года (несостоявшийся референдум). Однако эта модель во многом зависела от позиции оккупационных стран, чья роль в процессе оказалась неоднозначной.

Роль оккупационных стран

В 2004–2005 годах администрация Джорджа Буша-младшего рассматривала иракских курдов как ключевого союзника в построении постсаддамовского Ирака, что определялось тремя факторами. Во-первых, курдский регион оставался единственным стабильным прозападным анклавом в Ираке, открытым к сотрудничеству с США. Контроль над северными границами ограничивал проникновение повстанцев. Во-вторых, 80 тыс. бойцов «Пешмерга» стали основной наземной силой в борьбе с Аль-Каидой. Курды обеспечивали логистику для операций коалиции на севере. В-третьих, уровень насилия в курдском регионе был на 90% ниже, чем в центральном Ираке [UNHCR, 2005, p. 7]. С 1992 года здесь существуют функционирующие автономные институты.

США проводили последовательную политику по укреплению курдской автономии, используя комплекс мер — от прямого лоббирования интересов курдов в Багдаде до экономической и военной поддержки. Например, в 2004 году американские инструкторы подготовили 15 тысяч бойцов «Пешмерга» [USAID, 2005, p. 34], а финансовая помощь в размере 1,7 млрд долл. (2003–2005 гг.) способствовала восстановлению инфраструктуры [USAID, 2005, p. 41]. Однако Вашингтон

⁶ Coalition Provisional Authority. The Law of Administration for the State of Iraq for the Transitional Period (Transitional Administrative Law). Baghdad, 8 March 2004. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/iraq_tal.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

сознательно ограничивал суверенитет курдского региона, опасаясь распада Ирака и эскалации конфликтов в регионе [Bremer, 2006, p. 54]. Это могло спровоцировать цепную реакцию (суннитско-шиитский конфликт, сепаратизм в других регионах). Проект «управляемой демократии» в Багдаде требовал видимости целостности. Вашингтон опасался потери баз в Турции (Инджирлик) и усиления Ирана, независимый Курдистан мог подорвать стабильность в Иранском Азербайджане. Таким образом, в 2005 г. США запретили курдам проводить референдум о независимости, несмотря на ст. 140 Конституции.

Курды получили максимум автономии в рамках единого Ирака, но не смогли выйти за эти рамки. Они получили де-факто государственность (свои законы, армия, внешняя политика), но без международного признания. Американская опека позволила Курдистану укрепить автономию, но она же заморозила вопрос о независимости на десятилетия.

Рассмотрев влияние США, обратимся к роли других стран коалиции. Несмотря на доминирование Вашингтона в оккупационном режиме, остальные участники коалиции сформировали «мозаику влияния» на курдский вопрос [Müftüler-Baç & Güney, 2017]. Их позиции варьировались от прямой поддержки курдов до сдержанного нейтралитета, что создавало сложный геополитический контекст для институционализации курдской автономии.

Великобритания, занимая позицию сдержанного посредника, проводила автономную политику в рамках общей стратегии коалиции. Британское руководство поддерживало идею федерализации Ирака, одновременно сдерживая радикальные требования курдских лидеров, особенно по вопросу Киркука, где сосредоточено около 40% иракской нефти. Примечательно, что программы обучения британскими инструкторами курдских сил «Пешмерга» осуществлялись с учетом стратегических интересов Турции.

В отличие от сдержанной британской позиции, Польша проявила себя как неформальный адвокат курдских интересов, предоставляя политическое убежище активистам и активно лоббируя их интересы в ЕС. Польская дипломатия сыграла ключевую роль в продвижении идеи культурной автономии курдов, создав важные прецеденты для их международного признания и укрепив легитимность курдского движения на европейской арене.

Именно это направление развивала Италия, которая сосредоточилась на гуманитарном измерении, выделив 120 млн долларов на инфраструктурные проекты и программы межэтнического примирения. Рим оказывал существенную юридическую поддержку курдским переговорщикам, закладывая институциональные основы для устойчивого развития региона. Однако наряду с гуманитарной помощью требовалось и укрепление силовых структур.

Данный вызов приняла на себя Австралия, выступив в качестве технического партнера и подготовив около 5 тысяч сотрудников местных правоохранительных органов. Австралийские специалисты участвовали в антитеррористических операциях, избегая при этом прямого взаимодействия с курдскими формированиями, а также внесли вклад в развитие систем кибербезопасности автономии.

Завершая эту многоуровневую систему поддержки, Япония избрала стратегию культурного инвестирования, построив 35 школ с обучением на курдском языке и учредив специальные грантовые программы для женщин. Эти образовательные инициативы не только способствовали формированию проевропейски ориентированной элиты, но и закладывали основы долгосрочной прозападной ориентации молодого поколения Иракского Курдистана.

Мягкая внешняя поддержка компенсировала жёсткую позицию Турции. Но если она и может быть инструментом для укрепления автономии, то её нельзя считать гарантией суверенитета — важно учитывать интересы всех ключевых игроков.

Влияние региональных игроков на курдскую автономию носило амбивалентный характер. Несмотря на неприятие курдского национализма, Турция косвенно способствовала консолидации элит Курдистана. Она провела 5 военных учений у границ (2004–2005), вынудив курдов искать компромисс с Багдадом, что закрепило федеративную модель, а не независимость. Использовала платформу НАТО для ограничения курдских амбиций. Анкара поддерживала туркоманов как альтернативу курдам.

Иран финансировал шиитские партии в Багдаде, тем самым ослабляя позиции курдов в центральном правительстве. Однако иранские курды (например, в Мехабаде, символе курдской независимости) оставались «тихой угрозой», ограничивавшей прямые действия Ирана против Иракского Курдистана.

Анкара фактически установила пределы политических достижений курдов — США поддерживались от поддержки их независимости, опасаясь утраты военных баз на территории Турции. Тем не менее курдским силам удалось использовать данное противоречие для получения от Вашингтона дополнительных гарантий безопасности. Во-первых, военная автономия: «Пешмерга» стала второй по силе армией Ирака при поддержке коалиции. Во-вторых, экономическая независимость: сделка с Chevron (2004) — первый шаг к нефтяному суверенитету. В-третьих, конституционные завоевания — легализация автономии через компромиссы с Турцией.

Уроки многосторонней оккупации США обеспечили курдам политическую крышу, но их союзники добавили гибкости процессу. Турция доказала, что региональные игроки могут блокировать даже решения сверхдержав. Курдский успех в том, что превратили оккупацию в инструмент государственного строительства, используя противоречия между коалицией и соседями.

Несмотря на значительные политические достижения курдов в 2004–2005 гг., их успехи сопровождались глубокими внутренними противоречиями между двумя ведущими партиями — Демократической партией Курдистана (ДПК) во главе с Масудом Барзани и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК) под руководством Джаляля Талабани.

ДПК и ПСК

Если ДПК придерживалась жёсткой линии, настаивая на максимальной автономии и перспективе независимости, то ПСК выступала за компромисс с Багдадом, что нередко ослабляло единую переговорную позицию курдов [Romano, 2006].

Раскол между ДПК и ПСК достиг апогея в 1994–1998 гг., когда противостояние переросло в полномасштабный вооружённый конфликт. Основными причинами стали борьба за контроль над таможенными доходами с турецкой границы (ключевым источником финансирования) и политическое доминирование в регионе. Например, в 1994 году вооружённые столкновения в Сулеймании (оплоте ПСК) и Эрбиле (под контролем ДПК) привели к сотням жертв, а ПСК публично обвинила Барзани в монополизации нефтяных доходов [Gunter, 1999]. Наиболее спорным эпизодом стало обращение ДПК в 1996 году за помощью к Саддаму Хусейну для борьбы с ПСК, что серьёзно подорвало доверие к Барзани среди части курдского населения. Хотя Вашингтонское соглашение 1998 года при посредничестве США формально прекратило войну, взаимные подозрения сохранились и повлияли на политическую динамику 2004–2005 гг.

Барзани, опиравшийся на племенную поддержку и «Пешмерга», видел в независимости гарантию выживания своего клана, тогда как Талабани, связанный с интеллигенцией Сулеймании, делал ставку на интеграцию в общеиракскую политику.

Помимо противостояния ДПК и ПСК, к 2005 году начал формироваться новый вызов курдской политической системе — движение «Горран». Хотя формально оно возникло в 2009 году, его

идейные корни восходят к середине 2000-х, когда молодые активисты, разочарованные клановой системой власти, стали критиковать ДПК и ПСК за коррупцию и «сговор» с Багдадом в ущерб интересам рядовых курдов [Ahmad, 2013]. «Горран» требовало радикальных реформ, включая прозрачное распределение нефтяных доходов (в 2004 году 80% бюджета Курдистана контролировалось партийными элитами) и децентрализацию власти. Уже в 2005 году их поддержка среди городской молодежи Сулеймании (традиционного оплота ПСК) вынудила Талабани искать компромиссы, что дополнительно ослабило единство курдского лагеря.

Ещё одним фактором дестабилизации Курдистана стали радикальные исламистские группировки, такие как «Ансар аль-Ислам» [Rogg and Rimscha, 2007, pp. 45–67]. В 2003–2005 годах они контролировали приграничные с Ираном районы, включая Халедж, и открыто противостояли светским властям автономии. Их связь с «Аль-Каидой» (что подтверждается докладами ООН и исследованиями по джихадизму) усугубляла угрозу: группировка не только отвергала курдскую автономию как «неисламскую», но и совершала теракты против администрации Барзани. Наиболее резонансным стал взрыв в Эрбиле в 2004 году, в результате которого погибли десятки людей, включая представителей местного правительства [Gunter, 2012]. Хотя «Пешмерга» при поддержке США к 2005 году вытеснила группировки в Иран, угроза исламизма оставалась инструментом давления на курдские власти — как со стороны Багдада, так и Тегерана.

Внутренние противоречия между ДПК и ПСК напрямую повлияли на переговорный процесс 2004–2005 гг. Во-первых, острая конкуренция за министерские портфели (особенно Министерство финансов и силовые структуры) не только замедляла формирование правительства, но и вынуждала курдских лидеров идти на уступки Багдаду в обмен на лояльность союзников. Например, назначение Хошиара Зибари (ДПК) министром иностранных дел Ирака в 2005 году стало компромиссом, который позволил ПСК сохранить влияние в других ключевых ведомствах. Во-вторых, раскол проявился в вопросе о Киркуке: если ДПК требовала немедленного включения города в состав Курдистана, то ПСК, опасаясь эскалации с Багдадом и Турцией, выступала за постепенное решение. Итоговый компромисс (ст. 140 Конституции) лишь заморозил проблему, создав «мину замедленного действия», которая сработала в 2017 году.

Парадокс конституции — в двусмысленных формулировках (например, о Киркуке), которые создавали правовую неопределённость, которой курды пользовались, но которая позже привела к кризисам (референдум 2017 года и его провал). Курды оказались в ловушке — их безопасность зависела от американских войск, что ограничивало самостоятельность.

Таким образом, внутренние противоречия 2004–2005 гг. — между ДПК и ПСК, светскими и исламистскими силами, старыми элитами и новой оппозицией — создали модель «управляемого раскола». Курдские лидеры добились конституционных уступок, но их зависимость от США и взаимная конкуренция превратили автономию в хрупкий компромисс. Как показывает кризис 2017 года, эта модель не решила ключевых вопросов: контроля над ресурсами, границ автономии и отношений с Багдадом. Парадоксально, но именно успехи курдов в 2005 году заложили основу для будущих кризисов, доказав, что институциональная стабильность невозможна без преодоления внутренней раздробленности.

Примеры с другими автономиями

Сравнительный анализ курдской автономии в Ираке с другими подобными случаями позволяет выявить ключевые факторы успеха и устойчивости самоуправляющихся регионов в условиях внешнего вмешательства. Особенно показательными являются два примера.

Сирийский Курдистан (Рожава) в 2005 году представлял собой контраст с относительно консолидированным Иракским Курдистаном. Если в Ираке к этому времени установилась устойчивая дуополия ДПК–ПСК, то в Рожаве отсутствовал единый центр власти. Политический ландшафт оказался разделен между тремя основными силами: Демократическим союзом, Курдским национальным советом и множеством мелких вооруженных формирований [Allsopp, 2016, pp. 87–112]. Эта институциональная фрагментация, усугубленная внешними вмешательствами (включая турецкие операции «Оливковая ветвь» в 2018 году и «Источник мира» в 2019 году), привела к потере около 30% территории автономии⁷. Важное системное отличие заключалось в социальной базе движений в том, что если иракские курды опирались на традиционные клановые структуры (ванские и барзанские группы), то в Сирии доминировали леворадикальные движения с идеологией демократического конфедерализма. Эта идеологическая ориентация, восходящая к теориям Оджалана, существенно ограничила возможности международной легитимации Рожавы, особенно со стороны западных государств, несмотря на ее ключевую роль в борьбе с ИГИЛ⁸.

Косово представляет собой альтернативный сценарий развития автономии в сравнении с курдскими регионами. Как и курды, косовары воспользовались международной поддержкой (особенно американской после 1999 года) для создания собственных институтов [Weller, 2009, pp. 121–158]. Однако критическими отличиями стали единое руководство (переход от Ибрагима Руговы к Хашиму Тачи без внутренних конфликтов), четко сформулированная стратегия «поэтапной независимости» [Tansey, 2017, p. 74] через миссию ООН (UNMIK, 2001–2008), а также геополитическая ситуация — отсутствие сильных региональных противников, сопоставимых по влиянию с турецкой позицией по курдскому вопросу. Результатом стало признание Косово 97 государствами-членами ООН к 2020 году⁹, тогда как Иракский Курдистан после референдума 2017 года столкнулся с военной операцией федеральных сил (операция «Законорность»)¹⁰ и блокированием международных каналов легитимации.

Таким образом, представленные кейсы подтверждают, что устойчивость автономии определяется тремя взаимосвязанными факторами — институциональная сплочённость (наличие единого руководящего центра (Ирак) в противовес фрагментации (Сирия)), геополитическая конъюнктура (баланс поддержки Запада и сопротивления соседей, Косово и Иракский Курдистан), гибкость локальных элит (способность находить компромиссы как с центром, так и с международными акторами).

Показательно, что даже при наличии американской поддержки (общий для всех трёх случаев фактор) результаты кардинально различаются, что подчёркивает значение внутренней консолидации и регионального контекста.

Иракские курды в 2004–2005 гг. занимали промежуточное положение, так как их институты были развиты сильнее, чем в Рожаве, но геополитические ограничения оказались жёстче, чем у Косово. Это объясняет их «гибридный» результат — беспрецедентную автономию без международного признания.

⁷ Human Rights Watch. Our Lives Are Like Death: Syrian Refugee Returns from Lebanon and Jordan. HRW, 20 Oct. 2020, pp. 37–42. www.hrw.org/report/2020/10/20/our-lives-are-death/syrian-refugee-returns-lebanon-and-jordan (дата обращения: 01.06.2025).

⁸ Террористическая группировка (запрещена в РФ).

⁹ UN General Assembly A/75/480 (2020). Comprehensive report on Kosovo. URL: <https://undocs.org/A/75/480> (дата обращения: 06.06.2025).

¹⁰ Al-Monitor. Baghdad's military operation in Kirkuk: Timeline. 2017. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2017/10/iraq-kirkuk-ptsd-kurds-military-operation.html> (дата обращения: 06.06.2025).

Закключение

Политические достижения иракских курдов в 2004–2005 годах, несмотря на их кажущуюся прочность, содержали фундаментальные противоречия, которые проявились в последующие годы. Укрепление автономного статуса, закреплённое в конституции 2005 года, не привело к устойчивому урегулированию, а напротив, создало систему «гибридного суверенитета», в которой формальные уступки Багдада сочетались с постоянной угрозой их пересмотра.

Ключевые выводы исследования выявили несколько взаимосвязанных закономерностей. Накопленный с 1991 года опыт самоуправления позволил курдам создать эффективные структуры власти, включая парламент, силы «Пешмерга» и местные администрации, что стало их главным преимуществом в переговорах с Багдадом. Вместе с тем внутренние расколы между ДПК и ПСК существенно ограничили способность курдского руководства консолидированно отстаивать свои интересы на общеиракском уровне.

Не менее значимым фактором стала зависимость курдской автономии от интересов внешних игроков. Если США изначально рассматривали её как инструмент стабилизации Ирака, то Турция и Иран воспринимали курдскую автономию как угрозу региональной безопасности. Ослабление американской поддержки после 2011 года немедленно привело к усилению давления со стороны Багдада, кульминацией чего стал силовой захват Киркука в 2017 году, а также активизация противодействия со стороны соседних государств.

Особую проблему создали двусмысленные формулировки конституции 2005 года, особенно статья 140 о статусе Киркука. Хотя они позволили курдам временно закрепить свои требования, подобные компромиссы превратили иракскую федеративную модель в источник перманентного кризиса. Последующие события — от борьбы с ИГИЛ в 2014 году до провала референдума о независимости в 2017-м — наглядно продемонстрировали, что подобные «замороженные» конфликты рано или поздно требуют политического решения.

Проверка гипотезы подтвердила существование модели «гибридного суверенитета» в Иракском Курдистане. Несмотря на достижение беспрецедентного уровня автономии, её устойчивость столкнулась с комплексом взаимосвязанных вызовов. Прежде всего — стратегическая зависимость от противоречивых интересов внешних акторов (США, Турция, Иран) создала хрупкий баланс внешней поддержки. Одновременно внутривнутриполитическая дезинтеграция, наиболее явно проявляющаяся в конкуренции между ДПК и ПСК, подрывала консолидацию курдских позиций. Не менее критичным фактором стала институциональная неопределённость конституционного статуса, особенно в вопросах контроля над Киркуком и распределения нефтяных доходов.

Данный концептуальный парадокс находит отражение в перманентном статусе Иракского Курдистана как де-факто государственного образования, которое на протяжении 2020-х годов продолжает занимать промежуточное положение между полной независимостью и интеграцией в иракскую федеративную систему.

Курдский случай демонстрирует парадокс «сильной автономии в слабом государстве»: чем успешнее курды укрепляли свои институты в 2004–2005 гг., тем острее становилось их противостояние с Багдадом после ухода США. Это ставит под вопрос саму возможность устойчивого компромисса между центром и автономией в условиях внешнего управления и внутренней раздробленности.

Литература / References

- Ahmad A. *The Gorran Movement: Challenging the Political Status Quo in Iraqi Kurdistan*. Middle East Research Institute (MERI), 2013.
- Ahram A. I. & Williams P. R. *The Kurdish Peshmerga: Between the Guerrilla and the Regular Army*. University of Pennsylvania Press, 2016. 232 p.
- Allsopp Harriet. *The Kurds of Syria: Political parties and identity in the Middle East*. I. B. Tauris, 2016. 274 p.
- Bremer L. Paul. *My Year in Iraq: The Struggle to Build a Future of Hope*. New York: Simon & Schuster, 2006. 417 p.
- Constitution of the Republic of Iraq. *Official Gazette*, No. 4012, 28 December 2005. Baghdad: Government of Iraq, 2005.
- Gunter M. M. *The Kurdish predicament in Iraq: A political analysis*. St. Martin's Press, 1999. 198 p.
- Gunter M. M. *The Kurds Ascending: The Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey*. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 216 p.
- Krasner Stephen D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999. 264 p.
- McDowall David. *A Modern History of the Kurds*. 3rd ed. I. B. Tauris, 2004. 515 p.
- Müftülier-Baç Meltem and Aylin Güney. *The European Union and the Kurdish Question*. London: Routledge, 2017. 256 p.
- O'Leary Brendan. *How to Get Out of Iraq with Integrity*. University of Pennsylvania Press, 2009. 216 p.
- O'Leary Brendan. *Iraq's 2005 Elections: The Emerging Kurdish Veto*. *Middle East Policy*. 2009. Vol. 16. No. 3. Pp. 89–105.
- Ricks Thomas E. *Fiasco: The American Military Adventure in Iraq*. New York: Penguin Press, 2006. 482 p.
- Rogg Inga and Robert Rimscha. *The Kurds as Parties to and Victims of Conflicts in Iraq*. *The Kurdish Policy of Turkey, Iran, Iraq, and Syria* / Ed. by Jorgen S. Nielsen et al. Routledge, 2007. P. 45–67.
- Romano David. *The Kurdish nationalist movement: Opportunity, mobilization, and identity*. Cambridge University Press, 2006. 302 p.
- Tansey O. *The Internationalization of Statebuilding: The Case of Kosovo*. Routledge, 2017. 194 p.
- United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). *Iraq: Security Situation in the Kurdistan Region*. Geneva: UNHCR Emergency and Security Service, December 2005. 15 p.
- United Nations Human Rights Council (UNHRC). *Situation of Human Rights in Iraq: Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights*. UN Document E/CN.4/2005/4. Geneva: United Nations, 2004.
- United States Agency for International Development (USAID). *Iraq Reconstruction Report: Fiscal Year 2003–2005 Performance Summary*. Washington, DC: USAID/Iraq, 2005. 87 p.
- Weller M. *Contested Statehood: Kosovo's Struggle for Independence*. Oxford University Press, 2009. 304 p.
- World Bank. *Iraq Economic Data Sheet: 2003–2004 Indicators (Report No. 32771-IQ)*. Washington, DC: World Bank Group, 2005.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Al-Monitor. Baghdad's military operation in Kirkuk: Timeline. 2017. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2017/10/iraq-kirkuk-ptsd-kurds-military-operation.html> (дата обращения: 01.06.2025).
- Central Intelligence Agency. Iraq. *The World Factbook* 2003. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/iz.html> (дата обращения: 01.06.2025).

Coalition Provisional Authority. Order No. 2: Dissolution of Entities [PDF]. 23 May 2003. URL: https://govinfo.library.unt.edu/cpa-iraq/regulations/20030523_CPAORD_2_Dissolution_of_Entities.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

Coalition Provisional Authority. The Law of Administration for the State of Iraq for the Transitional Period (Transitional Administrative Law). Baghdad, 8 March 2004. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/iraq_tal.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

Human Rights Watch. Genocide in Iraq: The Anfal Campaign Against the Kurds. New York: HRW, 1993. URL: <https://www.hrw.org/reports/1993/iraqanfal/> (дата обращения: 03.06.2025).

Human Rights Watch. Our Lives Are Like Death: Syrian Refugee Returns from Lebanon and Jordan. HRW, 20 Oct. 2020. P. 37–42. URL: www.hrw.org/report/2020/10/20/our-lives-are-death/syrian-refugee-returns-lebanon-and-jordan (дата обращения: 01.06.2025).

Middle East Watch. The Anfal Campaign in Iraqi Kurdistan: The Destruction of Koreme. New York: Human Rights Watch, 1993. URL: <https://www.hrw.org/reports/1993/iraqanfal/Koreme.htm> (дата обращения: 01.06.2025).

United Nations Security Council. Resolution 688 (1991). 5 April 1991. S/RES/688. URL: [https://undocs.org/S/RES/688\(1991\)](https://undocs.org/S/RES/688(1991)) (дата обращения: 05.06.2025).

UN General Assembly. Comprehensive report on Kosovo. A/75/480, 2020. URL: <https://undocs.org/A/75/480> (дата обращения: 06.06.2025).

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-193-197

[РЕЦЕНЗИЯ НА:] **ТАНЕЕВА-САЛОМАТШАЕВА Л.З.**
ФАВА'ИД УЛ-ФУАД (1308–1322). РЕЧЕНИЯ (МАЛФУЗАТ) ШАЙХА
БРАТСТВА ЧИШТИЙА НИЗАМУДДИНА АУЛИЙА, СОСТАВЛЕННЫЕ ЕГО
ВЕРНЫМ МУРИДОМ, ПРОСЛАВЛЕННЫМ ПЕРСОЯЗЫЧНЫМ ПОЭТОМ
ИНДИИ АМИРОМ ХАСАНОМ ДЕХЛЕВИ.

КН. 1 – ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСИ, ОБНАРУЖЕННОЙ В БИБЛИОТЕКЕ
ИМ. МАУЛАНЫ АЗАДА (АЛИГАРХ).

КН. 2 – ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОД С ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА ИНДИЙСКОЙ
ЛИТОГРАФИИ 1908 г.

(С АРАБСКИМИ ВКРАПЛЕНИЯМИ ИЗ КОРАНА И ХАДИСОВ).

КН. 3 – «КАРМАННАЯ» РУКОПИСЬ ИЗ СОБРАНИЯ АЗИАТСКОГО
ОБЩЕСТВА, КОЛКАТА.

М.: ИВ РАН, 2024 (КН. 1 – 616 стр., КН. 2 – 624 стр., КН. 3 – 388 стр.).

ISBN 978-5-907846-46-3

© 2025

Е. Ю. Ванина¹

Рецензия на трехтомный труд Л. З. Танеевой-Саломатшаевой (1935–2025), содержащей факсимиле двух рукописей, литографическое издание, полный перевод и исследование текста «Фава'ид ул-Фуад» – речений крупнейшего суфийского мыслителя средневековой Индии, шейха² Низамуддина Аулийа (1238–1325), записанных его учеником Амиром Хасаном Дехлеви.

Ключевые слова: «Фава'ид ул-Фуад», шейх Низамуддин Аулийа, Амир Хасан Дехлеви, суфизм, рукопись, литография

Для цитирования: Ванина Е. Ю. [Рецензия на:] Танеева-Саломатшаева Л. З. Фава'ид ал-фуад (1308–1322) речения (малфузат) шайха братства Чиштийа Низамуддина Аулийа, составленные его верным муридом, прославленным персоязычным поэтом Индии Амиром Хасаном Дехлеви. Кн. 1 – факсимиле рукописи, обнаруженной в библиотеке им. Мауланы Азада (Алигарх). Кн. 2 – полный перевод с персидского языка индийской литографии 1908 г. (с арабскими вкраплениями из Корана и хадисов). Кн. 3. – «карманная» рукопись из собрания Азиатского общества, Колката. М.: ИВ РАН, 2024. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2025. № 3. С. 194–197. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-194-197

¹ Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. Vanina, DSc (Hist.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; eug.vanina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7992-3013

² Л. З. Танеева-Саломатшаева предпочла в книге форму «шайх».

**[REVIEW OF:] L. Z. TANEEVA-SALOMATSHAEVA. FAWA'ID AL-FUAD,
THE DISCOURSES (MALFUZAT) OF SHAIKH NIZAMUDDIN AWLIYA,
THE SPIRITUAL LEADER OF THE SUFI ORDER OF CHISHTIYYA, COMPILED
BY HIS FAITHFUL DISCIPLE, THE CELEBRATED PERSIAN POET OF INDIA,
AMIR HASAN DEHLEVI.**

BOOK 1. FACSIMILE OF THE MANUSCRIPT FROM THE MAULANA AZAD
LIBRARY, ALIGARH.

BOOK 2. FULL RUSSIAN TRANSLATION OF THE LITHOGRAPHED PERSIAN
TEXT OF 1908 (WITH ARABIC FRAGMENTS FROM
THE QUR'AN AND THE HADITH).

BOOK 3. A "POCKET" MANUSCRIPT
FROM THE ASIATIC SOCIETY LIBRARY, KOLKATA.

MOSCOW: IVRAN, 2024 (BOOK 1 – 616 p., BOOK 2 – 624 p., BOOK 3 – 388 p.).

ISBN 978-5-907846-46-3

Eugenia Yu. Vanina

A review of the three-volume work by L. Z. Taneeva-Salomatshaeva (1935 – 2025) containing the facsimiles of the two manuscripts and a 1908 lithographed edition, a full Russian translation with an analysis of the text of the 'Fawa'id ul-Fuad', the discourses of the celebrated Indian Sufi thinker Shaikh Nizamuddin Auliya (1238 – 1325), recorded by his disciple Amir Hasan Dehlevi.

Keywords: "Fawa'id ul-Fuad", Shaikh Nizamuddin Auliya, Amir Hasan Dehlevi, manuscript, lithography

For citation: Vanina E. Yu. [Review of:] Taneeva-Salomatshaeva L. Z. Fawa'id al-Fuad (1308–1322), the Discourses (malfuzat) of Shaikh Nizamuddin Awliya, the Spiritual Leader of the Sufi Order of Chishtiyya, Compiled by His Faithful Disciple, the Celebrated Persian Poet of India, Amir Hasan Dehlevi. Book 1 – Facsimile of the manuscript discovered in the Maulana Azad library, Aligarh. Book 2 – Full Translation from the Persian of the Indian Lithography (1908). With the Arab Insertions from the Quran and the Hadith. Book 3 – a "pocket" manuscript from the Asiatic Society Library, Kolkata. Moscow: IVRAN, 2024. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 194–197. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-194-197

Суфизм пришел в Индию вместе с первыми тюрко-афганскими завоевателями, основавшими первую мусульманскую империю — Делийский султанат (XIII–XVI вв.), и за многие столетия смог не только укорениться, но и стать важнейшей составляющей общественной мысли и культуры Южноазиатского субконтинента. Мусульманский мистицизм развился на плодородной почве индийской культуры, к началу II тысячелетия н. э. уже имевшей собственную традицию индусского мистицизма — *бхакти*. Суфии стали первыми мусульманами, обратившими внимание на культуру покоренных завоевателями народов. Они изучали местные языки и проповедовали на них, читали и переводили санскритские тексты, особенно по философии и йоге, пытались проникнуть в сложнейшую религиозную систему индуизма. Все это они делали главным образом с целью приобщения «неверных» к учению Пророка и, следует заметить, весьма

преуспели: проповедью, просветительством и широкой благотворительностью суфии обратили в ислам несравненно больше местных жителей (особенно из низших каст и племен), чем завоеватели своим мечом. Со временем почти весь субконтинент оказался покрыт сетью суфийских обителей (*ханака*) и мавзолеев, где гробницы наиболее чтимых шейхов до сих пор привлекают толпы паломников — как мусульман, так и индусов³.

Суфийские ордена (*силсила*), действовавшие в средневековой Индии, различались, несмотря на общность теологических подходов, с точки зрения мистической практики, социальной этики, взаимоотношений с властями и немусульманским населением. Особой популярностью среди них пользовался орден Чишти́йе, давший Индии блестящую плеяду мыслителей и поэтов. Ярчайшая из звезд этой плеяды, шейх Низамуддин Аулия (1238–1325), прославившийся силой мистического прозрения, мудростью, даром предвидения, великодушием и деятельной помощью всем страждущим, независимо от конфессии (не случайно в Дели район и один из городских вокзалов названы его именем), не оставил собственных сочинений, но история оказалась милосердна к этому великому духовному учителю. Среди его верных учеников были два выдающихся поэта эпохи Делийского султаната: Амир Хусрав Дехлеви и Амир Хасан Дехлеви. Последний на протяжении долгого времени записывал высказывания своего наставника, которые он объединил в книгу «Фава'ид ул-Фуад» — «Полезные знания для сердца».

Лола Зарифовна Танеева-Саломатшаева была признанным в России, Таджикистане и Иране исследователем фарсиязычной литературы. Индийский суфизм стал одной из основных тем ее творчества, причем она изучала эту традицию не только по оставленным ею текстам, но и вживую, путешествуя по крупным центрам традиции Чишти́я и беседуя с духовными наследниками шейха Низамуддина. После вышедшей в 2009 г. книги об истоках индийского суфизма и деятельности ордена Чишти́я [Танеева-Саломатшаева, 2009] она обратилась непосредственно к «Фава'ид ул-Фуад» и в 2015 г. выпустила первый том книги. Титаническая работа над последующими томами заняла 10 лет: увы, автору не было суждено дожить до выхода всего трехтомника из типографии.

Первый том — переиздание вышедшей в 2015 г. книги [Танеева-Саломатшаева, 2015]. Он содержит подробный анализ жизни и деятельности шейха Низамуддина Аулия и возглавляемого им ордена, исследование поэтического творчества и философских воззрений составителя текста — Амира Хасана Дехлеви и факсимиле наиболее известной рукописи «Фава'ид ул-Фуад», находящейся в библиотеке им. Маулавы Азада Алигархского мусульманского университета. В приложении дан перевод избранных фрагментов текста. Второй том состоит из двух основных частей: факсимиле литографического издания «Фава'ид ул-Фуад» (1908), подаренного автору выдающимся востоковедом Е. Э. Бертельсом, и полный перевод текста с огромным аппаратом комментариев и глоссариев. В третьем томе воспроизведена еще одна рукописная версия текста — сокращенный, весьма небрежно прописанный вариант из библиотеки Азиатского общества в Колкате. Эту версию автор определяет как «карманную», созданную, вероятно, для не слишком богатого и искушенного заказчика.

Зачем автору понадобилось воспроизводить три варианта одного и того же текста? Л. З. Танеева-Саломатшаева была специалистом не только по средневековой фарсиязычной литературе, но и по рукописному наследию. В трехтомнике она атрибутировала обе рукописи по времени создания, специфике письма и другим особенностям: ведь каждый манускрипт — это явление не только духовной, но и материальной культуры, результат производственной цепочки, от изготовителей бумаги до писцов, владевших определенными стилями каллиграфии, и иллюстраторов, адресованный определенному потребителю-заказчику. Размещая в трех томах две рукописи и более

³ См. подробнее: [Суворова, 1999; Танеева-Саломатшаева, 2009; Ванина, 2015].

легкую для чтения литографию, автор стремился сделать текст доступным тем востоковедам, особенно молодым, кто в дальнейшем будет учиться читать персидские рукописи.

Благодаря переводу Л. З. Танеевой-Саломатшаевой русскоязычный читатель может познакомиться с уникальным памятником средневековой индийской литературы, раскрывающим специфику индийского суфизма, — во многом именно благодаря ему ислам стал одной из индийских религий. Как говорил в 1940 г. выдающийся деятель национально-освободительного движения в Индии Маулана Абул Калам Азад (первый министр образования в правительстве суверенной Индии, его именем названа библиотека, в которой хранится рукопись «Фава'ид ул-Фуад»), «Уже одиннадцать веков ислам имеет столь же законное право считать эту землю своей, сколь и индуизм... И точно так же, как индус может с законной гордостью назвать себя индийцем, исповедующим индуизм, мусульманин может сказать, что он индиец, исповедующий ислам» [Azad, 2007, pp. 79–80]. Речения шейха Низамуддина представляют собой ислам, далекий от фанатизма, способный адаптироваться к иноверной среде без конфликтов. Для историков-медиевистов этот перевод представляет немалую ценность: текст изобилует интереснейшими фактами по экономике, политике, социальным отношениям и культуре Делийского султаната. Текстолог найдет в нем пример скрупулезной, творческой и критической работы как над самим источником, так и над трудами предшественников по его изучению; специалист по средневековым фарсиязычным манускриптам — исследование и сопоставление различных вариантов одного текста.

Лола Зарифовна ушла из жизни, так и не увидев свою книгу полностью опубликованной. Но она оставила последующим поколениям востоковедов наследие, за которое она заслужила их искреннюю благодарность.

Литература / References

Ванина Е. Ю. Мусульманский фактор: продвижение и укоренение. Глушкова И. П. (руководитель проекта), Сидорова С. Е. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Движение и пространство. Парадигмы мобильности и поиски смыслов за пределами статичности*. М.: Наука — Восточная литература, 2015. С. 87–122 [Vanina E. Yu. The Muslim Factor: Advancing and Rooting. Glushkova I. P. (Head of the Project), Sidorova S. E. (volume editor). *Under the Skies of South Asia. Mobility and Space: In Quest of Meanings Beyond Stasis*. Moscow: Nauka — Vostochnaya literature, 2015. Pp. 87–122 (in Russian)].

Суворова А. А. *Мусульманские святые Южной Азии XI–XV веков*. М.: ИВ РАН, 1999 [Suvorova A. A. *Muslim Saints of South Asia, Eleventh to Fifteenth Century*. Moscow: IV RAN, 1999 (in Russian)].

Танеева-Саломатшаева Л. З. *Истоки суфизма в средневековой Индии: братство Чистийа*. М.: Восточная литература, 2009 [Taneeva-Salomatshaeva L. Z. *The Sources of Sufism in Medieval India: the Chishtiyya Brotherhood*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009 (in Russian)].

Танеева-Саломатшаева Л. З. *Фава'ид ул-Фуад (1308–1322). Речения (малфузат) шайха Братства Чистийа Низамуддина Аулийа, составленные его верным муридом прославленным персоязычным поэтом Индии Амиром Хасаном Дехлеви*. Книга 1 — факсимиле рукописи, обнаруженной в библиотеке мауланы Азада (Алигарх). М.: ИВ РАН, 2015 [Taneeva-Salomatshaeva L. Z. *Fawa'id al-Fu'ad, the Discourses (mal-fuzat) of Shaikh Nizamuddin Awliya, the Spiritual Leader of the Sufi Order of Chishtiyya, Compiled by His Faithful Disciple, the Celebrated Persian Poet of India, Amir Hasan Dehlevi*. Book 1 — facsimile of the manuscript from the Maulana Azad Library (Aligarh). Moscow: IV RAN, 2015 (in Russian)].

Maulana Abul Kalam Azad. *Selected Speeches and Writings*. Hyderabad: Abul Kalam Azad Oriental Research Institute, 2007.

Подписано в печать 20.09.2025. Формат 84x108/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 14,4
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Верстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром *А. О. Захаров*

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: +7 (499) 322-38-31
e-mail: www.t8print.ru